

КНИГА ВЕРЫ

И безНАДЕЖНОСТИ

Савелий Дудаков

САВЕЛИЙ ДУДАКОВ

**КНИГА ВЕРЫ
И безНАДЕЖНОСТИ**

*«Где ума твоего не хватает, спроси разума,
Разума доброго, тихого, мудрого,
От Божьей беседы всегда молчаливого,
Вещевого, крепкого, ко зову сердешному чуткого,
Твоего охранителя, перед Богом заступника»*

Пророческая былина

Жене Инне,
без помощи и поддержки которой
не состоялась бы эта книга
и
верному другу и помощнику
Анатолию Рубашову
посвящается

ББК 63.3 (0)

Д 10

Савелий Дудаков

КНИГА ВЕРЫ

И безНАДЕЖНОСТИ. 2012. – 408 с.

Savely Dudakov

THE BOOK OF FAITH

AND DESPAIR. 2012. – 408 p.

Редактор Евгений Минин

Evgamin

ISBN 978-5-905016-19-6

Дизайн обложки

Vitali Minin - UnAtomic studios

www.unAtomic.com

**© All rights reserved to Savely Dudakov
Jerusalem 2011**

22.8.00 г.

Уважаемый Фридрих Наумович!

Получив Ваше письмо, я несколько оторопел настолько, что пришлось пару дней сосредотачиваться и набраться мужества ответить Вам.

Я даже не знаю, с какой стороны подступиться. Однако к делу. Вы пишете, что необходимо писать об уродствах еврейства, уродствах, взрослых на патологической ниве еврейской истории.

Допустим. В XIX веке русские «маскилим» много потрудились, развенчивая еврейский характер, местечковую жизнь, профанацию цадииков, религиозный фанатизм и прочее. Любопытно, что в своих произведениях антисемит-выкрест Литвин-Эфрон до крайностей «нормального» Багрова не доходил. Вместе с тем какой-нибудь Ицик-Лейбуш Перец сумел опоэтизировать эту жизнь. Дело не в уродствах нашей истории.

Будьте справедливы: уродства русской истории неизмеримо ужаснее. В книге, посланной мной, я привожу слова А. К. Толстого, которыми он проклинает свое русское происхождение, но покоряется воле Всевышнего. Тут же Вы найдете ссылки на Пушкина или Лермонтова, а также стихи второстепенного поэта, в которых вся русская история сводится к Иванам Грозным и Василиям Тёмным. Редакция выкинула у меня самые страшные строки, когда-либо писанные о России: «Мне даже страшно назвать имя ея, Свирепое имя моей Родины».

Вы упрекаете евреев, что они не сумели наладить отношений в «важнейшей области отношений с другими нациями». Помилуйте, Фридрих Наумович! Что же можно сказать о столпе православия, русском народе, который успешно наладил отношения с народами Севера, спойив их почище, чем «жиды» спаивали христиан. А Кавказ, где русские генералы «губили, ничтожили племена»? А терзание Польши? А запрещение графомана Шевченко, как называл его И.С. Тургенев, в Малороссии?

Но оставим Россию. Поговорим о Речи Посполитой, которая сгорела в огне, не сумев «наладить отношений с соседями». И вот получилась Польша «нежная, где нету короля», поделенная тремя стервятниками.

А свободная Англия? Пресловутый «джингоизм», бремя белого человека: расстрел сипаев, привязанных к пушкам, – не вымысел Верещагина. А отношения англичан с ближайшими соседями – ирландцами? Недаром учитель Пушкина – Байрон ненавидел свою родину.

А прекрасная Франция, довольно мило разделавшаяся со своим протестантским меньшинством? Карл IX – достойный современник Ивана Грозного.

А трудолюбивая Германия, старавшаяся потеснить своих соседей в двух Мировых войнах и истреблявшая их, славян и не славян, миллионами?

Даже Италия, едва собравшаяся в единое государство, и та бросилась в Африку и за неимением «свободных» язычников накинута на христиан – абиссинцев.

А Новый Свет, завоеванный христианнейшим воинством со стопроцентным истреблением местного населения и вывозом негров-рабов из Африки?

О нет! Я не идеализирую сибирских аборигенов и кавказских горцев, индусов и индейцев, негров и полинезийцев, но все они не прикрываются фиговым листом христианства. Мне мерзостен расизм, даже если он расизм чёрных и прозывается красивым словом «негритюд».

А теперь Ваша инвектива против Израиля. «Израиль – страна-инвалид». Печальный вывод. Но это началось не сейчас.

Теперь немного о себе, хотя предпочёл бы не говорить об этом. Но, кажется, это вынужденно – мою биографию Вы вряд ли где-нибудь прочтёте. Постараюсь обойтись минимальным.

С ранней юности я твердо решил **никогда не играть с Советской властью в поддавки**. Посему никогда не был комсомольцем, а тем паче партийцем. **Никогда** не был ни на партийном, ни профсоюзном или на ином собрании. **Никогда** не ходил на демонстрации. Посему мог существовать только в тех областях, где до меня не могла дотянуться **ИХ** рука. Этот переход в полуподполье облегчился, как ни странно, ранней смертью отца, и я с 18 лет кормил семью из четырёх человек, работая чернорабочим, грузчиком и в тому подобных малоприглядных профессиях, где так редко заглядывают в «рабочую книжку»... Моя материальная жизнь облегчалась тем, что я попутно работал шахматным тренером.

С середины 60-х годов активно принял участие в сионистском движении. Я один из авторов так называемого «Первого Ленинградского письма» – обращения к советской власти с просьбой свободной эмиграции в Израиль. Как сионист я должен был столкнуться с теорией сионизма. Тогда (*впрочем, да и сейчас*) она показалась примитивной. В политическом смысле – это был запоздалый колониализм. В идеологическом – сплошная путаница. «Мы хотим быть как и все народы» и «Мы народ, избранный Богом».

Эти два постулата были противоречивы и не стыковались между собой. Желание быть обыкновенным народом логично приводило к мысли, что еврейство должно умереть, как и другие народы – его предшественники и современники. Где многочисленные амеликатыне, филистимляне, ассирийцы, вавилоняне, финикийцы, парфяне, идумеи, древние римляне, наконец, древние эллины? (*От современных – Байрона тошнило. А отец Сергей Булгаков говорил о священниках-греках: «Сущие муллы»*). Им несть числа: они приходили и уходили с чела земли. Народы рождаются, мужают, старятся и умирают. А народ еврейский живет вопреки логике. Оказывается, долгожительство привилегия лишь еврейского народа. Он отказывался умирать.

Прекрасная романтическая идея воссоздания еврейского государства на Святой земле, после двухтысячелетнего изгнания! Она ослепляла меня, тем паче, что 6 миллионов евреев, **не сумев наладить отношений с соседями**, сгорели в газовых камерах. Пепел Освенцима стучал в моём сердце. Это не пошлая фраза. Есть семейная фотография, сделанная в Белостоке в 38 году. Из 60 членов маминей семьи уцелел один! Его призвали в Красную армию.

Если бы я читал Льва Давидовича, то смог бы узнать его прогноз о будущем еврейской Палестины: сионизм – романтика, но Палестина обернется ловушкой для еврейского народа. Это было писано в 39-ом году, ещё до начала войны. Тогда ловушкой оказалась христианская Европа.

Фридрих Наумович! Вы исторический писатель и хорошо знаете историю заселения Палестины. Так что извините за напоминание. Изначально, так уже получилось, первыми светскими поселенцами были люди левых взглядов, столь нелюбимых Вами. Именно русские юноши, социалисты, основали первые **колхозы** на Святой земле. Это был зародыш будущего государства. Почему-то люди правых взглядов в Палестину не ехали, а религиозный сионизм носил слишком паразитический характер. Так что здесь Вы правы – патологическая история у нашего народа.

Итак, 120 лет тому назад были основаны первые поселения. Но евреи пришли в страну, которая была не безлюдна, это не был необитаемый остров вроде Тасмании, в ней, увы, жили арабы. Они были малочисленны, может быть, пара сотен тысяч, но все же их было неизмеримо больше прибывших эмигрантов. Но юноши-социалисты осушали болота и закладывали плантации, создавали очаги будущего индустриального государства. И тогда нищие арабы стали стекаться в Палестину из-за Иорданья, из Саудии, из Ливана и Сирии – ибо они все жили в единой Османской империи:

здесь они могли получить работу и жить не только разбоями.росло число эмигрантов, но ещё быстрее росло арабское население, ничего общего не имеющее с Палестиной. И этот конфликт между еврейским меньшинством и арабским большинством не прекращался ни на минуту. Как бы то ни было, нелюбимые Вами социалисты выбили из рук Бальфура «фирман» на создание национального очага. Эти же социалисты в подполье создали армию и, после ужасов 2-й Мировой войны, создали государство. Это государство Вы можете обнаружить не на всякой карте мира. Помните, что № 11 – это Израиль, его имени нельзя было прямо вписать в крошечное место. Но государство жило и развивалось. Эти же социалисты создали современную высокоразвитую индустрию и армию и одержали волшебную победу в 67-ом году. Её творцом был начальник генерального штаба Ицхак Рабин, столь нелюбимый Вами. Кстати, племянник социалиста Хаима Вайцмана – Эзер Вайцман был правым, ревизионистом, создателем израильской авиации, а впоследствии, к Вашему негодованию, ставший левым. А Шимон Перес – живой гений, человек трагической судьбы, непонятый своей страной, подобный древнему пророку, побитому камнями. Вы как художник должны оценить эту фигуру. А генерал Барак? Он, извините, социалист, ибо родился в кибуце, пятижды герой Советского, простите, Израиля. Он участвовал в стольких сражениях, как никто. Его биография как бойца тайного фронта ещё долго не будет написана. В войне 73-го года у него сгорело несколько танков, и он переходил из одного в другой, чтобы продолжать командовать бригадой. Его интеллект – потрясающ. Кстати, он имеет не только два высших технических диплома, что естественно, но и свободно играет на фортепьяно и любит ходить на концерты. Его улыбка меня не раздражает.

Эти левые социалисты, презираемые Вами, никогда не шли на переговоры с террористами. В отличие от европейцев, плативших отступные арабским бандитам (*в первую очередь Франция*). Они доставали негодяев из-под земли. Даже в Энтебе, за тысячи километров от Израиля. Ни один из убийц израильских спортсменов в Мюнхене не умер в своей постели.

Я не адвокат социализма. Социализм выживет, несмотря на кризис. **Что же касается Израиля, то он исторически обречен.** Конфликт с арабами неразрешим, ибо в основе конфликта лежат религиозные противоречия. Маленький Израиль противоборствует с исламским миром. И мусульман два миллиарда, а евреев... «Оскопляющая сила Ислама» (Л.Рейснер) не знает компромисса.

Я могу Вам нарисовать картину другого Израиля, не левого и не социалистического. Это будет портрет даже не банановой республики (*в конце концов, у латиноамериканцев нет ядерного реактора*), а просто гигантского мафиозного сообщества. Мировое еврейство собирает деньги на **Матерланд**, в Израиле часть денег оседает – ведь надо, чтобы государство было дееспособным, а затем большая часть миллиардов качается в Швейцарию, Лихтенштейн и другие удобные страны. Говорят, что на счетах израильтян там лежат десятки миллиардов долларов. Как Вам нравится *моя фильма?*

Пример с Чехословакией – неудачен. В итоге Германии удалось развалить эту республику, и, видит Бог, чехи ничего плохого словакам не сделали. Но за последними стояли немцы, и они ушли из прекрасной страны. Не без помощи Германии разгорелся пожар на Балканах – соседи не поладили друг с другом и подожгли собственный дом. Именно в 90-е годы произошёл Мюнхен, и Германия выиграла в конечном итоге, развалив Советскую империю. Взгляните на современную карту Европы – это ли не победа германского духа! Не надо искать мюнхенцев в Израиле – их нет. **Есть печальные реалисты.**

Вероятно, после войны 73-го года вождям и книжникам Израиля стала ясно: удержаться нет никакой возможности. Время работает на арабов. И никакая атомная бомба их не остановит. И надо сыграть прощальную симфонию Гайдна, как можно более бескровно. И приход правых не спас Израиль – его карта стала сужаться до «мелкоскопических» размеров, как шагреновая кожа. Правый Бегин ни за понюх табака отдал **весь** Синай, поставив мат всем будущим правительствам Израиля, хотя, в свою очередь, Бегин урожал левым за уступки арабам гражданской войной.

К этому же времени – середине 70-х годов – возникла новая проблема, внутриизраильская: резко выросло афро-азиатское еврейство. Ашкеназы рожали одного-двоих детей; мароканские евреи отвечали шестью-восьмью. Вместе с тем выросшие в отсталых странах, с близкой к арабам ментальностью, они не были способны адаптироваться к европейским условиям труда в Израиле, и разрыв в материальном плане между двумя общинами был огромен. Также выросла группа набожных евреев, отказывающихся служить в армии обороны Израиля. Таким образом, за восемьдесят лет возникло в Израиле три лагеря: ашкеназийское меньшинство, большая часть левая, затем – восточная община, неспособная работать в европейском стандарте, и «религиозные», вообще отказывавшиеся и работать, и служить в армии.

Последние все люди правого толка. Интересно, что они вкладывают в понятие «правый»? То же самое, что писатель Горенштейн? Союз второго и третьего лагерей ускоряет процесс разложения. **Но не внутренние раздоры приведут к исчезновению государства Израиль.**

Русская эмиграция привезла с собой надежду, увы, которая быстро испарилась. Кстати, вопреки Вашему мнению, «совки», как Вы выразились, оказались взглядов вполне правых, крокодиловых, и на арабов, и на прочее... «Сила решает всё» – это их лозунг. И это исповедуют люди, потерпевшие кораблекрушение на Советском «Титанике», где оказалось ничего нельзя решить силой.

Раньше главными поставщиками кадров для элитных частей армии являлись кибуцы и мошавы – они давали 90%, например, лётного состава. Теперь положение изменилось. Атака правых на соц. лагерь привела к тому, что кибуцники бегут из страны. Из страны бежит всё молодое, не желающее тонуть на израильском судне. Это трагедия. Думаю, что изменилась и возрастная кривая – Израиль ашкеназийский постарел. Да и русские евреи стараются заснуть в Израиль стариков, а самим бежать в Америку, Канаду, **Дойчланд**, Австралию – куда глаза глядят...

Агония Израиля будет продолжаться несколько десятков лет. Соглашение, и снова война, и опять соглашение, и опять война. Всё подобно истории Иерусалимского королевства, просуществовавшего менее ста лет.

Дело не в левых или правых, религиозных или светских – дело в пресловутой «патологической» истории еврейского народа. Израиль обречен, но еврейский народ «ле нецах» – бессмертен, ибо так захотел Господь.

Простите за откровенность. Ваша критика еврейства болезненна. Это называется **самоненависть**, и наша история знает такие случаи – Моше Сфаради, ставший в святом крещении Петром Альфонси, Иероним де-Фе, «в девичестве» Иошуа бен-Йосеф», Йосиф Пфедферкорн, Отто Вейнингер (*вероятно, наиболее близкий Вам*), Яков Брафман, Литвин-Эфрон, Натович, Цион. Им несть числа. Все они – безусловные отщепенцы, люди с надрывом.

Антисемитизм был всегда прибежищем негодяев – от педофила Достоевского до сексуального фетишиста Розанова.

Пристало ли Вам становиться в их ряды? И не стоит проклинать материнское лоно. Приезжайте в Израиль – Вы увидите столь неожиданное, что оно поразит Вас. Закат необыкновенно прекрасен. **Поспешите!** Время работает против нас.

И в заключение.

Я – человек верующий!

В еврейской религии есть **этика**. В ней есть место для **святого воинства**. (Как сказал в свое время Владимир Соловьев устами генерала – «христолюбивое воинство»). Мирлобивый Авраам знал, как надо защищать свой дом. Он преследовал со своими домочадцами князьков – разбойников, предков арабских шейхов и разбил их.

Давид признавал **преимущество настоящего над прошлым**. Когда его сын заболел, Давид оделся в рубище, посыпал голову пеплом и горько молился, но когда узнал о кончине ребенка, оделся по-праздничному.

Еврейская религия знает **тщетность** и **ничтожность** деяний, но ценит она устойчивую активную набожность Иова и преклоняется перед храбростью Маккавеев. Она выступает против идолопоклонства во всех его старых и новых формах. **Но выше всего иудаизм ценит созидательный труд, который ставит выше занятия Торой.**

Мы родились в христианском мире. Я высоко оцениваю христианскую, особенно католическую культуру. Иудаизм не враждебен христианству и даже мусульманству: как может мать ненавидеть своих детей?

Что говорил Иисус на Голгофе? «Эли, Эли, лама азавтани?» – «Господи, Господи, пошто оставил меня?»

Не думаю, что это были его последние слова.

Важнейшая еврейская молитва – это *שמע ישראל* (*шма Исраэль – слушай, Израиль – С.Д.*). Её произносят дважды в день и на пороге смертного часа. Эта молитва так же, как и десять заповедей, и особенно – суббота – день отдыха и радости, могут с честью служить всему миру.

И может быть, в далёком будущем, когда человечество исчезнет на земле, на далекой планете его наследник скажет: **«Слушай, человечество, Всевышний, Твой Бог, Всевышний Единственный»**. И это будет разговор о **Старом Еврейском Боге**.

Уж извините...

Иерусалим

1.3.02 г.

Листаю книгу «Русские портреты князя Урусова», изданную в Лондоне в 1909 году. Портреты более всего напоминают миниатюрные памфлеты – анекдоты. Интересно об Александре III. Забыв свое немецкое происхождение, требовал, чтобы Фридрихи назывались Иванами, а Карлуши – Александрями. О евреях читается, как новелла: «Питал чрезвычайное пристрастие к потомкам Авраама, Исаака и Иакова и не знал даже, куда их посадить. Сего ради казаки и городовые гнали их с одного места на другое, причем многие попали обратно в лоно Авраамово. И раздался глас господ Саваофа: «Куда гонишь, Иродов сын, детей моих?»

Испугался Александр III и, призвав старшего холопа Плеве, сказал ему:

– Вели отцу Иоанну служить молебны!

– Почто?

– А за то, чухонская образаина, что твои жидаи наклепали на меня перед Царем царей, и мне теперь из-за них крышка.

С тех пор Александр III затосковал в Ливадии, и ни молитвы Иоанна Кронштадтского, ни верноподданнические уверения в любви его холопов не спасли царя «миротворца» (!?) от когтей смерти.

Его призвали к ответу перед Царем царей!».¹ Об этом писал князь Урусов Сергей Дмитриевич (1862-1937), которого после кишиневского погрома назначили губернатором. Впоследствии был членом Государственной думы. Пламенный защитник еврейства, масон высокого посвящения, Урусов подвергался репрессиям царского правительства, но и в советское время также неоднократно арестовывался. Последние годы жизни работал в Госбанке, а затем – в библиотеке Союза писателей.

15.3.02 г.

После долгого перерыва читаю-перечитываю книгу воспоминаний Сухомлинова, военного министра дореволюционной поры. Не советскую – тончайшую книгу, а изданную в Германии.

Интересно написано о Мясоедове – с несомненностью, что не шпион. (*Мясоедов Сергей Николаевич (1865-1915), жандармский полковник, контрразведчик. Современная историческая наука полностью его реабилитировала.*)

Скажу о М.И. Драгомирове (1830–1905) как выдающемся генерале и ученом. Без сомнения, был чудаком. К евреям относился неплохо. Был анекдот: встречает Драгомиров некоего Бродского. Тот представляется: «Бродский, православный». Ответ Михаила Ивановича блестящ: «И я тоже не из жидов».²

Жена Драгомирова – Софья Абрамовна, урожденная Григорович. (*Не уверен, что не еврейка*). Мать писателя Григоровича – француженка. Злые языки говорили – жидовка. Другой Григорович или Грегорович Карл Карлович (1868–1921), знаменитый скрипач, русский Сарасате, как его называли, еврей-выкрест. Даже сына Драгомиров назвал Абрамом! Здесь уместно сказать, что генерал-лейтенант Абрам Михайлович Драгомиров (1868–1955) командовал во время Первой Мировой войны 9-м армейским корпусом, затем – командующий 6-й армией. Участник белого движения. Получил два Георгия. Военное дело знает, «как семейное ремесло».³

Начальником штаба Киевского военного округа у Драгомирова был Шимановский. Фамилия франкискская. История с П. К. Ренненкампом. Довольно мерзостный тип. К Драгомирову поступила жалоба на Ренненкампа от полкового поставщика фуража. Подрядчик явился на прием к самому Дрентельну. Суть жалобы была такова. Деньги Ренненкампа передал подрядчику под расписку. Хотя деньги были запряваны в боковой карман, застегнутый на пуговицы, это подрядчику не помогло. На лестнице два гусара отняли у него всю сумму. Взбешенный Дрентельн вызвал Ренненкампа на ковер, разделал под орех и хотел выгнать из армии, но затем тот перевёлся в один из Сибирских округов, где сделал имя.⁴ Кстати, родной брат генерала, Н.К. Ренненкампа (1832–1899), был профессором – юристом, ректором Киевского университета (1883–1890), в 1875 году киевским городской головой, писал гнусности против евреев. С ним полемизировал профессор-либерал Б.Н. Чичерин, один из светлых умов России.

В Чугуеве была башня со старинными часами, которые в 12 часов били удивительным способом. Отворялась дверка, и из неё выходили фигуры, изображающие кирасира, улана, гусара и другие рода войск. Они маршировали и уходили в другую дверь. Часы заржавели. Пригласили мастера из Харькова, который, осмотрев их, нашел, что механизм заржавел и его требуется заменить, на что нужны большие деньги. А в Чугуев должен был приехать государь. Обратились к местному маленькому еврею-часовщику, который за небольшую плату взялся запустить часы, но лишь на время пребывания императора в Чугуеве. Часы действительно исправно заработали, звонили, и фигуры дефилировали. Фокус заключался в том, что часовщик сам сидел внутри, заменив ржавый часовой механизм.⁵ Сразу вспомнил несколько вещей. Первое – шахматный аппарат, где по преданию сидел также маленький еврей. А вторых и в-третьих, Гордиев узел и Колумбово яйцо: неординарные решения...

26.11.02 г.

Повезло: попал в больницу и попросил принести дневники Дмитрия Фурманова. Он был непростым человеком. Родился в многодетной семье – сообщение без подробностей. Фамилия странная, хотя и православный. Образование – реальное училище в провинциальном городке Кинешме. Затем, после сдачи латинского языка, поступление на историко-филологический факультет московского университета. Поступил в 1910 году, а в самом конце 1914-го отправился добровольцем на войну в санитарный отряд. Заболел медициной – мечтал стать медиком. Эта тяга русских писателей к медицине поразительна: имена у всех на устах. В этом мотании в санитарном поезде с Кавказа на Западный фронт – момент удачи: познание жизни. Будучи эсером, постепенно перешел к большевикам. Он был из окружения М. В. Фрунзе и, если бы не ранняя и нелепая смерть от менингита, его ожидала бы неумолимая година – 37-й год. Но Бог миловал или ... Есть в его смерти «закавыка». Дело в том, что по крайней мере, все активные участники публикации «Повести непогашенной луны» Бориса Пильняка были связаны с Дмитрием Александровичем. Во-первых, Пильняк, которого Фурманов не любил, во-вторых – Воронский, с которым Фурманов конфликтовал и которому посвящена «страшная» повесть. В-третьих – А. В. Луначарский, комиссар народного просвещения, автор предисловия к «Чапаеву» и покровитель Фурманова, – нарком был редактором «Нового мира», где была помещена повесть Пильняка. Расплата последовала мгновенная, и каждый пострадал по-своему. Из всех участников драмы, вне всякого сомнения, самый информированный человек – Фурманов. Он не мог не знать, при каких обстоятельствах погиб нарком обороны: зарезан на операционном столе. Впрочем, сейчас модно искать нестандартную смерть в 20-х, начале 30-х годов. (*Есенин, Маяковский*). Умер Фурманов от гриппа, осложнённого менингитом, 15 марта 1926 года. Уточним, что официальная смерть Фрунзе последовала 31 октября 1925 года. Слухи о повести Пильняка распространились ещё до публикации... К этой же странной смерти примыкает и смерть от тифа высокоосведомлённой Ларисы Рейснер 9 февраля 1926 года. Ей был всего 31 год...

Дневник Фурманова интересен тем, как постепенно свободный человек становится рабом системы. Тончайший ценитель поэзии, и отзыв о лире Федора Тютчева: «Книжка представляет собою собрание совершенно бесцветных, мало оригинальных стихотворений, никому не нужных и не интересных; по содержанию – это лирические излияния, по форме – примитивная и шаблонная тара-

барщина – про слёзы, розы, соловья, Аврору, Зевса, Гебу... Сносных стихотворений немного... Бог и божества встречаются довольно часто, уснащая лирические сантименты религиозной чепухой... Под маркой Госиздата распространять не следует...» Всю эту «тарабарщину» зачитывает по телефону «консерватор Воронский», визжащим от негодования голосом.⁶ Свой бред Фурманов защищает с пеной у рта. И это-то ценитель Блока и весьма удачный критик Северянина, чтец Ницше и Гамсуна, Мережковского и Волошинского ... Такова партдисциплина.

Интересно написано о Чапаеве. О его личной жизни. Конечно, анекдоты о Чапаеве, пожалуй, бесчестны по отношению к давно погибшему человеку. После его гибели человек 600 белогвардейцы захватили в плен. «Выдавай жидов, коммунистов и комиссаров, не то всех расстреляем», – крикнули казаки толпе. И там уже начались опасливые шушуканья: коммунисты, вероятно, были выданы и все зарублены после истязаний.⁷ В кинофильме Васильевых эпизод переименован... Этот же эпизод, но достаточно узнаваемый, вставлен в забытое стихотворение, относящееся или к 1919 г., или к 1921 г. Автор его эстет, акмеист Михаил Зенкевич:

*«Куда ты дивизию свою завёл,
Эй, Чапаев!
Далеко залетел ты, красный орёл,
Железными когтями добычу цапая.
Смотри, как бы в тальнике,
В камышах, на приволье кладбищенском
Не разбили себе чугунные лбы
Советские броневики
На привале под Лбищенском...
С Яику, гикая, налетели лавой,
Пики у стариков болтаются сбоку,
Под метлами бород образки на груди,
Шашками машут над головой.
В панике сонные обозы сгрудились...
С лезвий стекает кроввица
По бородам на серебряные образки...
Утро, калмыцкими глазками смейся,
Красные, трахомные лучи раскинь,
На трупные поленицы красноармейцев...
«За власть советов... Все, как один, умрём»...⁸*

На мой взгляд, ГБ вытащила на свет анекдоты об этом одиозе накануне 100-летия со дня рождения Ленина, чтобы выбить интeрес к вождю. Анекдоты о Чапаеве рассказывали на всех уровнях. Словесная и неглупая диверсия едремлющего ока. А в дневниках Фурманова Чапаев – одаренный самородок, страдающий от своей малообразованности и невоспитанности. «Все хорошо видит, скорбит душой и стремится страстно перевоспитаться и скорее, как можно скорее научиться всяким наукам». Он просит комиссара заниматься с ним математикой и русским языком. На вопрос комдива разъяснить «тайну» граммофона – Фурманов к своему стыду оказывается банкротом...⁹ Вообще, всё, что о Чапаеве, интересно, и мне, в свою очередь, стыдно за свое собственное гоготанье над несостоявшимся «Человеком»...

Самое интересное для меня – добавление.

Исаак Бабель сдружился с партначётчиком. И приходил он к Фурманову «полночь-заполночь»: то знакомое любопытство, что привело, по некоторым сведеньям, к гибели писателя. О чем говорили эти люди? В принципе, Бабель хитрил, иногда подлаживался к комиссару, но для него было важнее выудить у автора «Чапаева» даже не материал, факт, событие, а оценку, «обнажиться», в конце концов, отсюда – иногда ложь...

Исповедь Бабеля: «...В годы революции: тут 1600 постов и должностей переменял, кем только не был: и переплетчиком, наборщиком, чернорабочим, редактором фактическим, бойцом рядовым у Буденного в эскадроне... Что я видел у Буденного – то и дал... Вижу, что не дал я там вовсе политработника... Но уж не так оно у меня выходит солоно, как то, что дал. Каждому, видно, своё. А я ведь как вырос: в условиях тончайшей культуры, у француза учителя так научился французскому языку, что ещё в отрочестве знал превосходно классическую французскую литературу. Дед мой раввин – расстрига, умнейший, честнейший человек, атеист серьезный и глубокий...» Совсем неожидан поворот разговора: «Воронский, кажется, себе шею уж свернул?... И за что он любит Пильняка ... за что и что любит – вот не понимаю».¹⁰ Этот разговор состоялся накануне публикации «Повести о непогашенной луне». Воронский впоследствии поплатился за это.

А главное, что потрясло меня в записях Полонского о Бабеле, также наличествует у Фурманова. Бабель, оказывается, давно продумывает книгу о ЧеКа. «Всего», однако, сказать нельзя, а «комкать», т.е. себя цензурировать, не хочется. Посему работаю, как бы мы сказали, в стол. «Только не знаю, справлюсь ли – очень уж однобоко думаю о ЧК. И это оттого, что чекисты, которых я

знаю, ну... ну просто святые люди, даже те, которые собственно-ручно расстреливали... И опасаясь, не получилось бы приторно. А другой стороны не знаю. Да и не знаю вовсе настроений тех, которые населяли камеры, – это меня как-то даже и не интересует». ¹² Самый страшный рассказ... Впоследствии Исаак Эмануилович познакомился с обратной стороной медали. Дало ли это ему материал для пересмотра своей точки зрения на «святых людей»?

*«Не забуду, как ты умирал, комиссар,
Затуманил лицо полыхающий жар,
Затянула глаза поволокой беда,
И в бреду ты сказал: «Никогда... Никогда...»*

Михаил Голодный
«Никогда, Никогда. Памяти Дмитрия Фурманова»

В альбоме старого русского художника Сергея Васильевича Милютинина увидел портрет Фурманова, сделанный ещё в 1922 году. И показалось, что лежит на писателе печать обреченности. Неужели мастерам кисти удаётся заглянуть в будущее? Кажется, да!

27.2. 02 г.

Диво-дивное! «Гастрономический патриотизм» присущ мне: люблю «гефилте фиш». После смерти матери и тёщи перебиваемся походами в гости и готовыми консервами. Не то! А вот Бабель тоже обожал фаршированную рыбу. У писателя Финка мимоходом сказано, что у Исаака Эмануиловича везде были друзья – «корешки» из Первой конной. Сам Бабель был страстным лошадиником, посему навещал своих однополчан: один был командиром кавалерийского полка, другой – директором коннозавода, третий – объезжал лошадей в Средней Азии и т.д. Бабель дружил с конюхами, наездниками и знал назубок родословные лошадей. Водил Финка в конюшни, как водят знакомых в дома друзей. Увы, «главный лошадиник» не защитил своего певца... (*Правда, Семён Михайлович никогда не понимал его, а его «писанину» считал клеветой на своих бойцов.*) Так вот, Бабель долго пропадал в Воронежской области на коннозаводе, где не имели представления о еврейской пище. Он просил жену Финка приготовить фаршированную рыбу с хреном, «потому что его снедает тоска по хорошей еврейской кухне». ¹³

30.3.02 г.

Просматривал «Книгу о русском еврействе», изданную в Нью-Йорке в 1960 году. Интересные и глубокие статьи людей, связанных с XIX веком. Многие имена в моём сознании складываются в некий «Еврейский пантеон». Вот несколько слов о Метнерах.

Николай Карлович Метнер (1879/80–1951), композитор, создатель фортепьянной сказки и пианист высокого класса. Он – еврейского происхождения.

Его старший брат – Эмилий Карлович Метнер (1872–1936), музыкальный критик под псевдонимом Вольфинг, взятым напрокат у Вагнера; руководитель издательства «Мусагет», редактор журнала «Труды и дни».

Третий брат – Карл Карлович Метнер (1874–1919), единственный, стоявший на деловых рельсах, но все же связанный с искусством: он был доверенным правления акционерной компании «Московская кружевная фабрика», возглавляемым отцом Карлом Петровичем Метнером (1846–1921).

Другой брат – Александр Карлович (1877–1961), скрипач, альтист, дирижёр, композитор, преподаватель музыкально драматического училища Московского филармонического общества (1902–1906).

В эту мужскую компанию затесалась сестра, Софья Карловна (1878–1943), бывшая женой известного юриста того времени Сабурова А. А. (1874–1934).

Мать – Александра Карловна, урожденная Гедхардт или Гедике (1843–1918). Она была певицей. Точных данных о ней нет.

Родная сестра А. К. Метнер – Минна Гебхардт была художницей-миниатюристкой. Её работы хранятся в русских музеях.

Родной брат А. К. Метнер – органист и пианист, преподаватель Московской консерватории Федор Карлович Гедике (1840–1916).

Племянник А. К. Метнер – Александр Федорович Гедике (1877–1957), композитор, пианист, органист, профессор Московской консерватории; таким образом, он двоюродный брат братьев Метнеров.

К этой компании можно добавить родственника Метнеров – художника Виктора Карловича Штембера (1863–1920), являвшегося двоюродным братом этой «могучей кучки».

Ну и, наконец, следует упомянуть Метнер Анну Михайловну, урожд. Бетиньш (1877–1965), скрипачку-педагога. Она была поначалу женой Эмилия Карловича (с 1902 по 1904), а затем Николая Карловича. Внутрисемейный мини-сериал, который скрывался от родителей и окружающих вплоть до 1909 года! Венчание произошло уже после смерти матери, лишь в 1919 году!

Без семьи Метнеров трудно представить русский Серебряный век. Большинство сведений об этом удивительном клане я почерпнул из воспоминаний Андрея Белого и из книги Н.К. Метнер «Письма». Композитор Николай Метнер весьма редко исполняемый, что, вообще, несправедливо. Конечно, ему не повезло: он

был младшим современником Рахманинова и Скрябина и находился в тени их славы. А после Метнера восходили новые звёзды – Стравинский, Прокофьев...

Но вот великий Рахманинов считал своего друга Николая Карловича выдающимся композитором и где только мог пропагандировал творчество друга. В наш конкурентный век – вещь немыслимая. Николай Карлович был мыслителем высокого ранга. Он утверждал, что композитор несет моральную ответственность за своё детище: «Духовный смысл и сочинение музыки есть поступок, о последствиях которого художник должен думать». Лишь под конец жизни Метнеру повезло – некий магараджа, влюбленный в музыку Метнера, издал в 1946 году в трех альбомах фирмы «His Master Voice» почти все его произведения.

Вспомним имена исполнителей-евреев – их пруд пруди: пианисты – Изабелла Венгерова, Леопольд Гидовский, клавесинистка – Ванда Ландовская, а далее – Артур Рубинштейн, Александр Боровский, Осип Габрилович, Александр Браилловский, Симон Барер, Леонид Крейцер, Иосиф Левин, Бенно Мойсеевич, Владимир де Пахман, Александр Унинский, Владимир Горовец и прочее, прочее. Замечательная новелла о «юной девице» Юлии Гринберг, в 1838 году десятилетним вундеркиндом восхищавшей одесскую и харьковскую публику и, наконец, Дворянское собрание Санкт-Петербурга. Родилась она в семье врача-еврея и вышла замуж за сенатора Тюрина, естественно, «окунувшись в купель».¹⁵

Также очень много певцов-евреев на оперной сцене – известный Медведев, тенор, в «девичестве» – Меер Хаимович Берман, первым в России исполнивший арию Ленского в Москве, а в Питере – Михайлов-Зильберштейн Моисей Иоахимович, он же Михаил Иванович, голос-алмаз. Баритон Иоахим Тартаков пел также в Мариинке, бас Л. Сибиряков (Лев Спивак) в юности пел в синагогах. Баритоны Оскар Исаевич Каминский и Брагин-Брагинский, теноры Зиновьев, Розанов-Розенкерер, Арнольд Георгиевич Штейнберг, сопрано Клара Браун, в Музыкальной драме пела сопрано Мария Исааковна Бриан (Шмаргонер!!), Мария Соломоновна Давыдова, лучшая Кармен своего времени, контральто Анна Мейчик, Евгения Фореста и множество других. Нам несть числа! А нас так мало.

В статье «Русские евреи в живописи» автор Р. В. Вишницер меня удивил именем Я. Ф. Ционглинского (1858–1912), который был академиком и профессором живописи. Окончил Академию в 1885 году и в рисовальной школе Общества поощрения художеств преподавал до своей смерти. «...Ян Францевич Ционглинский, ныне почти забытый, был знаменитой фигурой в петербургском общест-

ве, но он был обязан этой известностью не столько своей живописью, сколько личному шарму. Это был рослый, прекрасно сложенный, в меру дородный, красивый, далеко ещё не старый, едва только «стареющий» поляк». ¹⁶ Так вот, этот поляк, носивший двойное имя Ян-Иван, был евреем-выкрестом. Александр Бенуа пишет о его артистической одаренности, но несколько принижает его художественное дарование. Однако за Ционглинским осталось навсегда звание «первого русского импрессиониста». Говорил об искусстве Ян Францевич вдохновенно, музицировал блестяще, был душой любого богемного общества и, будучи стареющим ловеласом, кажется, не пропустил и молодую Айседору Дункан. Ай да полячишко! Кстати, Ционглинский был прекрасным педагогом. Интересно и то, что одно время у Ционглинского учился и Павел Филонов, со скандалом покинувший студию: в то время гений создавал теорию аналитического искусства. ¹⁷

С большой теплотой о Ционглинском написал художник Аркадий Александрович Рылов: «Ционглинский был в то время преподавателем женского натурального класса и руководил им до конца жизни. «Неистовый Ян», как называли его товарищи, был действительно таковым: движения быстры, речь страстна, взмахи кисти смелы. Красивый, сильный, с рыжеватыми усами, поляк решительными шагами врывается в класс... садился за чей-нибудь рисунок и образно, с польским акцентом, выкрикивал свои афоризмы с жаром: «Смотрите же, смотрите! Я только тронул, как линия запела. Поет линия». Он каждый год отправлялся за границу – в Палестину, Алжир, Индию, Египет, в тропические страны. «Вот, вот, великий Гималай! Я два дня ехал на слоне, потом верхом на коне, затем на осле, чтобы видеть отсюда Гималай, но туман закрывал его. Я приготовил три картона и два дня ждал с кистью в руке, чтобы нарисовать Гималай, и вот, наконец, он показался на пять минут и снова скрылся. Вы видите, это же Гималай!» ¹⁸

После показа картин он садился за рояль и музицировал произведения своего друга Рахманинова. Дружил он, и это понятно, с Рерихом. Интересно бы сравнить работы обоих мастеров. И, вопрос: не искал ли в Гималаях Ян Францевич таинственной Шамбалы?..

14.4.02 г.

Во всезнающей энциклопедии Владимира Вагнера «Российская еврейская энциклопедия» можно прочитать большую статью об академике-медике, генерале Александре Александровиче Вишневецком (1906–1975). Он был генерал-полковником медицинской службы и с 1946 года по смерть занимал должность главного хи-

ругра Советской Армии. О его еврейском происхождении в воспоминаниях Натальи Кончаловской можно найти любопытные детали. Будущее светило советской медицины родился в семье известного медика Александра Васильевича Вишневого, род которого известен с 50-х годов XVIII века, когда в Саратовскую семинарию поступил некто Василий Зубарев, получивший, как водится, новую фамилию – Вишевский. Это был прапрадед Александра Васильевича. Жили они в Саратове, где были дружны с семьей Чернышевских. Я просто напомним, что отец знаменитого критика – священник Гавриил Чернышевский был неуклонным миссионером и крестил множество евреев, часть которых и приняли фамилию духовного отца. С отцовской стороны будто бы у Вишевских все в порядке, но вот мать Александра Александровича – дочь разорившегося табачного фабриканта-караима – была девушкой поразительной красоты. «Она была взята в компаньонки богатой казанской барыней, которая, брезгуя её еврейским происхождением, окрестила её. Ей дали отчество Семеновна вместо Самойловны...»¹⁹ Звали ее Раиса Семеновна... Вероятно, в девичестве она носила библейское имя Рахиль. Почему-то все мои знакомые Раисы когда-то имели это имя. И ещё вспомнил:

*«В дым черны в тубетейках ярких
Караимы евпаторьянки»*

(Вл. Маяковский «Евпатория», 1928 г.)

Где теперь караимы и караимки, где крымчаки? Что от них осталось? Мой народ тает, как дым...

15.4.02 г.

Люблю редкие еврейские общины: караимов, фалашей, крымчаков, кочинских евреев Индии. Встречаются поразительные вещи. В свое время была известная певица Лидия Александровна Вырлан (1900–1965), которую Софья Давыдова, вдова знаменитого певца-баритона Императорского Мариинского театра Александра Михайловича Давыдова (крещёного еврея Александра Моисеевича Левинсона), познакомила с молодым композитором Валерианом Богдановым-Березовским. Вспыхнул роман, закончившийся свадьбой. Мать Богданова, когда ее познакомили с невестой, высказалась сильно и ясно: «Пусть она артистка! Пусть певица! Мне все равно. Будь хоть судомойка! Хочу, чтобы его женой была хорошая русская женщина!» Валериан Михайлович заканчивает казус следующими словами: «К счастью, Лидия Александровна не слышала этих слов: она была наполовину караимка, наполовину молдаванка»²⁰

Композитор жил в музыкальном мире, и для него не существовало национальных границ. Он с любовью пишет о друзьях-евреях и неевреях. Для себя я узнал, что он был высокого мнения об Александре Менделевиче Маневиче, моём добром знакомом. *(Александр Менделевич Маневич (1908–1976), композитор, лауреат Сталинской премии. Умер он в Иерусалиме. Друзья-музыканты называли его Александр Генделевич. Он был мастером органной музыки.)* Другое дело – мать композитора Богданова-Березовского, во время революции потерявшая всё. Поэтому ирония сына понятна. Отец Лидии Александровны был директором не то Феодосийской, не то Симферопольской гимназии. Есть одно непонятное место в воспоминаниях композитора. Двоюродная сестра Вырлан – «турчанка» Софья Каймакан. Сиё маловероятно. Одна турчанка Сальха родила от помещика Бунина великого поэта Василия Жуковского. Это так. Но здесь, вероятнее всего, двоюродная сестра с именем Софья была тоже или караимкой, или, что тоже возможно, «крымчаткой», т.е. представительницей редкой общины евреев – крымчаков. *(Пример: Илья Сельвинский.)* Тут к месту вспомнить ещё одного «метиса» – известного композитора Виктора Александровича Оранского (1899–1953), прославившегося музыкой к оперетте «Виндзорские проказницы» (1942 г.) Настоящая фамилия его была Гершов: отец – еврей, мать – грузинка. Его усыновила пианистка Анна Николаевна Рукина, пожелавшая, чтобы великовозрастный пасынок принял ее девичью фамилию и стал Гершов-Оранским, «породнившись» с аристократической семьей герцогов?!²¹

16.4.2 г.

В своё время знаменитый актер и режиссер Михаил Семенович Нароков (1879–1958) оставил интересные воспоминания.²² Конечно, время было не то, чтобы откровенничать, но все же... Настоящая его фамилия Якубов («Якубов – моя родовая фамилия»), хотя у меня нет полной уверенности, что он носил фамилию с тем же корнем, например, Якубович или Якубовский. Это же не бухарский или горский еврей, где фамилия Якубов никого не удивляет. Ибо родился будущий актер в селе Гнедине, оно же Александровка, Екатеринославской губернии. Отец, деревенский портной, умер, когда ему было шесть лет, а мать, оставшись многодетной вдовой, отвезла мальчика к родственникам в Бердянск. Там он стал учиться русскому языку. Нароков нигде не говорит о своем еврейском происхождении, но оно общеизвестно. Даже в «вагнеровской» энциклопедии он присутствует и затрагивает еврейскую тему. Здесь масса реминисценций: Жезл Аарона – палица в руках антрепрене-

ра, Давид и Голиаф и т.д. Однажды Нароков решил посетить Толстого в Москве. «Я не преувеличу, если скажу, что ожидание Толстого было ожиданием какого-то явления, почти чуда, точно Моисей со скрижалями должен спуститься с Синая», так писал актёр.²³ Совершенно жуткое воспоминание о погромах 1905 года в Москве, когда черносотенцы зверски избивали и истязали людей, тех, кто казался им студентом, интеллигентом или евреем. Не щадя ни возраста, ни пола, избивали до смерти ни в чем не повинных людей и с таким садизмом, что опознать убиенных не могли родственники. На вокзале забили до смерти еврейку-акушерку. А газеты были переполнены сообщениями о погромах: «Дни ужаса и скорби в Ростове-на-Дону», «Ужасные дни в Киеве», «Кровавый погром» в Стародубе и т.д. Нароков не избежал отсидки по ложному обвинению в подстрекательстве. Разместили арестованных, общим числом человек в 600, в двух пустых казармах. От этого времени у него в памяти осталось три человека. Один из них молодой еврей, революционер, обладающей редкой мускулатурой. Он оказался спортсменом и объяснил, что «для революции надо закаляться». К сожалению, его фамилию повествователь не воспроизводит. Может, и забывчивость. Но вот интересно, как Михаил Семенович обвел цензуру, рассказав о встрече с Троцким.

Дом в Москве, в котором располагалась театральная труппа, был реквизирован военной частью. С хлопотами обратились к В. Д. Бонч-Бруевичу, который прекрасно разбирался в психологии Главкомверха и посоветовал обратиться к нему. Было известно, что недели две тому назад «сам» посетил спектакль «Смерть Дантона», и он лестно отозвался о роли трибуна революции, сыгранной Нароковым. Думаю, у Льва Давидовича было предчувствие... *(Философ Бердяев: Лев Троцкий – последний романтик революции.)* Как бы то ни было, Нароков попадает в канцелярию «начальника». Приёма нет. Тогда исхитрившийся Михаил Семёнович просит адъютанта доложить, что аудиенции просит... товарищ Дантон. Адъютант подозрительно посмотрел на просителя, но доложил по назначению. Через минуту улыбающийся адъютант пригласил Нарокова войти в кабинет. Неназванный автором воспоминаний Лев Давидович в две минуты решил дело...²⁴

Вот ещё интересный материал о великом *(это не преувеличение)* актере, режиссёре, создателе первых советских фильмов, человеке удивительной судьбы. Речь идет об Александре Акимовиче Санине (1869–1956). Настоящая фамилия нашего героя – Шенберг. Как видите, он однофамилец великого музыканта – композитора-еврея Арнольда (Арона) Шёнберга (1871–1951). Алек-

сандр Акимович родился в Бердичеве; почему «Золотая книга русской эмиграции» называет местом его рождения Москву – неизвестно. К месту сказать пару слов в честь города Бердичева: даже великий певец Николай Фигнер в маленьком городке, переполненном евреями, пел за самый мизерный гонорар. Всё это благодаря импрессарио Исааку Абрамовичу Келлеру.

19.5.02 г.

После больницы.

Перечитывая «Ревизор» Гоголя, наткнулся на выражение в письме Хлестакова к приятелю, относящееся к Землянике: «Надзиратель за богоугодным заведением ... – совершенная свинья в ермолке». Разгневанный Артемий Филиппович обращается к зрителям: «И неостроумно! Свинья в ермолке! Где ж свинья бывает в ермолке?»²⁵ Гнев попечителя понятен: ермолка – небольшая еврейская шапочка, а еврей и свинья не рифмуются... В «Иванове» Чехова этот текст почти дословно воспроизведен и вложен в уста антисемита графа Шабельского, изъяснявшего Анне Петровне (*рожденной Сарре Абрамсон*), что «жид крещёный, вор прощёный, конь лечёный – одна цена», т.е. невелика стоимость, да и самого себя Шабельский называет мерзавцем и свиньей в ермолке.²⁶

Обратившись к всезнающему Далю, я прочитал о «ермолке», что «нашивали её еврею», и отсылал он к слову «еломок». «Еломок, м. скуфья; жидовская ермолка...» Иначе говоря, в русском языке «ермолка» – синоним еврейства.

23.5.02 г.

Читал про своих любимых сектантов и кое-что вычитал. Интересная информация.

Художник Савелий Абрамович Сорин – он же Завель Израилевич (1878–1953). Родился в Полоцке в Витебской губернии – отец бедный портной, мать – «молоканка». Книга ошибается – мать, конечно, субботница; возможно, это скрывалось, и, вероятно, прошла «гиюр». Отсюда и запись «молоканка». Впрочем, часть молокан чрезвычайно близка жидовствующим...

Скульптор Осип Алексеевич Цадкин – он же Иосель Аронович (1890–1967). Гений. В Роттердаме в порту видел сотворённую им статую разрушенного города, в Иерусалиме – статую Орфея, где используется мифологический сюжет превращения Человека в дерево. Имел удовольствие даже как-то посетить Парижский музей имени Цадкина. Но вот вычитал его биографию, и глаза полезли на лоб. Судите сами. По отцу он – сын преподавателя классических

языков Смоленской семинарии – Арона Цадкина, а по матери... шотландец (?!). Из семьи кораблестроителей, переселившихся при Петре I в Россию. Мать, урожденная София Лестер. Далее. Детство провёл в «стольном» городе Витебске, учился у великого педагога Юдея Мовшевича Пэна. (*Учителя, кстати говоря, и Шагала, и моего дяди.*) В 1905 году мальчишкой отправили от греха подальше к двоюродному брату матери в Англию, в Сандерленд. Воевал на Первой мировой войне на Западном фронте во французской армии, был отравлен газами в 1916 году. Потом служил переводчиком в Русском экспедиционном корпусе. Дальше работа скульптуром в Париже и всемирная слава. Дружба с Модильяни и Кислингом.

Скульптор Джекоб Эпстайн (1880–1959) родился в Нью-Йорке в семье русского эмигранта, жил и работал, в основном, в Лондоне. Великий скульптор. Достаточно сказать, что он был личным скульптором королевской семьи. В 1917–1918 годах находился в 38-м еврейском батальоне, куда ушел добровольцем. Он чрезвычайно гордился своим еврейством и не раз писал об этом. В автобиографии он приводит часть статьи из юдофобской прессы, направленной против него, со своими комментариями: «В «New Age» появилась следующая антисемитская статья. Если обратить внимание на дату – февраль 1942 года, будет видно, что ненависть и пропаганда против евреев в искусстве – совсем не недавнего происхождения. Лично я никогда не мог понять, почему мои скульптуры на той выставке были более еврейские, чем работы Рембрандта, а его-то уж точно не порицали за еврейскую тематику. Помню, что Модильяни был очень горд своим еврейским происхождением и утверждал с нелепой горячностью, что и Рембрандт был евреем. Его аргументом было: гуманизм Рембрандта настолько глубок, что он не мог не быть евреем. В этой статье в «New Age», где даже о детских этюдах Пегги Джин говорится как о «вызывающих ужас», арийство просто неистовствует. Рецензия эта – такая ядовитая, такая мерзкая, подписана псевдонимом Рустикус. Явно – предтеча герра Штрайхера. Привожу этот образец защиты арийскости, как он есть. Добавлю, что с усилением нацизма и фашизма, как итальянского, так и английского, меня отметил своим вниманием «Der Sturmer» и подобные издания в Германии и Австрии, не говоря о нападках в нашей собственной фашистской прессе и намалёванных на памятнике Гудзону в Гайд-Парке свастиках. А отобранные по приглашению итальянского правительства для показа на Венецианском биеннале (художественная выставка), по личному приглашению графа Вольпи, мои работы по прибытию в британский павильон были задержаны, поскольку Муссолини, в подражание Гитлеру, издал свои арий-

ские декреты; двадцать две работы все же были показаны, не смотря на энергичные протесты Британской комиссии».

А вот сама эта статья из газеты «New Age» от 14.02.42 года: «Нет более загадочной, более пагубной (раковой) и потому более интересной расы на свете, чем евреи», – писал доктор Оскар Леви. Покинув выставку, мы заметили сопровождавшему нас сотруднику, что мир, населенный такими обитателями, был бы кошмаром. «Но у разных людей – разные понятия об искусстве», – был ответ. Например, вам не нравится китайское искусство, однако это искусство».

Он совершенно явно признал, что Эпстайн – не арийской расы, ибо этот важный факт обжигает каждого европейца, входящего в комнату. В окружении скульптур Эпстайна ариец находится в присутствии чуждого гения.

Озадаченный, со смутным чувством тревоги, вы ходите кругом, рассматривая с близкого расстояния каждую голову. Великолепно вылепленные – это работы гения. Они тебя захватывают и не отпускают. Но постепенно отвращение тебя подавляет. Интенсивность вызванного ими отталкивания нельзя объяснить только их семитическим типом – их высокими скулами, их полузакрытыми глазами, их выступающими носами и полными открытыми губами. И что ещё. Они исполнены зла. При ближайшем рассмотрении заметно, что есть пропасть между мужчинами и женщинами, избражаемыми Эпстайном.

Женщины кажутся принадлежащими к низшей расе. Это – типы, лишенные индивидуальности. Полные примитивной чувственности и страдания, эти женщины как животные – грубые, тяжелые и тоскующие. Тяжелая челюсть и чувственный рот развиты за счёт лба. Духовность, являющаяся отличительной характеристикой лучших типов арийских женщин, не представлена. Так противен Эпстайну арийский тип, что мы отворачиваемся от его пресных, холодных творений – «английской девушки» и «Селины» с отвращением. Его семитские творения по крайней мере полны жизни и энергии.

Мр. Ораж утверждает, что евреи – это связующее звено между черной и белой расами. Эта теория может объяснить, почему Эпстайн с такой симпатией изображает молодую сенегальскую девушку. При обычных тяжелых чертах лица негритянки скульптор наделил её мягкой улыбкой, заставляющей нас почувствовать преобладание человеческого над животным.

Головы мужчин в высшей степени индивидуализированы. Но они представляют собой интеллект в отрыве от характера. Вот старый Пинэджер со связанными руками, страшно живой, несмот-

ры на свое смешное поведение. Д-р Адольф С. Око, с головой интеллектуала и холодной, насмешливой, неотразимой улыбкой; герцог Мальборо, одетый в броню аристократической гордости; этюд головы Наполеона; и изумительно живая голова Р. Б. Канингама Грэхема. В эти скульптуры Эпстайн влил свой гений. Но – воплощения зла.

Припомнив спокойную уравновешенность греческих богов, мы чувствуем, что находимся вместо них в окружении зверей, околдованных Цирцеей. Где способность человека подняться над собой? Как отвратительны представители человеческого рода, лишённые благородства и достоинства! Даже прелестные этюды «Пегги Джин» – смеющегося, серьёзного и спящего младенца – воспринимаются с ужасом рядом со взрослыми, которыми она окружена и на которых будет похожа, как вырастет.

Примечательно, что Джекоб Эпстайн предпочел проявить свой бесспорный гений в изображении таких жестоких типов. Его модели, судя по фотографиям, опубликованным в ежедневной прессе, – обыкновенные красивые люди. Но он их наделил определенными скотскими чертами. Зачем он это сделал?

Мы считаем, что художественный гений выражает душу расы. Личностью здесь движет сила, которая гораздо сильнее его. И мы считаем, что в своей галерее скульптур Яков Эпстайн выразил подсознательную расовую иудейскую жизнь – абсолютно и полностью чуждую арийской жизни, достигшей своего художественного апофеоза в греческой скульптуре и христианской живописи и поэзии.

В греческих скульптурах человеческий дух стремился выразить идеал. Даже перед их обезображенными обломками мы чувствуем духовный подъём и очищение – мы ловим проблеск олимпийского выше и вне нашей собственной незначительной личности, становимся соучастниками каких-то более общих стремлений. Перед работами же Эпстайна мы унижены и обижены. Кажется, что едва ли стоит принадлежать к такому оскотинившемуся и злому человечеству. Он нас сводит до племенных признаков: женщин – самок, служащих похоти своих патриархальных хозяев, хитрых и жестоких. Столетия вычеркнуты. Европейская цивилизация исчезла. Уравновешенность, самоконтроль, пропорции – дар веков – отброшены. Он переносит нас заново в ранний период еврейской истории, где стремление к власти – главная движущая сила мужчины, а женщина – всего лишь орудие чувственности».

Эта омерзительная тирада могла быть написана в нацистской Германии. «Помню, как однажды вечером в Нью-Йорке, на вечеринке, куда меня привёл друг, я встретил чем-то очень угнетённого

гениального Паскина и отметил, как он обрадовался нашей встрече. В то время в Нью-Йорке он подвергся нападкам искусствоведов-антисемитов и, при всей своей популярности там, был очень этим удручен, вскоре после этого покончил с собой в Париже. Обычную неблагоприятную критику моих скульптурных или живописных работ я никогда не приписывал антисемитизму и никогда не участвовал в специально еврейских выставках искусства. Художники принадлежат к разным расам и странам, и объединяться в группы по расовому признаку смешно. Мне скорее досадно, чем лестно, когда говорят, что я лучший или самый выдающийся еврейский художник. Безусловно, быть просто художником – достаточно. Кто думает, услышав игру Иехуды Менухина на скрипке, о том, что он еврей? Или о том, не семитичен ли Эйнштейн в науке? Эйнштейн мне говорил, когда я с ним работал, что только нацисты заставили его осознать свое еврейское происхождение. Это вредный расизм в искусстве должен быть навсегда отброшен».²⁷

28.5.02 г.

Чехов и Рахманинов. Из письма Чехова к врачу Иосифу Островскому о своем однокашнике д-ре Захаре Рахмане; добавлено, что его раньше звали Зельман. Это я по поводу фамилии Рахманинов. Не обязательно, что татарская...

1.6.02 г.

Высоко чту польского историка Матеуша (Маттиа) Мизеса. Ему принадлежит двухтомник «Z rodu zydowskiego. Zastuzone rodziny polskie krwi niegdys zydowskiey», изданный в Варшаве накануне II Мировой войны. Понятно, что еврей-профессор не пережил оккупацию. Возможно, что поляки, потрясенные открытиями Мизеса, способствовали его гибели. И вправду: три величайших польских гения – Шопен, Мицкевич, Словацкий – еврейского происхождения. Не говоря уже о сотнях фамилий интеллектуальной элиты Польши. Книга была переиздана в Варшаве в 1991 году. Задолго до войны Мизес издал книгу под названием «К вопросу о расовой ненависти». Книга интересна тем, что на основании тех же исторических данных, используемых расистами для уничтожения евреев, Мизес говорит о превосходстве семитов над арийцами. Думаю, что мысли галицийского польско-еврейского ученого в большей части своего труда выдержали испытание временем.

Он говорит о том, что ещё до прихода арийцев в Европу она была заселена иберами на Западе, на Юге – этрусками и лигурами, на Востоке – пеласгами, пелегами, карийцами. Вся остальная часть Европы была заселена угро-финскими племенами. Все они,

кроме иберов, которые вышли из Африки, мигрировали из Азии. Арийцы пришли значительно позже и стояли в культурном развитии ниже завоеванных народов. Произошло то, что происходило всегда: варвары стали усваивать культуру своих рабов. В сущности, в европейской культуре можно проследить следы далекого прошлого. Культура греков – изначально это культура неарийцев: пеласгов, карийцев, пелегов. Римская культура – наследница культуры иберов и этрусков. Доказательство этому утверждению уважаемый профессор приводит на многочисленных примерах сравнительной мифологии и филологии. Следовательно, в Европе нет чистых рас. Кажется, на сегодняшний день это аксиома, если мы посмотрим на многочисленную афро-азиатскую эмиграцию, населяющую бывшие метрополии и даже не только их. Лет 20 тому назад я в Амстердаме слушал оперу Вагнера «Лоэнгрин». Так вот, героя – короля Генриха Птицелова играл негр, а героиню Эльзу, принцессу Брабантскую, – мулатка. Так что с арийцами все ясно. Что бы сказал Адольф? Но для меня самое интересное в рассуждениях Мизеса – факт семитского происхождения «львиной доли в создании римской и греческой культуры». Речь идет о евреях, финикийцах, карфагенянах, т. е. тех же финикийцах, которые колонизировали все Средиземноморье. Греческая азбука – семитического происхождения, что популярно подтвердит любой справочник. Но и греческая философия обязана многим семитам. Так, Фалес Милетский (ок. 625 – ок. 547 до н.э.), родоначальник античной философии и науки, и Зенон, сын Мназея из Китиона (Кипр; между 336 и 332 – между 262 и 264 до н.э.), основатель школы стоиков, – родом финикийцы.

Фалес считается одним из семи мудрецов древней Греции. Его отец носил имя «Экзамием», что некоторыми учеными (*Р. Шустер*) считается искаженным «Самуилом». Геродот утверждает, что семья великого мыслителя прибыла из Финикии. Что же касается Зенона, то он поначалу занимался морской торговлей. Его родной город был смешанным по населению: греки и семиты населяли его. Этот Зенон при жизни был столь уважаем афинянами, что его наградили золотым венцом и статуей! Демокрит учился у финикийцев, а великий ученый Архимед был наполовину финикийцем! Прародители римской культуры – этруски – в свою очередь были обязаны финикийцам и карфагенянам многими достижениями своей культуры. Даже классическая греко-римская юриспруденция – семитского происхождения. Законы 10 таблиц – лишь передача ассирийского кодекса Хаммурапи... Известные *juris prudentes* были семитами: Ульпиниан – выходец из Сидона и Папиан – семит-

сириец. Кстати, если мне не изменяет память, Цицерон жаловался на засилье евреев-юристов. Заметим, что величайшим юристом Рима признается Эмилий Папиниан (150–212), а вторым – Домиций Ульпиниан (170–228). Оба погибли насильственной смертью именно за принципиальное отношение к закону. К этим двум следует добавить их современника «сирийца» Гая, составившего учебник юридического права «Институции», отличающиеся систематичностью и ясностью изложения. Каждый параграф подтверждается практическим примером. Неслучайно лучшие римские императоры: Септимий Север (правил с 193 по 211) и Александр Север (правил 222–235) были финикийцами-карфагенянами (Септимий был родом из североафриканского города Лептис Магна). Север, по отзывам современников и историков, был высокоодаренным человеком: образованным, талантливым и удачливым полководцем, во многом обеспечившим стабилизацию гигантской империи; проведя многочисленные реформы, он упорядочил финансы и поднял материальный уровень жизни всех слоев населения. Пример удивительный. Один из историков употребил эпитет «его превосходное правление»! Папиниан был его родственником и другом – император был женат на его сестре, а Ульпиниан – был ярым сторонником матери Севера – Маммеи и был учителем императора. Смерть Папиниана, как и его жизнь, была прекрасна: он погиб, защищая Закон. По словам Зомбарта, он непоколебимо противостоял братоубийственным планам Каракаллы (*слово из песни не выкинешь – жестокий и мстительный Каракалла был сыном Септимия*). Когда великий юрист отказался оправдать перед «сенатом и народом» убийство Каракаллой брата Геты, он произнес великую фразу, возбудившую гнев императора: «Non Tanum facile parricidium excusari posse, quam fieri» (*не так легко оправдать отцеубийство, как совершить его*).

14.7.02 г.

В продолжение темы. Как и в раннехристианские времена, в Византии евреи составляли значительную часть населения торговых городов. Среди еврейских профессий самым популярным было ремесло врача. С этой точки зрения интересны данные агиографии – науки и литературы о житии святых, редко анализируемые. В житии преподобного Василия Великого, архиепископа капподокийского (329–379), говорится о знаменитом враче Иосифе, искусству которого завидовали коллеги. Несмотря на запрещение лечиться у евреев, они были придворными врачами. Император Юстин I (умер в 527) противился давлению, который оказывал на него преподобный Симеон Дивногорец.

16.7.02 г.

О «пленении» русской литературы евреями.

В черносотенном «Прямом пути» прочитал статью некоего А. Бурнакина под названием «Жизнь и литература», разбитую на две главы: «Обетованная литература» и «Народ без языка». Анатолий Бурнакин, критик и поэт 1900-х годов, псевдоним – Однодум, как сообщает словарь И. Ф. Масанова и как подтверждает биографический словарь (М., 1989), умер в Белграде в 1932 году. Он был литературной и поэтической бездарностью, что зафиксировали В. Брюсов, А. Блок, Н. Гумилёв. Но на почве юдофобии удостоился титула «преемником отлаявшего Буренина» (*Л. Войтоловский*). Такому одиозному писателю были предоставлены страницы всех правых изданий, вплоть до «престижного» «Нового времени».

В главе «Обетованная литература» Бурнакин «открывает Америку», считая, что Россия для «Евреев» (с большой буквы, как во времена Фаддея Булгарина) стала землей обетованной. Под еврейским напором рассеялись стены иерихонские законов процентной нормы и черты оседлости. Россия покорно приняла иудейское ярмо. Ярмо экономическое, политическое, духовное, бытовое. Русский народ судят Израильские вожди и цари: Азефы, Дейчи, Гершуни, пророчествуют Марксы, Лассали, Бернштейны, повелевают – Ротшильды, Гирсы, Мендельсоны. «Вселенский паразит-кровосос» внедрился прочно на теле России.

Но самое страшное порабощение – культурное. Первый натиск евреев на литературу, по Бурнакину, начался в 70-е годы XIX века. «Пленение русского слова» пошло с проникновения «бердичевских» Евреев в печать. Именно они обольстили русскую интеллигенцию, ринувшуюся в террор. К 90-м годам XIX века печатное слово представляло страшное еврейское засилье: диктаторствовали Вейнберги и Венгеровы, «наглели ежедневные развратители» – Нотовичи, Липскеровы, Пропперы, Фейгины, «умножились» Слонимские, Герценштейны, Иоллосы. «Осаждали» русскую литературу Минские и Волыньские. Началось повальное «ожидовление». Но буря и натиск евреев вызвали отпор – антисемитизм в русской литературе со времен Достоевского и Лескова. Понятно – на свет извлекается несказанная фраза Ф.М. Достоевского о том, что жида погубят Россию, а также «Дневник» писателя за 1877 год со ссылкой на статью «Еврейский вопрос». Окончательная победа евреев пришла в начале века, когда еврей-марксисты победили народников. Понятно, Бурнакин вновь приводит список евреев-

революционеров: Гоц, Гершуни, Рутенберг, Бронштейн-Троцкий (*звездный час которого был впереди*), Парвус (*пресловутый на страницах известного романа*), Рубинович, Азеф. С этим все ясно.

Намного интереснее литературные дела. Бурнакин все-таки какой-никакой, но литератор и поэт. Посему со скрежетом зубным он говорит о победе «декадентов» на страницах журнала «Северный вестник», родоначальник нового течения – журнал, основанный Волынским-Флексером «вкупе» с Минским-Виленкиным и Любовью Гуревич. А вот кому принадлежит знаменитая фраза: «Русская скульптура – кто ее творцы: Антокольский, Гинзбург, Аронсон, Бернштам, Синаев-Бернштейн. Такие фамилии, что Русскому хоть с моста да в воду», – неясно. Я обнаружил ее впервые у Шмакова.

А далее идет список из сотни имен, проникших во все щели и поры русской литературы. Перечислять их затруднительно, посему остановимся лишь на «знаменитостях». Тех, которым и сам Бурнакин не отказывает в таланте: Корнфельд, Гершензон, Венгеров и Венгерова, Айхенвальд, Абрамович-Кадмин, Л. Шестов-Шварцман, П. Коган, Н. Лернер, Фриче, Волынский-Флексер, Л. Гуревич, Бродский, Лурье, А. Эфрос.

В театральной критике – Н. Эфрос, Номо Novus – Кугель, Lolo – Мунштейн, Яков Львов-Розенштейн; в публицистике – Изгоев, Каминка, Гессены, Дионео-Шкловские, даже Владимир Жаботинский и т. д. и т. д. В беллетристике – О. Дымов-Перельман, С. Юшкевич, Д. Айзман, С. Ан-ский, А. Грин и т. д., в стихотворчестве – Минский, Саша Черный – Гликсберг, Амари, Тан-Богораз, Дм. Цензор, К. Льдов, М. Гофман, Биск и вплоть до юного Ильи Эренбурга.

Но и этого мало – нововеоменец проводит экспертизу на чистоту крови и под подозрением оказываются Аверченко, он же Лифшиц, Сергей Городецкий, Корней Чуковский и даже для него сомнительны Мережковский и Короленко.

Список, конечно, не исчерпывает действительности, и сам автор делает передышку и продолжает «дополнительный» синодик пишущих, картавящих иудеев. Вот он: Илья Марков Василевский («Не Буква»), Клячко (Львов) и ещё 50 имен, среди которых я с ужасом обнаружил и Александра Бенуа. (*Итальянско-французское происхождение семьи Бенуа известно давно, что же касается примеси еврейской крови, то на неё впервые указал Сигизмунд Либрович в книге «Нерусская кровь в русских писателях».*²⁸ *«Историк русской живописи и художественный критик Александр Бенуа – потомок французского еврейского рода, давшего целый ряд талантливых людей»*). Можно смело сказать, что Серебряный век трудно представить без

этих имён. В громадном большинстве это люди, честно служащие на литературной ниве, что, как ни странно, признается частично Бурнакиным, но и тем хуже! Ибо: «Среди Евреев, пишущих по-русски, конечно, есть люди подлинного знания и искренней любви к литературе и ее истории. Таковы: Вольтинский, изучавший Достоевского, Венгерова, историк литературы, и Лернер, посвятивший себя Пушкину, Айхенвальд, пылающий нежной любовью к нашим классикам, Гершензон, возлюбивший славянофильство, и многие, многие другие, но... но лучше бы они не знали и открыто презирали нашу духовную сокровищницу. Ибо они по-еврейски любят и оценивают. Достоевский у Вольтинского получается с длинным носом, а К. Аксаков у Венгерова похож на цадика; а у наших классиков, как они выставлены у Айхенвальда, – чуть-чуть гортанный говор и какая-то семитическая чувствительность... И я не знаю, и ещё вопрос, что страшнее для России, для нашей литературы – ненависть или любовь Евреев?»²⁹ Читать этот бред в какой-то степени обидно. Дело в том, что примеры участия евреев в беллетристике в начале XX века почти сводятся к второстепенным и третьестепенным писателям: О. Дымов, Айзман, Свирский, Юшкевич.

Но так оно и было. Овладение русским словом за одно поколение с момента выхода из еврейского местечка – дело невероятно сложное. Зубоскалы из «Стрекозы» не раз издевались над еврейским акцентом. К месту вспомнить «всамделишный» случай, произошедший с издателем, публицистом и общественным деятелем Александром Осиповичем Цедербаумом (1816–1893), дедушкой Юлия Мартова. Он встречался с министром просвещения И. Д. Деляновым, при котором была проведена контрреформа образования. *(Так называемый указ о «кухаркиных детях» и введение процентной нормы для евреев.)* Как ни странно, у Цедербаума с Деляновым сложились добрые отношения. Цедербаум выступал в качестве просителя. Как ему удавалось при его акценте и несовершенном знании русского языка быть убедительным – трудно сказать: но Делянов ему никогда не отказывал. Однажды министр спросил его: «А чем же вы живете, господин Цедербаум?» На что последовал ответ: «Всегда своей перой, Ваше превосходительство». Вероятно, под «перой» подразумевался литературный труд. Старик сам смеялся, рассказывая эту историю.³⁰ Но и навсегда останется в русской детской литературе «Рыжик» Свирского – любимое чтиво и моего детства. Ничего «специально еврейского» в нем обнаружить не удастся.

Поэтическое слово давалось легче, и как раз в заслугу евреям можно поставить то, что они первыми вырвались из скучного поэтического плена 80-х годов. Именно они подготовили приход символистов в большую литературу. В одной из статей «Прямого пути» великий Александр Блок причислен к евреям. В год своей смерти А. Бурнакин (1932 год) мог уже ясно видеть Олимп русской поэзии, на вершине которой находились и Мандельштам, и Пастернак. Что же касается прозы, то наличие Пильняка, Андрея Соболя, Бабеля и «Серапионов» вполне компенсировало так называемый еврейский вклад в русскую прозу...

22.8.02 г.

Пишу после долгого перерыва. Перечитав прошлые записи, вот что я думаю о сотнях еврейских графоманов, заполонивших русскую литературу даже не начала XX века, а начиная с 20-х годов. Первое – им несть числа. Второе – все-таки графомания, являющаяся национальной болезнью евреев, – вещь вполне безопасная. У многих других наций пороки куда хуже. Так что грех прощительный. Но все же... Получил в подарок трёхтомник Светлова. Я всегда был невысокого мнения о его виршах. Знал, что он был в свое время троцкистом и даже был исключен из комсомола. На дому у него печатались листки оппозиции, но всё обошлось благополучно. Почему? Думаю, спас его закон больших чисел, а не нечто другое. Пересмотрел его лиру и даже был расстроился. Ну не считать же «Гренаду» и «Итальянца» за образец. Есть вещи страшные с высоты времени – вроде восхищения чекистами. Конечно, нельзя человека вытаскивать из времени, но все же смотрите – вдруг в комментариях проскальзывает редакция «Ночного разговора» – я не верю, что это первая (редакция), как указано: надо было обмануть цензуру:

*«Скажи, это верно, что вся печать
Бешеным лаем полна,
И только Воронский должен молчать –
Один – как в небе луна?»³¹*

Ясно, речь идет о «Повести непогашенной луны» Бориса Пильняка и репрессиях против него и его покровителя Воронского...

А рядом «шедевры» вроде:

*«Старый ребе говорил о мире,
Профиль старческий до боли был знаком...
А теперь мой ребе спекулирует
На базаре прелым табаком».³²*

Полное отсутствие вкуса

28.8.02 г.

Стасов учился вместе с будущим композитором А. Н. Серовым в училище правоведения. В статье о своем друге он не преминул отметить его еврейское происхождение следующими словами: «В своих воспоминаниях о Серове» я буду иметь случай сказать ещё много об отце и матери А. Н. Серова и их разнообразном влиянии на него, а также о его даровитой сестре Софье Николаевне (в замужестве Дютур), товарище его детства, юности и художественного его воспитания. Замечу, пока не входя в подробности, что родственники матери Серова, в восходящей линии, принадлежали к еврейскому племени». Также у Стасова найдено упоминание о двух скульпторах-передвижниках, полагаю, еврейского происхождения.

О Позене: «Такой талантливый товарищ не может не быть желанною прибылью для Товарищества. И это будет первый ещё товарищ из числа скульпторов... г. Позен уже приступил и вот второй год является перед публикою с такими произведениями, маленькими, лепными из воску, которые сильно и немедленно всем нравятся и тем не менее истинно талантливы, полны истинной художественности и правды... Что меня глубоко радует, это именно то, что г. Позен прямо начинает с изучения национальностей и индивидуумов, а это такая редкость у скульпторов... На нынешней выставке целых два произведения в том же самом духе. Группа под названием «Шинкарь» представляет две разные национальности, два разных типа: сам шинкарь – еврей в фуражке и сибирке – сидит, согнувшись, на возу у своей бочки с сивухой и читает, от великого благочестия, по дороге к кабачку какую-нибудь наставительную книжечку, может быть, даже и религиозную... Народности, характеры индивидуальные – выражены мастерски. Мне кажется, от г. Позена надо ожидать много впереди. У него и талант есть, и самая твердая, по-видимому, решимость изучать жизнь, работать для дела, а не для праздной какой-то «скульптуры».³⁴

О Шохине: «Другой – Шохин, автор, проявивший свои таланты «посодержательнее и поинтереснее». Его работы «Старый дворецкий», «Жида-музыканты», «Беседа на улице». К сожалению, Шохин умер слишком рано.³⁵ Нелишне отметить, что героем Стасова, несмотря на критику, по-прежнему является Марк Антокольский.

Вот бы издать альбом еврейских художников и скульпторов родом из России конца XIX – начала XX века. Здесь были бы вышеупомянутые мастера и художники: Илья Львович Аскназий (1856–1902), Моисей Львович Маймон (1860–1924) и многие другие, которые крепко подзабыты. И вот ещё что – в приложении можно было бы дать картины собственно русских художников на еврей-

ский сюжет. Я, конечно, имею в виду не полотно библейского содержания, а жанр. Ну, например, работы В. В. Верещагина, Н. Н. Карамзина и даже картины М. Зощенко, отца знаменитого писателя. Я видел его репродукции в «Ниве». Увы, мечта неисполнима...

11.9.02 г

Опять пишу после долгого перерыва в год после американской трагедии. Надеюсь, что она раскрыла цивилизованному миру глаза. Что такое «цивилизованный мир»? Это двадцать стран Европы с добавлением двух стран Нового Света плюс Австралия плюс Новая Зеландия. Не считать же Валахию и Украину за представителей Европы? Но и это преувеличение – все хотят сделать грязную работу чужими руками. Например, французы. Они будут втихую аплодировать и в открытую лить крокодиловы слезы по несчастным исламистам. *(К месту о французах. Илья Эренбург с иронией писал о некоторых «борцах» против наци во Франции. Он спрашивал официанта, обслуживают ли они оккупантов. «Увы, мы вынуждены, но поверьте, месье, перед тем как подать блюдо, мы предварительно в него плюем...» Тут нечего добавить...)*

А теперь немного об Ипполитове-Иванове. Михаил Михайлович (1859–1933) любил Восток. По радио часто исполняют его восточные мелодии, красоты чрезвычайной. Естественным было его обращение к еврейской тематике. Он написал «Три библейские стихотворения для голоса с фортепиано», «Семь псалмов царя Давида для голоса с аккомпанементом фортепиано или арфы». Подобно своему учителю Чайковскому, он писал романсы на слова поэта-еврея Даниила Ратгауза. Теперь внимание антимаасонов: Ипполитов-Иванов создал «Гимн пифагорейцев восходящему солнцу, для смешанного хора с сопровождением 10 флейт, двух арф, тубы и органа ad libitum: слова А. Амфитеатрова». Пифагор считается чуть ли не отцом-основателем масонского общества. Следовательно, и композитор был членом какой-то ложи... В 1888 году была написана опера «Руфь». Комментарий такой: «Библейские картины в четырех актах, посвящено Чайковскому».

Эта тема занимала композитора долгое время. Он вёл длительную переписку с Чайковским. В письме от 1 июля 1887 года он благодарит учителя за моральную поддержку в творчестве и объясняет причины выбора темы: «Многие у меня спрашивают, почему я выбрал малосценичный сюжет «Руфи»?... писал я «Руфь» потому, что меня пленила спокойная идиллия, библейская картинность. Я даже думаю назвать «Руфь» не оперой, а библейской картиной...

Вы благословляете ее на постановку в Москве или в Петербурге, и я беспредельно счастлив». ³⁶ В своих воспоминаниях Михаил Михайлович писал: «В то время я только что приступил к сочинению оперы «Руфь» по черновикам либретто А. К. Толстого, набросанного им ещё до поступления моего в консерваторию, т. е. летом 1875 г. и найденного в бумагах покойного летом 1881 г... В разработке этого либретто принимал участие и поэт Д. Н. Церетели, гостивший летом в 1881 г. у Толстых и также приложивший к либретто свою талантливую руку».

Но и этого показалось Ипполитову мало, и он попросил мнение у А. Н. Островского. Михаил Михайлович писал: «Великий драматург очень заинтересовался: во-первых, в какую поэтическую форму вылилась чудная библейская идиллия в руках двух поэтов, а во-вторых, насколько эта работа удовлетворяет общим сценическим требованиям. С большим волнением я принес ему либретто и все, что было мною написано, а сделано было почти два акта. Александр Николаевич очень милостиво отнёсся к поэтической стороне работы, а сценическую жестоко раскритиковал. Пока дело шло о завязке событий в прологе и первом акте в чисто идиллическом настроении, всё ему нравилось – и план, и стихи, но дальнейшее развитие подверглось беспощадной критике». ³⁷

В письме к В. Н. Зарудной Ипполитов с восторгом писал, что Островский обещал помочь в разработке либретто, ибо опытность Александра Николаевича гарантировала успех оперы с литературной стороны.

На встрече у меня дома я как-то говорил об опере «Руфь» с всемирно известным дирижером Юрием Арановичем. Тот загорелся поставить оперу то ли в Италии, а то и в Израиле. Его желанию не было дано осуществиться – смерть отняла у меня друга...

В дополнение несколько слов о братьях Рубинштейнах. О российской «благодарности» к ним мне уже приходилось писать. Созданные Антоном и Николаем Рубинштейнами музыкальные консерватории в двух столицах, положившие основы русской музыкальной славы, соответственно, носят имена Римского-Корсакова и Чайковского. Считаю это несправедливым, как и несправедливо забыт Первый международный музыкальный конкурс в России, учрежденный Антоном Рубинштейном. Действительно, *sic transit gloria mundi*. Зыбка земная слава, особенно настоящая на антисемитизме... Но вот что случайно выяснил из сборника Ипполитова: оказывается, в Москве старанием Николая Рубинштейна был создан музыкальный музей. Именно его личная коллекция легла в

основу Государственного Центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки.³⁸

Здесь, кстати, к месту вспомнить израильского скрипача Семена Яковлевича Мельника, выпускника Ленинградской консерватории, учредившего из своих скромных средств стипендию лучшим студентам консерватории по классу рояля имени Антона Рубинштейна. Не знаю, сохранилась ли стипендия после преждевременной кончины Семена Яковлевича.

17.11.02 г.

Вспомнил писателя Геннадия Гора, автора интереснейшей книги рассказов «Живопись», и субботника Давида Бондарева.³⁹

Время от времени я перечитываю Геннадия Гора (1907–1981). Он чрезвычайно тонко пишет о живописи. Пожалуй, лучше всех, писавших о ней, в том числе и известного писателя Владимира Лидина (Гомберга).

Геннадий – это псевдоним, настоящее имя писателя – Гдалией Самойлович. Впрочем, и в фамилию я не верю – слишком кратко и литературно – наподобие Блока, Грина. Первый год жизни будущий писатель провел в тюрьме – его отец был террористом, и родился Гор в Верхнеудинске. Память писателя была удивительна, и я жалею, что он не написал о Давиде Бондареве.

Вот воспоминания писателя в третьем лице: «Художник вспомнил, как он в таёжной алтайской деревне, где жили кержаки, познакомился с восьмидесятилетним пасечником, который не получил возможность стать Платоном, Гегелем или Спинозой только потому, что не учили его грамоте. Каждое слово, которое он произносил, было словно вынуто из глубин бытия и, прежде чем выйти на свет, было промыто в такой первозданной свежести и такой мудрости, словно с художником заговорили лес и река, приняв образ этого старого пасечника... Его слова таяли, как тает снег в ручье, или вдруг принимали невыразимый смысл, словно только что каким-то чудом были переведены с языка звенящей и лепечущей замедленной струи горной воды, падающей с камней...» Совершенно дивно!

Кроме того, у Гора я подсмотрел описание «еврея-тунгуса» Михайло Фриденштейна: «...приятель деда, высокий крестьянин с широким русским лицом, косыми тунгусскими глазами и нелепо звучащей еврейской фамилией – Фриденштейн».⁴⁰ Я уже писал о ссыльных евреях, которые обзаводились туземными женщинами, за неимением евреек. Так природа создавала Фриденштейнов и Поляковых.

17.2.03 г.

Почему в современной России не любят Тургенева? В сравнении Достоевский всегда перевешивает. Конечно, идет экранизация «невинных» произведений – «Дворянских гнезд», «Рудина», была экранизация «Отцов и детей», да, увы, весь смысл похерили. А вот «Дым» с мыслями Тургенева-Потугина вызывал и вызывает ненависть современников – прошлых и настоящих. Это произведение, конечно, не читается и не пропагандируется. Отсюда у Достоевского пасквиль на Тургенева, месть за свое нравственное убожество. (*Кармазинов в «Бесах»*)...

10.3.03 г.

Известная русская фамилия Манасеины иногда писалась «Манассеины». Известны с XVI века. Легко найти в фамилии еврейские корни – от Менаше, еврейское имя. В русской транскрипции Манассия – старший сын Иосифа, внук Якова, основатель одного из колен Израиля. Под именем Манассия известен 15-й иудейский царь. Особенно популярно было это имя в Нидерландах.

Наиболее известные в XIX веке двое братьев Манасеиных: Манассеин Вячеслав Авксентьевич (1841–1901), терапевт, профессор Медико-хирургической академии, редактор еженедельника «Врач», и Манасеин Николай Авксентьевич (1834–1895), юрист, занимавший пост министра юстиции с 1885 по 1894. Николай Авксентьевич, будучи в начале либеральной эпохи политическим деятелем, в должности министра во времена Александра III проводил политику притеснения свободы судов. Все же при нем были отменены телесные наказания для женщин, законы о ростовщичестве, законы об усыновлении и так далее.

Его брат Вячеслав Авксентьевич, великий врач, был человек, не изменивший своим либеральным взглядам. За свою честную медицинскую экспертизу неоднократно стоял перед судом. К евреям относился с высшей предупредительностью и, где мог, помогал им. Негодовал на министра И. Д. Делянова, введшего новый университетский устав с процентной нормой:

«Тогда... (Делянов)... был красный либерал, а теперь посмотрите, каких бед натворил: и этот университетский устав ввел, и процентную норму для евреев, и закрыл Высшие Женские Курсы! Я не хочу с ним встречаться; но когда он, вспоминая старину, зовет меня как врача, я иду к нему, ибо как врач я не могу отказать никому в своей помощи».⁴¹

21.3.03 г.

Уже прошёл год с того момента, как я стал дедушкой. Внучка родилась в Англии. Во время родов дочки я пребывал в госпитале с сердечным приступом.

Но к делу! Анатолий Федорович Кони, несомненно, еврейского происхождения. Так «думал», например, Тейтель. Вероятно всего, со стороны отца – фамилия, в корне которой легко найти иврит. Думаю, от слова «Кон»: коены, коганы, когоуты, Белы Куны и английский актер – великий Кин – все потомки первосвященников, аарониды. Отец А. Ф. Кони – известный писатель, водевилист, историк, особенно истории театра, и издатель Федор Алексеевич Кони (1809–1879), родившийся в Петербурге в семье «прусской нации московского купца», что немного смешно. Сам Кони в одном из своих водевилей обыграл свою странную фамилию:

*«Нет, меня не облапошат!
Я придумал все хитро:
Напишу, что Кони – лошадь,–
Благородно и остро».*⁴²

Н. А. Некрасов также прошёлся по этому поводу: «Ваши враги вас бранят, смеются над вашей фамилией, делают из нее каламбуры...»⁴³

Русская песня также многим обязана Кони. На его слова «Рано, цветок, ты в поле распустился», сочиняли романсы и А. Е. Варламов, и И. А. Репин, и К. Н. Лядов. Была очень популярна «баркарола»:

*«Гондольер молодой, взор мой полон огня,
Я стройна, молода. Не свезешь ли меня?
Я к Риальто спешу до заката!»*

Музыку на слова Кони написали А. Е. Варламов и К. К. Арнольди. Всего же было положено на нотный стан двенадцать стихотворений Ф. Кони. Нет спору – разносторонне талантливый человек, словно пришедший из итальянского возрождения. Жаль, что ныне забыт.

Сыну – Анатолию Федоровичу Кони – также пришлось «сражаться» за честь своей фамилии. Так, известный пасквилянт и антисемит В.П. Буренин после зачисления юриста в сенат писал:

*«В сенат коня Калигула привел.
Стоит он избранный, и в бархате, и в злате.
Но я скажу: у нас – такой же произвол:
В газетах я прочел, что Кони есть в сенате».*

Но и сын за словом в карман не лез и ответил, блестяще:

*«Я не люблю таких ироний.
Как люди непомерно злы!
Ведь то прогресс, что нынче Кони,
Где прежде были лишь ослы...»⁴⁴*

Кстати, дедушка А. Ф. был владельцем магазина оптики. Он учился на медицинском факультете Московского университета, затем перешел на словесное отделение. Был издателем лучшего для своего времени театрального журнала «Пантеон русского и всех европейских театров», а также других изданий. Его книга о Фридрихе Великом вышла на русском языке в пяти тысячах экземпляров – громадным тиражом по тому времени – и разошлась. Специально была переведена на немецкий язык для прусского короля. За эту книгу Алексею Кони присвоили почетное звание доктора философии Иенского университета.

Я выяснил, что по матери у самого А. Ф. Кони – двоюродным дядей был писатель Александр Фомич Вельтман (1800–1870). Занимал должность директора Оружейной палаты. Был чрезвычайно интересным человеком и разносторонне образованным. В «Истории одного мифа» я проанализировал одно место из романа «Странник», где дано каббалистическое толкование древнееврейского алфавита и вообще описание Пурима, что, как будто, «странно». Но вообще, свою фамилию до середины 20-х годов он подписывал как Вельдман, якобы помня своих шведских родственников. Все это так, но он по матери – Евреинов! Старинная русская фамилия крещёных евреев времен Алексея Михайловича, столько давшая русской культуре. Об том я тоже писал. Итак: «Parente oblidge!» – обязывающие родители! Мать Анатолия Федоровича, урожденная Ирина Семеновна Юрьева, по сцене Сандунова (1811–1891), писательница и актриса. Она приняла фамилию своей дальней родственницы – знаменитой актрисы. Юрьева воспитывалась в доме дяди Вельтмана. Но и этого мало: крестным отцом великого юриста был писатель и вице-губернатор Иван Лажечников (1790/1792–1869). Тот самый автор знаменитого «Ледяного дома». Роман «Басурман» (1838 г.) и пьеса «Дочь еврея» (1849 г.) проанализированы мной. Время действия «Басурмана» – княжение Ивана III и ересь жидовствующих. С большой теплотой пишет о сектантах и евреях. «Дочь еврея» – современная жизнь провинциального города и тема глубокой веротерпимости. Приёмная дочь оказывается еврейкой. Учтём обстоятельство, что Иван Иванович был вице-губернатором в Витебске и знал жизнь евреев не понаслышке...

Возвращаясь к «моей любимой женщине» (*всегда так называю: очень люблю её «широкую» натуру.* – С. Д.) – Елизавете Александровне Шабельской, добавлю, что она однозначно утверждала еврейское происхождение Кони в романе «Сатанисты XX века». Рассказывая о «радостях», испытываемых либералами по поводу конституции, вырванной графом Помпеем Васильевичем Вреде (графом Витте), приводит слова одного из присутствующих на торжественном молебне в Казанском соборе:

«Будем надеяться, что наша конституция окажется не слишком кучой», – бархатным голосом вымолвил маленький старый сенатор с необычайно некрасивым и необычайно умным лицом.

Анна Петровна (*ипостась самой Шабельской – С. Д.*) знала Кони с молодости. Это был побочный сын выкреста журналиста и бывшей крепостной актрисы. Силой таланта сделал он карьеру в Самодержавной России, превратившей незаконнорожденного жиденка в важного влиятельного сановника... Он же благодарил Россию сегодня, отвергая Самодержавие, сделавшее его человеком!.. Будучи членом Правительственного Сената, он торопился выступить против законного правительства. Давши присягу блюсти и законы Российской империи, он одобрил попытку нарушить эти законы и разрушить Империю, давшую ему имя, положение, значение, состояние и независимость!»⁴⁵ Насчет крепостной актрисы не совсем ясно. Ирина Семеновна – мать А. Ф. была дочерью аудитора, рано осиротевшая и получившая пристанище и воспитание в доме дяди Вельтмана. Не отсюда ли Лажечников заимствовал сюжет «Дочери еврея»? Что такое «аудитор»? Аудитор в России – это младший судебный чиновник, поначалу только армейский, а затем и гражданский, следящей за исполнением законов. У Даля – «военный делопроизводитель, законник, чиновник для военного судопроизводства, письмоводитель и стряпчий, или секретарь и прокурор в одном лице». Энциклопедия братьев Гранат дает такую дефиницию: «Аудитор – лицо, исполняющая при военных судах должность судебного следователя или пристава».

Нехватка аудиторов заставила правительство набирать на эту должность лиц из кантонистов начиная с 1817 года. Не исключено, что отец Ирины Семеновны был евреем из кантонистов...

Выше сказано, что долгие годы подругой Анатолия Федоровича была писательница Рахиль Хин (*Гольдовская Рашель Мироновна, 1863–1928. Имеется и другая дата рождения – 1858. Я, зная маленькие хитрости женщин, склоняюсь к этой дате. В первом браке Хин носила фамилию Фельдштейн. Кажется, Кони не без ехидства в*

письме академику А. А. Шахматову называет ее по тройной фамилии Хин-Фельдштейн-Гольдовская.) Вторым мужем был московский адвокат, поверенный Онисим Борисович Гольдовский. Сын Миша воспитывался на границе двух религий – иудаизма и христианства, что вызывало беспокойство Рашель Мироновны. По этому поводу она писала письма Кони. (Вообще, в архиве писательницы сохранилось около 300 писем к Анатолию Федоровичу. Лишь ничтожная часть их опубликована. Хоть глазком бы посмотреть...)

Вот ответ Кони Гольдовской на поставленный вопрос:

«Вы пишете о Мише. Мне не придется, вероятно, видеть его юношеский расцвет, но если бы я до этого дожил, то – будет ли он, мой милый знакомый незнакомец, еврей или христианин, мое поддержка и сочувствие принадлежит ему заранее, во имя его пострадавшей матери. С вопросом о нем торопиться незачем – лет до восьми можно оставить *status quo*. А там многое может ещё перемениться. Главное, не падайте духом и не теряйте веры, что ему предстоит светлое будущее. Знаете прекрасную болгарскую поговорку: «Кто посеял со слезами – тот пожнет с радостью»... У нас обострение вопроса, который Вас мучит, есть дело газет и бюрократических воззрений. Общество в существе относится к нему спокойно – одна адвокатура из соображений ремесленного свойства к стыду своему приняла участие в реализации газетных вожделений. Но, знаете ли, здесь, за границу, это движение гораздо серьезнее и глубже. Несмотря на пользование гражд[анскими] правами и сравнительную независимость – евреи не могут не чувствовать здесь своего отчуждения и окружающей их худо скрытой ненависти. Уже одно то, что антисемитизм организовался в мужественную политическую партию, посылающую своих представителей в парламент, есть явление первой важности. Нельзя не сказать, что «*la Juiverie de la haute Banque*» (еврейство высших банковских кругов – франц.), как ее называют французы, дает немало поводов к раздражению своему надменностью и насилием над совестью своих сочленов. Теперь здесь производит большую сенсацию (в газетах помещаются стенограммы, телеграммы) возникшее во Франкфурте дело о «делании» сумасшедшим по настоянию родственников и *Vorstand' a der judischen Cemeinde* (представителей еврейской общины – немецк.) богатого еврея, совершенно здорового (он пробыл, однако, в Либенштадте в вилле сумасшедших в самых тяжелых условиях в руках еврея-директора семь месяцев за то, что не хотел подчиняться всем особенностям устарелого и мрачно-изуверского ритуала). Эта история, о которой не решается умалчивать даже австрий-

ская пресса, *qui essentiellement Israelite* (представителей еврейской общины), которая в основном еврейская...»⁴⁶

Немного передождём... Письмо распадается на две части: личную и общественную. Будучи логиком, Анатолий Федорович подталкивает корреспондентку и друга воспитать сына в христианстве. Делается это следующим образом. Антисемитское движение существует в России, и, по мнению знаменитого адвоката, менее значительное, чем на Западе. Вероятно, Кони имеет в виду деятельность Эдуарда – Адольфа Дрюмона во Франции и Адольфа Штекера в Германии. При этом он замечает, что на Западе существует формальное равенство разных конфессий, в отличие от России. С сыном же он советует повременить лет до 8-ми, может быть, обстановка прояснится. Напомним, что в следующем году из Москвы началось массовое выселение евреев, а через 14 лет в Кишинёве был первый погром нового века. А дальше лучше не вспоминать, что ждало маленького Мишу. Пророчество о светлом будущем было лишь успокаивающей фразой старого скептика.

Мальчик вырос и стал Фельдштейном Михаилом Соломоновичем (1885–1939), юристом (*это и понятно*) и политическим деятелем. Вопреки пессимизму относительно своего долголетия, Анатолий Федорович дожил до женитьбы Миши в 1912, ибо передавал привет ему и его жене, «очаровательной Евиньке» Фельдштейн, а также радуется его успехам и радуется за материнское сердце.⁴⁷ Как мы увидим, сын «многострадальной матери» преуспел на поприще на радость любящей семье.

В 17 (!) лет он уже приват-доцент и профессор Московского университета, что, скорее всего, говорит о его крещении. Стал специалистом в области политических учений. Но уже в 1919 году начался его крестный путь – он был арестован за принадлежность к организациям, стремившимся свергнуть Советскую власть. В августе 1920 г. Верховный ревтрибунал приговорил большинство арестованных, в том числе и Михаила Соломоновича, к расстрелу, заменённому тюремным заключением. В 1921-м он был амнистирован. Дальнейшая судьба неизвестна, но год смерти подозрителен... К счастью, и мать Михаила, и Кони не дожили до этого времени. Долголетие матери и Анатолия Федоровича столь далеко не простиралось, слава Богу

Что же касается «мужественной политической» антисемитской партии, то это были ягоды. XX век дал настоящее и «окончательное» решение еврейского вопроса при помощи «мужественных» членов партии, и не только в Германии. Второй аспект более инте-

ресен для меня, ибо я вижу, что юрист и «либерал» Кони верит в «Status in stato» евреев, в их громадную банковскую и общественную силу, ломающую неподчиняющихся ей, в т. ч. и своих сочленов. Прямо взято из «Протоколов Сионских мудрецов». Недурной букет! Что думал об этом великий юрист – нам не дано знать.

В письмах к профессору Б. Н. Чичерину, известному защитнику евреев, Кони неоднократно жалуется на нравственное одиночество, испытываемое им в Сенате: «Если бы Вы слышали, что приходится, напр[имер], слышать на общих собраниях Сената по вопросам об иноверцах и инородцах! Или что говорится даже между юристами, напр[имер], по поводу пересмотра дела Дрейфуса! Нравственное одичание и какое-то своеобразное «ожирение души» чувствуется во всем. Когда я вижу вокруг себя те самые лица, которые видел после чтения письма Хлестакова к Тряпичкину городничий, когда я слушаю речи, напоенные человеконенавистничеством, когда созерцаю удивительные в зоологическом отношении спины совсем без позвонков, несущие на себе головы недавних ученых, сенаторов, вчерашних либералов и даже красных(!), я закрываю глаза...»⁴⁸

Писал Кони про Дрейфуса и Толстому, но, кажется, стучался в закрытые двери: Толстой весьма прохладно относился к этому делу. Толстому «претила» дружная защита евреев, в то время как тысячи безвинных и безымянных томятся в тюрьмах и ссылках. Но об этом я писал. Вот приписка юриста Кони: «А каковы французы с делом Дрейфуса? Я давно не видывал такой массовой потери чувства и жажды справедливости».⁴⁹

А по поводу дела Бейлиса он писал вдове Бориса Николаевича Чичерина, опять оставаясь юристом и пророком, голос которого – глас вопиющего в пустыне: «Достоинство правосудия подвергается тяжкому испытанию по делу Бейлиса, которое вырывает ещё глубже пропасть между евреями и русскими и вместо единственно возможного сближения и ассимиляции ведет к ожесточению и затаенному мщению... Я с удовольствием думаю, что скоро умру и не буду видеть последствий всего этого».⁵⁰ Напрасная уверенность – Анатолий Федорович умер через 14 лет. Увы, нам не дано заглянуть в будущее, и Анатолий Федорович сполна выпил чашу мировой трагедии, что можно выразить строками Александра Блока:

*«Что поделать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута».*

А теперь важнейший момент биографии великого юриста. Внимание! Идет революция 1905–1907 годов. И как раз в середине этой пробы сил, в субботу 15 июля 1906 года, А. Ф. был извлечен из своей дачи в Курорте по совершенно неожиданному поводу: Столыпин пытался составить «либеральное» правительство. Петр Аркадьевич произвел на Кони впечатление порядочного, искреннего и доброжелательного человека. Принимал премьер в своем доме на Аптекарском острове: покушение на него, когда пострадали невинные люди и его семья, было впереди. Смысл предложения Столыпина состоял в том, что перед Государем были три дороги: путь реакции, передача власти кадетам и, наконец, образование коалиционного правительства. Причём имя Кони считалось «брендом», который привлечет симпатии общества.

Путь реакции нежелателен, кадеты скомпрометировали себя Выборгским воззванием; остается третий путь. Мы знаем конец этой былины: «богатырь» Николай Александрович Романов скатился к первому варианту, но не о нём речь.

Кони сразу берет быка за рога и ставит вопрос о смертной казни. Ясно, что Столыпин, ссылаясь на прерогативы императора, не может дать согласия на этот пункт. Затянулся «столыпинский галстук» по вине всех – всё общество отринуло единственный приемлемый выход.

Но нас интересует один из пунктов отказа А. Ф. участвовать в коалиционном правительстве, и этот пункт касается еврейства. Алексей Иванович Гучков (1862–1936), лидер «октябристов», ратовал за немедленное раскрытие черты оседлости. «Либерал» Кони был против. Почему? Вот его ответ: «...он не хотел согласиться со мной, что при всей справедливости такой меры вторжение десяти миллионов евреев в самые недра русского народа и во все закоулки русской земли должно быть разрешено народным представительством, а не советом министров, которому должно принадлежать лишь право внести такой законопроект, не принимая на свою совесть ни могущих произойти погромов, ни того, что Дума может решить вопрос иначе. «Пусть посмеет!» – замечал по этому поводу Гучков».

Ай да либерал, ай да Кони! Где же он нашел эти десять миллионов евреев. Где? Статистика давала всего-навсего шесть миллионов. Но, конечно, не в цифрах дело. А дело в аргументации – аргументация абсолютно черносотенная, лишь вместо слова «погром» у них употреблялся эвфемизм – естественная реакция православного населения на еврейское насилие...

После бессонных ночей и постоянных уговоров Кони возвращается в свою петербургскую квартиру на Невском (*точнее – Рождественская д. 3, что почти на углу знаменитого проспекта*). Идет дивное описание белой, но, увы, беспросветной ночи: «В невыразимой и беспомощной тоске бродил я по комнатам и выходил на балкон. На улице было совершенно светло, и, как бы в довершение ужасных известий о солдатских и матросских бунтах, указывающих на разложение внешней мощи России, мне пришлось быть свидетелем возмутительных сцен бесстыдного животного проявления необузданного разврата на главной улице столицы, если не среди белого дня, то среди белой ночи...»⁵²

Дело не в Кони. И дело не в Столыпине и не в Гучкове. В конечном итоге – все они хотели выйти из кризиса, но запутались в силлогизмах, и неуклонно Россия покатила под откос. И Ваш мизерный процент в этом есть, уважаемый Анатолий Федорович... Ибо к кому относятся слова из письма А. И. Южину-Сумбатову: «Читали ли Вы протоколы следственной комиссии 1917 года с показаниями людей, управлявших Россиею? Какое ничтожество, какое забвение, что «*gouverner – c'est prévoir*» – управлять – значит предвидеть (*фр.*), какое покивание глав друг на друга! Просто омерзительно читать».⁵³

Послесловие к вышесказанному.

Общаясь с представителем польского «Коло» графом Грохольским, красивым атлетическим поляком, вполне русофобом, Анатолий Федорович услышал и другие варианты решения еврейского вопроса: «[он] доказывал..., что полная эмансипация евреев желательна для освобождения от них. «Снимите, – говорил он, – все ограничения с евреев, и через пять лет их больше не будет: их всех вырежут. Есть, пожалуй, и другое средство: совершить обрезание на два сантиметра выше».⁵⁴ Так примешивалась польская ненависть к России к врожденными шуткам по отношению к евреям...

2.4.03 г.

Я писал о В. Ф. Одоевском и даже опубликовал его неизданную статью «Поход татарщины против евреев», касающуюся эмансипации еврейства. Полагаю, что написал неплохо. Но, в принципе не имея доступа к большим библиотекам и архивам, выискиваю «жемчужины» в чужих писаниях. Начав в духе славянофильства, борьбой с «гнилым Западом», Одоевский, побывав на международных конгрессах, резко изменил свои взгляды на русскую историю, царствование Петра и т. д. То, что он писал о доморощенных псевдопатриотах, видит Бог, актуально и на сегодняшний день:

«Толкуют о каком-то допотопном славяно-татарском у нас просвещении – так пусть оно при них и останется, пока они не покажут нам русской науки, русской живописи, русской архитектуры в допетровское время; а так как, по их мнению, вся эта допотопная суть хранилась лишь у крестьян, не испорченных так называемыми балуй-городами, как, например, Петербург, Москва, Ярославль и др., то мы «можем легко увидеть сущность этого допотопного просвещения в той безобразной кривуле, которую наш крестьянин царапает землю на его едва взбороненной ниве, в его посевах кустами, в неумении содержать домашний скот, на который ни с того ни с сего находит чума, так, с потолка, а не от дурного ухода, в его курной избе, в его потасовке жене и детям, в особой привязанности свёкров к молодым невесткам, в неосторожном обращении с огнем и, наконец, в безграмотности».⁵⁵ Ах, Солоухины, ах, Чивилихины, ах, Гумилёвы. Что же вы опоздали на поезд?

21.4.03 г.

Читаю военные дневники Бориса Полевого. В XXI век несколько странно, ведь явно цензурированные, как самим собой, так и «всевидящим оком». Но все же... Во-первых: кто такой писатель Полевой? Ясно, что им взят псевдоним из прошлого века. Настоящая фамилия – Кампов, Борис Николаевич (1908–1981) По легенде, он взял перевод латинского слова «Сампус» – поле. Но я пессимист: есть однозначная фамилия Фельдман... Родился в Москве. Родители: отец – адвокат, мать – врач. Теория вероятностей, но не Ласкера, а моя, говорит следующее: на 90% был евреем. Две до революции еврейские распространеннейшие профессии выбившихся «людей из местечка». Отец, скорее всего, присяжный поверенный или даже помощник присяжного поверенного – «адвокат», слишком обтекаемо. Мать, по-видимому, дантистка или, с меньшей вероятностью, акушерка. Врач – это как-то тоже слишком обтекаемо. Русских женщин-врачей до революции было мизерное количество.

Борис Полевой начал писать рано. Первая его вещь вышла в 19 лет, под впечатляющим названием «Записки вшивого человека» (1927 г.). Всесоюзную и мировую известность ему принесла «Повесть о настоящем человеке» (1947 г.). Тут тебе и Сталинская премия, и невиданные миллионные тиражи, и кино, и опера великого Сергея Прокофьева. О главном герое, симпатичном летчике Маресьеве, оставшемся без ног, но сумевшем подняться в воздух, писаны тонны бумаги. Образ обязан так называемому русско-советскому ницшеанству. Герои Джека Лондона перекочевали на страницы русских книг. Тут и Николай Островский, и Лев Канторо-

вич, и прочие, которым несть числа. Конечно, это картонные рыцари. На что и обратил внимание Говард Фаст. В сцене умирания Комиссара в госпитале, где у постели стоит любимая женщина, идет кафкианский разговор о роли партии. Но, в конце концов, дети присвоят себе книгу о Мересьеве, как присвоили книги Джека Лондона, Островского и другие. И это справедливо.

Кстати, Говард Фаст считал Полевого соплеменником и другом. Глупо обижался, что Полевой скрывал от него убийство писателей-евреев. Что мог сделать Полевой, окружённый стукачами и имеющий заложников: жену и детей?..

В повествовании «В большом наступлении» Борис Николаевич рассказал об истреблении евреев. По тексту ясно, что много из него вытравлено. Но про описанный концентрационный лагерь под Черновицами «Бершадь» в «Чёрной книге» Гроссмана и Эренбурга – ни слова. Историю убийства евреев Полевой слышал из уст старовера. Как известно, на Украине и в Молдавии большую часть помогавших евреям людей составляли староверы, баптисты и другие сектанты.

Рассказ знакомый и страшный. Евреев вывезли из Черновиц и поместили в огражденное место, превратив район еврейских улиц в гетто и предоставив евреям умирать от голода и болезней. У выходов стояли часовые с пулеметами и строжайше запрещали населению общаться с обреченными. Администрация лагеря, видимо, состоящая из румын, начала свой черный бизнес, выменивая у несчастных драгоценные вещи на хлеб. Большинство было бедной, она-то стала умирать первой. Каждое утро под конвоем часовых раскрывались решетчатые ворота и оттуда выезжали фуры с мертвыми. Хоронили их в общих могилах.

«Дети там, как та травиночка. Одни косточки да ещё глаза», – рассказывала хозяйка. «Ну а вы что ж, так им и не помогали?» – несколько наивно спрашивает один из нас». Объяснение понятно. За помощь евреям расстреливали. Далее Полевой описывает посещение гетто-лагеря: «Сегодня мы, корреспонденты, коллективно сходили за ручей. Страшное это место. Между нормальными домиками прежней постройки, будто друзья каких-то грязных кристаллов, теснятся целые массивы развалюх, кое-как сколоченных из фанеры, старых досок, железных листов и бог знает ещё из чего. Хибары лепятся одна к другой, местами сплошняком, и все они буквально набиты людьми, истощенными до крайности...

Тени людей, облаченные в лохмотья, в отрепья некогда добротной одежды. Двигаются осторожно, точно по скользкому льду. В огромных глазах, кажется, однажды и навсегда застыла тоска». А затем уже совсем кафкианская вещь: оказывается, советская власть в 1944 году обратилась к освобожденным евреям... на идиш:

«У афиши, возвещающей на украинском и на еврейском языках о том, что сегодня с наступлением темноты на площади перед синагогой будет демонстрироваться историко-революционный фильм «Ленин в Октябре», большая молчаливая толпа. До темноты ещё далеко, но стоят, смотрят на афишу и не расходятся. Мне думается, что после всего перенесенного само созерцание этой афиши, любовно написанной на куске обоев, доставляет удовольствие». Это, так сказать духовная пища, но все учтено красным командованием:

«Командование перекинуло сюда большую группу военных врачей. Организовано шесть медицинских кухонь. На перекрестках улиц дымятся трофейные автокухни. Перед ними очереди людей с бидончиками, с мисками, с консервными баночками на веревочках. На пустырях раскинута улицы из трофейных палаток. Сюда переселили особенно бедствующие семьи.

Кажется, что несчастные ещё не пришли в себя, не до конца поверили в свое освобождение. Испуг, тоска ещё не угасли в глазах, и любая беседа, о чем ни заговоришь, со стариком или юношей, даже с ребёнком, *(кстати: на каком языке шел диалог? – С. Д.)* непременно закончится робким вопросом: «...Но все-таки – они не могут вернуться, они не придут?»

Не существует уже ворот, оплетённых колючей проволокой. Сторожевые будки свалены, распилены и уже ушли на топливо. Каждый может идти куда хочет. Об этом говорят объявления, это разъяряют военные, а вот не уходят.

Только юноши и мужчины призывного возраста гурьбой пошли на призывный пункт. Но в армию приняли лишь немногих. Большинство были взяты на учёт и отправлены восвояси. У них дистрофия, нервное истощение и всякие иные недуги... Когда же те, кого приняли, через день явились прощаться в своем новом обмундировании, за ними ходили люди, всем хотелось посмотреть на своих красноармейцев.

Начальник одного из действующих здесь медпунктов, женщина, майор медслужбы, рассказывала, что ей пришлось переодеться в штатское, ибо при виде её собирались целые толпы, часами теснясь возле палатки, где она вела приём. Ждали, чтобы только посмотреть на еврейку с майорскими погонами». Ай да Полевои, ай да молодец!

Далее цитирую его: «Покидали мы этот лагерь под вечер... По улицам бродили люди-тени, среди них попадались в чёрных длинных пальто, в ермолках, из-под которых на щеки выбивались эдакие завитые пряди волос, и хотя вечер был ясный, в руках у них были почему-то свернутые зонтики.

По обе стороны уже несуществующих ворот стояли две длинные горластые очереди. Одна перед кухней, расположенной на автомашине. Дюжий усатый солдат, подпоясанный по шинели засаленным фартуком, наливал черпаком в судки, в миски, ведёрки, консервные банки что-то вкусно пахнущее жареным луком. Напротив лейтенант и две молоденькие девушки раздавали маленькую газетку на еврейском языке, изданную политотделом какой-то части. Перед ними тоже теснилась очередь. Иные перебегают из одной очереди в другую. Это-то и вызывает шум. Между этими очередями медленно движутся дроги. На них гроб, за гробом идут родственники и знакомые, одетые в траур. Несмотря на все принятые меры, трудно поднять на ноги тех, кто одной ногой стоит уже в могиле. Люди здесь продолжают умирать».⁵⁶

Это длинная выписка сделана мною неслучайно. Мне кажется, что Полевой в главке «За колючей проволокой» был самим собой. В какой-то степени он расквитался за грех молчания. А для меня – описание спасения остатков европейского еврейства Красной Армией не пропаганда, а истина. Я молю Всевышнего, чтобы на Страшном суде это Спасение пошло в оправдание русскому народу, столько миллионов голов сложившему за правое дело уничтожения коричневой чумы. Еврейскому народу об этом следует помнить вечно. Я заклинаю своих потомков – всегда любить русский народ и простить его вины, вольные и невольные! *(Сейчас перечитал цитаты из Полевого и обратил внимание, что слово «Бог» – у меня с маленькой буквы. Обычно я исправляю советскую цензуру. Но не в этом случае: я не знаю, где был мой Бог в эти страшные годы... Надеюсь, что это не умаляет моей Веры.)*

Есть у Полевого тёплые слова в адрес фотографа Миши Бернштейна, погибшего на фронте, выполняя задание редакции. Кстати, известная песня про весёлого репортера, распеваемая во время войны военными корреспондентами, посвящена его памяти:

*«Оружием обвешан, прокравшись по тропе,
Неукротим и бешен, он штурмом взял КП.
Был командирский ужин им съеден до конца,
Полковник был разбужен и побледнел с лица.*

.....

*«Под Купянском в июле, в полынь, в степной простор,
Упал, сраженный пулей, весёлый репортёр».*

Он выполнил свой долг, и потому припев ставит точки над судьбой солдата. Весёлый фотокор, а песня печальная:

*«И вышли без задержки в то утро, как всегда,
«И «Правда», и «Известия», и «Красная звезда»».⁵⁷*

В примечании Полевой добавляет, что этого «храброго парня» Константин Симонов под другой фамилией вывел в романе «Живые и мертвые». А я вспоминаю киноленту «Жди меня», где погибшего фотокора Бернштейна играл замечательный актер Лев Наумович Свердлин (1901–1969).

28.4.03 г.

Люблю читать об «ожидовлении Москвы!» Чудо как хороши мемуары графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918). Он был гофмейстером, начальником Придворной певческой капеллы (1883–1895), московским губернским предводителем дворянства (1882–1917, до упразднения титулов), членом Государственного Совета, автором трудов по истории России. Фигура интересная, образованная, принадлежащая к старинному русскому роду. И вот сей «интеллектуал» в своих мемуарах льёт крокодиловы слёзы: «Явление грозное, всеми признаваемое, – это ожидовление Москвы. Оно началось при Долгорукове. Катков, никого не щадивший, о жидах молчал. Мало-помалу Израиль всё усиливался. Помню, сколько толков шло о постройке новой роскошной синагоги в Москве. Вопрос был жгучий и, кажется, поставленный неверно, но оставлять его неразрешенным было невозможно. В Москве этого вопроса прежде не было, теперь мы дожили до полновластия Израиля, проникшего везде. Нет сомнения, что этот предприимчивый и способнейший народ, безусловно, вреден для государственного строя». Затем камергер пинает ногами князя Долгорукова и, самое удивительное, великого князя Константина Николаевича, одного из главных деятелей реформ времен царя-Освободителя. «Злой и необузданный потомок Екатерины», схожий лицом с прабабкой, но не имеющий её ума, и припадочностью напоминающий деда, императора Павла, к «сожалению», имел пагубное влияние на Александра II.⁵⁸ Дальнейшее можно опустить. Хочется добавить в отношении «ожидовления» самого сиятельного графа. Его прадед, Василий Владимирович Шереметев (1743–1806), увы, был женат на Евреиновой, и их сиятельство собственной персоной женился на Екатерине Павловне, урожденной княгине Вяземской, внучке поэта, чьим предком был вице-канцлер Шафиров! А это истинное «ожидовление»...

Скептики легко могут проверить родословную Шереметьевых (с мягким знаком и без оно) по ряду источников.⁵⁹ Также эта тема широко освещена в книге С. Дудакова.⁶⁰

А род талантливый! Сводный брат графа Сергея Дмитриевича – Александр Дмитриевич Шереметев (1859–1931) был одарённым музыкантом, композитором, и начальником Придворной певческой капеллы (1909–1917). Он организовывал концерты в Петербурге.

Один из сыновей – Борис Сергеевич (1872–?), был офицером Кавалергардского полка. Трое же других – Дмитрий Сергеевич, Павел Сергеевич, Петр Сергеевич – были крупными «бизнесменами», владельцами текстильных и бумажных фабрик, лесопильных заводов. Так что «жидовская жилка» предпринимателей в них была крепка...

29.5.03 г.

Представляю, как мучается с моими текстами Ольга Борисовна Константинова. Она замечательный редактор, и надеюсь, что она не подведёт автора. Но вот по этому поводу вспомнил графа Алексея Константиновича Толстого. Его стихи редактировал друг и писатель-юдофоб Болеслав Маркевич. Толстой сравнивает его со сварливой женой великого греческого философа:

*«С супружней кротостью Сократа
Твою ксантипность я сношу.
Ругню, вранье, толчки, побои
Приняв, безропотно стою,
Смирненно под твои помои
Склоняю голову мою».*⁶¹

И я тоже смиренно склоняю перед ней свою повинную голову, в надежде, что меч её не отсечет.

3.6.03 г.

Когда я писал о Бенедиктове, Заболоцком, штабс-капитане Ильине и лже-капитане Лебядкине, зря не добавил, что «творчество» последнего изучал и Ходасевич. Он ставил перед своими слушателями задачу: кто написал следующие стихи?

*«И порхает звезда на коне
В хороводе других амазонок»*

И каждый раз получал мгновенный ответ: Блок.

Достоевский не писал стихов в нашем понимании, хотя легенда о Великом Инквизиторе, безусловно, поэма в белых стихах. Достоевский ценил поэзию Пушкина и даже Некрасова, но юношеское

увлечение Бенедиктовым тоже не прошло даром. Кажется, что это нигде не отмечено. И поэт Игнат Лебядкин дожил до времен «Столбцов». Если бы тогда прочитали следующие вирши:

*«Любви пылающей граната
Лопнула в груди Игната.
И вновь заплакал горькой мукой
По Севастополю безрукий», –*

то получали бы мгновенный ответ, что это Заболоцкий.

Для меня несомненно, что и Председатель Земного Шара также был обязан многим и Бенедиктову, и Лебядкину. Например, в цитируемой мной «Внучке Малуши» никого не должно обманывать указание, что это «шуточная поэма». Вот строки из лжекапитана:

*«О, как мила она,
Елизавета Тушина,
Когда с родственником в дамском седле летает,
А локон её ветрами играет...»*

(Капитан Тушин, понятно, пришёл из «Войны и мира». Один антисемит утверждал, что капитана Тушинзона на Бородинском поле не было. Заведомая ложь! Вспомним гусара-иудея у Дениса Давыдова и дедушку актера Менакера и ещё очень многих.⁶²)

А вот цитата из «Малуши»:

*«Шею овьёт рука княжны,
К лицу прильнёт княжна младая,
Ей слуги мощные нужны,
Над всем живущие владая».*

А вот и другие строки:

*«Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова,
Явились вы, как лебедь в озере...»*

Недурно, в духе обоих капитанов...

5.6.03 г.

По странному стечению обстоятельств ко мне попал журнал «Родина», с подзаголовком «Российский исторический иллюстрированный журнал», роскошно изданный, понятно для западного читателя. Номер попался старый – 2000 года, апрельский. На лова и зверь бежит. На первой странице – поверженная статуя Ленина, а рядом – восстановление икон. И надпись: «Не сравнивай: живущий неисправим...» Многообразие и мысль понятны – во всех несчастиях России виноваты большевики. Мне кажется, они (русские) неисправимы. Тут же статья о репрессиях военных 37-го года, но

не с осуждением, а с анализом состояния Красной Армии в дорепрессивную эпоху. Выясняется, что армия была никудышная и даже с Тухачевским, Егоровым, Блюхером, Якиром и Уборевичем не могла противостоять немцам. Главная причина – низкая грамотность красноармейца, младшего командира – и так вплоть до высших чинов. В самом конце ожидаемый вывод: «Таким образом, командиры, репрессированные в 37-м, не сумели подготовить Красную армию к войне с Германией, ибо не сумели обучить свои войска. И корни катастрофы 41-го года уходят не в 37-й, а 17-й! Именно тогда была сломана русская военная традиция вообще, и традиция обучения и воспитания солдата и офицера в частности».⁶³

Я просто обомлел. Лапшу вешать на уши можно, но не до такой степени. Во-первых – о репрессированных военачальниках: худобедно они имели опыт Первой Мировой войны, где часть была офицерами, как маршал Егоров – полковник и командир полка; Тухачевский – поручик; Уборевич, окончивший Константиновское военное училище в 1916 году и бывший подпоручиком, Блюхер – унтер-офицер с полным бантом. Другие прошли выучку во время Гражданской войны, а Якир учился в Германской военной Академии, где даже читал лекцию о Гражданской войне, имевшую огромный успех. Тухачевский имел опыт командования армиями и фронтом. Блюхер же был военным советником Чан Кайши и водил миллионные армии против японцев. Не сомневаюсь, что на полях Второй Мировой войны все бы они пригодились со своим опытом, каким бы он ни был. И уж конечно, ссылки на критику Будённого – полного военного нуля и на честного военспеца, бывшего штабс-капитана, а затем командарма 2-го ранга А. И. Седякина, казненного в 38-м, просто неуместны. Хотя критика абсолютно верна. Как тут не вспомнить известное выражение, что прусский учитель одержал победу над Францией в 1870 году. Дореволюционная, лапотная Россия была на 90% безграмотной, и офицерский корпус не справился в борьбе не только с Германией, но и с Австро-Венгрией. Потери Первой Мировой были чудовищны и, на мой взгляд, пропорционально были даже выше, чем в Великой Отечественной (без кавычек). Просто у «германцев» 14-го года не было танков и подавляющей числом авиации. Посему «котлы» были малочисленнее. Но я об этом писал. Считается, что большевики уничтожили офицерский корпус. Но костяк армии – гвардия – вся полегла ещё в 1914 году – неразумное «употребление» человеческого материала. Большинство генералитета пошло служить к Троцкому.

Имена генералов Поливанова (*бывшего военного министра*) и Брусилова (*бывшего Главнокомандующего*) говорят сами за себя.

Отстрел офицеров начался во времена Временного правительства, затем Сталин в Царицыне, а уж дальше пошло – даже Фрунзе не мог остановить убийства пленных в Крыму. А уж если «гениальный вождь всех времен и народов» расстрелял 80% командиров полков, то этого никакая военная компания не выбивает. Ужасно. Искать виновных в будущей войне в командармах Якире или Уборевиче просто нелепо. «Господа историки!» Причины лежат не в 17-м году, а в 14-м, когда лапотную Русь бросили на бронированный германский кулак. И всемирным днем траура цивилизованного человечества должен быть объявлен день 1 августа 1914 года, когда началось самоистребление христианской культуры.

19.6.03 г.

Читаю старые воспоминания последнего дворцового коменданта, генерала Владимира Николаевича Воейкова (1868 – после 1936). Воспоминания интересны и относятся только к последним годам царского режима. Мемуары вышли в Гельсингфорсе в 1936 году. Тут интересно, что упорный «империалист» называет столицу Финляндии старым именем. Текст писан старой орфографией с «ятями», твердым знаком – «ером» и сохранением «и» десятиричного. Не уступать во всем – вот девиз ветерана.

А теперь несколько слов о самом генерале. Он принадлежал к одному из старейших и знатнейших родов России, так много давших русской армии и культуре. Его отец, генерал-адъютант (1832–1898) был женат на представительнице ещё более родовой и известной фамилии, а именно на княжне Варваре Владимировне Долгорукой, дочери московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова. Этот князь числился защитником евреев, при котором «Москва ожидала». Я писал о его столкновении с царем Александром III и великим князем Сергеем Александровичем. Добавим, что племянница старого князя находилась в морганатическом браке с Александром II, чего тоже ему не могли простить ни царь, ни князь-педераст. Жена Воейкова была фрейлиной при дворе и дочерью последнего гофминистра двора барона Фредерикса.

Воейков сделал блестящую карьеру, но не о карьере речь. В эмиграции он, убежденный в тайной силе масонства и еврейства, пытался понять, почему пала империя. Вывод, уже зараженный пасквилем «Протоколов Сионских Мудрецов» не оригинален, но его стоит привести. И это-то несмотря на дедушку-юдофила.

«Подобострастное отношение *(на их собственную гибель)* правительств Европы к СССР может быть объяснено давлением,

производимым на них каким-то тайным центром, который руководит разрушением христианских государств, в особенности возглавляемых монархами. Подтверждением такого предположения служит крушение престолов российского, германского, австро-венгерского и, в последнее время, испанского». Оказывается, «тёмные силы» привели к гибели троны, а не мировая война.

Как же действовали эти пресловутые «силы»?

«Печальный результат падения монархического строя являет из себя великая Российская держава: народ ея, прозывавшийся «народом-богоносцем», отдался в рабство темным силам, захватившим власть над ними путем постепенного заглушения народной совести. Школы, использованные для устранения влияния семьи; фильмы, высмеивающие народную историю; пресса, вносящая в умы полный сумбур; общедоступные развлечения в виде танцулек, совместных развращающих купаний и пр. – все это настолько разрушило нравственные устои молодого поколения, что немного труда нужно было употребить на то, чтобы поработить такую чудную в своем прошлом страну».

Переведем дух. «Протоколы...» цитируется почти дословно, в том месте, где по плану, предлагаемому авторами программы, требовалось захватить школы и растлить умы юношества. План гениальный – вне всякого сомнения. Но что делать с такой «чудной в прошлом страной»?! О средневековой России, о ее невежестве, дикости, повальном пьянстве, свальном грехе, половых извращениях в народе и в церкви писаны самими русскими тонны бумаги. А сночачество в деревнях? А педерастия в армии? А великий князь Сергей Александрович, личный знакомый генерала и не друг дедушки жил в какой стране? А области, захваченные почти на 100% сифилисом и другими венерическими болезнями? А где правил Царь-Голод? Это в какой такой «чудной стране», за какими морями-океанами, за какими синими горами? Потерянная Россия была далека не раем. Я не говорю о евреях. Я говорю о русском народе – он жил беднее, бескультурнее, беспросветнее всех народов Европы. Это статистика, а не вымысел.

Продолжим рассказ бывшего дворцового коменданта: «Много нужно, вообще, иметь в настоящее время разума и силы воли, чтобы не подпасть под влияние по всему миру распространенных тайных обществ, кружков, союзов, подстерегающих слабовольных людей и под флагом человеколюбия завлекающих их в свои сети. Завлеченные в разные организации, люди иногда совершенно незаметно для себя обращаются в послушных проводников идей, со-

ставляющих суть Талмуда, священной книги, почитаемой евреями выше Библии». *(Из уважения к генералу я в цитате сохранил «и» де-сятеричное. Текст выделен мной – С. Д.)*

Откуда у коменданта такие сведения? Где он почерпнул свои «факты»? Наверняка он просветился во время так называемого «Дела Бейлиса» у эксперта ксендза Пранайтиса. У нас будет время вернуться к этому эпизоду. Продолжим цитирование:

«Исходя из положения, что «Бог ненавидит гоев (всех неевреев) и оправдывает прямые к ним жестокости», Талмуд не признает и права собственности для неевреев, формулируя эту мысль следующими словами: «Так как нееврей не человек, он не может владеть собственностью так же, как дикий зверь не обладает правом на лес, в котором укрывается; поэтому можно со спокойной совестью убить гоя, как зверя, и завладеть имуществом». В таком же духе находим мы в Талмуде и предсказание о том, что, когда настанет время пришествия Мессии, которым фактически будет сам еврейский народ, евреи добьются овладения всеми имеющимися в руках христианских народов ценностями.

Предусмотрительность Талмуда поистине замечательна: предвидя необходимость для еврея маскировать свои чувства к христианам, он дает следующие наставления:

«Лицемерие допустимо в том смысле, что еврей должен казаться вежливым по отношению к нечестивым – пусть оказывает им почтение и говорит: «Я вас люблю». Но и тут делается оговорка: «Это дозволено лишь в том случае, если еврей нуждается в нечестивом или имеет какие-нибудь основания его опасаться». На суде же Талмуд разрешает сынам Израиля даже после клятвы «море юдаико» осудить невинного христианина и оправдать виновного еврея».

Опять переведем дух. Ясно, что генерал-майор не знал древнееврейского языка и посему вряд ли читал Талмуд. Те же источники, которые имелись в его руках, относились, вне всякого сомнения, к фальсификациям Лютостанского и Пранайтиса, Брафмана и Бутми де Кацмана и других авторов, помещавших свои исследования в «Колоколе», «Прямом пути» и прочих черносотенных изданиях. Понятно, ничего общего с действительностью не было и нет. Но как тяжело доказывать слепым и глухим истину.

Масонская идея полностью овладевает мыслями Воейкова:

«В настоящее время принадлежность к тайным обществам составляют такую необходимость для каждого дальновидного человека, что после революции мне был задан одним евреем вопрос: «Как? Вы не масон и участвуете в коммерческом деле?»»

Вновь появляется на страницах стереотип – болтливый еврей. И уже не первый раз. До этого, в феврале 17-го года, трафаретный болтун-еврей сообщал жене генерала, что против него готовится газетная диффамация. И она появилась. Чем же болтун объяснил жене мемуариста появление лживого фельетона? Необходимостью натравить общественное мнение против дворцового коменданта. И как при такой болтливости евреи могли создать тайное общество для осуществления «Мирового заговора?» (*Я вновь уступаю «и» десятичному генералу, чтобы никто не подумал, что евреи участвуют в Мирном сговоре – С. Д.*)

«Не знаю почему, многие из последователей Талмуда вступают в масонские ложи и играют в них выдающуюся роль. Их влиянию, между прочим, приписывается то обстоятельство, что масоны, раньше не занимавшиеся политикой, теперь стали обсуждать в масонских храмах вопросы, тесно связанные с ходом революционного брожения в различных государствах, на что можно найти указания в прессе и литературе: так, например, в заметке «Osservatore Romano» от 9.VIII.32. сообщается читателям, что успех работы масонов против католического центра в Мексике достигнут исключительно благодаря их сотрудничеству с социалистами и коммунистами. А иногда и сами масоны не стесняются себя выявлять: в 1889 году состоялась в Риме их процессия, несшая плакат: «Vive Satan, notre Roi» (*Да здравствует наш царь Сатана*). Любопытно и то, что генерал убежден не только во всеилии жидо-масонства, но и в том, что развалу России способствовал... Лев Николаевич Толстой. Оказывается, чрезмерное преклонение русской интеллигенции перед ним и даже воспитанные (!) писателем поколения интеллигентов привели к развалу основ русской жизни. Отсюда «хождение в народ», «земля и воля», «вставай, подымайся, рабочий народ» – вплоть до III Интернационала. Все очень просто: революции происходят благодаря злему умыслу Одного человека. Эти объяснения даны генералом-бизнесменом в 1936 году: до революции он торговал неминеральной водой под наименованием «Кувака» и имел высокого качества конный завод; видимо, после войны тоже занимался «предпринимательством». Были у генерала, таким образом, реализованные «еврейские корни». (*Целебная вода «Кувака» была обнаружена в его имени, и он стал энергично эксплуатировать человеческую доверчивость, бессовестно рекламируя своё зелье и причитая даже в ставке государя подобно лавочнику, потерпевшему убытки. Об этом иронически писал И. Д. Сытин*).⁶⁵

Вместе с тем, выступая в качестве свидетеля в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Воейков давал вполне разумные показания, где гибель династии, по его словам, крылась в самой императорской фамилии, и никакой мистики, и никакого заговора. Была война, против которой, возможно, был генерал – его относили к прогерманской партии (*на суде он отвергал это и считал, что война с Германией была неизбежной*), дальше – поражения, и бессмысленная чехарда с министрами, и травля общественного мнения. Со ставленником жидо-масонства Григорием Распутиным дворцовый генерал был на ножах. Объяснение влияния старца, данное генералом, было разумно, и никаких постельных интриг он не выдает. «Святой человек» на глазах императрицы не раз спасал жизнь царевича. По словам Воейкова, он был сильным гипнотизером, отнюдь не хлыстом, а просто хитрым мужиком. Генерал добавил, что подобными «святыми» полна глубинка России и одного такого он лично знал в Пермской губернии. Особенно сильно их влияние на женщин. Мужчины реже поддаются влиянию. Попытки удалить старца от жизни двора, в которой он принимал участие, привели лишь к удалению уважаемого председателя Красного Креста генерала Петра Михайловича Кауфмана-Туркестанского и к личной неприязни императрицы к самому Воейкову. Кстати, одно поручение Распутина генерал выполнил – старец прислал к коменданту двух нуждающихся девочек по фамилии Полятус и попросил заплатить за них в гимназию. Что и было исполнено генералом.

Что касается царской фамилии, то, исключая Николая, все они относились к Воейкову плохо. Дело в том, что великие князья проходили у него в полку военную стажировку, и он дал им всем отрицательные характеристики, т. е. действительные, а не фальшивые! Кроме того, во время войны их некомпетентность и назойливость быть вблизи государя натыкалась на приказ императора – никого лишнего в ставку не допускать, что неукоснительно исполнял генерал. Оттого и все шишки падали на него.

4.7.03 г.

В «Апологии» я написал много «некрасивых» слов в адрес Романовых. Это не предвзятость – это суровость фактов, причём большинство из них (фактов) взято из монархических источников. Вот я писал о великом князе Сергее Александровиче, нарисовав весьма непривлекательный образ воинствующего юдофоба и воинствующего педераста. Тут и Ходынская катастрофа – его так и прозывали: князь Ходынский, тут и непомерная алчность. Взяточник, каких в царской семье было много, но он, видимо, крупнейший.

В свое время он обвинял князя Долгорукого в денежных связях с евреями. Но и сам, их Высочество, взял взятку в два миллиона рублей, чтобы отсрочить ввод винной монополии в Москве. И у Витте были несомненные доказательства сего преступления. «Теми или другими способами Великие князья всегда брали взятки и старались наживаться всякими способами, даже комиссионерством». Так свидетельствует беспристрастный современник, монархист, да ещё антисемит. Речь идет об А. С. Суворине.⁶⁶ Это растлевающее влияние шло не из низов наверх, а сверху вниз. «Рыба гниет с головы», – говорит народная мудрость. Посему Алексей Сергеевич, рассказывая о мошеннических проделках Е. А. Шабельской, меланхолически добавляет: «Ей и Бог простит после Сергея Александровича и Великих князей, которые занимаются тем же».

О другом Романове, поэте Константине Романове, я писал намного сдержаннее. Приводил «светлые» воспоминания А. Ф. Кони, который хвалил его за артистичность, культуру и прочее. Лишь под конец рассказал о его зверином антисемитизме. Вот, к примеру, следующая история. Знаменитый историк искусств Н. П. Кондаков, собирая материал, путешествовал по Италии, и в 1882 году там встретился с молодым Константином Константиновичем. С чего начинается знакомство? Великий князь, глядя на голову Кондакова, с хода в карьер осведомляется, почему у него чёрные волосы и русский ли он? «Считаю себя таковым», – отвечивший опешивший учёный. А цвет волос объяснил своим южным происхождением, «возможна примесь». Князю хотелось узнать: не еврей ли учёный? Думаете – анекдот? Нет, правда!⁶⁸ Надо отметить – на фотографиях Кондаков действительно смахивает на еврея.

Даже как об артисте, исполнителе «Гамлета» я дал разные суждения. Но вот Суворин – камня на камне не оставил от дарования Романова. Суворин был сам автором пьес и владельцем театра. Ему и карты в руки: «Вчера был в Эрмитажном театре и смотрел «Гамлета» в исполнении Великого князя Константина Константиновича: «Ни у кого ни зерна дарования... Сам Гамлет ни говорить, ни ходить по сцене не умеет. Часто он просто смешон. Выговаривает иногда картаво. Тянет, кому-то подражает, очевидно, думает, что он что-то даровитое... Все это глупо и по-детски воистину... И чего это надо этим великим князьям? Зачем они маленьких Неронов разыгрывают и заставляют себе аплодировать эту челядь петербургскую?»⁶⁹ На представлении Суворин встретил и великого Сальвини, о котором когда-то писал. Действительно, актер хотел сбежать с представления.

Мало известно, что драма Романова шла сотни раз на советской сцене. И не когда-нибудь, а в 1920 году. Вот свидетельство современника, страстного театрала: «Странно даже, что это пьеса, ставившаяся для царской фамилии в Эрмитаже (в Дворцовом), в которой играл Иосифа Аримафейского сам Князь и участвовали в других ролях его дети и приятели, имеет в наше время такой шумный успех среди новой театральной публики. Конец сезона, пьеса шла сотню раз... театр битком набит. Что же Луначарский смотрит! Признаться, при всем моем сердечном трепете к священному содержанию пьесы, она не произвела на меня волнующего или захватывающего впечатления. Я ждал чего-то большего. Что же касается музыки к ней, сочиненной А. К. Глазуновым, так она совсем не по сюжету. И она средняя. Выше среднего стихи К. Р., но их лучше читать, чем слышать...»⁷⁰ Окунев зря удивлялся «либерализму» Луначарского: скоро пьеса была прикрыта.

Мысль о «маленьких Неронах» мне запала, и я решил обнаружить малопристойный грех Великого князя. В свое время меня упрекали, что слишком часто пишу о содомии, якобы сам не замечая этого. Так написал один критик в интернете – Данило Давыдов. Я-то это замечал и давно пришёл к выводу, что противники евреев в громадном большинстве люди с исковерканной нравственностью, и среди них сонм гомосексуалов. Великий князь Константин Константинович, увы, не был исключением.

Вероятно, он был бисексуальным типом, пассивным педерастом. Дневник красноречиво повествует о падении князя и прочитав исповедь, хочется его пожалеть. Как понимаю, он жертва безграмотного полового воспитания в великокняжеской семье. Почти до 19-ти лет Константин был девственником. Во время кругосветного плавания, подстрекаемый приятелями, он пошел в Нью-Йорке в публичный дом. Первый опыт вышел князю боком. Его неопытность и, вероятно, бессердечность проститутки породили в нём чувство безразличия. Так сказать – совершил грех, нарушив слово матери не посещать бордели. Выяснилось, что с юности князя притягивали к себе компании сильных мужчин. С годами эта тяга не пропала, хотя ему было известно, что содомский грех осуждается. Вернувшись на борт корабля, с отчаянья Константин однажды вступил в половую связь с неким офицером, имя коего он не доверяет своему дневнику. А затем было раскаянье, молитва, обращение к Богу. Хотя «недопустимой близости» не было потом долгие годы. Кстати, образ офицера-растлителя, которого называет «честным и прямым», не потускнел с годами. О времена, о нравы!

Следующим его сексуальным опытом стала женитьба на «холодной» немке, не имеющей ни страсти, ни ума. Между ними было полное отсутствие духовной связи. Это уже по вине второй половины. Неумная немка даже не перешла в православие, на котором был помешан князь. И спустя четырнадцать лет после первого греха, в 1893 году, ему пришлось каяться своему духовнику в содомии. Старый священник был потрясён. Чем он грозил грешнику? В первую очередь тем, что тайное всегда становится явным. С трудом получил прощение (*это было накануне Великого поста*). Надо сказать, что Великий князь чуждался общества педерастов и грешил иногда с молодым банщиком в полковой бане. С 1892 года Константин был командиром лейб-гвардии Преображенского полка. И самому командиру полка приходилось изгонять пойманных «с поличным». Так было с молодыми поручиками Рудаковским и Дмитрием Сабуровым. Для верующего князя это была мука. Он изгонял из полка своих «товарищей по несчастью». Под конец жизни Великий князь преодолел свою недостойную тягу: «Ходишь в баню – гресишь: не ходишь – не гресишь». Почти афоризм.⁷¹

К этому печальному рассказу добавлю, что К. Р. дружил со своим кузеном Сергеем Александровичем, испытывал болезненную тягу к творчеству Ф. М. Достоевского, и это неслучайно. О Достоевском я писал уже в этом духе. Что же касается других Романовых, то половой вопрос наследника был решен при помощи Матильды Кшесинской, и это не так уж плохо. Другим «отхожим местом» был, как ни странно, Смольный монастырь. Вспомним историю Долгорукой, ставшей мorganатической женой Александра II. Но там был счастливый конец. Были и другие, менее счастливые... Знаменитый киноактер И. Н. Перестиани сетует в своих воспоминаниях, что не может привести «веселые стишки» о монаршей семье и смолянках... Будем справедливы: ведь и в еврейских семьях довольно часто брали деревенских девок на предмет того, чтобы юноша не онанировал. Результаты – самые положительные. От подобной связи родился и писатель Корней Иванович Чуковский...

Но и русские люди не отставали в «просвещении» своих детей. Вот новелла известного кинорежиссера: «Отец позвал меня, спросил: “Ну, что, дровичь?” Я молчал, не зная, что ответить. Конечно, дровичил. Мне было семнадцать. “Ну ладно, – сказал он, – мой папа так сделал, и я так сделаю”. Он позвонил какой-то знакомой: «У меня молодой человек подрастает. Я его к тебе пришлю». А мне сказал: «Кончай дровичить. Тебе пора женщину. Ты её должен трахнуть».⁷² Спустя короткое время баснописец послал сынка «на науку»...

Добавим, что ещё в «мирное довоенное время» в Германии вышло анонимное издание «Последний Самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II». Прочитав название, я вздрогнул: «последний», но до Ипатьевского подвала было ещё шесть лет. Автор – высоко осведомленный человек. Вещи называет своими именами, не стесняясь: «Была, однако, одна печальная сторона военного быта того века и не вполне, впрочем, исчезнувшая, которую ретивый принц (*Максимилиан Ольденбургский*) тщетно пытался искоренить. Это появление среди гвардейского офицерства привычек, которые внушают отвращение всем европейцам и приводят иногда на скамью подсудимых... (*О, наивные времена! Сейчас этим модно хвастаться. – С. Д.*) Правда, в этом отношении повинны были далеко не одни офицеры, которые только имели в своем распоряжении больше живого товара в лице солдат, так называемых «кантонистов», учеников полковых школ. Позорному пороку предавались и многие известные люди Петербурга, актёры, писатели, музыканты, Великие князья. (*Обращаю внимание на множественное число царствующей фамилии. – С. Д.*) Имена их были у всех на устах, многие афишировали свой образ жизни.

Скандалы, сопровождавшие открытие за кем-нибудь таких похждений, тянулись непрерывно, но до суда грязные дела обычно не доходили. В этом отношении решительности Вильгельма II, не пощадившего и личного друга, Александру III не хватало и, терпя в своей фамилии столь же порочных членов, он ограничивался изредка отставками отдельных офицеров, деяния которых получали уже слишком широкую огласку. Был, впрочем, один случай и массового изгнания. Двадцать гвардейских офицеров были исключены без суда со службы за порочность, что не помешало им, конечно, сделать потом более или менее удачные карьеры. Удивительно то, что среди них находились два будущих русских архиерея, Гермоген и Серафим, оба оказавшимися настоящими устоями самодержавной власти...»⁷³ Автор также сообщает, что не все гвардейские полки предавались сему пороку. Так сказать, первенствовали преображенцы, во главе со своим командиром (*Великим князем Сергеем Александровичем*), а, скажем, лейб-гусары были только чемпионами пьянства...

12.7.03.

Читаю Коран. Конечно, книга эклектическая. Лучшими своими местами обязана Библии, менее сильными – Евангелию. Самые слабые «литературные» места связаны с языческими представле-

ниями жителей пустыни. Поэтический дар Магомета – потрясающ. Темперамент бойца и самоуверенность в богоизбранничестве. К сегодняшнему ближневосточному конфликту уместно привести страстный призыв к Израилю о возвращении в Землю обетованную: «Вот сказал Муса [Моисей] своему народу: «О народ мой! Вспомните милость Аллаха вам, когда Он установил среди вас пророков, и сделал вас царями, и даровал вам то, чего не даровал никому из миров. О народ мой! Войдите в землю священную, которую Аллах предначертал вам, и не обращайтесь вспять...»⁷⁴ Эти суры относят к мединскому периоду жизни Магомета. Неплохо бы напомнить арабам слова Магомета.

Библия доминантна в Коране. Так, имя Моисея повторяется в тексте 128 раз, Авраама – 63; затем идут имена: Иисуса – 49, Ноя – 42, девы Марии – 34 раза. Конечно, он говорит об Иисусе очень почтительно, называя его пророком и мыслителем, но не может считать его ни Богом и ни сыном Божиим. Он всего лишь «слово Божие и дух Его». Естественно для Магомета и порицание христиан за триединство – для него это многобожие. «Мессия, сын Марийам, только посланник, а мать его праведница. Ложно веруют те, которые говорят: «Ведь Аллах лишь один из трёх», тогда как нет никакого божества, кроме единого Аллаха».⁷⁵

«Господь наш – да прославлено будет достоинство Его, никогда не брал себе ни подруги, ни ребёнка».⁷⁶ Это утверждение слишком заземленное, хотя Магомет признает непорочность девы Марии.

Нынешние исламисты разжигают ненависть христиан к евреям, ссылаясь на Евангелие и казнь Иисуса. У Магомета можно найти странную защиту еврейства, которую тоже следует напомнить его последователям: «...евреи говорят: мы убили мессию Ису, сына Марийам, посланника Аллаха. А они не убивали его и не распяли – это только представилось им... Они не убили его, наверное, нет, Аллах взял его к себе, ведь Аллах велик и мудр».⁷⁷

По капризу истории пришедшие из глубин аравийской пустыни арабские орды не только уничтожили цветущую страну, но попутно разрушили великую византийскую цивилизацию, в общем, мало что позаимствовав у более высокой культуры. Утверждение, что арабы сохранили для мира древнюю греческую философию, – не более как мягкое преувеличение. Если они позаимствовали математику, индийскую десятиричную систему, шахматы, «создали» алгебру (арабское слово), геометрию, перевели на арабский язык греков, то лишь благодаря евреям, которые находились на территории халифата. Все остальное – мифология. Даже во времена крестовых походов неграмотные и полуграмотные рыцари – не

эталон средневековой христианской культуры. Ее эталон – Абельяр, Фома Аквинский и Роджер Бэкон. Вообще, расцвет так называемой арабской цивилизации был связан с двумя ойкуменами. На крайнем Востоке в местах, где была древняя культура согдийцев и персов, и на крайнем Западе, в Испании, где существовала древняя карфагено-иудейская, а затем римская цивилизация. Чудес не произошло. Ислам застыл в самых варварских проявлениях средневековой нетерпимости. Саудовская пустыня до сего дня осталась интеллектуальной пустыней.

Отсюда такая бешеная атака на писателя Салмана Рушди за его роман «Сатанинские стихи». Рушди подводит читателя к двум выводам: первое – Коран сочинен самим Мухаммедом, а не Всевышним. Возможно, продиктован самим Сатаной. Второе – мысль, что современный агрессивный характер мусульман имеет генетические корни в исламской религии. Да и какой может быть эта религия, если ее наговорил противник Бога? В феврале 1989 года прозвучал приговор (*фетва*) аятоллы Хомейни в отношении Рушди и его издателя, приговорив их к смертной казни, что в глазах нормального человека дискредитировало ислам.

19.7.03 г.

В своей толстенной книге с неудобоваримым названием я затронул тему ритуальных процессов. Героем рассказа был замечательный ученый и писатель М. М. Филиппов (1853–1903), трагически погибший при научном исследовании, Риман XX века. В своей чрезвычайно важной статье «Ритуальные убийства и половая психопатия»⁷⁸ Михаил Михайлович поставил диагноз: обвинение евреев в ритуальных жертвах абсурдно. Все известные ему процессы имели под собой сексуальную, извращенную основу – иначе говоря – это был криминал. В средневековых городах преступники закидывали в район гетто трупы несчастных. Так возникло народное поверье, с которым бессильна была бороться и папская власть. Никакие буллы не могли защитить невинных евреев. Как ни слаба была средневековая криминалистика, но она хорошо знала истоки дикого предрассудка. Наиболее яркий пример Триентинского процесса (1475 г.), когда был обнаружен труп мальчика по имени Симон. Папские власти имели информацию о педофилии местного архиепископа и его причастности к преступлению. Сикст IV имел достоверные сведения о невинности евреев и отказался признать «отрока Симона» святым, о чем и составил вердикт, читанный по городам Италии. Он запретил даже чествование памяти Симона. Венецианский дож выступил против нелепого слуха – но ничто не спасло евреев от жуткого

погрома. Под давлением «общества» убиенный был провозглашен святым. При посещении города Тренто на Севере Италии в середине 80-х годов уже прошлого века я имел «счастье» жить на улице Св. Симона, а в местном музее, расположенном в «кастеле», обнаружил дивную картину неизвестного немецкого художника XVI в. «Ритуальное жертвоприношение св. Симона». Картина исполнена маслом на доске, профессионалом высокого класса. Евреи одеты в восточные костюмы и тюрбаны, так что их можно принять и за арабов. Стоят они с постными лицами, как будто убиение обыденное дело. Картина хорошо освещена и строго охраняется. Сделать фотографию с неё мне категорически запретили. *(В этом же музее видел портрет Павла I в мальтийском одеянии работы художника Лампи. Оказывается, он – уроженец Тренто и не то снял копию со своей работы, не то оставил копию в России. Приятно было встретить «русского Гамлета», да ещё к тому же невинно умерщвленного, так далеко от родины.)*

В своей же книге, в главе о писателе Вс. Иванове, я отметил, что в его повести «Агасфер» фабула замешана на сексуальном преступлении и погром гетто начинается с обнаружения двух трупов насильников.

XX век не изменил ситуации. Кажется, что в деле Бейлиса не было сексуального мотива. Это так и не так. На вопрос проф. Бехтерева о возможном сексуальном насилии был получен отрицательный ответ. Но, как ни странно, этот мотив был, но мне кажется, что из-за младенческого состояния российской криминалистики он не был учтен следствием. В кармане убиенного Андрея Ющинского был найден обрывок наволочки со следами спермы. Никакого анализа не было произведено, да и вряд ли уровень науки давал возможность установить, кому принадлежала сперма. В кальсонах мальчика были найдены волосы, предположительно от бороды *(антисемиты утверждали, что от бороды ветхозаветного еврея)*. Нынче страницы газет, журналов, кинолент, видеокассет заполнены информацией о половых извращениях. Дня не проходят, как уличают того или иного растлителя. Современная судебная хроника опередила прошлое столетие. Совсем недавно о факте нахождения спермы в брюках у Андрюши Ющинского упомянул историк Гелий Рябов *(один из первых исследователей расстрела царской семьи, ещё в подцензурное советское время)*. Правда, этому факту он не придает большого значения. Его увлекает версия о преднамеренном желании властей провести ритуальный процесс против евреев как носителей революционной заразы. С моей точ-

ки зрения, это слишком прямолинейно. И так Россия в глазах Запада выглядела чудовищем, и накануне ожидаемой войны ссориться со своими союзниками: Францией, Англией и, потенциально, с САСШ – было близоруко. Просто государственный аппарат был столь антисемитичен, что пошел на поводу у черни.⁷⁹

29.7.03 г.

Я родился «вчера», 28 июля 1939 года. Таким образом, у меня сейчас «шахматный возраст» – 64 года!

От Миши Калика получил несколько книг в подарок на день своего рождения. «Это для тебя», – сказал он и протянул среди прочих воспоминания известного киносценариста и долгожителя Иосифа Прута. Иосиф Леонидович родился в 1900 году, а умер в 1996, почти в столетнем возрасте.

Для меня он интересен по-разному. Во-первых, как автор великого сценария к кинофильму «Тринадцать», а во-вторых, несложной загадкой: почему сын и внук богатейших родителей (*миллионеров*) принял Советскую власть и воевал за нее?

Собственно, житель Ростова-на-Дону, где была большая еврейская колония, оказался на стороне красных неслучайно. Он мог выбирать, в т. ч. остаться за границей – он предпочел вернуться в Россию. От своего отца Иосиф Прут унаследовал страшную болезнь, бич XIX и первой половины XX веков – туберкулез, «скоротечная чахотка». Посему послали его в Швейцарию, в школу-пансионат, неподалеку от Лозанны. Обучению в этой школе (Эколь Новее) посвящено много страниц. Школа давала своим учащимся блестящее гуманитарное и техническое образование. Кроме того, физическим упражнениям было отведено много времени. И так – свободное владение тремя европейскими языками и, как можно понять из рассказа, овладение тем, что ныне называется «бизнес администрейшен». Вдобавок – вольная борьба, бокс, джиу-джитсу, бег, конная езда, фехтование на саблях, а также ежеквартальные стрелковые состязания. Болезнь была преодолена. После окончания школы, в начале 1918 года, когда на Западном фронте шли решающие бои, юный Иосиф Прут явился в Париж в Русский экспедиционный корпус к генералу Лохвицкому. Русские стояли на «Дороге дамб» перед печально известной крепостью Верден, возле фортов Дуомон и Во. Учитывая его знания французского языка, а Прут был вольноопределяющимся, тот стал связистом-переводчиком между русскими и французами. След от ранения остался на лбу новобранца: осколок пробил каску. За храброе поведение в бою, когда под огнем противника Прут доставил сообщение на

опасный участок, Георгиевская Дума представила его к солдатскому Георгию. Тут и начинаются истоки выбора. За разрешением на получение Георгия он является перед очами генерала Лохвицкого. Когда Прут доложил о цели своего прихода, генерал усмехнулся и отчеканил: «За каждый Георгиевский крест, выданный еврею, я отвечаю перед Богом, царем и обществом. Кругом!»⁸⁰ *(И эту подлость по отношению к еврею осуществил сын присяжного поверенного, генерал-лейтенант Николай Александрович Лохвицкий (1867–1933), брат известной поэтессы Мирры Лохвицкой и писательницы Н. А. Тэффи!)*

Оплеванный солдат доложил в Георгиевской Думе о решении генерала. И так как в корпусе было много преобразенцев и чувство справедливости было свойственно людям, побывавшем в огне не раз, то они решили компенсировать еврею обиду и наградили его Преображенским крестом! По меркам России – чрезвычайно высокая честь. *(Напомним, что полковником Преображенского полка в свое время была Екатерина Великая, а подполковником – А. В. Суворов, получивший этот чин после взятия Измаила.)* Пруту было неполных 18 лет. Получил он крест, покрытый синей эмалью. На нём изображение распятого Христа! Совсем неплохо для правого иудея.

На Западном фронте Иосиф Леонидович познакомился с будущим советским маршалом Р. Я. Малиновским, который был его фельдфебелем. За требование возвращения на родину он был помещён в спецлагерь. Солдаты любили его и вкладчину собрали ему посылку, которую отнес Прут. Между Малиновским и Прутом произошел интересный разговор. Говоря о различных нациях экспедиционного корпуса, фельдфебель предупреждал, что в России национальная проблема будет наверно вопросом номер один. Он перечислил армян, грузин, малороссов. Самый сложный вопрос – еврейский: «Беспокойная нация», – прокомментировал он. Министр обороны СССР, через 55 лет получив напоминание о своем пророчестве, улыбнулся и сказал: «Но ведь я же вас, Иосиф Леонидович, не обманул?..»⁸¹ Знал бы Иосиф Леонидович, кто был по национальности маршал – его удивлению не было бы предела. Малиновский – караим!..

Осенью 1919 года, после девятилетнего отсутствия, Прут возвращается на родину. Первый урок по происходящим событиям дал ему дед. В 19-летнем возрасте, в то время как идет Гражданская война, внук должен выбирать, оставаться в стороне невозможно. Мысль деда такова: если победят красные – он останется нищим; победят белые – евреям не сносить головы. Но выбор

предоставляется внуку. Дед посылает Иосифа к своему другу, полковнику Дирину, работающему в штабе Деникина, посоветоваться: что делать? Полковник, человек честный, знающий «Оню» с детства, рассказывает правду-матку. Он не агитирует за белых – уже несколько дней Днепр течет красный от еврейской крови: «Волчья сотня» генерала Шкуро устроила еврейский погром...⁸²

Этот разговор мне отдаленно напомнил дискуссию между московским раввином Я. Мазе и Л. Троцким. Делегация «представительных евреев» встречается с всеильным Главкомверхом. Равв Мазе обеспокоен активным участием евреев в революции, что неминуемо должно привести к реакции православного люда. Троцкий отвечает тем, что и он, и участвующие в революции – не евреи, а интернационалисты; посему он свободен в выборе. Это, конечно, не аргумент. Ясно, что, считая себя космополитом, он не разрешает проблемы противоположной стороны, считающей его иудеем и ответственным за происходящее. Думаю, что в этой части вопроса Лев Давидович был неискренним: он дважды отказывался от предложения Ленина занять пост Предсовнаркома именно из-за своего происхождения. Зато второй аргумент Троцкого мотивирован намного точнее. Евреи идут в революцию, подталкиваемые проявлениями антисемитизма. В прошлом – черта оседлости, 3%-ая норма, погромы. В настоящее время у евреев нет выбора – белое движение, не говоря уже о Петлюре, настояно на еврейской крови...

(Вопрос, на какой стороне быть, стоял, естественно, не только перед евреями. Из другого социального круга – писатель Борис Андреевич Лавренев, потомок думного дьяка Есаулова времен царя Алексея Михайловича. Есауловы служили у Петра Великого и бились под знаменами Потемкина и Суворова; внук героя Крымской войны Ксаверия Цехановича, командира Еникальской береговой батареи (он упомянут и у историка Е. В. Тарле), является к своему отцу за советом: какую сторону принять. Ответ отца сводится к тому, что негоже пережидать революцию за границей и нужно идти в стан красных, ибо «народ всегда прав». Офицер и Георгиевский кавалер Лавренев становится активным участником Гражданской войны, работает под началом Н. И. Подвойского и М. В. Фрунзе. Нам же достались в наследство литературные шедевры «Сорок первый» и «Седьмой спутник».)

Итак, «Оня» Прут появляется перед светлыми очами бывшего вахмистра, а ныне командарма 1-й Конной С. М. Буденного. По поводу пожелания Прута вступить в Красную армию большого энтузиазма командарм не проявил. Думаю, за сценой (для себя), он

недолюбливал евреев, бывших у него в политотделе и в особом отделе. Хотя с погромами расправлялся жестоко, вплоть до расстрела, публикуя приказ за приказом. Посему он задает вопрос, что умеет делать доброволец. «Я хорошо говорю по-французски, по-английски и по-немецки». – «На хрена нам это нужно?», – сказал Буденный. – «Белые говорят по-русски!» Прут утверждает, что он хорошо ездит верхом. Недоверчивый командир усмехается и предоставляет для проверки новичка норовистую кобылу. Естественно, выпускник «Эколь новее» справляется с заданием, равно не перепутав шашки с саблей, и тотчас назначается комвзвода. Спустя 30 лет, вспоминая далекие времена, Семен Михайлович у себя дома, во время обеда сказал, что если бы «Осип» перепутал холодное оружие, то он бы его выгнал вон...

В 1938 году на «Ленфильме» был снят фильм по сценарию Прута «Эскадрилья № 5» – агитка, рассказывающая о будущих победах Советского Союза над фашизмом. Именно поэтому в немецких листовках, разбрасываемых над небом Москвы в 1941-1942 г., в списке приговоренных к смерти был и Иосиф Прут. Он был первым в алфавитном порядке на букву «П». Не думал я, что немецкая глупость простиралась настолько далеко. Я слышал, что вне списков был Илья Эренбург – это понятно; Геббельс грозился повесить за язык великого диктора Левитана – и это тоже понятно. Но Прута! Это уже глупость!

Военный опыт пригодился Пруту и в годы Великой Отечественной войны. А кем он только не перебивал! Так, в самом начале он написал сценарий фильма «Секретарь райкома», о партизанском движении, после того как он поработал на фронте. Он был лично знаком с начальником Центрального штаба партизанского движения Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко. Фильм был снят Иваном Пырьевым и получил всеобщую славу.

Затем он начал работать в качестве инструктора передвигного танкоремонтного завода, завода на колесах. В его обязанность входило вытаскивать подбитые танки с поля боя и доставлять их на место ремонта. При этом военную карьеру Прут начинал как рядовой. Иосиф Леонидович поклялся себе, что сохранит жизнь своим солдатам, и действительно ему удалось спасти почти всех, кроме одного человека, Виктора Шорникова. А участвовал Прут во многих разведывательных операциях. С иронией он вспоминает, как после удачного поиска в тылу врага он говорит главному исполнителю этой исключительно тонкой операции: «Ты – самый лучший командир разведроты в нашей армии!» На что капитан,

Петр Цушко, с неповторимым одесско-еврейским акцентом отвечал, что есть «више! и куда више!». Этим «висшим» существом был Эммануил Казакевич.

Но я воспроизвожу наиболее интересное из мемуаров Прута. После окончания войны, в 1946 году, Иосиф Леонидович попадает в Одессу. И надо так случиться, что он встречается двух своих фронтовых друзей: уже упомянутого капитана Петра Цушко и командира разведроты соседней дивизии, капитана Семена Германа, также одессита. Выяснилось, что семей их нет в живых, кто-то выдал родителей, и их расстреляли. Причем их прятали соседи, так что выдать мог только знакомый. Капитаны спешат на встречу с архиепископом Таврическим и Крымским, временно расположившимся в Пушкинской церкви, ибо, уходя, немцы взорвали собор. Идут они к владыке с целью получить сведения, кто выдал их семьи. В ответ на скепсис Прута, что архиепископ не знает таких фактов, капитаны приглашают фронтового друга зайти вместе с ними. На звонок открыл служка, и они попросили встречу с «начальством». Их провели во внутренние покои – владыка оказался тучным человеком с бородой Карла Маркса. Офицеры представились, представился и Прут. Он протянул руку: капитаны поцеловали длань, а Прут пожал руку. Владыка вопрошает пришедших о цели визита. Капитаны сказали, что хотят внести средства на восстановление храма, каждый по пяти тысяч. Архиепископ спрашивает их фамилии. Петр сказал – Цушко. Мгновенная реплика священнослужителя: «Зейф?» На идиш это «мыло». «Так точно. Дедушка торговал мылом на базаре». – «Помню его», – кивнул владыка. «А ты?» – обратился он к Сене. «Герман!» – ответил тот. «Отец работал у Менделя? В магазине одежды?» – «Нет. Это был мой дядя».

«Ясно. Пиши! – повернулся он к службе и продиктовал: «От прихожан иудейского вероисповедания Цушко и Германа – на восстановление храма – десять тысяч рублей». Деньги переходят к нему, и капитаны получают квитанции.

Когда они остались одни, владыка, посмотрев на капитанов, задает «коренной» вопрос: «Ну, а теперь дети мои, говорите: чего пришли?» *(Я думаю, что вопрос был задан на идиш, т.к. по-русски он звучит искусственно, а на маме-лошен – красиво, «лепо»): «Ну-с у инт майне киндерлех, вос хот айх гебрахт цу мир?»*

Они объясняют причину их появления и уверенно сообщают, что родителей выдали. Архиепископ спрашивает, на какой улице жили убитые. На Костецкой. – «Правая или левая сторона?» – «Левая». – «И какие же номера домов?» – «Семь и девять». Владыка поду-

мал и произнес: «Богатырчук выдал». Капитаны раскланялись и опять поцеловали руку священнослужителю, а Прут попросил разрешения остаться.

Когда они остались вдвоем, Иосиф Леонидович спросил, как величают в міру архиепископа. Он ответил: Николаем Ивановичем. Прут задает вопрос, знает ли он, кто пришедшие капитаны.

– Мои прихожане, – отвечает владыка.

– Нет, нет! Я не об этом! Кто они по военной профессии?

– Офицеры.

– Не только офицеры, но и командиры разведрот, люди абсолютной храбрости и великой справедливости. И все-таки Божеское ли это дело?!

– Что именно?

– Ведь они найдут Богатырчука и убьют его! Отомстят за своих родителей.

Владыко усмехнулся и сказал:

– А Богатырчук ни Богу, ни людям не нужен. Он – сволочь.

– Но ведь это самосуд! Будет – самосуд! Все-таки для этого есть советская власть, которая должна решать все по закону...

– Милый мой! Есть ли советской власти время этим заниматься? Пускай решают сами.

Как мы видим из этого маленького рассказа, Прут не одобряет своих приятелей, но они сделали свое дело, предварительно разрешив доносчику напоследок выпить водки.⁸³ (*Обратим внимание на «игру слов» владыки: «Богатырчук – Бог»...*)

Мимоходом сказано несколько тёплых слов в адрес Эммануила Казакевича. Он действительно был начальником дивизионный разведки у генерала Выдрагана, оставившего хорошие воспоминания о любимом человеке. Генерал Выдраган сам выдвинул фронтového корреспондента на такой нелегкий пост. И вот ещё. Некий Шейнкман, ставший поэтом Михаилом Светловым, прославился не только «Каховкой» и «Гренадой», но тем, что, попав в политотдел 9-го танкового корпуса, захватил в плен четырёх немцев, чем и прославился.⁸⁴ Оказывается, не все евреи «в тылу сражались за Ташкент!»

Интересно, кто был архиепископ Таврический и Крымский? Я думаю, что им был знаменитый хирург, лауреат Сталинской премии и духовный деятель Лука Войно-Ясеницкий, в міру Валентин Феликсович Войно-Ясеницкий (1877–1961)... Очень уж неординарное решение, да и подозрительное знание идиша... Германцев Владыка ненавидел и в своих проповедях в конце 1944 года говорил о неслучайности немецких зверств. Жестокость присуща не-

мецкому народу в целом. Эта национальная черта не раз проявлялась у немцев в прошлом и отражает дух немецкого народа. Думаю, епископ говорил искренне. Даже если одна прихожанка из прибалтийских немцев указала ему на то, что среди немцев, как и среди русских, имеются всякие люди. И якобы Лука на следующей проповеди признал свою ошибку.⁸⁵ Думаю, что признание в своих грехах пробудилось у архиепископа несколько позднее, после статьи академика Александрова, направленной против Эренбурга... (А может, Владыка вспомнил Абеяра, который ещё в начале XII века писал: «Я обратился к учениям как евреев, так и христиан и находил глупых иудеев и неразумных христиан».)

И к месту следует вспомнить одну статью владыки, относящуюся к 1943 году и опубликованную в ЖМП (*Журнал Московской Патриархии*) под названием «Кровавый мрак фашизма». Архиепископ, кажется, хорошо знал германских прихвостней, и он радостно приветствовал суд над главными нацистскими преступниками в статье «Возмездие совершилось!» с обязательной цитатой из Ветхого Завета: «Если нечестивый будет помилован, то не научится он правде, будет злодействовать в земле правых и не будет взирать на величие Господа» (*Исайя.26.10*). А еврейство Владыка знал. Так, по свидетельству майора запаса, фронтовика Даниила Белкина из Симферополя, еврея, епископ прочитал проповедь «К иноверцам». Церковь была переполнена. Смысл проповеди сводился к тому, что не следует верить тем, которые сорят между собой народы. От этих ссор выигрывают лишь враги. Для церкви важнейший закон: «Несть ни эллина, ни иудея». Иноверцы найдут всегда помощь у истинного верующего православного. Проповедь была размножена прихожанами на пишущей машинке, а Лука послал своего секретаря в синагогу с наказом повторить там текст своей проповеди, не забыв предупредить своего сотрудника надеть головной убор... Валентин Феликсович родился в Керчи, затем семья переехала в Киев: он хорошо знал евреев. В семье нетерпимо относились к антисемитизму и, понятно, к погромам. Для психологии интеллигентной семьи характерно резкое, болезненное отношение к злу. Родная сестра будущего архиепископа сошла с ума после ужасов Ходынки. Это та Россия, которую мы потеряли...⁸⁶

Вот правда жизни, которую я извлек из воспоминаний моего друга Якова Леонтьевича Менакера. (*По метрике Янкель бен-Лейб*).

Якову давно за 80 лет. Призванный в Красную Армию с 45-ю односельчанами 20-го и 21-го гг. рождения в 1940 году, он добавил себе два года, ибо родился в 1923 году. В память о голоде 1922 года – в селе не было ни одного новобранца! Вернулось с фронта

всего пять человек, из коих два инвалида. Потери составили 90%! И так по всей России. Войну Яков встретил в Белоруссии, где попал в окружение, побывал в плену и дважды бежал из оногo. Скрываясь и прячась, прошел всю Белоруссию и Украину за пять месяцев и добрался до своего родного села Котюжаны Муравано-Куриловецкого района Винницкой области. В селе евреев было немного. Его мать обшивала крестьян, а затем стала заведующей детского патроната. (*Патронат – это нечто среднее между детским приемником и детским домом.*) Естественно, все в селе знали Якова. Добравшись в село в канун Нового 1942 года, по воле случая он сразу попал на крестины, где присутствовал сельский священник. К сожалению, Яков Леонтьевич не помнит его фамилию, а в памяти осталась его кличка «Синяк», говорившая о пристрастии батюшки к спиртному. По случаю торжества изба была переполнена. Якова забросали вопросами по поводу других призывников 40-го года. Он едва успевал отвечать на вопросы. Торжество началось. После изрядной выпивки встал вопрос, что делать с евреем-односельчанином. Немцы убивают евреев, что уже и произошло в селе. Кто-то предложил его «выкрестить». Все обратились к священнику. Наступила тишина. «Священник задумался и нашёлся не сразу. Затем он категорически медленно произнес: «Этого делать не следует. Крещение не спасёт его. Пусть живёт тем, кем его создал Бог. Я думаю, что если каждый из нас по силе своей возможности поможет ему в беде, то это лучше будет. Аминь!» – и окрестил он всех массивным крестом». Да. Из трёх еврейских семейств, живущих в этом селе, общим числом 12 душ, вернулись двое: сын еврея-кузнеца и Яков, оба призванные в Красную армию. Остальных убили нацисты.⁸⁷

Браво! Простой деревенский священник произнес фразу, которую должны были произнести несравненно более образованные римский папа, униатский митрополит Шептицкий и многие другие священнослужители, но у них не хватило мужества и чести. А это спасло бы сотни тысяч невинных душ. Высокопреосвященству Шептицкому не надо было писать универсалов. Он только должен был сказать своим ближним: «Спасайте евреев любым способом», и его слова дошли бы до глубины народного сознания. Вместо этого он прятал порядка сорока своих знакомых по Лембергу (Львову): капля в море того, что он мог сделать, чтобы сдержать чернь от тотальной резни моего народа.

8.8.03 г.

Жалею, что не внес в свою книгу изумительный факт – интерес Сталина к Палестине. Он действительно был «имперец» с головы до пят. И ясно, почему Шульгин, сидя в советской тюрьме, узнав о

капитуляции Японии, о возвращении Порт-Артура, Южного Сахалина и приобретения Курильских островов, был в восторге от победы «грузинского горца»!

Итак, 10 апреля 1945 года генералиссимус встречается с патриархом Алексием, в беседе принимает участие Нарком иностранных дел В. М. Молотов. 9 мая 1945 года окончилась Мировая война, а уже 28 мая Патриарх Алексей прибыл в Палестину! – ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПАТРИАРХ В ИЕРУСАЛИМЕ! Браво, товарищ Сталин.⁸⁸ Пребывал патриарх в Палестине почти месяц. И только 30 июня, почти сразу после возвращения, Патриарх написал послание Вождю...

Восторг от победы русского оружия затронул и церковные круги на Западе, особенно близкие к митрополиту Евлогию (1868–1946). Он в действительности был необыкновенным человеком и не принял немецкой оккупации. Особенно его потрясло нацистское отношение к евреям, которых из Парижа увозили на убой: «Насильники, насильники... и что они с евреями делают». И это говорил русский националист и представитель правых в Думе от Волыни, мягко говоря, недолголюбивающих евреев! Вокруг владыки стали появляться агенты гестапо, жаждущие получить из первых рук сведения о гонениях на православных в СССР. Все было правдой, но Евлогий в этот момент наотрез отказался от сотрудничества. Было тяжелое время для его родины, и подыгрывать «исконному врагу» Евлогий не желал. Он внимательно следил за военными действиями и страшно переживал разгром 41-го года: «Варвары!... Какие варвары», – негодовал митрополит. Его угнетало и уничтожение евреев, и обращение с военнопленными, и поражения 42-го года. Он вообще считал, что потоки русской *(а возможно, и еврейской)* крови отмывают грех революции. Но после Сталинграда и Курска – все встало на свое место. Военные вести утешали последние годы престарелого и больного владыки. Для него война в действительности стала Второй Отечественной. Его переполнял патриотизм. Победа над извечным врагом, «германцем», была для него бальзамом на сердце. В один из победоносных дней секретарша увидела Евлогия, обложенного газетами и иллюстрированными журналами: он любовался портретами советских маршалов. Сказочная отвага соответствует с баснословной мощью русского вооружения... Он находил общие черты в облике советских воевод с генералами прошлого: один походил на Кутузова, другой – на Багратиона, а тот – на Баркляя. «Какие лица! Благообразные, волевые, умные...» И я смотрел на фотографии воевод и, кроме

«общего лица выражения», ничего не видел: выкорышки Сталина, бездарные и жестокие. Не считая, понятно, К. Рокоссовского.

Эйфория захлестнула старого патриота. В пересказе секретаря Т. Манухиной он уже видел Великую славянскую державу. Именно сейчас можно разрешить старые мечты: «Огромная непобедимая Россия, от Ледовитого океана до Индийского (*мечта!*), гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян... и Москва – кто знает! – быть может, всемирный центр Православия». Грандиозная националистическая мечта и наивная...»⁸⁹ Стоит напомнить планы России в I Мировой войне, когда по тайному соглашению с Англией и Францией она должна была получить проливы и Константинополь, а также некоторые куски в Анатолии. Тайный договор от 20 марта 1915 года. Я видел прекрасную карту раздела Турции в одной советской книге. Итак: оба берега Босфора с Константинополем плюс громадный кусок восточной Турции, включающий Эрзерум, Трапезунд, озеро Ван, т.е. земли, населенные несчастным армянским и ассирийским (халдейским) населением. Вернее, их остатками: их турки тотально вырезали в 1915 году. Италия «получала» Западную и юго-западную Турцию и город Смирну (Измир) – территорию не меньшую, чем русские. Остальное делилось «франко-британскими братьями».⁹⁰ Что же касается Святой земли, то британский и французский братья надули русского брата ровно через год. 13-го марта 1916 года франко-британцы тайно заключают соглашение, так называемый «договор Сайкс-Пико», по которому все земли, населенные арабами, в том числе Сирия и Палестина, будут разделены на 5 зон, так называемые «сферы влияния». В общем, Палестина и Месопотамия отошли бы к Англии, а Сирия – к Франции, несмотря на известный перевес католиков на Святой земле, а интересы русского православия даже не учитывались.⁹¹ Добавим, что Ататюрк ничего «не дал» итальянцам. Что же касается II Мировой войны, то Сталин в Тегеране лишь один раз говорил о сионизме с Рузвельтом и Черчиллем. Никаких территориальных претензий на Ближнем Востоке не выдвигал. К сожалению, Бог милостив Турцию: она сохранила нейтралитет. Но позже, в 1948 году Сталин начал зондировать общественное мнение Запада в отношении проливов и возвращении Армении ее исконных земель.

Шла холодная война. Турция сразу вступила в НАТО и тем спаслась от appetитов «самодержца»...

Вспомнил издевательские слова великого историка о стремлении древнерусских богатырей на старости побывать в Иерусалиме: «...пристойно завершить неблагоприятные подвиги:

*Смолоду было много бито, граблено,
А теперь пора душу спасти».*

Так сказать, в пару атаману Кудеяру из баллады Н. А. Некрасова, но я об этом писал...

9.8.03 г.

Перечитывая воспоминания Прута, вновь остановился на его «конных подвигах», обратил внимание на старые анекдоты о евреях-кавалеристах. Глупость чудовищная. Вот ещё рассказ о замечательном лошадинике и умнейшем человеке полковнике Леониде Владимировиче Рузове. Несмотря на столь «железное» имя, отчество и фамилию – он был чистокровным евреем. Работал в 1944 году во время Великой Отечественной войны в разведотделе фронта. Прославился Рузов во время Гражданской войны, когда служил в казачьих частях. Он инспектировал некую часть и увез жену командира. Посадив похищенную женщину на круп коня, Рузов ускакал. Командир гнался за ним и непрерывно стрелял из нагана, но Бог удачи сопутствовал влюблённым. Они вместе прожили всю жизнь. В 1937 году запахло жареным: посадили почти всех командиров армий, дивизий и даже полков. Посему Рузов подал рапорт о переводе на... Землю Франца Иосифа. В это время СССР осваивал Север и Рузов на зимовке пережил самое тревожное время и уже вернулся в Москву в 1939 году, когда главный вал террора схлынул. Вернулся накануне Советско-Финской войны и попал в действующую армию. В начале Большой войны он был начальником разведотдела 14-ой армии. С Карельского фронта, который был «неподвижным», Л. В. Рузов в буквальном смысле сбежал на Южный фронт и остался там, а его аттестат был выслан по его просьбе после. Жаль, что я не знаю, какой он пост занимал там. Надо отметить – Рузов был храбрецом.⁹³

Эммануил Казакевич (1913–1962) также был прекрасным конником, и при этом учтём, что он был «белобилетником», то есть был освобожден по состоянию здоровья от службы в армии. Но этим обстоятельством он никогда не пользовался. Товарищи по оружию вспоминали, что при каждом случае он доставал лошадей, которых у него начальство отнимало: не положено по штату. И лишь став начальником дивизионной разведки, уже не расставался с лошадью. Уместно напомнить военный путь Казакевича – от рядового солдата из московского народного ополчения до заместителя начальника разведки армии. Путь от окружения под Вязьмой до Бер-

лина. Приведём свидетельство товарища по оружию о безумной храбрости Казакевича: «Он мне сказал: «Я буду сражаться во весь рост!» И в этом я убедился, когда завязался наш бой с противником. Это было 6 октября 1941 г. Во второй половине дня началась артиллерийская подготовка. Мы наспех окапывались... мы открыли пулеметный огонь по противнику. В кустарнике на небольшом косогоре со станковым пулеметом «максим» действовал Казакевич, нещадно посылая очередь за очередью. Нам было трудно. Нас жали назад, но мы, маневрируя, переходя от одной позиции к другой, продолжали вести огонь. Ствол пулемета резко повышал свою температуру, но интервалы исчислялись секундами. Нас обстреливали с бреющего полета самолёты, накрывали минометные разрывы, косили пулеметы. Мы несли очень тяжёлые потери, но люди продолжали пядь за пядью отстаивать свою родную землю... (Наступила спасительная ночь.) Ночью Казакевич вместе с другими бойцами ходил в разведку... Утром 7 октября начался последний организованный бой нашей 179-ой Особой учебно-боевой бригады. Я снова видел Эммануила Казакевича ведущим бой как пулеметчик. В последние часы, когда кончился запас лент, я видел Казакевича бешено метавшимся на линии боя с автоматической винтовкой и гранатами: он продолжал бороться до конца. Он был сильно взволнован, устал, но не складывал своего оружия, он не чувствовал победы над собой, хотя состав полка все таял и таял. Он практически показывал, что «и один в поле воин». Нашу бригаду разбили почти до основания.⁹⁴

Паустовский писал: «...(Казакевич) принадлежал к первым и лучшим людям нашего времени – по остроте и смелости мысли, по вольному и умному таланту, по блеску его воображения и тому бурному человеческому обаянию, которое мгновенно покоряло всех». Меня поразило слово «вольное», которое метко нашел мэтр. И вправду, Эммануил Генрихович, будучи совсем молодым, участвовал в сходках троцкистов и чудом уцелел!

10.8.03 г.

Прочёл мемуары Ольги Чеховой. Любование этой особы собой – понятно. Но не это меня интересовало. Немцы знали, что она была замужем за Михаилом Чеховым, актёром и племянником великого писателя. Но ведали ли они, что племянник был наполовину еврей, а следовательно, их общая дочь была «квартиронкой»? Кто-кто, а Альфред Владимирович знал; знал и оберштурмбанфюрер СС Григорий Васильевич (*Грегор Вильгельмович Шварц-Бостунич – драматург, автор исследования о театре Н. Н.*

Евреинова.) Так что это был секрет полишинеля. Гитлер любил знаменитую актрису со столь звонкой фамилией, хотя Геббельс ее недолюбливал. Но главное – её защищал Герман Геринг, из-за своей второй жены, актрисы Эммы Зоннеман, и в противовес министру пропаганды. Также защищал «неарийских» актеров и их жен, заявляя, как и в своём ведомстве: «Я сам определяю, кто еврей». Когда нависла опасность для друга Чеховой – банкира-еврея Штерна, то именно рейхсмаршал помог тому перебраться за границу. Естественно, по просьбе Ольги.

Сама же Чехова свою феерическую карьеру на Западе начала с игры на немецком языке двух пьес русских писателей, евреев по происхождению: Юшкевича и Осипа Дымова! Неплохую школу в Берлине прошла у Макса Рейнгаардта, великого режиссера, крещёного еврея. Понятно, что по своей природе, природе свободного художника, антисемитизм ей претил. После прихода наци к власти многие ведущие актёры, евреи или с примесью еврейской крови, эмигрировали. Например, тезка Адольфа – «красавчик» Вольбрюк.

Знаю рассказ Ольги Константиновны, в который с трудом верится. На одном из приёмов в министерстве пропаганды, где присутствовали актёры, фюрер разглагольствовал о евреях-актёрах. Престарелая актриса Адель Зандрок перебила главу государства: «Господин рейхсканцлер, оставим эту тему. Я желала бы об этом ничего не слышать. Но если вас это интересует – и между нами: моими лучшими любовниками всегда были евреи». Гитлер и его окружение остолбенели. Адель поднялась, с достоинством откланялась и спокойно бросила: «Au revoir, господа».⁹⁵ Каково! А вот и резюме: ничего подобного у товарища Сталина не могло произойти. Кроме одного случая. Кажется, что-то шокирующее лично Сталину сказала великая пианистка Мария Вениаминовна Юдина. Будучи верующей христианкой, она якобы во время концерта на даче Сталина высказала правду-матку: «Вы – тиран. Но я буду молиться за Ваше спасение». Наступило оцепенение. Но вождь спокойно вытащил трубку изо рта и произнес: «Тов. Юдина, продолжайте играть». Сталин её любил, и всё обошлось... Об этом эпизоде мне рассказал покойный Юра Аранович.

22.8.03 г.

Люблю Владимира Соловьева. В предыдущей книге, в главе, с привлекательным названием: – «Мысли случайные и не случайные», я начал с эпиграфа из обаятельного философа:

*«Смерть и Время царят на земле –
Ты владыками их не зови;*

*Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви».*

Следует добавить, что мысль не оригинальная, но воплощенная в блестящем афоризме. А вот аналоги в мировой литературе: «Бог времени царит над нами...». (Хор из «Электры» Софокла) «Случай и время – два величайших тирана». (Иоганн Гердер.)

«Цените время, занимаясь темой,
А время выиграть возможно лишь системой» (Гете «Фауст», ч. I)

Кажется – где любовь, где плоть? Конечно, она есть и у Софокла, и у Гете. Но у Соловьева красивее... Так мне думается.

7.9.03 г.

Сегодня исполнилось 39 лет совместной жизни с Инной. Целая жизнь! Если кому не повезло, так это ей: с каждым годом я добавляю забот. Будущее наше темно во всех смыслах: каким будет здоровье и какой величины будет пенсия:

«Глухо вшендже, чёмно вшендже,
Цо то – бендже? Цо то бендже?»
(Адам Мицкевич)

Этот наш двойной портрет был выполнен большим русским художником Александром Давидовичем Копеловичем (1915–1990). Эта же картина была его последней работой. Она написана в мае 1990 года, за неделю до открытия его выставки в Москве на Крымском мосту, после 65-лет эмиграции. Работал Копелович в студии, что напротив Дамасских ворот. Шла интифада, раздавались крики и выстрелы. Только что террористы убили соседку по этажу, еврейку-адвокатессу. Но Александр Давидович настаивал, чтобы мы приезжали в студию каждый день. Он что-то чувствовал... Накануне отъезда в Москву сердце у художника не выдержало. Семья мне передала работу уже после похорон художника. В семейном кругу она носит название «Владимир Ильич уговаривает Инессу Арманд».

15.9.03 г.

Не пренебрегать ничем! Вот девиз историка. За фактом надо охотиться, как бегают натуралист за редким экземпляром бабочки. Ибо, например, что такое цифры крещёных кантонистов – это

только цифры. Их имена надо озвучить, ибо судьба индивидуума трагична. Только что получил книгу Йоханана Петровского-Штерна «Евреи в русской армии». Книга добротная и скучная. С подковырками в ту или иную сторону.

Вот небольшое добавление к «игрушечной» армии Николая Павловича. Гиляровский, до того как попал в армию, вообще не видел евреев! Факт удивительный. Владимир Алексеевич – воложанин. Он был принят вольноопределяющимся в полк, чтобы спустя два года поступить в юнкерское училище. Было это в 1871 году, году милютинских реформ. От рода Гиляровскому было не то 18 лет, не то 16(?) – какой-то странный пробел в его биографии (он родился не то в 1853, не то в 1855 году). Первое, на кого обратил внимание Владимир, был командир роты Вольский. Блестящий педагог, подобно Макаренко, никогда не обижавший солдат и не отдававший их под суд, даже если шла речь о воровстве. Поразительное понимание психологии солдата, виновного и пойманного с поличным. На любой поверке Вольский, выстроив солдат, звучным голосом говорил общее приветствие всем, но добавлял, что кроме Велиткина. Солдаты сразу поняли, в чем дело, и ждали развязки. Не выдержав мук совести на вечерней поверке, Велиткин в нарушение устава пал в ноги командиру и просил лучше суда, чем такого наказания. Вольский улыбнулся, велел подняться виновному и сказал, что он все понял и его прощает. Дело лишь за Уткиным (*солдатом, у которого украли деньги*). Уткин сказал, что тот просил прощенья, и он ему дал: «Он, Ваше благородие, больше не будет, он уже плакал передо мной». Солдат стал в строй, и Вольский просил «ребят» забыть этот случай и не говорить в других ротах. Нечего сказать – блестящий педагогический ход. Обратим внимание на фамилию «Вольский». Как мною писано неоднократно, эта фамилия примыкает к фамилиям выкрестов: Добровольских и т. п.

Как водится, в роте был еврей – «шлимазл», невзрачный и злополучный барабанщик Шлёма Финкельштейн. Его перевели из другой роты, где над ним измывались командир и фельдфебель. Да и рядовые солдаты тоже не оставались равнодушными, но писались воспоминания в советское время – ухо надо было держать востро. Этот Шлёма был первым евреем, увиденным Гиляровским: во времена его детства в Вологде, и тем паче в бурлацкой команде и среди крючников в Рыбинске, где был юноша Гиляй, евреев не было.

Как поступил Вольский? Он выстроил всех солдат и произнес подходящее случаю нравоучение о равенстве всех носящих солдатский мундир, и слово «жид» забылось. Звали его солдаты по

имени Шлёма, так как им было трудно произносить его фамилию. В роте его никто не обижал, и он исполнял различные поручения «вольнопёров», как то: тайную покупку водки и закуски, продавал старый мундир и сапоги, чинил одежду и т. п. Естественно, кое-что перепало и барабанщику. Барабанщик он был отменный – «наяривал» замечательно утреннюю зарю. Финкельштейн привязался к Гиляровскому, и когда после разных приключений будущий писатель вернулся в роту из юнкерского училища, то обрадованный Шлёма угостил Гиляя за свой счет водкой и огурцами!⁹⁶

Рассказывает писатель о жестокой порке, произведенной над одним провинившимся солдатом. По силе воздействия на читателя эти страницы не уступают «Первому балу» Льва Толстого.

Но вот рассказ старого поручика, к 50 годам своей жизни выбившегося в офицеры из кантонистов. Зовут его Иван Иванович Ярилов. Но имя его ненастоящее, будучи совсем маленьким, он был схвачен «хапунами» из Волынской губернии. Он не знал ни места своего рождения, ни имени, не помнил и родителей. Принесли его в полк в мешке. «Как в мешке?» – переспрашивают его. «Да так, в мешке. Ездили воинские команды по деревням с фургонами и ловили по задворкам еврейских мальчиков, благо их много. Схватят в мешок – и в фургон. Многие помирали дорогой, а которые не помрут, привезут в казарму, окрестят, и вся недолга. Вот и кантонист».⁹⁷ А дальше Ярилов говорит о порке николаевских времен, когда о его спину «целую рощу перевели». Офицеры, наслушавшись этих рассказов, с трудом верили в эти ужасы. Между прочим, офицер из полка Гиляровского, подвергший солдата зверской порке, был подвергнут остракизму. Было и это...

Нравственность XIX века не позволяла писать о мужеложстве, процветающем в русской армии. В первую очередь это касалось мальчиков-кантонистов, которых «дядьки» превращали в своих сожителей, заражая венерическими заболеваниями, калечили жизнь несчастных. Имеются лишь робкие упоминания этого позора. Кстати, подростки занимались усиленно онанизмом. И вот военный министр А. И. Чернышев «имел счастье» (*официальное обращение к сюзерену*) докладывать императору о положении в новгородском батальоне кантонистов. Последовала канцелярская переписка обер-прокурора Синода Н. А. Протасова с Петербургским митрополитом Антонием: «Г. военный министр сообщил мне, что Государь Император, по всеподданейшему докладу о причинах существующих между кантонистами Новгородского батальона кантонистов бо-

лезней и смертности, усмотрев, что в числе их заключается вкоренившаяся страсть у кантонистов к онанизму. Высочайше повелеть соизволил: независимо от принятия полицейских мер к искоренению сего порока, в особенности чаще беседовать Священнику с детьми и непременно не менее часа в день, но не в виде урока или класса, а собственно вне препровождения времени с детьми, дабы выиграть их доверие и привязанность, и тогда действовать убеждением».⁹⁸ Об успехах воспитания нравственности кантонистов ничего не сказано. Думаю, рукоблудие продолжалось, как и принуждения к сожительству. Перечитываю все это с ужасом и омерзением.

Как могли несчастные бороться с этим ужасом? Только дезертирством и во время войны сдачей в плен. Вот печальная новелла, рассказанная известным киноактером Перестиани. Накануне I Мировой войны он путешествовал по Ближнему Востоку и попал на знаменитый Измирский (Смирнинский) базар. Случайно он выругался, естественно, на родной «мове». «Ты что, русский?», – спросил его седой бородатый турок по-русски. «Стою в полном недоумении. Гляжу и не верю ни ушам, ни глазам. Он улыбается. Рот точно щель, улыбка открывает пару зубов.

– А вы кто? – спрашиваю я в недоумении.

– Раньше тоже русский был. А теперь турок, видишь? Не один я тут такой. Раньше нас целая рота была.

Слушаю его и перестаю понимать. Он шамкает, иногда путается в словах. Смеясь, он обтирает рукавом верхушку парашюта... и показывает мне место.

– Садись рядом.

Я сажусь и думаю, что это за наваждение?

– Севастополь знаешь?

Киваю головой и совершенно ничего не понимаю.

– Про войну Крымскую слыхал?

– Да. Мой отец в ней участвовал.

– Во-во-во. Мы кантонистами были. Целая рота. Все поротые-перепоротые. Целую роту на розги для нас извели, а то ещё шомполами... Сквозь строй тоже обрабатывали. Слыхал?

Он улыбается, трясет головой. Мне не по себе. Справа подошел другой. Молчит. Слушает.

– Может, слыхал ты? Целой ротой мы к туркам перешли. От царской каторги.

Столько лет прошло. Так и остались, отуречились».⁹⁹

К этому можно добавить, что и спустя 60 лет русский человек помнил казарму и порку. Впрочем, и сейчас в российской армии

несладко, но это другой разговор... А о власовцах я не желаю ничего вспоминать.

Думаю, что большинство в этой роте были православные. Евреи, перебежавшие к туркам, не обязаны были принимать ислам в это время. Их защитниками были не только западные союзники, но и Адам Мицкевич, создававший Иудейское воинство. Я об этом писал в «Истории одного мифа».

К месту вспомнить и Юрия Тынянова, где в его романе «Смерть Вазир-Мухтара» русский посол в Персии А. С. Грибоедов требует возвращения дезертиров. Большинство из них приняли ислам и служили в персидской армии, где совсем неплохо воевали против царских войск, что оговаривает Тынянов в одной из своих статей, ссылаясь на архивный материал.

15.10.03 г.

Все-таки мы мало знаем еврейскую историю в России. Поговорим о самых крупных дельцах прошлого. О баронах Гинзбургах, Штиглицах и Габлицах – крещёных и некрещёных – писано много. О Высоцком – писано, о Бродском – тоже, и Поляковы, и Блюх, и банкир «Митька» Рубинштейн, брат великой балерины Иды Рубинштейн, – и о них кое-что тоже написано. В эмиграции Ида поддерживала Игоря Стравинского, заказывая ему музыку. Итак, Ида связана с двумя гениями: Валентином Серовым, которому она позировала для знаменитого и скандального портрета, и Игорем Стравинским, высоко ценившим её вкус... Или вот выкрест, финансовый гений **Игнатий Порфирьевич Манус**. Он родился в Бессарабии в 1860 году. Образование получил в классической гимназии. Сразу стал заниматься коммерцией. Служил в качестве агента по финансовой части в правлении Сызраньско-Мариинской и Самаро-Оренбургской железной дороги. Один из главнейших держателей акций Путиловского завода. Автор блестящих работ по финансовому и банковскому делу. Его перу принадлежит капитальный труд «Министерство финансов за последние 25 лет». В сборнике статей, собранных под названием «Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени», можно найти следующее: «У нас теперь чуть ли не каждый пишет о финансовых вопросах. Курьёзнее всего, что часто лица, пишущие с апломбом о финансовых вопросах и авторитетно излагающие свои не то советы, не то приказы, во всей своей жизни не заработали личным трудом, как практикой или посредством финансовых комбинаций, ни одной копейки». После русско-японской войны проанализировал финансовую и экономическую сторону развития России до и

после войны. Работа не увидела свет, ибо выводы, которые сделал финансист, задевали сильных мира сего. Следует добавить, что А. И. Путилов был учеником и другом С. Ю. Витте. Также он был другом Мануса. Но это не спасало всесильного министра от нападков Мануса, критиковавшего того за бюрократический принцип работы. Думаю, что это не совсем справедливо – бюрократия, в правильном понятии слова, вещь необходимая, по крайней мере для России. Игнатий Порфирьевич Манус дослужился до действительного статского советника (1915 г.), директор правления товарищества Петроградского вагоностроительного завода; член совета Сибирского торгового банка; акционер и кандидат в директора правления общества Юго-Восточной железной дороги; крупный акционер Санкт-Петербургского международного банка (11225 акц.), сотрудник газеты «Гражданин» (*псевдоним «Зеленый»*). Последнее не украшало его: быть в обществе князя Мещерского – небольшая честь. Правда, следует сказать, что князь-антисемит в конце жизни ратовал за еврейское равноправие и категорически порицал подстрекателей «Дела Бейлиса», не без основания считая, что это позор России.

Что же касается Мануса, то я имею честь быть знакомым с его племянницей, Нонной Львовной, живущей в Израиле. Она дочь младшего брата Мануса, который, естественно, не крестился. Она живо интересуется жизнью дяди, находится в переписке с ленинградским историком Гессеном и Публичной библиотекой. Интересна история моего знакомства с этой замечательной дамой. Моя дочь – заведующая музыкальной библиотекой Тель-Авивского университета, чрезвычайно богатой фондами, которые постоянно пополняются добровольными пожертвованиями. Нонна Львовна пригласила Анну в свой дом и просила принять в подарок ценную библиотеку своей покойной дочери, известной пианистки. Разговор шел на иврите, и каждая из «высоких договаривающих сторон» даже не подозревала, что они могли бы говорить по-русски. Вдруг Нонна Львовна заговорила о своем дяде и спросила Анну: слышала ли она о нём? Моя дочь сказала: «Я – нет, но папа наверняка». Тотчас же перешли на русский и позвонили мне. Естественно, я знал «кое-что» о дяде Нонны и довольно бойко пересказал его биографию. Племянница Мануса была удивлена...

Но не об этих китах разговор.

Изобретатель **Т. М. Крейнгель** родился в 1863 году в местечке Ширвиндтах Виленской губернии. Семья бедная, поступил в ремесленное училище, по-видимому, в Виленский ОРТ, где учился

два года. В 20 лет переезжает в Петербург, работает три года на различных заводах. В 1886 году изобрёл карманную швейную машину! Был удостоен медали на Промышленной выставке. Ему протянул руку помощи московский фабрикант Давид Иванович Морозов, брат Саввы, и при его помощи был основан завод по производству швейных машин и велосипедов в России. До этого был лишь заграничный ввоз. Крейнгель в 26 лет стал директором-распорядителем производства. Затем он перебрался в Вильно и основал там большую фабрику, продолжая заниматься изобретением в области керосино-бензино-калильного дела. Его продукция покупалась по всей империи и даже за границей – в Египте, Персии, Турции. На фабрике работало 300 человек. За свою продукцию на различных выставках получил семь золотых медалей. Занимался большой благотворительностью в Вильно, состоял членом Императорского Технического общества. Следы талантливого предпринимателя теряются во время войны и после Революции.

Одним из отцов русского табачного производства был караим **Яков Мойсеевич Айваз**. Родился в 1861 году в Крыму. Учился в Керченской гимназии. Окончив её, переехал в Петербург – караимы имели полные права жительство в империи. Айваз начал работать на табачной фабрике своих родственников «Братья Шапшал», где до 1886 года был управляющим папиросным отделением. В 1887 году совместно с неким Мориесом основал гильзовую фабрику в Петербурге. Входил в дирекцию машиностроительного завода «Перро Мино». В 1897 году основал завод, где трудилось 200 человек рабочих на изготовлении папиросно-набивных, гильзо-мундштучных и табакоделательных машин. Ежегодно росло производство и экспорт в Австро-Венгрию, Швецию, Сербию, Данию, Германию, Бельгию, Италию, даже в Англию и США, в Японию, Египет и Китай. За свои изделия завод дважды получал награды на выставке новейших изобретений. Следы Айваза теряются после Гражданской войны.

Один из крупнейших экспортёров риса в России был еврей **Григорий Иосифович Бекенсон**. Он родился в 1860 году в Минске в семье лесопромышленника. Получил домашнее образование. В 20-летнем возрасте управлял делами отца, в свою очередь бывшего крупным лесопромышленником в Северо-Западном крае. Затем отпочковался от отца и открыл свое собственное дело. В 1889 году переселился в Баку, открыл там рисоочистительный завод для переработки риса из персидского сырья. В этой новой для России области промышленности достиг хорошего результата и стал крупнейшим экспортёром риса на внутреннем рынке. В 1899 году выстроил керосиновый завод в Чёрном городе и занялся про-

изводством очистительных масел и нефтяного топлива. Постепенно расширяя производство, Григорий Иосифович в 1900 году построил второй керосиновый завод. Затем к нему «перешли» заводы, хранилища и технические сооружения для обработки нефти, ранее принадлежащие известной английской фирме «Олеум». В 1902-м учредил акционерное паевое общество под названием «Торгово-промышленное товарищество Григория Бекенсона». А затем следы талантливого промышленника теряются.

Вероятно, евреям принадлежала торговая фирма «Ж. Блок». Торговая фирма специализировалась на распространении в России технических усовершенствований и изобретений. В 60-е годы XIX века распространяла швейные машины, в 70-е – американские весы «Фербэнкс», в 80-е – велосипеды, пишущие машинки «Ремингтон» и множительные аппараты «Ронео», в начале XX века – счетные машинки (*арифмометров*) «Бруневич». В Русском Туркестане вели торговлю хлопкоочистительными машинами. В 1897 году фирма преобразована в паевое товарищество, в 1904 году за высокое качество поставляемой продукции удостоилась звания «Поставщика Двора его императорского величества». В 1913 году балансовая стоимость имущества фирмы была свыше пяти миллионов рублей. Правление находилось в Москве на Мясницкой ул., д. Строгановского училища. Состав правления не вызывает удивления: **И. В. Блок, В. Р. и Ю. Р. Гиршфельдт, К. В. Крамер, И. Ф. Эйхенвальд.**

Евреи-золотопромышленники занимали выдающееся место в истории промышленной добычи драгоценного металла. Обычно называют барона Гинзбурга, владельца Ленских приисков. Среди уроженцев Сибири, потомков сосланных евреев или евреев-кантонистов, выдающееся место занимал **Яков Давидович Фризер**, родившийся в Забайкалье, в городе Баргузин в 1869 году. («Эй, Баргузин, пошевеливай вал, плыть молодцу недалечко».) Образование получил домашнее. В 14 лет с отцом уехал на золотые прииски в Баргузинский округ. В 1884 году (?!) из-за болезни отца вступил в дело. Начал работать в должности младшего конторщика, в коей пребывал в течение двух лет. Благодаря сосланным народовольцам, большинство которых были людьми высокоинтеллигентными, получил хорошее образование и много занимался чтением, давшим ему разнообразные знания во многих областях. В 1888 году по его инициативе в Баргузине открыта первая общественная библиотека, в которой он состоял секретарем с 1888 по 1896 г. В 1894 году были открыты богатейшие золотые прииски на берегу реки Витим. В 1898 году в самом глухом и не-

доступном месте, за порогами реки Каролине были открыты богатейшие залежи драгоценного металла. Они получили мировую известность как «Каролинские прииски». Годовая добыча составляла до 40 пудов золота! В течение двух лет была проведена дорога, построена церковь, школа, большая больница и несколько десятков благоустроенных домов для рабочих и служащих, проведен телефон (!) и проделан ряд других работ для удобства работающих. В 180 верстах от прииска, на реке Парме заведено образцовое сельское хозяйство, вблизи приисков расчистили место для участков под сенокос. С открытием Каролинских приисков началось постоянное сообщение между Забайкальской областью и Олекминско-Витимскою тайгой. С 1899 года Фризер проводил постоянные геологические исследования и всегда был пионером этого дела. Благодаря ему организованы поиски золота на берегу Охотского моря (у порта Аяна) в 1906 году. По системе Чарн и Жуи – в 1908 году. В 1911 году – по реке Виллюй. Кроме практической работы, Яков Давидович Фризер написал ряд книг: «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды», «Статистико-экономический очерк Каролинских приисков», «Номенклатура счетоводства на золотых приисках», «Такса урочной и поденной платы на золотых приисках», где он рассказал о своей личной деятельности и участии в золотом деле. После открытия Каролинских приисков Фризер переселился в Иркутск, где занялся и широкой общественной деятельностью. Принимал участие в различных совещаниях: по вопросу путей сообщения, о нуждах рыбопромышленности, в комиссиях городской думы. Он собрал группу из местных рабочих и служащих для организации акционерного общества с целью проведения узкоколейной железной дороги из Иркутска в Жигалово. При его участии составлены подробные проекты этой дороги. Был инициатором открытия Иркутской биржи. Состоял членом ученых комитетов Государственного Волжско-Камского и Русско-Азиатского банков. Кроме того, являлся членом совещательной конторы золотопромышленников в Петербурге. В 1912 году подал записку о проведении трамвая в Иркутске. Как уроженец Баргузина, пожертвовал средства на постройку городского училища, оборудовал мастерскую ручного труда, снабдил школу музыкальными инструментами. В Баргузине был устроен сквер его имени: но, увы, недолго он носил имя Фризера.

Другой, **Я. В. Фризер**, был владельцем пароходов, курсирующих по Лене и Витиму. Производил торговлю керосином и смазочными материалами в Ленско-Витимском крае, купив наливную

баржу и устроив резервуары хранения во всех пунктах. При его участии в Иркутске построена первая мукомольная мельница с производительностью 2000 пудов крупчатки в сутки. В Бодайбо имел оптовую торговлю хлебом и приисковыми товарами. Следы гениального бизнесмена затерялись после Гражданской войны.

До 1870 года из числа евреев крупнейшим золотоискателем был **Б. Л. Хотимский**. Работал с партией в несколько сотен рабочих в Енисейском крае. Более скромным предпринимателем в Нерчинском и Читинском округах был золотоискатель Каплунов. Также евреи занимались и добычей платины.

С середины 70-х годов и позже появляется целая группа предпринимателей-евреев: **И. М. Хейсин, И. Л. и Л. Ф. Флееры, И. С. Лейбовичи, Мильштейны, Тонконозовы** (*поди догадайся, что он еврей!*), **Каминеры, Вульфовичи, Бронштейны, Новомайские** (*эта фамилия знакома сионистам*), **Кальманович, Вульфович, Шепшелевич**, знакомый нам **Фризер, Риф, Рубинштейн, Клейнан** и мн. другие. Рубинштейн и Клейнман занимались золотодобычей с 80-х годов, пока их не вытеснило правительство из Чакойской системы на границе с Монголией. Рудники были запущены, и им пришлось работать в других местах. Это были не хищники, а именно добытчики. Так, Хотимский составил состояние на разработке покинутых и хищнически опустошенных россыпей. Поскольку разработка производилась правильным научным способом, то и дала положительные результаты.

И не надо думать, что правительство помогало евреям, а значит, государству. Далеко не так. Оно принимало всевозможные ограничения, которых до времен Александра III Сибирь не знала. Вопреки всему трудолюбивые евреи колонизировали и Сибирь, и Дальний Восток, они были пионерами прогресса во всем – в производстве, в банковском деле, в культурной работе и т. п. Честь и хвала «маленькому народу»!

Павел Исидорович Ратнер (1860–?), действительный статский советник, директор-распорядитель Санкт-Петербургского общества «Электрических сооружений». Окончил Юрьевский университет в 1886 году, отправился за границу, где усовершенствовался в области строительства. Много опыта приобрёл в Вене. В 1888 году вернулся в Россию и стал заведовать делами отца по различным подрядным работам: по устройству гражданских объектов в системе Военного ведомства и Министерства путей сообщения. (*В то время министр С. Ю. Витте*). Павел Исидорович выстроил большие мосты в несколько сотен сажень (сажень – 2,13336 м) – Зегрежский и Вержбийский. Во всех 10 губерниях царства Польского им выпол-

нены большие земляные работы по сооружению новых шоссеиных дорог. Заинтересовавшись электричеством, и в первую очередь освещением городов, Ратнер уехал за границу для ознакомления с проблемой. Он прослушал множество лекций и, считая себя уже «подкованным», завязал связи с обществом «Гелиос» в Кельне, имеющим первоклассные заводы. По возвращению в Варшаву по поручению генерал Бибикова представил проект освещения польской столицы, и по этому проекту начались работы. В 1896 году Ратнер обратил внимание на низкую освещаемость Петербурга – она намного уступала западным городам, и получил концессию на устройство большой электростанции для обеспечения дешёвым электричеством города и предприятий. Проект принят к исполнению в 1897 году и должен был закончиться в 1937 году(?!). Интересно, что сделано было в советское время, когда автор и концессионер наверняка бежал за рубеж? Кстати, сама станция была построена за один год – воистину стахановскими темпами. По городу была проложена кабельная сеть длиной в 300 погонных вёрст (порядка 360 км). Из года в год росла нагрузка, сеть расширяли, установили две турбины (тогда писали «турбо-динамо»), по 2300 лошадиных сил каждая, и четыре котла по 400 куб. метров. Благодаря Ратнеру все правительственные здания и частные учреждения получили свет: всего установлено 1,5 миллиона ламп: такой был счет в то время. В 1900 году им была создано «СПб. общество электрических сооружений». Петр Исидорович был гением труда: он знал, что Россия нуждается в грамотных специалистах и не всякий может получить заграничное образование. Посему с первого дня открытия на его предприятия допускались студенты университета, технологических, электрических и политехнических институтов. Ратнер был человеком передовых социальных взглядов: на его предприятиях был установлен восьмичасовой рабочий день (работа круглосуточная), зарплата была выше средней. Им была создана школа для ликвидации неграмотности рабочих, где также читались лекции по электричеству и механике. Понятно, что этот человек – почётный член многих научных обществ и благотворительных организаций.

Давид Семенович Марголин, коммерции советник, происходил из семьи старейших русских купцов (?!). Родился в 1850 году в г. Пинске. В 1868 году поселился в Киеве и, выражаясь современным языком, занялся бизнесом. Это совпало с быстрым промышленным ростом России. Он создал Первое пароходное общество на Днестре и его притоках. Предприятие набирало обороты. Тогда

он создал Второе пароходное общество и, соединив их, стал во главе компании. Намного увеличив речной днепровский флот, Марголин удешевил поездки и упорядочил таксы на перевоз грузов. Это привело к промышленному толчку в развитии всего Днепровского бассейна. Марголин – русский патриот: он инициатор строительства пароходов на русских заводах, что экономило государству миллионные средства. Естественно, до него все покупалось за границей. Первые заказы поступили на Брянский, Сормовский и Мальцевский заводы. Благодаря его пробивной силе и предпринимательской жилке Киев получил водопровод, канализацию, газовое, а затем электрическое освещение, был создан трамвай на электрической тяге. Входил в союз создателей и учредителей машиностроительного, котельного и чугунного заводов в Киеве. Он быстро осуществил эти проекты. Этим он способствовал созданию новых рабочих мест, что существенно снизило безработицу. Марголин занимал видное место среди сахарозаводчиков. Владелец Ново-быковского свеклосахарного завода. Был выборщиком киевского биржевого комитета. Широко занимался благотворительной деятельностью, постоянно жертвуя немалые средства. При его участии было основано множество киевских училищ и торговых школ, также благодаря Марголину был собран капитал на строительство здания 1-го коммерческого училища. Член его попечительского Совета. Почётный член С-Петербургского совета детских приютов, почётный член комитета киевской торговой школы им. Терещенко (сахарозаводчик?). В ознаменование своей сорокалетней деятельности Марголин построил в 1909 году в Киеве на Трухановом острове двухэтажное каменное здание школы на 150 детей с ремесленным отделением и принес её в дар киевскому благотворительному обществу. Там же на его средства была выстроена церковь! Для обслуживания Владимирского Кадетского корпуса в Киеве Давид Семёнович на личные средства построил отдельную трамвайную ветку. Вот что писал о деятельности Марголина начальник киевского округа путей сообщения в 1892 году: «Из сведений, собранных из дел Киевского округа путей сообщения, оказывается, что начало пароходно-судоходной деятельности Марголина на Днепре относится к 1868 году. В то время десять пароходов совершали рейсы три раза в неделю между Киевом, Кременчугом и Екатеринославом. Пароходы были построены за границей, стоили дорого, были неудобными, с тесными каютами и открытыми палубами. Кроме общественных пассажирских пароходов, тогда же появилось несколько буксирных пароходов, но со

вступлением Марголина судостроение на Днепре получило новое оживленное направление». Киевский городской голова С.Сольский писал, что «в числе обывателей г. Киева, которые своею выдающеюся общественной деятельностью заслуживают внимание Правительства, занимает достойное место киевский 1-й гильдии купец Д. С. Марголин. Прожив в Киеве 26 лет, вполне доказал, что и единичные усилия, и неослабная энергия честного деятеля, поставившего своею задачей благосостояние населения данной местности, приносит существенные выгоды». Марголин принимал большое участие в делах киевского Дома трудолюбия, который давал весьма крупные обороты и обеспечивал работой большое число беднейшего населения города.

Не забывал Давид Семенович своих единомышленников: он был энергичным деятелем еврейской общины и выстроил здание для Талмуд-Торы на 420 человек. Марголин принимал участие и в общеврейских делах. Был членом Общества для научных еврейских изданий, субсидировал издание Еврейской энциклопедии, способствовал ее изданию. Во время революции 1904–1906 гг., в разгар погромов составил записку о предоставлении евреям всех гражданских прав. Он доказывал, что бесправие евреев создает ненормальные условия жизни и подстрекает толпу на погромы. Это он утверждал в 1905 году на совещании, созданном сенатором Турау, расследующим по поручению правительства причины киевского погрома. Умер Марголин в Киеве в 1918 году.

Его сын Арнольд **Давидович Марголин** (1877–1956) был адвокатом. Принимал участие в защите Бейлиса. Из-за любовного романа и шантажа не мог непосредственно оказать влияние на процесс. Не все в его деятельности мне нравится. Он был у Петлюры заместителем министра иностранных дел, правда, с разрешения ЕТО, и был членом украинской делегации в Версале.

После погромов ушёл с поста замминистра, но связи с самостийниками сохранил, защищая интересы малороссов перед общественным мнением. Автор книг «Украина и политика Антанты» (Записки еврея и гражданина) (1922 г.), «Евреи Восточной Европы» (1926 г., на англ. яз.), «Из политического дневника – Россия, Украина и Америка. 1905–1945» (1946, на англ. яз.) В 1922 году переехал в Америку, занимался юридической деятельностью, работал в еврейских и украинских организациях. Умер в Вашингтоне. Мне бы хотелось узнать: как он относился к убийству Петлюры? Не изменил ли своих взглядов на самостоятельность Украины во время II Мировой войны и т. д.? Но это – другой разговор.

Возвращаемся к бизнесменам.

Липский Илья Ефимович, нам неизвестны годы жизни знаменитого пивовара России. Завод он основал в Вильно в 1875 году. Поначалу производительность не превышала 80 тысяч ведер пива в год. Технических усовершенствований тогда не было, но высокое качество продукции позволило постепенно завоевать рынок и расширить производство. Ручное производство было заменено паровыми двигателями. Успех был огромный. На нижегородской выставке в 1896 году он производил уже 400 тысяч ведер в год и был первым производителем в Северо-Западном крае. Удостоен Большой серебряной медали. В 1902 году владелец завода учредил акционерное общество под фирмой «И. Е. Липский». Это позволило значительно расширить производство и увеличить продукцию: свыше одного миллиона ведер в год! А затем и два миллиона ведер в год. Завод стал крупнейшим в отрасли. Широко использовались паровые и электрические двигатели, электрическое освещение, автоматические аппараты для разлива и закупорки пива, взвешивание и чистка ячменя, смоление бочек – все по последнему слову техники того времени. Ввёл впервые электрические холодильники и искусственный лёд, что позволило поддерживать равномерную температуру и привело к улучшению качества пива. Завод потреблял лучшие продукты империи: 200 вагонов ячменя из польских губерний, волынский хмель и артезианскую воду лучшего качества.

При заводе действовала лаборатория. Все рабочие были застрахованы от несчастных случаев! Ай да капиталист и кровопийца!

За свои изделия завод получал международные призы. В 1893 году в Чикаго – Золотая медаль, в том же году в Бордо – Серебряная. На Всемирной выставке в 1900 году в Париже – Золотая медаль! В последующие годы – в Реймсе, Брюсселе, Одессе, Петербурге – получил тоже Золотые медали. Всего предприятие получило более 30 медалей. Самой ценной медалью считалось получение Большой медали от Российского Министерства финансов. Ай да Витте! Твои капиталисты могли спасти Россию. Но, увы.

За благотворительную деятельность по ведомству Императрицы Марии и Министерства просвещения не раз получал благодарности. В 1897 году Липский был удостоен звания Почетного гражданина, а в 1909 году стал потомственным Почётным гражданином.

Борман Георгий Григорьевич, потомственный Почётный гражданин. Румынский генеральный консул. Директор правления Товарищества «Жорж Борман». Родился в 1837 году в семье Григо-

рия Николаевича Бормана, владельца известной кондитерской фирмы «Жорж Борман». Среднее образование получил в гимназии Гуревича. Затем окончил коммерческую академию в Лейпциге. Провел два года на стажировке, изучая бисквитное дело в Англии и Ганновере. В 1893 году вернулся в Россию и вступил в дело отца, основанное в 1826 году! Оборудовал фабрику по последнему слову техники. В 1895 году фирма была переименована в Товарищество «Жорж Борман». Фабрика занималась только изготовлением бисквитов. В Петербурге владел магазинами на Невском, д. 21 и д. 30, а также на Английском проспекте, д. 16. В Харькове открыл филиал товарищества: шоколадную и конфетную фабрику. Фирма владела складами в Петербурге, Москве, Харькове, Нижнем Новгороде и Владивостоке. Правление размещалось на Невском проспекте, д. 16. К 1913 году баланс фирмы равнялся пяти миллионам рублей. Энергичная деятельность Бормана привела к расширению экспорта, включая такие места, как Австрия, Австралия(?) и Южная Америка(?).

Кельбер Яков Исаакович (1837–?), Браилов Подольской губернии. Образование получил домашнее, т. е., в переводе, обычное еврейское религиозное. Рано занялся коммерцией, проявив недюжинную предприимчивость и работоспособность. В Браилове занимался разработкой и добычей извести, достигнув больших успехов. Одновременно занялся и лесопромышленной деятельностью, став крупнейшим лесопромышленником Юго-Западного края. С 1870 года начал заниматься мукомольной промышленностью. Приобрёл небольшую мельницу в Подолии, постепенно расширил производство, введя модернизацию самого последнего западного нововведения. Мука Кельбера нашла сбыт по всей империи от Остзейского края и по всей России, включая и Финляндию. Экспорт муки высшего сорта шел за границу. В 1901 году построил паровую мельницу в Киеве с новейшими приспособлениями, доведя производительность до 6000 пудов пшеницы и риса в сутки. Мельница стала постоянным местом посещения студентов Политехникума, они приходили со своими профессорами и получали информацию о состоянии современного мукомольного дела.

Кельбер широко занимался благотворительной деятельностью. За выдающееся качество продукции неоднократно получал золотые медали на всероссийских и международных выставках. Высшее отличие – гран-при в Париже. За общественные заслуги и безупречную коммерческую деятельность Яков Исаакович награжден званием Почетного гражданина.

Не всё так гладко было и у самых богатых людей России еврейского происхождения. Их деятельность натывалась не только на бюрократические козни, но и на обыкновенный антисемитизм. Единственная защита от домогательств – дача взяток. Даже на Всероссийских ярмарках происходили безобразные сцены. 8 августа 1887 года на Макарьевской ярмарке домохозяин, отставной унтер-офицер И. И. Скуднев вымогал деньги у квартирующих у него евреев. Этого мало: он их бил и побуждал собравшуюся толпу к погрому. Редкий случай – пристав Прозоров прекратил разбой, а жестокий нижегородский губернатор Н. М. Баранов приказал сечь розгами Скуднева перед лицом пострадавших! Все сии сведенья, точнее большинство, получены мной из книги П. А. Примаченко.¹⁰⁰

Русские банки появились в XVIII веке. Один из первых русских банкиров был барон Л. И. Штиглиц. Он же основатель в 1827 году (*вместе с графом Н. С. Мордвиновым – человеком, спасшим евреев от кровавого навета Велижского дела*) Первого Российского страхового общества. А в XIX веке кроме барона Гинзбурга были десятки банкиров-евреев, как крещёных, так и некрещёных. Для примера укажем на Петербургский международный коммерческий банк, основанный в 1869 году. Учредители – суций интернационал; есть явная принадлежность к определенной нации, а есть «смазанные» фамилии. Вот имена отцов-основателей: **Петр Скараманга** (поляк, литовец или кто?), **Федор Родоканаки** (грек), **Эммануил Брант** (еврей), **Леон Розенталь** (еврей), **Федор Маврокордато** (грек), **Иван Скараманга**, **Владислав Ляский** (поляк). А затем – **Е. Г. Шайкевич**, **И. И. Вебер**, **Ф. Пфейфер**, **П. Я. Хесин**, **Г. А. Блох**, **А. М. Фейгель**, **Л. И. Бродский**.

Как не вспомнить любимого Некрасова:

*«Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других –
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
Банкирские фирмы у них –
На аки, на раки, на берги и бурги
Кончатся прозвища их».*¹⁰¹

С высоты времени ничего не изменилось, даже поклонение доллару и английскому фунту:

*«Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь -
Американец?.. Конечно!*

*Что ни попало – тащат.
«Наш идеал, говорят,
Заатлантический брат:
Бог его – тоже ведь доллар!..»
Правда! но разница в том:
Бог его – доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар».¹⁰²*

А дивная «Еврейская мелодия», нет, не Байрона и Лермонтова, исполняемая биржевиками-спекулянтами, наставляющими укравшего государственными миллион советом – бежать из России:

*«Денежки есть – нет беды,
Денежки есть – нет опасности
(Так говорили жида
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К нашей финансовой матери (т. е. Англии – С. Д.).
Денежки добрый товар –
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте, как – царь!»¹⁰³*

Современное «нельзя». Бегство нуворишей от праведной или неправедной Немизиды, на Запад, в Америку, в Англию, в Израиль. Но и русское общество воспринимает современного магната так же, как и еврейские, и русские жены в прошлом:

*«... как волшебен прекрасен
Бельэтаж – настоящий цветник!
Есть в России ещё миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены –
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!*

*В этих ложах мужчины – евреи,
Или греки, да немцы в крестах...»*

и далее:

*«Наши девы практичней, умнее,
Идеал их – телец золотой,
Воплощённый в седом иудее,
Потрясающим грязной рукой
Груды золота...»¹⁰⁴*

Предположим, руки у евреев не более грязны, чем у их собратьев по классу других национальностей... Критика Некрасова понятна, но он забывает о великой пользе, приносимой этими «грязными евреями». Ведь, например, «Авраам Изыскатель» – Поляков был великим железнодорожным магнатом. Железные дороги – кровеносная система страны. Кого из Поляковых имел в виду поэт – трудно сказать: или Лазарь Соломонович (1842–1914) или Самуил Соломонович (1836–1888) или Яков Соломонович (1832–1909). Все они железнодорожные магнаты и банкиры, получившие чин тайного советника, что немало для некрещёных евреев. Но вот другая сторона. Все Поляковы занимались благотворительной деятельностью, и не только «на еврейской улице». В дневнике графа Валуева с удовольствием прочитал следующую запись от 3 октября 1882 года: «Был на открытии, точнее, освящении поляковской университетской коллегии. Людно, и вообще прилично. Из министров были Делянов, Набоков и Шестаков. Характеристично, что профессор церковного права, священник Горчаков, отказался быть...

Характерно то, что устроителем или учредителем коллегии в этом роде – Quasi Oxford или Cambridge, был у нас Самуил Поляков, а не кто-либо из «наших» сынков «матушки России».¹⁰⁵

Петр Андреевич Валуев, западник, не переносил московского духа. В дневнике без стеснения пишет о царствовании Александра III как о «процессе азиатизации» государства: «Какою стихией росла императорская Россия? Петровскою, т. е. петербургскою. – Какая стихия влечет к умалению и упадку? Московская. – Стоит сравнить конец 60-х годов с началом 80-х». Понятно, что Валуев ратовал за еврейское равноправие. Все-таки англофил.

2.11.03.

Позвонил Лев Фрухтман и сказал, что он работает над переложением «Жития» Аввакума. Прислал часть работы. По-моему, работа достойна уважения, может стать литературным явлением. Вспомнил свои стихи – вариации на тему протопопа. Вот они:

Читая Житие Аввакума.

*«Бесчеловечен человек»,
Начертано у Аввакума.
Как безнадежно и угрюмо
Словес считанье: чело, век!*

*А сложности на пустяки
Грехи усталые разгрызли.
Так насекомое секи -
Аллитераций больше мыслей.
Что ищут в небе звездословцы,
Толмач толкует только толк,
Как есть пастух, так будут овцы
И сущий существу есть волк!*

(начало 70-х годов)

Перекладывал «Житие» и Максимилиан Волошин, но неудачно. А вот «Сказание об иноке Епифании» – хорошо. Там я нашёл и искомое. Создателем Славяно-греко-латинской Академии в Москве был Арсений Грек, человек неясной судьбы. Один из сотрудников патриарха Никона. Именно он занимался «исправлением» Священных книг. Призванный к допросу по извету, что он родом еврей, побывавший иудеем, маронитом, исламистом, католиком, униатом и, наконец, успокоившийся в православии, Грек все отрицал. Тогда ему пригрозили личным осмотром. Пришлось сознаться. Кстати, он был и врачом и учился в падуанском университете. Я о нем писал, а вот о Епифании в волошинском изложении:

*«А Никон окаянный
Арсена-жидовина
В печатный двор печатать посадил.
Тот грек и жидовин в трёх землях трижды
Отрёкся от Христа для мудрости бесовской
И зачал плевелы в церковны книги сеять».¹⁰⁷*

В свое время я писал об Арсении Греке. Не везёт евреям в России. Братья Рубинштейны создали обе столичные консерватории. Ни одна не носит их имя. А Славяно-греко-латинская Академия, первое высшее учебное заведение России, без которой не было бы Михайлы Ломоносова, забыла «жидовина». Обычно восхваляются два профессора грека – братья Лихуды. Справедливо воздавать им должное, образованные люди, но ведь создатель – Арсений. Существует версия, что основателем мог быть Симеон (Самуил) Полоцкий, тоже считавшийся староверами евреем.

Вечером читал Н. Н. Гусева о Толстом. А тут как раз передача по телевизору о трагической судьбе семьи Романовых. Всё – правда. Убийство их ужасно. А есть одно страшное «но», которое не скинешь так сразу. В гибели династии и своей семьи на все сто процентов виноват монарх. Вот характеристика Николая Последнего писателем Львом Николаевичем Толстым: «...про Николая же II я знаю, что это самый обыкновенный, стоящий ниже среднего уровня, грубо суеверный и непросвещённый человек, который поэтому никак не мог быть причиной тех огромных по своему объёму и последствиям событий, которые совершаются теперь на Дальнем Востоке». И далее, давая моральную характеристику дому Романовых, Толстой предвидит ужасы будущего: «Близь есть при дверехь».¹⁰⁸ Перечисляя пороки русских царей и цариц, где распутство самый «слабый» элемент их жизнеописания, он перечисляет вещи пострашнее – жестокость, сыноубийства, мужеубийство, отцеубийство, он доводит хронологию до последнего царя: «Попал нынче по наследству малоумный гусарский офицер, и он устраивает со своим клеветами свой манчжуро-корейский проект, стоящий сотни тысяч жизней и миллиарды рублей. Ведь это ужасно. Ужасно, главное, потому, что если и кончится эта безумная война, то завтра может новая фантазия с помощью окружающих его негодяев взбрести в слабую голову властвующего человека, и человек этот может завтра устроить новый африканский, американский, индийский проект, и начнет опять вытягивать последние силы из русских людей, и погонят их убивать на другой конец света».¹⁰⁹ Проект оказался европейским, а дальше – все известно...

А ведь были же у царственного идиота переэкзаменовки: Ходынка, Русско-японская война, погромы, Первая революция, но, увы, Николай не извлек ничего из опыта и влез в Мировую бойню. Последствия страшные: для народа и для его семьи...

Н. В. Нелишне отметить, что редактор и издатель «Протоколов Сионских мудрецов» Сергей Нилус назвал свой «шедевр» «Близь есть при дверехь».¹¹⁰ Не думаю, что он взял это прямо из Евангелия. Знал ведь Толстого и был его критиком... Знал!

18.11.03 г.

В продолжение мыслей о России. Никто не скажет, что Бунин не был монархистом. Вообще, певец уходящего быта, заброшенных усадеб – писатель оскудевшего дворянства. *(Как и дореволюцион-*

ный «Алешенька» Толстой). В «Жизни Арсеньева» совершенно неожиданно появляется вокзал в Орле, траурный поезд, на котором везут останки Александра III. А рядом красочная фигура Николай Николаевича, который не назван по фамилии. А затем, уже в эмиграции, Бунин присутствует на отпевании: «Горестно и несмело звучит моление о «Благоверном государе, великом князе», новопреставленном в сонме всех «чающих Христова утешения»... Я кладу на себя медленное крестное знамение, глядя на все то грозное, траурное, что пылает надо мной». А ведь десяток страниц назад писатель ставит диагноз России, по сравнению с которым кажутся литературными виршами слова Пушкина, Лермонтова, Ал. К. Толстого, Гончарова о своей родине: «Рос я, кроме того, среди крайнего дворянского оскудения, которое опять-таки никогда не понять европейскому человеку, чуждому русской страсти ко всяческому самоистреблению. Эта страсть была присуща не одним дворянам.

Почему, в самом деле, влачил нищее существование русский мужик, все-таки владевший на великих просторах своих таким богатством, которое и не снилось европейскому мужику, а свое безделье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность оправдывающий только тем, что не хотели отнять для него лишнюю пядь земли от соседа помещика, и без того с каждым годом все скудевшего? Почему алчное купеческое стяжание то и дело прорывалось дикими размахами мотовства с проклятиями этому стяжанию, с горькими пьяными слезами о своем окаянстве и горячечными мечтами по своей воле стать Иовом, бродягой, босяком, юродом? И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебной краткий срок?»¹¹¹

Что после этого могут добавить солженицыны и иже с ними? Что? Что можно опровергнуть? Скажите, люди добрые? Кто виноват? – Евреи!

1.12.03 г.

Мой приятель прочитал по телефону стихи:

*«Увы, все обратится в прах:
И знаменитый историк Яков,
Евреев славящий Дудаков,
И к корням обратившийся Плутарх».*

Последнее требует пояснения. Мой шахматный учитель, маэстро «Плутарх», был не только широко образованным человеком, но, увы, видимо, и «двуликим Янусом». В Израиль из России бе-

жал из-за страха быть разоблачённым. Дело было в том году, когда горячие головы в России предлагали публиковать списки стукачей, что у многих вызвало панический страх перед возмездием. Слава Богу – этого не произошло: и так было слишком много крови. С другой стороны: страна должна знать своих «героев». Ну а если сикофантами было 50% населения? Что тогда делать? Нет ответа. Но вот что любопытно. В древних Афинах сикофанты – официальные доносители, шпионы считались «полезными» государству людьми. Ну и ну! Вот вам и мать-демократия – Афины!

5.12. 03 г.

День рождения жены Инны. Чувствует она себя неважно. Работает, как вол, без перспектив на будущее.

Перечитываю стихи Аполлона Григорьева. Просмотрел статью о нем в новом издании «Русские писатели 1800–1917гг.».¹¹² Она меня не удовлетворила. Снова дань времени. Ничего не сказано о «Петербургских стихах» Аполлона – ибо они противоречат неославянофильству образа. О масонских связях сказано вскользь, а ведь его «Гимны» архиважны для понимания эволюции взглядов. Нет анализа его библейских стихов, в которых он становится ветхозаветным иудеем. Ничего не сказано о его новаторстве – стихотворном и переводческом. А жаль.

Вот мои любимые вещи.

*«Нет, не рожден я биться лбом,
Ни терпеливо ждать в передней,
Ни есть за княжеским столом,
Ни с умиленьем слушать бредни.
Нет, не рожден я быть рабом,
Мне даже в церкви за обедней
Бывает скверно, каюсь в том,
Прослушать Августейший Дом.
И то, что чувствовал Марат,
Порой способен понимать я,
И будь сам Бог аристократ,
Ему б я гордо пел проклятья...
Но на кресте распятый Бог
Был сын толпы и демагог».* (1845 или 1846)

Ясно, что подобное мог опубликовать только Герцен. Для современного читателя непонятно «прослушать Августейший Дом»:

это просто заздравное чтение в церквах царствующей фамилии – довольно долгое и нудное по времени. Ещё более неясно о Христе.

Хотя точка зрения Григорьева солидарна с мнением ветхозаветных фарисеев: «Пусть погибнет один, чем весь народ». Отсюда инвектива о демагогии. Не знаю, согласятся ли с такой интерпретацией воинствующие верующие, но это так.

Другое петербургское стихотворение – почти маленькая поэма «Город». «Город» примыкает к физиологической школе того времени, но есть в поэме и нечто новое: речь идет о новаторстве стихотворном. Если мы возьмем стихи Бодлера, Верлена и Рембо о Париже, то заметим очевидную связь с поэзией Григорьева. При этом влияние французов на Аполлона невозможно проследить. Но русские переводчики того же Бодлера и прочих ориентировались на словесную ткань Григорьева. Это и Якубович-Мельшин, и даже Бенедикт Лившиц и Антокольский. Чудеса! А вот «Прощание с Петербургом», писанное в феврале 1846 года. Нет, не Глинка и не Кукольник! Но потрясающе о российском рабстве.

*«Прощай, холодный и бесстрастный,
Великолепный град рабов,
Казарм, борделей и дворцов,
С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной
К ударам палок и кнутов,
С твоею подлой царской службой, –
С твоим тщеславьем мелочным,
.....
.....
С твоей чиновнической жопой,
Которой славны, например,
И Калайдович, и Лакьер,
С твоей претензией – с Европой
Идти и в уровень стоять...
Будь проклят ты... ебена мать!»*

Стихи дивные и опять опубликованы А. Герценом. Так как сам Ап. Григорьев относился к своим черновикам без должного внимания или, ещё точнее, совсем никак, то мы замечаем пропуск двух строк. А жаль. Немного подумав, я решил посостязаться с тенью поэта и довольно легко проставил недостающие строки. Итак:

*С твоею подлой царской службой, –
С твоим тщеславьем мелочным,
С твоей предательскою дружбой,
С твоим лакейством сволочным.*

За третью строчку можно поручиться, что она близка потерянной григорьевской, учитывая расхожую рифму: служба – дружба. С четвёртой, думаю, что, если она найдется, будут разночтения, но смысл угадан. Все стихотворение о холопстве – сволочность и лакейство должны вписываться... Пытались же Майков и Брюсов угадать Пушкина! Моя задача проще. Да, ещё. Упоминание конкретных фамилий лишь ослабляет впечатление от генеральной линии. В конце концов, Калайдович и Лакьер не Бог весть какие злодеи. Я бы просто эти две строчки опустил. Николай Константинович Калайдович (1820–1854), сын известного археолога Константина Федоровича Калайдовича, специалиста по древним рукописям, и племянник крупного филолога Ивана Федоровича Калайдовича. Окончил училище правоведенья. Помог Григорьеву устроиться на службу в департамент Сената. По словам самого Григорьева в письме к Погодину, он прекратил уважать чиновника Калайдовича, не переставая его любить(?!). Что же касается Александра Борисовича Лакьера или Лакиера (1825–1870), то он окончил Московский университет и работал в министерстве юстиции. Историк права и путешественник. Интересно писал о САСШ. Автор книги о русской геральдике. Современный израильский историк Уолтер Лакиер, автор книг о нацистских связях России и Германии, утверждает, что А. Б. Лакиер еврей и его родственник (?!).

Меня потрясло описание похорон Ап. Григорьева. Слово современнику: «На похороны Григорьева, самые бедные и бездомные, явились его приятели Достоевский, Аверкиев, Страхов, Вс. Крестовский, композитор Серов... генеральша Бибикова и несколько его сожителей из долгового отделения. Между ними выделялся своей курьезной фигурой Лев Камбек... смотрел настоящим «мизираблем», но все ещё разглагольствовал и хорохорился. Был тут и художник Бернадский, когда-то талантливый рисовальщик, которому принадлежат иллюстрации в «Тарантасе» гр. Соллогуба и «Путешествии madame де Курдюков» (Мятлева С. Д.). «Эти выходцы из царства теней придавали что-то курьезное и очень, очень, печальное».¹¹³

24.12.03 г.

«Язычник сущ. Дикарь, по темноте своей поклоняющийся тому, что доступно зрению и осязанию». Согласно профессору Ховисону из Университета штата Калифорния, язычниками являются иудеи.

*Профессор Ховисон – христианин.
Считает он (да и не он один)
Что все евреи скопом, без изъятия –
Язычники, достойные проклятья.
А я себя агностиком держу,
Хотя – как на духу вам доложу –
Мне надоели свыше всякой меры
Все – «ики», «исты» да и «еры».
Еврей живет не так, как Ховисон.
И пусть живет – имеет право он.
Кому-то это, может, не по нраву?
У этого «кого-то» – то же право.
Должна царить терпимость на земле –
Ведь нам вариться всем в одном котле.¹¹⁴*

Я высоко ценю Бирса. У меня даже зажилили довоенную книгу рассказов его, которую я скопировал ещё в России. Жестокие, до скальпирования, эссе. Достоевский – жалкий лепет жестокости. Да и судьба Бирса удивительна. Он родился в 1842 году и участвовал в Гражданской войне. Её ужасы навсегда отравили его душу. «Словарь Сатаны» – итоговая безнадежность. И Человек Бирс уходит в неизвестность. Он был корреспондентом во время Гражданской бойни в Мексике и растворился во времени (1914?) и в пространстве. А может, это была милость Бога, и он не увидел самоистребления Европы. Для него это был бы полный моральный крах.

Перечитал написанное, и понял, почему остановился на слове «язычник». Без напряжения вспомнил В. В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (1914 г.). Ничто не ново под луной...

Впрочем, у Бирса есть и такой двусмысленный афоризм: «Еврей сущ. – иудей мужского пола, в отличие от еврейки, другого существа высшего порядка» (!?).¹¹⁵ Неясно и туманно... Да и вот ещё, если у Лермонтова в «Валерике» итогом кровавой бани служит мысль о том, что всем хватит места под солнцем и у Бирса говорится о веротерпимости, то в наш ядерный век, при перенаселенности населения – уже всем не хватает жилплощади. А нас, евреев, вытесняют с последнего клочка земли, видимо, считая, что нам обещан был не Ханаан, а небеса или преисподняя...

25.12.03 г.

День рождения Ирины. Рождество Христово. Муж дочери – англичанин, аристократ. По аналогии почему-то вспомнил жену болгарского царя Ивана Александра (*правил с 1330 по 1371 г.*) Теодору, урожденную красавицу Сарру. Царица имела особый титул – «новопросвещена царица». «Несмотря на красоту», Сарра обладала блестящим умом и сумела сосредоточить в своих руках власть. Она была его третьей женой: первая умерла, вторая – была отослана, а на еврейке он женился в 1335 году. Имела двух детей. Один стал болгарским царем под именем Иоанна Шишмана (*правил с 1365 по 1393*), он покровительствовал евреям: принял беглецов, изгнанных из Венгрии. Впрочем, царствование этого царя из династии Шишманов было неблагоприятно. Все напоминало наши дни. Христианские страны не могли объединиться в борьбе с исламом. Постоянные войны с Сербией, Венгрией, Византией окончательно погубили христианство. Турки окружают Византию с Запада, захватывая Болгарию и Сербию. Дочь «прекрасной жидовки» – Тамара становится женой турецкого султана Мурада I, весьма достойного человека, храбреца и справедливого человека; все это по меркам средневековья, от которого мы не так далеко ушли. Так, между прочим, вливается наша кровь в жилы других народов, обогащая генофонд.

Граф Артур Череп-Спиридович (1851–1934), вероятно, автор антисемитских произведений.

Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка Череп-Спиридович А. А. и В. А. братья. Члены правления Веселянских рудников. Расстреляны 31.5.1918 г. по приговору ЧК по обвинению в «государственной измене». Инкриминировалось то, что пытались продать акции принадлежащих им рудников за пять миллионов рублей.

Любопытно, какая страна или какой идиот пытались приобрести мифические акции? Сумма пять миллионов рублей не столь велика, но все же...

Череп-Спиридович герба «Анцута».

Некий Василий имел сыновей Парфена, Дмитрия, Александра и Ивана. Дмитрий детей не имел, а от других пошли обособленные линии разросшегося рода. Владели в XVII веке имением Ушачи-Спиридовичины, Полоцкого уезда. В XIX веке жили в основном Лепельском повете (уезде).

Утверждены во дворянстве российским указом Сената от 31.5.1833 г. за № 4787 в 6. ч. родословной книги.

Юзеф, сын Винцента Череп-Спиридовича, шляхтич Дзисенского повета, вернулся в Минск. При внесении фамилии в родословную книгу указано, что якобы предки были греко-католики.

7.1.04 г.

Моя запись о Валуеве слишком лапидарна. Я высоко ценю его как человека «золотой середины». В России, стране крайностей, эти люди обречены на плевки со всех сторон. Замечательно написал о нём А. Ф. Кони. Валуева обвиняли во взяточничестве. Это чистая клевета, как и клевета в стихотворении Некрасова «Размышления у парадного подъезда». Вокруг него образовался вакуум, и он до конца дней страдал от одиночества. Жена умерла. В детях он был несчастлив. Выйдя в отставку, Валуев жил скромно, ютился в темной петербургской квартирке на первом этаже, где окна упираются в стену и солнца почти не бывает. Адрес для истории – Галерная, дом № 20. Денег на извозчика у Валуева часто не было, и больной и старый человек зачастую ходил пешком. Не унижался перед Александром III, выпрашивая подарки, да и тот его не любил из-за либеральности. Странное стечение обстоятельств: левые из «Вестника Европы», точнее, их редакция и жильё Стасюлевича обретались на той же лестнице, где он жил. Они отнеслись к старому врагу по-человечески. Михаил Матвеевич Стасюлевич не хотел помнить тягостных неприятностей, причиненных в свое время министром его изданию. Благородный Стасюлевич помнил классическое выражение «*Miser – res sacra*» (*несчастный – святыня (лат.)*). Валуев испытывал интеллектуальный голод и хотел общаться с этим кругом. Но не все были подобны Стасюлевичу. Непримируемым был Константин Дмитриевич Кавелин, обвинявший Валуева в искажении реформ Александра II. Дерьмо люди, дерьмо... но не все. Перед смертью граф переехал в маленькую квартирку в шумном и узком месте Екатерингофского проспекта на углу Вознесенского. Напротив дома по узкой улице стоял пятиэтажный дом, не допускавший ни единого солнечного луча. Валуев, при посещении его дома А. Ф. Кони, печально улыбувшись, сказал: «Когда я сижу у окна, я все-таки вижу кусочек неба и бегущие по нему облака. Они напоминают мне события жизни: быстро несутся и иногда застилают небо, но я знаю, что оно есть, и это меня утешает и ободряет».¹¹⁶ Кони с радостью пишет, что на его глазах, угасшая было душа бывшего бюрократа, вдруг вспыхнула ярким и чистым пламенем. Униженный и оставленный прежним кругом придворных, он был неизмеримо выше всего царского окружения, не только умственно, но и нравственно.

Я уже писал о происшествии, которое Валуев зафиксировал кратко. 22 марта 1882 года к Гатчинскому дворцу подошла толпа строительных рабочих с Николаевской железной дороги. Их окружили казаки. Выяснилось, что подрядчик их ограбил. Как поступил

государь? Рабочие были накормлены, а выборные попали во дворец, где сама царица поднесла им «сладкой водочки». Император обещал разобраться с негодяем. Рабочие, потрясенные приемом, низко кланяясь и, благодаря «добрého царя-батюшку», покинули дворец. Понятно, на следующий день подрядчик выплатил им все до копейки и уж, наверно, из-за страха перед властью, добавил лишнее, не считая выпивки. Опять стоит вспомнить А. Н. Некрасова «Железная дорога». За 30 лет коренных изменений не произошло. Но все же кто-то из трудяг читал эту поэму, как и «Кому на Руси жить хорошо», вот и они решили проверить: на чьей стороне царь? Александр III был не интеллекуал, но обладал удивительным чутьем. Ход с приемом рабочих был гениально прост. Он усилил царистские иллюзии народа. Предполагаю, что все это произошло на глазах будущего наследника Николая Александровича. Урок, преподнесенный отцом, он должен был запомнить до конца своих дней. Но не в коня корм... Вместо этого трусость, страх, и «Чингиз-хан» с телефоном приказывает стрелять в безоружную толпу 9 января 1905 года. Николай – человек не на месте. Никакие переэкзаменовки ему не помогали. Никакие.

А теперь освежим в памяти строительство железной дороги и расчет подрядчика с рабочими, по Некрасову и по жизни:

*«Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их!.. знаешь ли ты?
Чу! восклицанья послышались грозные!*

.....
*Что там? Толпа мертвецов!
То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ли пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!
Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...*

.....
*Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,*

*Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала свой век...»*

А концовка – изумительна:

*«.....труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ
Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!
Все заносили десятники в книжку
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тепереча лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...
В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.*

*.....
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
« Ладно... нешто... молодца! молодца!..
С Богом, теперь по домам, – поздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – недоимку дарю!»
Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!
Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «ура» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать...»¹¹⁷*

Понятно, что таким путем в России строили всё – столицу, дороги и прочее и воевали с таким же презрением к человеческому материалу.

У того же Валуева можно прочитать, сколько было положено народу в русско-турецкой войне. Сам Валуев был категорически против войны, угадывая, что будущий мир под давлением западных стран аннулирует добытую дорогой ценой победу. Так и произошло – Берлинский конгресс почти до нуля свел результаты войны. Валуев считал, что обычным политическим давлением на Порту можно было достичь лучших результатов. На Берлинском конгрессе Россия оказалась в изоляции. Бисмарк, подталкивая Россию к войне, считал, что, увязнув на Востоке, Россия не сможет противостоять гегемонии Германии на континенте. Представитель Австро-Венгрии, министр иностранных дел граф Дьюла (Юлий) Андраши, венгр по национальности, люто ненавидел царизм. Как сказано о нем в одной из энциклопедий: принципиальный враг России. Участник революции 1848 года, он знал, что лишь русские штыки не позволили Венгрии освободиться от Австрии. Приговоренный заочно к смертной казни, Андраши десять лет провел в эмиграции. Вернувшись по амнистии, он быстро сделал карьеру, но прошлого не забыл. Что же касается Англии, то она всегда «держала мазу» за Турцию. И Дизраэли был не исключением. Добавим к этому маразм князя Горчакова и глупость Шувалова – мы легко поймем то, что произошло в Берлине.

8.1.04 г.

Прошло 90 лет после Киевского процесса о ритуальном убийстве, неправильно называемым «Делом Бейлиса». На самом деле все было более трагично: под судом был еврейский народ, его история и теология; Бейлис был частностью. Человек, случайно попавший в жернова царского «правосудия».

Я процитирую полностью два вопроса, обращённых к присяжным заседателям. Обычно правозащитники кратко описывают их. Вместе с тем только полное прочтение дает представление о том ужасе, который обуял еврейство. Вчитаемся.

Вопрос первый:

«Доказано ли, что 12 марта 1911 г. в Киеве, в Лукьяновке, на Верхне-Юрковской улице, в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице, находящейся в заведовании купца Марка Ионова Зайцева, 13-летнему мальчику, Андрею Ющинскому, при зажатом рте, были нанесены колющим орудием в теменной, затылочной и височных областях, а также в шею раны, сопровождавшиеся поранениями мозговой вены, артерии, левого виска и шейных вен, и давшие вследствие этого обильное кровотечение, а затем, когда из Ющинского вытекла кровь

в количестве до пяти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище, сопровождавшаяся поранениями легких, печени, правой почки и сердца, в область которого были направлены последние удары, каковыя ранения, в своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания Ющинского, повлекли за собою почти полное обескровливание тела и смерть его»

Во втором вопросе спрашивается:

«Если событие, описанное в первом вопросе, доказано, то виновен ли подсудимый мещанин города Василькова Киевской губернии Менахиль Мендель Тевиев Бейлис, 39 лет, в том, что, заранее задумав и согласившись с другими, необнаруженными следствием лицами, из побуждений религиозного изуверства лишить жизни мальчика Андрея Ющинского, 13 лет, 12 марта 1911 г. в гор. Киеве, в Лукьяновке, на Верхне-Юрковской ул., на кирпичном заводе, принадлежащем еврейской хирургической больнице, находящейся в заведовании купца Марка Ионова Зайцева, он, подсудимый, для осуществления этого своего намерения схватил находившегося там Ющинского, необнаруженные следствием лица с ведома и его, Бейлиса, согласия, зажали Ющинскому рот, нанесли колющим орудием в теменной, затылочной и височной областях, а также в шее, раны, сопровождавшиеся поранением мозговой вены, артерии левого виска, шейных вен, давшие вследствие этого обильное кровотечение, а затем, когда из Ющинского вытекла кровь в количестве до пяти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище, сопровождавшиеся поранением легких, печени, правой почки и сердца, в области которого были направлены последние удары, каковыя ранения, в своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания Ющинского, повлекли за собою полное обескровливание тела и смерть его».

Юридическая тонкость заключалась в том, что в первом вопросе ничего не говорится о мотивах убийства и его целях. Мотив был исключён благодаря энергичной защите адвокатов, говоривших, что мотив присудя преступнику, но не самому факту обвинения. Поэтому мотивировка была перенесена на второй вопрос. Во втором вопросе преступление квалифицируется как ритуальное убийство, совершенное религиозными изуверами, в т. ч. и Бейлисом. Трактовка антисемитов этого вопроса сводится к тому, что речь идёт о типичном еврейском убийстве, с целью добывания христианской крови для тайных обрядов. Поэтому оправдание Бейлиса черносотенными кругами воспринималась не как поражение, а как частность. Оправдание не отвергало ритуала. Бейлис оправдан за недостаточностью улик, но само ритуальное убийство состоялось. И это де не подлежит сомнению. Но ясно, что это софистика.

10.1. 04 г.

В продолжение темы «Дела Бейлиса».

Громадное количество русских писателей выступили против ритуального процесса. В числе подписавших обращение, составленное В. Г. Короленко «К русскому обществу по поводу кровавого навета на евреев» («Речь», 30 ноября, 1911 г.), мы находим следующие имена: К. К. Арсеньев – публицист и адвокат, В. Г. Короленко, М. Горький, Л. Андреев, член Госсовета М. М. Ковалевский, граф И. И. Толстой, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Евг. Чириков, Философов, А. Федоров, Ф. Сологуб, А. Потресов, С. Сергеев-Ценский, А. Петрищев, М. Арцыбашев, Скиталец, граф А. Н. Толстой, профессор Туган-Барановский, профессор И. А. Покровский, Ф. Родичев, В. Набоков (отец великого писателя), П. Милюков, великий химик Ф. Зелинский, знаменитый лингвист Бодуэн де Куртанэ, академик Д. Овсяннико-Куликовский, Петр Струве, профессор Н. Кареев и многие другие, включая первого поэта Александра Блока и считавшегося присяжным защитником евреев Александра Куприна. Впечатляющий список, но есть и лакуны, объяснимые и необъяснимые. Объяснимые – Валерий Брюсов, и непонятные, вроде Ивана Бунина.

Спустя некоторое время произошли любопытные изменения в позиции некоторых подписавшихся.

Так, Александр Александрович Блок, весьма тяготившийся своим еврейским происхождением, о чем я уже говорил, пишет сочувствующее письмо писателю-юдофобу и перевертышу Александру Тинякову, спустя пять лет, во времена Великой и Судьбоносной войны:

19 апреля 1916.

«Многоуважаемый Александр Иванович.

Мы с Вами почти одинаково думаем о евреях. Я не раз высказывал и устно, и письменно (хотя и непечатно) – евреям и неевреям – мысли, сходные с Вашими; иногда я страдал от этого, хотя далеко не так, как Вы.

.....

Вопрос о моем чувстве к Андрею Ющинскому; я вспоминаю, что оно было несколько острым, но с делом Бейлиса не было связано; просто было чувство к измученному кем-то ребенку. Ну, ещё – всякие «оттенки»; например, Горький – не Бонч-Бруевич (ведь Вы знаете «Детство» и другое, многое). Временами все эти вопросы становятся для меня тяжелой болезнью; но сейчас я не чувствую этого; поэтому у меня нет новых мыслей об этом. Думаю совсем о другом.

Не будем назначать дней и часов; просто если вздумается, зайдите ко мне когда-нибудь часов около 6-ти; почти всегда (кроме воскресений) мы в этот час обедаем дома.

Всего Вам хорошего, жму Вашу руку».

Александр Блок¹¹⁸

Это в ответ на письмо Тинякова в редакцию газеты «Речь».

В письме Тиняков считает, что в «Деле Бейлиса» не Бейлис трагичен, а убиенный мальчик Ющинский. Вне всякого сомнения, трагедия этого «приблатненного» юноши трагична. Но это вовсе не решает вопроса виновности или невиновности Менделя Бейлиса. Тиняков оскорбляет Максима Горького и В. Д. Бонч-Бруевича именно за то, что они указали на уголовное прошлое несчастного.

Ужасная судьба Ющинского легла в основании стихотворения Федора Сологуба «Жуткая колыбельная», где поэт даже не рассматривает вину или не вину Бейлиса и евреев. Поэт воссоздает фон убийства Андрея Ющинского. Фон вполне криминальный:

*«Не болтай о том, что знаешь,
Темных тайн не выдавай.
Если в ссоре угрожаешь,
Я пошлю к тебе бай-бай.
Милый мальчик, успокою
Болтовню твою,
И уста тебе закрою,
Баюшки-баю.
Из окошки галерейки
Виден зев пещеры той,
Над которою еврейки
Скоро все поднимут вой
Что нам, мальчик, до евреек!
Слаще певчих канареек:
Баюшки-баю.*

*Чем и как живет воровка,
Знает мальчик, – ну так что ж:
У воровки есть веревка,
У друзей воровки – нож.
Мы, воровки, не тиранки:
Крови не пролью.
В тряпки вымакаю ранки.
Баюшки-баю.
Убаюкан тихой песней,
Крепко, мальчик, ты заснешь.
Сказка старая воскреснет,
Вновь на правду встанет ложь,
И поверят люди сказке,
Примут ложь мою.
Спи же, спи, закрывши глазки,
Баюшки-баю.¹¹⁹*

12 октября 1913. Петербург – Москва

Это стихотворение вызвало черносотенные нападки на писателя в крайне правой печати. Так, газета «Земщина», где как раз активным автором был А.Тиняков, вышедшая 6 ноября 1913 года, опубликовала статью «Радикальный тетерев». Заголовок оскорбительно пародировал исконную фамилию поэта Тетерникова.

Ещё более удивительна позиция Александра Куприна, автора «Свадьбы», «Жидовки», «Гамбринуса», «Кори», проникнутых искренним сочувствием к еврейству и ненавистью к антисемитизму,

хотя был известен эпизод с его антисемитскими выходками в письме к Евгению Чирикову. Я отсылаю заинтересованного читателя к прекрасной работе Виктории Левитиной «Русский театр и евреи», изданной в 1988 году Иерусалиме в серии «Библиотека Алия». Эта публикация вызвала вой некоторых ревнителей еврейства.

Куприн в первом браке был женат на дочери еврея, знаменитого музыканта Карла Юльевича Давыдова (1838–1889), являвшегося основоположником русской виолончельной школы.

Вторично Александр Иванович был женат тоже на «подозрительной» особе в смысле арийства: Евгении Морицовне Гейдрих. В редакции «прогрессивной» газеты «Речь» происходит «раздевание» знаменитого писателя. И как раз после опубликования письма русской интеллигенции против разжигания ритуального процесса.

Куприн обратился к редактору Иосифу Владимировичу Гессену со следующими провокационными словами:

– Вы спрашиваете, Иосиф Владимирович, почему я не люблю евреев? Во-первых, я не люблю евреев за то, что они пишут на русском языке... Писали бы на своем жаргоне там, что ли. Во-вторых, за то, что они хорошие бухгалтеры.

– Это в каком же смысле?

– А в таком, что умеют жить с расчётом. А мы вот, русские, не умеем. Я, например. Чёрт знает куда деньги деваются.

Автор этих интересных воспоминаний комментирует филиппику Куприна: «Куприн врал. У него деньги очень даже никуда не исчезали. Он был скуп, как ростовщик. Кутил всегда на чужой счёт. Ходил в рваном платье. У него не было ни широкого сердца Горького, раздававшего деньги налево и направо, ни «широкой натуры» Леонида Андреева, швырявшего деньги на шикарную мебель, на моторные лодки, на постройки, в которых нельзя жить».

Куприн прикапывал денежки. В Гатчине у него был собственный домик, чистенький, без закладных».

Гессен спрашивает писателя: «В-третьих, за что вы не любите евреев? Уж не за то ли, что они в свою пасху пьют христианскую кровь?»

Куприн отвечает: «Нет, в это я не верю. В-третьих, видите ли, у нас православных верующих, это в крови...»¹²⁰

16.1.04 г.

Ещё о вынужденном крещении.

Актёр Ф. П. Горев сыграл в жизни роль благодетеля и соблазнителя талантливого музыканта. В одном маленьком ресторанчике, где собиралась актёрская братия, Горев обратил внимание на

молодого человека, виртуозно игравшего на скрипке. Внешний вид молодого человека говорил о нужде, одет он был весьма потрепано, да и бледное испитое лицо говорило о том, что человек бедствовал. Федор Петрович разговорился с ним и заинтересовался его судьбой. Оказалось, что юноша еврей и сирота, не имеет жилья, мыкается, ночуя на бульварах и церковных папертях, а в лучшем случае – на вокзале, таким образом перебиваясь, получая гроши за игру на скрипке. С ночлегом Горев решил просто, забрав юношу к себе домой и предложив ему бесплатно у него «столоваться» – так выражались тогда. Намного хуже было с правом жительства. Был лишь единственный путь – креститься. После долгих колебаний юноша капитулировал и окунулся в святую купель. По имени крестного ему дали отчество Федорович. Речь идёт о знаменитом дирижёре балета Московского Большого театра, награжденном орденом Ленина и званием Народного артиста РСФСР и СССР, Юрии Федоровиче Файере (1890–1971). Рекордсмен: четырежды получал Сталинские премии – 1940 г., 1946 г., 1947 г. и 1950 г.! Крестной матерью была знаменитая актриса Ольга Владимировна Гзовская. Сам знаменитый русский актер Федор Петрович Горев (1850–1910), игравший в Малом и в Александринском театрах, прославившийся ролями короля Лира, Чацкого и многих других, был тоже «с чернилами», как говорили в средневековой Испании. Он обладал превосходными внешними данными и огромным сценическим темпераментом. Великий русский актер! Чехов, видевший его на сцене, писал о Горева: «Способность – иногда, в некоторых пьесах возвышаться до такого нервного подъёма, на какой не способен ни один русский актер». Вот это оценка! Одна загвоздка: был Федор Петрович сыном еврея-кантониста и носил фамилию Васильев, вероятно, после принятия креста, был он родом из города Сумы, где его прямо из лавочки вытащил актер Докучаев, которому большое спасибо. *(Есть ещё одна тёмная история в жизни Горева: он и его подруга, актриса Е. Голоткова, были обвинены в подлоге векселей. А. П. Чехов считал это мстью бывшего покровителя Голотковой).*¹²¹

Что же касается Юрия Федоровича Файера, то ему крещение далось с трудом. Он поменял имя и отчество, но оставил отцовскую фамилию – самое малое, что ему удалось сохранить из прошлого. Страх и несправие толкали евреев к ренегатству. Он родился в семье самого скромного достатка, но отец рано обратил внимание на музыкальность мальчика. Как говорил Нейгауз, талант должно повезти не столько с учителями, сколько с родителями.

Это был тот случай. Наступил октябрь 1905 года, и в Киеве произошел погром. Я столько раз описывал этот ужас, что колеблюсь: воспроизводить ли текст воспоминаний Файера или нет. Но музыкант описывает погром совсем неожиданно: главное – это звуки разбоя. Вслушайтесь!

По улице Киева шёл юноша, прижимая к телу футляр скрипки. У городской Думы раздались выстрелы, и «резануло мой слух отвратительной интонацией злобы и дикости: «Жиды сбросили царскую корону...» (как потом выяснилось, с балкона Думы свалилась жестяная корона). Он замешкался, пока проходивший студент бросил фразу: «Эй, музыка, домой, домой!» Я мало что соображая, пробормотал в ответ, что у меня мой урок... Тогда студент приостановился и внимательно взглянул на меня, сказал серьезно: «Молодой человек, идите домой. Скажите папаше: лучше никому не выходить...»

Слово «погром» было знакомо мне: Кишинев, потом Гомель... Произнесенное в тот же день, что и «свобода», оно прозвучало во всей глубине ужаса.

На следующее утро после пресловутого «манифеста» отец открывал ставни мастерской. Были заперты ворота и дом, но все мы – отец и мать с детьми – отправились во двор. Там имелось нечто вроде погреба, и мы спрятались в нем в тоскливом ожидании неизбежного.

Скоро началось. Сначала раздавались звуки разбиваемых стекол, и как звон станционного колокола отправляет локомотив, так и этот жуткий сигнал оповестил, что страшная махина погрома двинулась на наш дом.

Всё происходившее осталось в моей памяти как последовательная смена звуковых впечатлений: удары в ворота, треск разломленных ставен, хриплые выкрики и топот сапог, и над всем монотонный шепот молящегося отца.

Нас не нашли, а может быть, удовлетворившись разбоем и грабежом, погромщики и не искали хозяев.

Потом мы узнали, что самые жестокие бесчинства были в предместьях, в частности на Демидовке, а мы жили неподалеку от центра. Но то, что предстало перед нами, когда все кончилось, описать трудно. Темные провалы пустых окон взирали на улицу, где валялась переломанная наша мебель. В мастерской, на первом этаже, изуродовали швейные машины, переломали портновские столы. То и дело ноги ступали по осколкам стекла, и хруст их в тишине был пронзителен... Потом я услышал однообразные шаркающие звуки метлы и оглянулся.

Что-то безотчётно знакомое и забытое мною всплыло вдруг в памяти: красный от безуспешных усилий дворник пытается сгрести в кучу белый пух. Да, да, это уже было. Было десять лет назад... Только теперь нашу Бессарабку покрывал не тополиный пух, а пух вспоротых перин...»¹²² Отец больше не мог оправиться от потрясения, и это был фон крещения Файера. Как ни скрывал сын своего отступничества, отец узнал и проклял своего сына. Нам неизвестна реакция Юрия Федоровича на проклятие. Вряд ли он прошел обряд возвращения к иудаизму после революции. А после принятия христианства, работая с разными оркестрами на юге России, каждый раз обнаруживал, что «вдруг» оставался с несколькими исполнителями. Всех остальных евреев полиция вылавливала и безжалостно изгоняла вон. С отцом Юрий Федорович встретился уже после революции: говорили ли они о крещении или нет – нам неизвестно, но они помирились. Вероятно, спасибо революции?

Здесь уместно рассказать о гибели отца дирижера. К Киеву подступили немцы: дочь уговаривала отца покинуть с ними город. Старик отвечал, что ему больше восьмидесяти лет, он слепой и слабый старик и будет лишь обузой для дочки, внучки и зятя. Никакие уговоры не помогли. Старик остался дома и стал ждать своей участи. Может быть, он предполагал, что придут немцы образца 1918 года, а советскую пропаганду считал ложью? А может, что ближе к истине, устал от жизни и постоянно возвращающегося страха. По версии Юрия Федоровича, отец заперся у себя в квартире, где он остался один со своим Богом, и якобы сердобольные соседи носили ему пищу. Однажды они сообщили, что евреям приказано явиться на сборные пункты. Старик выслушал печальную новость, попросил пищи и заперся в квартире. Пришли немцы, стали стучать в двери: никто не откликнулся. Соседи на вопросы пожимали плечами, говоря, что ничего не знают о старике с момента, когда его покинула семья. Немцы покричали, побарабанили прикладами и ушли ни с чем (?!). Сын пишет:

«Никто не знает, как жил, о чём думал он долгие месяцы (?! – С. Д.) одиночества, когда каждый миг могла настичнуть его смерть в облике фашиста, голода или болезни. Никто не знает и человека, носившего скудную пищу затворнику. Никто не знает, был ли он жив, когда началось бегство немцев из Киева и один за другим стали взрываться и гореть дома. В который раз раздался стук в его двери, в который раз не ответил никому... Так и остался он там, где хотел остаться, умер там, где хотел умереть, – в своем жилище, в своем доме, который пылал долгим огнем, пока не выгорел весь.

... Все это я узнал потом».¹²³

Трагичная смерть: отец уходит в небытие, по дороге в Никуда. История романтическая, как и музыка к балетам, которой дирижировал Юрий Федорович. Думаю, что на самом деле было проще, обыденней и не менее трагично. Соседи указали полицаям (а не немцам) место «схрона», дверь взломали и тотчас расстреляли старца. А «сердобольные» соседи ограбили квартиру: вытащили всю мебель, посуду и прочее, что нашлось... Было это так! Это правда, а не трагичная сказка Большого театра. Это настоящая жизнь. Негоже сыну-выкресту плести небылицы...

P. S. Люди, живущие в постоянном страхе, забывают своих родителей, братьев, сестер, когда надо сохранить жизнь и своей семье, и... себе. В течение многих лет, по словам Файера, отец ему говорил, что его младший брат Мирон бежал в 1919 году в 13-летнем возрасте из Киева на Запад, где умер в середине 30-х годов в Америке. И вот на гастролях в Нью-Йорке к «советскому дирижеру» прибывает его родной брат: жив и здоров. В свою очередь, Мирон был уверен, что вся семья погибла во время немецкой оккупации. Слава Богу, что встреча состоялась в «благоприятном» 59-м году. В Америке же Юрий Федорович встретился со своим другом Юлианом Бродецким, бывшим скрипачом Большого театра. В Нью-Йорке же получил письмо от пианиста Лео Сироты. И как водится – ни слова о жизни брата и друзей, лишь вскользь замечено, что часть из них – обеспеченные люди, но... видите ли, у них есть желание провести остаток дней на своей родине, мечтают о возвращении.¹²⁴ Искренен ли был дирижёр – нам не дано знать. Но возвращение в Россию – это переезд из бытия в небытие, как выразился о первых русских невозвращенцах один историк (Александр Александрович Лебедев (1928–?) – автор книги о Чаадаеве в ЖЗЛ.

21.1.03 г.

Удивительно! Даже у Николая Добролюбова в «Дневнике» за 1856 год обнаружил выписку из книги И. В. Головина («*La Russie sous Nicolas I-er*», Paris, 1845) следующее:

«Однажды в Светлое Воскресение Николай пошел после заутрени христосоваться с солдатами... «Христос воскресе», – говорит он одному из них. «Неправда», – отвечает солдат, который был жид и оказал редкую в своем племени отвагу и честность... Николай за это запретил принимать жидов в гвардию».¹²⁵

Здесь сразу несколько интересных вещей. Думаю – это не анекдот. Евреи были в гвардии; затем Николай Павлович их уб-

рал. Я об этом писал. Ещё интересен перевод Добролюбова – «жид», да, «жид», да, ещё мало у кого из этого племени храбрость; т. е. они в большинстве своем трусы, да вдобавок в массе бесчестные. Это уже на совести Добролюбова, который не любил евреев, в отличие от своего диоскура Н. Г. Чернышевского. А Иван Гаврилович Головин (1816–1890) – один из первых невозвращенцев.

Сказка ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок! «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: находящиеся в подвижных инвалидных №№ 2 и 3 ротах и в мастерской роте Императорских Дворцов девятнадцать человек нижних чинов из евреев, исключив из сих рот, заменить нижними чинами православного исповедания и на будущее время в помянутые роты нижних чинов из евреев не назначать».¹²⁶

И уж коли о Николае Добролюбове, то стоит сказать, что его сатирические стихи не потеряли актуальности до сих пор. Смешно или горько?

«Славянские думы

(Во время плавания по Волге на пароходе)

1

*Быстро идет пароход наш, но – движется мертвой машиной;
Барка хоть тихо плывет, но разумною тянется лямкой.*

2

*В мелких местах капитан велит делать промеры;
Я же на Запад взываю: измерьте глуть русского духа!*

3.

*Как ни хитрил капитан, чтобы мель обойти осторожно, –
Нет-таки, – встал. Где же справиться немцу с красою рек русских!*

4.

*Правый берег Волги горист, а левый берег - низмен;
Так и везде на Руси: что выше – правее бывает.*

5.

*Немец у нас капитан, но русские все кочегары;
Так отразилась и здесь русская доблесть - смиренность!»¹²⁷*

А в стихотворении «Прусский вагон» (1860 г.) – издевательски о состоянии хозяйства России:

*«Не пойдёт наш поезд,
Как идёт немецкий,
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;
То обвалит насыпь,
То мосток придавит,*

*То на встречный поезд
Ухарски направит».*

И так далее – поезд опаздывает сутками, поезд задерживается на несколько часов по велению сильных мира сего и пр. Но неославянофил не унывает:

«Да, я верю твёрдо:

Мёртвая машина

Произвол не свяжет

Руси исполина.

Верю: все машины

С русскою природой

*Сами оживятся духом и свободой».*¹²⁸

А у моего любимого князя Петра Вяземского я прочитал краткий курс русской истории, вмещающийся в нескольких строках: «Статистические взгляды на Россию. Россия была в древности варяжская колония, а ныне немецкая, в коей главные города Петербург и Сарепта. Дела в ней делают по-немецки, в высших званиях говорят по-французски, но деньги везде потребляют русские. Русский язык же и русские руки служат только для черных работ».¹²⁹ Деньги потребляют русские – спасибо за твердую валюту немецкому еврею министру финансов Е. Ф. Канкрину, а впоследствии С. Ю. Витте... А нонече рубль стал прозываться на жаргоне «деревянным». И следует пояснить, что это за городок «Сарепта». Это немецкая колония Саратовской губернии, Царицынского уезда. Ее поселенцами были выходцы из Богемии, братья евангелического общества – Моравские братья (гернгутеры). Прославлена производством... горчицы! После революции колония была переименована в Красноармейск и слилась со Сталинградом. Сохранился ли рецепт знаменитой горчицы? Ирония Вяземского понятна: преувеличение немецкого влияния.

3.2.04 г.

Жалею, что не ввёл точные статистические данные о грамотности населения и рекрутах в главу о евреях в I Мировую. Итак: в Германии на 1000 рекрутов – 999 грамотных, в Англии – 963, во Франции – 942, в «отсталой Италии» – 692 и, наконец, в России этот показатель был равен 383, при этом, мужское население вообще имело грамотность в количестве – 211! Таким образом, Россия на 1911 год занимала последнее место в Европе по грамотности. Если взять вместе с женской половиной общества, то грамотность составляла вряд ли больше 10% населения, т. е. 90% негра-

мотных. Говорящие о России, которую мы потеряли, кажутся детьми, сущими детьми, играющими в «свою историю». Даже в маленькой Сербии на 100 душ населения училось 11,9%, а в братской гигантской империи – всего-навсего 3, 85%!

По другой таблице Юрашека-Гюбнера, на 1911 год неграмотных рекрутов на 1000 человек в Германии – 0,2%, в России – 617 человек! Гвалт!¹³⁰

Но и это не все. В предыдущем издании «Брокгауза и Ефрона» вообще разбирается понятие грамотности. Картина для России страшная. Люди, фактически записанные как грамотные, еле могли поставить свою подпись!

10.2.04 г.

В современном русском разговорном языке потеряно обращение друг к другу. Слово «товарищ» ушло, а слова «гражданин» и «гражданка» остались лишь в судопроизводстве. Слова «господин» и «госпожа», увы, и совершенно правильно, не прижились. И вот я слышу обращение: «Мужчина!» или «Женщина!», или, на худой конец, «девушка», даже когда последней далеко уже за 30. А были в русском языке замечательные слова: «сударь» и «сударыня». Прекрасные слова. Жаль, что не прижились. Зато современный жаргон мне напомнил сатиру из журнала «Живописец», издаваемого Новиковым: «Мужчина! Притащи себя ко мне: я до тебя охотна, ах, как ты славен!» Не правда ли, как это знакомо?

12.2.04 г.

В этот четверг, после долгого непосещения концертов, под давлением Рафы Ривкина, скрипача и друга, я с женой, после восьмимесячного уединения пришли на необычный концерт. Программа – замечательная. Во-первых: редко исполняемый Мясковский, симфония № 21, и 5-я симфония Шостаковича. Оркестр под управлением Леона Ботштейна играл блистательно. Но суть не в этом. Я услышал и увидел воочию древнюю мистерию, исполняемую египетскими жрецами, посвященную богу Ра! Судите сами. Это была «Здравица» Сергея Прокофьева, посвященная 60-летию Гения Всех Времени и Народов, писанная в 1939 году. Хор был превосходен. На 90% он состоял из русскоязычных солистов. А теперь сохраним для истории слова «Здравицы» – новоегипетского язычества:

Здравица исполнялась по советскому радио. Кто написал слова к этому гимну «Хайль, Сталина». Написано, что слова народные, но я думаю, как во многих случаях, похоже на стилизацию, выполненную каким-нибудь рифмоплётом-халтурщиком, возможно, и евреем, а может, и Софьей Прокофьевой, урожденной Мендельсон?

Написала же она либретто «Войны и мира». А в сём «гимне»
есть культура, знания, извлеченные из каких-либо мистерий.

Никогда так не было поле зелено.
Небывалой радости все село полно.
Никогда нам не была жизнь так весела.
Никогда досель у нас рожь так не цвела.
По-иному светит нам солнце на земле:
Знать, оно у Сталина побыло в Кремле.

Я пою, качаю сына на своих руках:
Ты расти, как колосочек в синих васильках.
Сталин будет первым словом на твоих губах!
Ты поймешь, откуда льется этот яркий свет.
Ты в тетрадке нарисуешь сталинский портрет.
Ой, бела в садочках вишня, как туман, бела!
Жизнь моя весенней вишней нынче расцвела.
Ой, горит, играет солнце в светлых каплях рос!
Это свет, тепло и солнце Сталин нам принес!
Ты поймешь, мой ненаглядный, что его тепло
Через боры, через горы до тебя дошло.
Ой бела-бела в садочках вишня, как туман, бела.
Жизнь моя весенней вишней расцвела.
Если б молодость да снова вернулась,
Если б Кокшага-река на север побежала,
Если б глаза мои блистали,

как в семнадцать лет,

Если бы щеки розовели, как яблоко спелое,
Я бы съездила в Москву,
в Москву – город большой,
В Москву – город большой,
Я сказала бы большое спасибо Иосифу Сталину.

Он всё слышит, видит, слышит, как живёт народ,
Как живёт народ, работает.
За хороший труд,

за труд хороший награждает всех.
Он в Москву к себе,
в Москву к себе приглашает тех.
Он встречает ласково, говорит со всеми,
Говорит со всеми весело, ласково, ой!
Он всё слышит, видит, слышит, видит.
За хороший труд, за труд хороший награждает всех
Он гостей проводит,

да, проводит в светлы горницы,
Он садит за столики за дубовые,
Порасспросит все, да, порасспросит-поразведает,

Как работают, в чем нуждаются!
Как работает народ, в чем нуждается!
Сам дает советы мудрые,
Он все слышит, видит, слышит, видит,
Как живет народ, как живет народ, работает.
За хороший труд,

за труд хороший награждает всех.
Он в Москву к себе,
в Москву к себе приглашает тех.
Он встречает всех очень весело,
Он встречает очень ласково,
Мудрые советы сам дает.

Ой, вчера мы песни пели да гуляли!
То не русую мы косу пропивали,
То не замуж мы Аксинью выдавали,
В гости к Сталину Аксинью провожали.
В Москву-город провожали мы, в столицу,
Как невесту, провожали молодцу.
Выходила свет Аксинья за ворота:
Хороша собой, красива в новых ботах!
За околицу Аксинью провожали мы.
С нею Сталину привет посылали.

Он всё слышит, видит, слышит, видит,
Как живёт народ, как работает.
За хороший труд,

за труд хороший награждает всех
Он в Москву к себе,
в Москву к себе приглашает тех.
Он встречает ласково, говорит со всеми.
Говорит со всеми мудро и весело.

Много, Сталин, вынес ты невзгод,
Много муки принял за народ.
За протест нас царь уничтожал,
Женщин без мужей он оставлял.
Ты открыл нам новые пути,
За тобой нам радостно идти.
Твои взоры – наши взоры, вождь родной!
Твои думы – наши думы, до одной.
Нашей крепости высокой знамя ты,
Мыслей наших, крови нашей пламя ты.
Сталин! Сталин!

А вот другой гимн – Картофелю. Известно выражение Пастернака, что Маяковского насаждали, как картофель во времена Екатирины, с той разницей, что «картошка» стала национальным блюдом. Правительство занималось пропагандой и агитацией в пользу благословенного картофеля, и, на мой взгляд, удачно:

*«Картофель – харч благословенный,
Во время скудости для всех бесценный,
И хлебом кто нуждается,
Картофелем нередко пропитается,
Картошки и вкусны, и сытны, и сладки,*

*Поганства в них нет, и лишь гадки
Те люди, которые мнят,
Что Богом картофель проклят».*

К этому «стихотворению» имеется приписка: «А уж точно, чего не выдуманно о бедном картофеле! Одни называли его чертовым яблоком, другие – грешным плодом, третьи уверяли, что коли есть картошку, то дети не родятся, а все пойдут кутята (*т. е. щенята* – С. Д.). Чего, подумаешь, не выдумает глупость и упрямство».¹³¹

Во втором выпуске «Посиделок» имеется важное уточнение о пользе нового овоща:

*«Картофели здоровы, вкусны
И в пищу никому не гнусны,
Всех лучше белые пригодны для людей,
А красными корми коров и свиней».*¹³²

Была сочинена пословица: «Картошка – хлебу присошка». Население, скажем, маленькой Швеции на протяжении XIX века выросло вдвое. При этом следует указать, что с 1845 года по 1900 из страны эмигрировало в США 850 тысяч молодых шведов. В книге «Краткая история Швеции» шведский поэт Эсайас Тегнер афористически определил причину такого прироста: «Мир, вакцина и картофель». Насчет мира и вакцинации по отношению к России не стоит говорить, но население выросло именно за счет потребления картофеля.

«Гимны» картофелю пелись и в наше время, особенно когда «бросали» на сбор картофеля студентов вузов и работников научно-исследовательских институтов. У меня нет под рукой новейшей статистики, но в «Брокгаузе и Ефроне» можно прочитать, что по производству картофеля Россия занимала второе место в мире после Германии. Но если в процентном отношении площади под картофель составляли в России только 4%, то в Ирландии – 32%, в Голландии – 25%, в Германии – 17% и т. д. (данные 1910 года!). И не будем говорить об урожайности и качестве картофеля – я вспоминаю гнилой и мокрый продукт Ленинградской области. А для сравнения – даже не польский, а эстонский. Клубни крупные, сухие, чистые. Нерадивыми работниками россияне были всегда. О Русь!

Дополнить можно тем, что насильственное внедрение кукурузы Хрущевым не удалось. Я много слышал о разности климата. Нет! Дело не в этом. Многие районы Канады в климатическом отношении хуже российских. Как корм для скота кукуруза замечательная культура, но... её надо обрабатывать четыре(!) раза в году, что не

под силу (не по духу трудолюбия) российскому крестьянину. Кукуруза не картофель – она более прихотливая. И задумка враз обогатиться не получилась. А Никита Сергеевич Хрущев получил кличку «Никита-кукурузник». Несправедливо... Ещё до 37-го года Христиан Раковский, будучи румынским уроженцем, настаивал на внедрении кукурузы, выступая в печати и на собраниях. Не надо добавлять, что Раковский был троцкистом и принадлежал к мыслящей части большевистской партии.

9.3.04 г.

Разбирая старые бумаги, наткнулся на почти выцветший факс, полученный ещё в начале 2001 года из Берлина. Автор, мой добрый знакомый, бывший московский ученый и поэт Борис Шапиро. Борис – лауреат премии имени Гёте. Его знание немецкого языка таково, что он по просьбе партии «зелёных» написал для неё программу, что было делом непростым. Надо было найти слова, которые объединили бы людей разных политических взглядов и которые были бы привлекательны и справедливы. Задача была блестяще исполнена. Какое-то время Борис занимал крупный пост в еврейской общине Берлина, но, естественно, был быстро оттеснён новоприбывшими почти криминальными и малограмотными членами. Ныне Борис занимается патентованием своих изобретений, и надеюсь, что рано или поздно он прорвется «в дамки».

Вот это послание:

«Берлин, 8 янв. 2001.

Милый мой Савва!

Ты уж снова прости меня, старого козла, за задержку. Обещаю в приложении.

Письменно подтверждаю тебе, что ты один из самых ЖИВЫХ и интересных писателей, которых я читал. НЕ просто Историзм, как содержательная основа твоих документальных романов, но их язык, их литературность, их заряд Человечности и неподкупности делают их высочайшим событием в своем жанре: документальный роман. Это вывернутая наизнанку science fiction: Это научная де-фикционализация. Правду невозможно найти, Как все настоящее, её можно только сотворить. В этом твое мастерство.

Сердечно твой – Борис Шапиро».

(Сохраняю орфографию и пунктуацию – она несколько необычна.)

Лестная характеристика. Могу огласиться лишь частично – все-таки я больше историк, чем писатель, я раб факта, а не вымысла. Хотя интуиция должна идти нога в ногу с фактом. Без интуиции нет историка; тогда он превращается в ползучего фактографа...

16.3.04 г.

Когда я писал о Первой Мировой войне, то вскользь заметил, что авиация не играла особенной роли в боевых действиях. Это, в общем, правильно. Кто видел кинокадры Второй Мировой войны, прочитав следующее, ужаснётся. Вы помните сентябрьские бомбежки Варшавы в 1939 году? А теперь прыжок в 1914 год:

*«Как пред грозой касатки низко
Скользят над ровностью поляны,—
Так в знак, что грозы боя близки,
— Взгляни — парят аэропланы.*

*Миг, и продольный, долгий трепет
Пройдёт по улице; метнётся
Толпа и тротуар облепит,
И взор за взором в высь вопьётся.*

.....
*А там воздушные пираты,
Спокойно правя лёт машины,
Вонзят сквозь пар голубоватый
Свой взор, как мы, на дно равнины.*

*Увидят, как темнеют зыбко
Квадраты крыш и зданий ромбы...
С какой змеющейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы».*¹³³

24 декабря 1914, Варшава

Бомбежки западных городов продолжались немцами регулярно. Так, в мае 1917 года немецкие аэропланы, «целой массой — 16 штук», атаковали юго-восточный берег Англии. Результат: сотни убитых и искалеченных людей. В январе 1918 года варварский налет на Париж: десятки убитых и две сотни раненых.¹³⁴

Реальный Второй фронт в ПМВ не спас Россию. Она упала, как сгнившее яблоко. Я уже писал о сравнении ПМВ с Великой Отечественной войной, начатой для СССР в самый неблагоприятный момент. Германия от Бреста до Бреста, вся индустрия Европы, фронт от Баренцева моря до Чёрного. Как мог Сталин начать атаковать? Бред проститутки Суворова. Но сейчас не об этом. А о реальном Втором фронте ПМВ.

У Брюсова есть цикл стихов под названием «Там, на Западе» с эпиграфом из Тютчева. Одно из стихотворений — «Западный фронт»:

*«От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мёртво на ней: ни двора, ни куста;
Местами – два-три деревянных креста,
Местами – развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы – тела без движений!*

.....
*Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязз сабель, свист пуль и предсмертные стоны».*¹³⁵

30 ноября 1914, Варшава.

И уже тогда варварство немцев, разрушивших святыню Европы – Реймс и бомбивших Нотр-Дам. «Тевтонам» – так называли немцев во время Первой Мировой, Брюсов угрожает им, как разрушителям культуры, мистической мезью «скрытых сил». Увы, этих сил оказалось недостаточно...

В связи с этим вспомнил довоенный французский фильм «Великая иллюзия» (1937 г.?! – т. е. «накануне») кинорежиссёра Жана Ренуара, с молодым Жаном Габеном. Иллюзия, что ПМВ будет последней. И у Брюсова она тоже называется «последней войной». Люди, родившиеся в начале века, пережили две ужасные войны и, конечно, не последние. Но у Брюсова – русского поэта – ПМВ связана с ролью России в Европе, с её близостью к европейской цивилизации. Он, конечно, предвосхитил известные стихи Блока. Для Брюсова война – это решение старого вопроса: что есть Россия? Европа или Азия? Он полон надежд, что Россия именно благодаря войне войдет в число европейских держав не только из-за географического принципа, а из-за вклада в мировую христианскую культуру. Вот что пишет Брюсов 30 июля 1914:

Старый вопрос

*Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнёмся спокойно и тесно.
Не надо обманчивых грёз,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?*

*Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышат всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?
Иль мы – тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поёт
Созвучно с напевом санскрита?
Иль мы тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?
Иль мы – тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?
.....
И что же, священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз?
Не с нами ль свободный британец?
.....
Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?»¹³⁶*

Вопрос до сих пор не решён и вряд ли разрешим. Но мы можем сегодня поставить вопрос намного более страшный: уцелеет ли иудейско-христианская цивилизация под напором мусульман и уже проснувшегося Востока? Кто знает...

18.3.04 г.

Думаю о взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича.

В конце 1831 года В. А. Жуковский и А. С. Пушкин издали сооща «На взятие Варшавы, три стихотворения»; два из них, «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», написаны Александром Сергеевичем. Стихи пользовались большим успехом и были встречены «русской общественностью» с полным одобрением и энтузиазмом. Исключение составил князь Петр Андреевич Вяземский, который значительно глубже знал польскую проблему

– он работал в Варшаве. Вот его запись переводной статьи из французской прессы: *«Жестокость русских. Генерал Давыдов, Вольтер русских стелей, знаменитый русский патриот 1812 года, обнаружив несколько ружей в доме г-на Чарнолуцкого в Вольни, приказал расстрелять без суда этого злосчастного дворянина и затем повесить его тело на дереве на растерзание хищным птицам. Приговор же составлен задним числом. А грубые издевательства над женщинами, включая беременных?... Нет такого преступления, которого он не разрешил бы своим солдатам».*¹³⁷

Но ещё раньше до этого Вяземский написал письмо Пушкину: *«Признаюсь и в том, что не послал письма не от нравственной вежливости, но для того, чтобы не сделать хлопот от распечатанного письма на почте».* В стихах Жуковского он вообще не находит поэзии: это не 12 год, когда численный перевес был на стороне врага, а при подавлении восстания 10 к 1. Жуковский не царедворец, а просто проявил «русское невежество». Поляки *«унизили наше политическое достоинство в глазах Европы, раздели наголо пред нею этот колосс и показали все язвы, все немощи его... Мы удивительные самохвалы, и грустно то, что в нашем самохвальстве есть какой-то холопский отсед... Как мы ни радуясь, а все похожи на дворню, которая в лакейской поет и поздравляет барина с именинами... что будет после? Верно, ничего хорошего, потому что ничему хорошему быть не может. Что было причиною всей передраги? Одна, что мы не умели заставить поляков полюбить нашу власть. Эта причина теперь ещё сильнее, ещё ядовитее, на время можно будет придавить ее... При первой же войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке».* Далее Вяземский предлагает дать свободу Польше: лучше иметь ее врагом внешним, чем внутренним. И здесь прорывается русское высокомерие по отношению к полякам, да ещё в таких словах, что диву даешься, как такое сравнение могло прийти в голову человеку европейской культуры: *«Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даём мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты. Пускай Польша выбирает себе род жизни».*¹³⁸ Далее Вяземский убеждён, что будь в России свобода слова (*гласность печати*), то такие вирши первым поэтам не пришли бы в голову. О стихах Пушкина его старый друг пишет с горечью: *«Пушкин в стихах своих «Клеветникам России» кажет им шиш из кармана.*

Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на вопросы, на которые отвечать бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европе любить нас?

Мне также надоели эти географические фанфаронады наши: От Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч вёрст...» А дальше Петр Андреевич ставит точный диагноз будущей катастрофы: «Вы грозны на словах, попробуйте на деле».

«А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европой воевать была бы смерть? Зачем же говорить нелепости и ещё против совести и более всего пользы».¹³⁹

Потом уже была Крымская война...

19.3.05 г.

И в продолжение темы.

Первая встреча русской интеллигенции с «партией и правительством». «Парад на Царицыном лугу», состоявшийся в Петербурге 6 октября 1832 года по случаю взятия Варшавы и подавления польского восстания. Шесть лет художник Г. Г. Чернецов работал над грандиозным полотном по заказу самого государя. По замыслу императора, на переднем плане картины художник должен был изобразить «первые трибуны» того времени. Это была тогдашняя «номенклатура» и «инженеры человеческих душ». Всего с большой тщательностью художником зарисовано 223 фигуры! Грандиозная работа, законченная лишь в 1835 году. В порядке подготовки им был сделан этюд четырех писателей: И. А. Крылова, В. А. Жуковского, Н. И. Греча и А. С. Пушкина. Стоит ли приводить знакомые с детства строфы Пушкина из «Медного всадника», где признание в любви к творению Петра, державное течение Невы, чугунные ограды, Адмиралтейская игла и, наконец, апофеоз, военный парад на Марсовом поле и признание в любви к имперскому штандарту:

*«Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.*

*Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует...»?*

Здесь лишь один эпитет выпадает из триумфального шествия войск: «полнощная царица», да и то это устойчивый эпитет из прошлого, екатерининского века. Уже написаны Пушкиным «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», и, вопреки мнению Вяземского, стихи дошли до Дрездена, где находился польский поэт.

Симметричный ответ, прямой и косвенный, был дан Адамом Мицкевичем в «Дзядях». Описание Северной Пальмиры начинается с исторического анализа возникновения городов. Города Древнего мира создавались возле жилища богов, священных рек, «ручьев наяд» или на возвышенностях для удобства защиты. Оставив в стороне мистику и историю, Мицкевич противопоставляет Петрополь – Риму, Афинам, Спарте:

*«А кто столицу русскую воздвиг,
И славянин, в воинственном напоре,
Зачем в пределы чуждые проник,
Где жил чухонец, где царило море?
Не зреет хлеб на той земле сырой,
Здесь ветер, мгла и слякоть постоянно,
И небо шлет лишь холод или зной,
Наверное, как дикий нрав тирана.
Не люди, нет, то царь среди болот
Стал и сказал: «Тут строиться мы будем!»
И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям.
Вогнать велел он в недра плавунов
Сто тысяч бревен – целый лес дубовый,
Втоптал тела ста тысяч мужиков,
И стала кровь столицы той основой».*

Зависимость от Запада, подражание Западу – вот навязчивая идея Петра, и вот ее реализация:

*«В Париже был – парижских площадей
Подобье сделал. Пожил в Амстердаме –
Велел плотины строить. От людей
Он услышал, что славен Рим дворцами –
Дворцы воздвиг. Венеция пред ним*

*Сиреной Адриатики предстала –
И царь велел строителям своим
Прорыть в столице Севера каналы,
Пустить гондолы и взметнуть мосты,
И вот встают Париж и Лондон новый,
Лишённые, увы, лишь красоты и мудрости торговой.
У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербурге построил Сатана!»*

Жестокие слова. Справедливость в них одна: 100 тысяч убиенных на стройке в XVIII веке не стоят той красоты, пусть и эклектичной, воздвигнутой волей самодержца. Что же касается поговорки, что строитель был сам Сатана, то, видимо, Мицкевич, был знаком со староверческими рассказами о подмене царя; они именовали Петра Антихристом.

Далее в поэме идет блестящее описание петербургских государственных учреждений, разнообразие конфессий, океана вывесок и рекламы, толчеи проезжающих экипажей, тарантасов, возов и прочего, так что сам Мицкевич не прав: Петербург – город торговый и вполне обитаемый.

А вот и вершина поэмы и сравнение с Пушкиным. Глава «Дядю» так и называется «Смотр войска». То же самое Марсовое поле, те же войска, сам император и зрители... Уже начало шокирующее: Марсово поле называется псарней:

*«Есть плац обширный, псарней прозван он,
Там обучают псов для царской своры.
Тот плац ещё уборной окрещён,
Там примиряет царь свои уборы,
Чтоб, наряжаясь в десятки батарей,
Поклоны принимать от королей...*

.....
*Ещё и саранчатником иные
Тот плац зовут, затем что, возмечтав
Опустошить пределы всех держав,
Там саранчу выводит царь России.
Ещё тот плац зовут станком хирурга:
По слухам, точит царь на нём ножи,
Чтобы Европу всю из Петербурга
Проткнуть, перерезая рубежи,*

В расчёте, что смертельной будет рана...

.....
*Ещё зовут... но кончить, не пора ли?
Плац этот смотровым назвали.
Сегодня смотр. На башне десять бьёт.
Мороз колючий. Но толпа густая
Все прибывает, площадь обрамляя...*

.....
*Любого пикой оттеснить готовы
Или нагайкой съездить по лицу,
Как над водою чайки-рыболовы,
Казачи заметались на плацу.
Вот из толпы, как жаба, вылез кто-то,
Хлестнула плеть – и он назад, в болото.
Внезапно, монотонный и глухой,
Как мерный стук цепов на риге дальней
Иль грохот молотков по наковальне,
Вдали раздался барабанный бой.
И вот – они! Мундир на всех зелёный,
Но чёрной массой движутся войска...»*

Мицкевич просит помощи ста Гомеров, далее – чтобы перьями всех бухгалтеров сосчитать громадную военную силу России.

*«Стоят бок о бок, точно кони в стойле.
И так однообразны их ряды,
Как в книге – строки, на поле – скирды,
На грядке – всходы конопли зелёной,
Как саженцы вдоль чёрной борозды...*

.....
*Я лишь скажу: иные москали
На четверть ростом прочим превзошли,
И у таких на шапке литер медный
Отсвечивает лысинкою бледной.
То – гренадеры. Я стоял вдали,
Но насчитал три взвода их. За ними,
Как огурцы под листьями большими,
Все, кто до мерки той не доросли,
Построились рядами, рота к роте».*

Далее брезгливость и страх перемешиваются в душе «сармата»:

*«Чтоб сосчитать полки в такой пехоте,
Быть зорким надо, как натуралист, –
Он выудит вам червяка в болоте
И без раздумья скажет: «Это глист».*

Реформы Петра I осмеиваются: на азиатов накинута европейский костюм – рабская сущность остается:

*«Сказал он: «Русских я оевропею,
Кафтан обрежу, бороду обрею».
Сказал – и мигом, как французский сад,
Подрезаны кафтанов княжьих полы;
Сказал – и бороды бояр летят,
Как листья в ноябре, и лица голы.
Кадетский корпус дал дворянам он,
Дал штык ружью, настроил тюрем новых,
Ввел менуэт на празднествах дворцовых,
Согнал на ассамблеи дев и жён.
На всех границах насажал дозорных,
Цепями запер гавани страны,
Ввел откуп винный, целый штат придворных,
Сенат, шпионов, паспорта, чины.
Умыл, побрил, одел в мундир холопа,
Снабдил его ружьем, намуштровал –
И в удивленье ахнула Европа:
«Царь Петр Россию цивилизовал!»*

Далее идет почти текст из подложного завещания Петра, распространённый в своё время польскими конфедератами:

*«Он (Пётр) завещал наследникам короны
Воздвигнутый на ханжестве престол,
Объявленный законом произвол
И произволом ставшие законы,
Поддержку прочих деспотов штыком,
Грабеж народа, подкуп чужеземцев,
И это всё – чтоб страх внушать кругом
И мудрым слыть у англичан и немцев.
Но дайте срок, француз, германец, бритт!
Когда начнут вас потчевать кнутами,
Когда указы зажужжат над вами,
Когда ваш край пожаром загудит, ...*

.....
*Когда вам царь прикажет обожать
Мундир, этап, Сибирь, остроги, плети –
С какою песней вы и ваши дети
Царю восторг придёте выражать?»*

Весь этот политический анализ слагается в голове поэта при наблюдении за парадом. Мы можем только поражаться предвиденью великого поэта, его глубокому анализу российского общества.

Если и есть натяжки, то они, пожалуй, уступают анализу России Чаадаева или Кюстина. Но... парад продолжается. Каждые военные маневры кончаются человеческими жертвами – это известно было и Пушкину. Но у Пушкина этого нет. Он не желает видеть ужаса. Сармату проще. Он ненавистник москалей:

*«Плац опустел. Ушли актёр и зритель.
На площади чернеют здесь и там
Убитые. На этом белый китель:
Улан. Другой разрезан пополам,
И кто, кем был он? В грязь одежда вбита,
И разможжили голову копыта.
Один замёрз и так стоит столбом –
Полкам он здесь указывал дорогу.
Другой в шеренге сбил со счёту ногу
И по лбу ошарашен тесаком.
Пал замертво. Жандармы на носилки
Его швырнут, и в яме гробовой
Очнется среди мёртвых он живой.
Вот снова труп – с проломом на затылке.
Другой раздавлен пушкой. Нет руки
И на снегу распластаны кишки.
Упав, он, колесом уже прижатый,
От боли трижды страшно закричал,
Но капитан взревел: «Молчи, проклятый!
Молчи, здесь царь!» И что ж, он сразу замолчал.
Солдатский долг – послушным быть приказу.
Плащом закрыли раненого сразу:
Ведь ежели случайно на смотру
Заметит царь такой несчастный случай,
Увидит кровь и мясо – туча-тучей
Потом он приезжает ко двору.
Там для придворных стол уже накрыт –
А у царя испорчен аппетит».¹⁴⁰*

4.4.4 г.

Не могу отказать себе в детском удовольствии – написать три четверки подряд...

Запад и Россия – тема настолько изнасилованная, что, кажется, использованы все аргументы противоборствующих сторон. Я с удовольствием привожу старинный русский анекдот об императоре Николае I. В 1830 году государь посетил новопостроенный университет в Харькове. Обозревая внушительное здание, он обратил внимание на фасад. «В вашем университете слишком много окон

на Запад», – изрек венценосец. Ответ был гениальный: «Ваше величество, это фальшивые окна».

И добавление к теме «Пушкин и Запад». Стихотворение «Клеветникам России» вполне искреннее – к концу жизни Александр Сергеевич жил по правилам империи. Отсюда и неотправленное письмо к Чаадаеву. Но вот из личного письма жене, где скрывать было нечего, мы можем прочесть следующее:

«Мне сдается, что мы без европейской войны не обойдемся. Этот Louise-Phillippe (*Луи-Филипп, французский король, пришедший к власти в результате июльской революции 1831 года – С. Д.*) у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся...»¹⁴²

26.4.04 г.

Под рукой нет книги профессора Чистовича по истории русской медицины. Но вот что я извлёк из нового прочтения Ключевского. В России постановка учебного процесса была столь низкой, что во всё 34-летнее царствование (!) Екатерины не было получено ни одного диплома медика!¹⁴³ Ясно, почему большинство врачей в России были иностранцы. Полагаю, немалая часть из них была шарлатанами. Но из этого факта вытекает, почему Екатерина просила вернуться в Россию тайного марана доктора Антонио Санхеса. И история «нелегальной лекарки» еврейки Фейгель Бойнитович становится более понятной: думаю, что она была единственным образованным врачом, пользующим крестьян Орловщины и прилегающих областей.

Но уже в царствование Александра Освободителя евреев стали принимать в медицинские учебные заведения. О фельдшерах-кантонистах я уже писал. Просто спрос на младший медицинский персонал отцы-командиры удовлетворяли «еврейчиками», у которых, оказывается, кроме зловредного гена приобретения, имеется наследственная склонность к врачеванию. Читал список врачей выпуска 1881 года Медико-хирургической академии. Список состоит из 284 фамилий, где процентная норма явно не выдержана. Есть и биографии, с указанием национальности. Вот некоторые выдержки.

Матвей Борисович Гольденберг, родившийся в 1851 году в г. Симферополе. Отец его был предприниматель средней руки, затем разорившийся. Начальное образование получил в хедере, затем в 8-9-летнем возрасте был отдан в еврейское училище, где преподавание велось на русском языке и служило подготовительной школой для поступления в Симферопольскую гимназию, куда он поступил в 1867 году. При переходе в 4-й класс создалось отчаянное положение: отец не мог внести плату за учение и хотел

отдать «Мотю» в аптекарские ученики. Из этого явствуют, почему так много было евреев-провизоров – плата за обучение была ниже. Но упрямый сын не хотел уходить из гимназии и начал усиленно искать платных уроков. Мир не без добрых людей: за четыре рубля в месяц он обязался подготовить ученика к поступлению в гимназию. Гимназию Матвей окончил в 1876 году, потеряв один год из-за слабого знания старославянского языка. Он был не единственной жертвой придирчивого учителя. В медицинскую академию поступил в том же 1876 году. Стипендии не получал, но начиная со второго курса не платил за учебу. «Отработал» за это в военном ведомстве два года. За все время обучения он жил весьма скромно, если не сказать – скудно. На каникулы ехал домой, подрабатывая репетиторством, чего хватало на начало учебного года. Медицинскую практику провел в тифозном лагере в Румынии, где стояли русские войска после «победоносной» балканской войны. По окончании учёбы получил назначение в знакомые нам по последним известиям места на Кавказе, а именно в Хасав-Юрт Терской губернии. Попал, судя по информации, к старшему врачу – антисемиту и пьянице, который считал каждого непьющего дрянью и возненавидел Гольденберга. Ему удалось перевестись в Гродненский военный госпиталь, где впоследствии и работал. Находясь на Северном Кавказе, Гольденберг обратил внимание на лечебные источники. В течение четырёх сезонов в 90-годы он заведовал станцией исключительно для нижних чинов Кавказского округа, о чём опубликовал научную работу в «Военно-медицинском журнале» в 1897 году.

Кац Самуил Осипович (1852–1902), окончил курс в Академии и работал младшим врачом в 65-ом Московском полку. Был переведён через год в Туркестан. Занимал различные посты и до смерти работал старшим врачом и заведующим санитарной частью штаба и управлений г. Ташкента.

Кузятин Давид Михелев. По фамилии мне бы в голову не могло прийти, что речь идет о еврее. И это говорит о «великих залежах» нашего племени, прячущегося в недрах истории России. Родился в 1858 году в г. Симферополе, в еврейской семье «среднего достатка». Начальное образование получил в еврейском начальном училище, среднее – в Керченской Александровской гимназии. В 1876 году поступил в Медико-хирургическую академию. Стипендию не получал, но начиная со второго курса был освобожден от платы за обучение. По присвоении лекарского звания получил назначение младшим врачом в 71-й пехотный Белевский полк, рас-

положенный около Люблина. Вскоре подал прошение об отставке. Некоторое время занимался частной практикой в Ростове-на-Дону и Бердянске. Зимний семестр 1884/85 г. работал в Венской Общей больнице. Затем переселился в г. Николаев, занимаясь успешно оториноларингологией и глазными заболеваниями. Работал во время вспышки эпидемии дифтерита. В октябре 1887 г. по настоянию родных переехал в Батум, где, наконец, приобрел постоянную оседлость. *(Ну и формула. Впечатление идет не о конце XIX века, а о средневековье и о кочевниках.)* Во время эпидемии холеры был заведующим холерным баракком. За самоотверженную работу в борьбе с эпидемией получил благодарственное письмо от батумской Городской думы. Кузятин опубликовал несколько научных работ и в обществе врачей г. Батума читал лекции.

28.4.04 г.

При работе над статьей о Копьеве я заинтересовался Лебедянской ярмаркой. И вот в поисках материала заглянул в документы, касающиеся петрашевцев. В поисках одного обнаружил другое. Так бывает всегда. Вспоминаю рассказ Арона Яковлевича Черняка о Зайончковском, который, посылая студента посмотреть некую статью, никогда не говорил номер журнала. Хитрость была проста: студент обязательно наткнется на материал, который ему пригодится в будущем, расширит его кругозор и т. д. Блестящий педагогический прием.

Я же обнаружил в дневнике П. А. Кузьмина любопытные вещи о России прошлого. Павел Алексеевич Кузьмин (1819–1885), штабс-капитан Генерального штаба, привлекался по делу петрашевцев, впоследствии чиновник оренбургского, а затем киевского военно-окружного суда. Запись сделана в дневнике в конце лета 1848 года, во время холерной эпидемии. Он обращает внимание на невежество священников и трусость при исполнении долга: «Попы – везде попы... Пишут из Шацкого уезда, что поп С. предлагает всему народу говеть, что смерть близка, мертвых же не хоронит без разрешения земской полиции, трупы лежат несколько дней в избах и заражают воздух. Проезжая Калужскую губернию, я узнал про действия попов ещё лучше; они предложили всем говеть, но объявили, что к больным не подойдут и мертвых отпевать не станут, а пусть без церемонии зарывают».¹⁴⁴

Побывав на Эльтонском озере, он увидел дикую воровскую шайку, которая грабила при помощи различных комбинаций государство. От Соляной монополии государство, по его подсчетам, получало едва ли тридцатую часть! Невероятно!

Чуть ниже он говорит о секте молокан в Тамбовской губернии. В церковь ходят лишь для видимости, даже приобщаются, но втайне соблюдают свое учение. Неофиту, или, как Кузьмин говорит, «новик», поначалу говорят лишь столько, сколько необходимо на первый раз, и постепенно открывают свои «тайны». По его словам, молокане не дают клятв, не несут государственной службы, а отданные в солдаты ударяются в бег.¹⁴⁵

Вероятно, по долгу службы Кузьмин посетил духовное училище, антисанитарное состояние которого он изъясняет игрой слов: «Потом был я в духовном училище, оно, кажется, более удушливое, чем духовное». Вонь такая, что в классах стоит смрад, объясняемый инспектором «близостью ретиральных мест». «Был я и в комнатах, где бурсаки проводят время вне классов», но и там, хотя классы были пусты, было смердение. Несчастные бурсаки, оставшиеся на каникулах, представляли ужасное зрелище: некоторые были в рубищах, а постели гадки. «Одним словом, посещение семинарии и духовного училища производят самое неприятное впечатление, а как подумаешь, что в этих вместилищах образуются наши законоучители, иногда выходят люди ученые... может быть, под этими лохмотьями таятся, эту вонючку атмосферой дышат мальчики со способностями гениальными, кто поручится, что такое положение не убивает способностей, тем более что и преподаватели не имеют никаких данных для развития способностей, не только чужих, но даже своих».¹⁴⁶ Всё, что писал Помяловский о бурсаках, полностью подтверждается. А вышедшие из таких недр пастыри вряд ли могли стать примером своей пастве.

В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю касался русского духовенства – картина страшная, и сей текст не вошёл в мои книги, поэтому привожу его вместе с уголовной статистикой: «...Вы искренно, от души пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического... Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет дурья порода, колуханы (*плут, мошенник. – В. Даль*), жеребцы (*выделено В. Белинским. – С. Д.*) – попов. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства... Большинство нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством... Религиозность проявилась у нас только в раскольничьих сектах...»¹⁴⁷

С. Максимов приводит таблицу преступлений, совершенных по условиям из расчета один на сто сосланных, выполненную Д. Н. Анучиным, известным ученым-этнографом. Чрезвычайно тяжелые, резкие слова, но они находятся в полном соответствии с русской криминальной статистикой: «...самая большая часть тяжких (*уголовных*) преступлений по пропорции оказывается в высших условиях (*всего более в духовенстве*). Духовенству принадлежит высшее место по обилию святотатцев...»¹⁴⁸ Духовенство лидирует в «святотатстве», составляя из сосланных 34%, а в «дурном» (*соблазнительном*) поведении – 91%! В «воровстве» они также составляют весомую цифру – 27%.¹⁴⁹ Что скажешь, действительно, это та Россия, которую мы потеряли...

14.5.04 г.

Эти дневниковые записи хотел бы издать книгой и назвать «Этюды сомнений и надежд». Кажется, неплохое название. Надо подумать...

20.5.04 г.

Рассуждая о Толстом, который колебался, принимать ли участие в борьбе с Голодом или нет, я, как мне кажется, кое-что не договорил в своей книге «Парадоксы...». Дело в том, что наряду с «духовными» причинами были ещё и политические расчеты.

Погромы на юге России в 1881 году были связаны с голодом. Но невозмутимый император Александр III категорически заявил: «У меня нет голодающих, а есть только пострадавшие от неурожая». А в это время пухли и гибли люди, деревня распродала задарма скот, хлеб делали из мякины, лебеды, отрубей и прочего, лишь бы притупить чувство голода. Я отметил, что Александр III велел своему кузену Великому князю Александру Мизайловичу поблагодарить *американский* народ за помощь. (*Великий князь был в кругосветном плаванье*). И тогда мы не могли обойтись без помощи Запада!

К месту напомнить, что хлеб у крестьян отнимали всегда: и при царе-косаре, и при большевиках. Жуткая запись А. С. Пушкина в «Истории Петра I», относящаяся к 1713 голодному году: «В сей год был неурожай... Вот другой государев указ об опiske чужого хлеба – в неурожай *опять тиранство нестерпимое*».¹⁵⁰

А внутри страны голод перешел на «нелегальное положение». Цензура беспощадно вычеркивала все столбцы о народном бедствии. И тогда был самиздат: письма из провинции с описанием ужасов, корреспонденции, не попавшие в печать, – все распро-

странялось среди общества и переписывалось от руки. Первая уступка общественному мнению: правительство Александра III сознается в наличии голодающих губерний. Размер ссуд был увеличен, Красный Крест объявил сбор пожертвований. Но частная инициатива гасилась. Частные столовые закрывались. И всё же... несмотря на это, шли сборы. При этом, не доверяя правительству и Красному Кресту, где шло воровство за счёт несчастных. В Петербурге появились афиши на спектакли и концерты, сбор с которых шёл, как тогда говорили, «на пользу голодающих».

Голод 1891 года князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1951), познал студентом Петербургского университета. Это был талантливый человек. Закончил по моде тех лет естественный факультет, а затем учился на юридическом. Был хорошо знаком с настроением левого студенчества, ибо являлся кассиром нелегальной кассы взаимопомощи.

В левых кругах горячо обсуждался вопрос, следует ли помогать голодающим. Крылатая фраза того времени: «Неурожай от Бога, а голод от Царя», – вкладывалась в уста мужиков. Платон Каратаев уже мыслил, почти как сам Толстой... В вульгарной форме фраза выдавала мнение всего «прогрессивного лагеря». Аксиома: правительство виновно в голоде – сие не обсуждалось, но из этого делалось три вывода:

1. Всякая помощь голодающим является помощью правительству. Посему надо оставить все на самотек. Правительство не справится, тогда начнутся беспорядки, а там, гляди, и революция...

2. Более умеренные говорили, что надо помогать и одновременно вести разъяснительную работу среди народа, пропагандируя революционные идеи.

3. Третьи подходили к проблеме с христианской точки зрения: никакого «использования» голода – людей надо кормить уже только потому, что они голодают.

Последняя точка зрения возобладала. Но вот деталь важная: голод обсуждался только в левых кругах; правым кругам это было неинтересно. Слепцы – они медленно или быстро шли к гибели.¹⁵¹

21.5.04 г.

Стоит поговорить и о семье князя Оболенского. Старинный род! Очень старинный. Отцом Владимира Андреевича был князь Андрей Васильевич (1824–1875), действительный статский советник, председатель Гродненской казенной палаты. В городе Гродно, населённом в большинстве евреями, он снискал искреннюю любовь жителей, ибо он был человек высшей нравственной силы. Рано осознав несправедливость крепостного права, Оболенский по

окончании училища правоведенья отправился пешком по России, чтобы изучить проблему на месте. С котомкой за плечами он прошел громадные расстояния: от Москвы до Тулы, Ростова, Смоленской губернии и обратно в Москву. Был страстным проводником знаменитой реформы. Он шёл ещё дальше, считая, что дворянство должно отказаться от своих привилегий, не только из-за чувства самосохранения, но и справедливости. Он был другом Ивана Аксакова и разделял его взгляды на славянский вопрос. Сам Аксаков в своей переписке говорит о князе с восторгом: он называет его своей отрадой, человеком, производящим впечатление, равное с впечатлением природы, и относит к нему стихи о том, что он был «души любовным разумьем и сердца мудрой простотой».¹⁵²

Мать Владимира Андреевича, княгиня Александра Алексеевна Оболенская (1831–1890), урожденная Дьякова, вполне русская женщина. Да вот по матери – баронесса Дельгейм-де-Лимузен. От своей матери-француженки она унаследовала живость ума, веселость и остроумие. В 1853 году она вышла замуж за князя Оболенского и под его влиянием стала в ряды борцов за женское равноправие, но не в том, суфражистском стиле того времени. Она была практик и знала, как сложно женщине получить высшее образование. Поначалу помогала мужу в проведении крестьянской реформы в Калужской губернии. Уверенная в правоте своих идей, она в 40-летнем возрасте (!) решила держать экзамен на звание домашней учительницы. И всё для того, чтобы открыть новую гимназию по подготовке женщин к университетскому образованию. Для составления программы Оболенская пригласила крупных специалистов – А. Я. Гердта и А. Н. Страннолюбского. Гимназия получила имя княгини Оболенской. Это было образцовое учебное заведение, где, скажем, словесность преподавал выкrest Петр Исаевич Вейнберг, поэт-переводчик, а математику – Н. И. Билибин. Сотни девочек получили в гимназии образование: с 1880 года, когда произошел первый выпуск VII класса, – 502 девицы! А VIII класс окончили 440 учениц со званием домашних наставниц и домашних учительниц. Александра Оболенская – гордость России!

22.8.04 г.

Окружение Рихарда Вагнера было в основном еврейским. Странно, но это факт. Об одном случае стоит рассказать. Однажды в 1872 году мэтр получил от молодого пианиста Иосифа Рубинштейна из Харькова письмо следующего содержания:

«...В полном унынии и с постыдным малодушием тасился я по жизни. Но случилось так, что обстоятельства заставили меня обра-

туть внимание на Ваши произведения. И я погрузился в этот мир, такой новый для меня и, наверное, для многих других; я сразу же забыл весь остальной мир. Это время, счастливейшее в моей жизни, время изучения Ваших творений, уже прошло... Не могу ли я быть Вам полезен при постановке «Нибелунгов»? Я считаю, что понимаю это произведение, хотя, может быть, не до конца. От Вас я жду помощи, и срочной. Мои родители богаты. Средства для поездки к Вам я буду иметь...» Не знаю, ответил бы Вагнер на эту странную просьбу. Но неуравновешенный молодой человек появился без зова на пороге дома Вагнера в Трибшене в апреле 1872 года.

Он был принят, что называется, с распростёртыми объятиями. Поразительная непоследовательность, но «тлен человеческий» – так Вагнер отзывался о евреях – пригодился. Иосифа взяли в Байрет в «канцелярию Нибелунгов». Позже ему поручили подготовить клавирасцуг «Парсифаля». Вагнер прошел с Рубинштейном весь «Хорошо темперированный клавир» И. С. Баха для исполнения на шести утренних концертах в Берлине. Вагнер проявил несвойственные для него терпение и выдержку, принимая сердечное участие в судьбе неуравновешенного молодого человека. Всего провел Рубинштейн летом в Байрете около десяти недель. В 1880 году большой успех принес ему концерт из произведений Баха в Берлине. После смерти Вагнера Иосиф Рубинштейн покончил с собой в Люцерне в 1884 году, в возрасте 35 лет – акт высшей преданности своему кумиру, но шаг для еврея языческий.

Несколько слов о молодом безумце. Иосиф Рубинштейн – пианист и композитор – родился в Староконстантинове в 1847 году. Яркий популяризатор музыки Вагнера в России, автор многих сочинений для фортепьяно. Он написал ряд статей в «Bartender Blotter», направленных против музыки Шумана и Брамса, противников Вагнера. Один из современников иронически писал, что, унижая Шумана и превознося Вагнера как «отца будущей музыки», Рубинштейн заслужил славу современного Герострата. Впрочем, что не напишешь в пылу полемики?! Несколько лет являлся соперником своих знаменитых однофамильцев, а в 1869 году был назначен придворным пианистом великой княгини Елены Павловны.

На мой взгляд, Рихард Вагнер – великий композитор. Общее впечатление, что автор «Нибелунгов» не шел на компромиссы, глубоко ошибочно. Мэтр часто писал халтуру. Какое дело радетелю германского духа до американской демократии? Но к 100-летию независимости США (1876 г.) написал «Торжественный марш» – произведение жалкое, бескрылое, забытое и неиспол-

няемое. Но двадцать тысяч долларов стоили того, чтобы поступиться искусством. Да и произведения, созданные по «идеологически» близкой теме, зачастую тоже хромают. Особо следует отметить позорный факт создания «Императорского марша» по поводу провозглашения Германской империи. Здесь не помог и старый протестантский хорал «Eine feste Burg» («Твердый оплот») – произведение, недостойное гения. Ещё хуже и ещё позорнее издевательский фарс «Капитуляция», посвященный унижению Франции в 1870 году. «Марсельеза» топчется прусскими сапогами.¹⁵³ Сия «гениальная» идея была подхвачена, как я уже писал, П. И. Чайковским в увертюре «1812 год», где «Боже, царя храни» попирает ту же самую «Марсельезу». Тоже не лучшее творение русского композитора, хотя много лучше других, писанных по случаю. «Скобелев-марш», написанный по предложению издателя Юргенсона, даже было стыдно подписывать – взял псевдоним «Синопов» (1878 г.), что является единственным случаем в биографии Чайковского. «Датская увертюра», писанная им же в честь бракосочетания наследника Александра Александровича с датской принцессой Дагмарой (1866 г.), – тоже откровенная халтура.

Почему увертюра «1812 год» лучше вышеприведенных безделок? Во-первых, это сравнительно искреннее произведение. Чайковский использует молитву «Спаси, Господи», французский гимн «Марсельезу», русскую народную песню «У ворот, ворот батюшкиных». Конец увертюры – апофеоз России: тише звучит «Марсельеза», снова звучит мощно молитва и государственный гимн «Боже, царя храни». Сам же Чайковский считал, что его произведение «шумное», ибо он писал ее «без теплого чувства любви, и потому художественных достоинств в ней, вероятно, не будет».¹⁵⁴

Продолжим аналогии и приведем, на мой взгляд, анекдотический случай с композитором Рихардом Штраусом (1864–1949) – героем следующего эссе. Ему в 1940 году японское правительство предложило написать торжественную музыку в честь 1600-летия императорского дома. Шла Вторая Мировая война. Штраус согласился: деньги не пахнут, но прибавило ли это что-нибудь к славе автора «Саломеи»?

В весьма щекотливом положении оказался один из крупнейших немецких композиторов Рихард Штраус при приходе наци к власти. Всю свою жизнь он проработал с евреями, да ещё с какими: великий Эрнст Риттер фон Поссарт, великий Макс Рейнгардт, великий Гуго фон Гофмансталь, гениальный Густав Малер, его импресарио, его друзья, его коллеги, его любимые писатели и либ-

реттисты. Им несть числа... Доказать его родство с семейством Иоганна Штрауса до сих пор не удалось, но невестка единственного сына была еврейкой, а следовательно, его внуки попадали под расовые законы Нюрнберга. А он сам презирал расовые теории графа Артура Гобино. Как он должен был встретить коричневую революцию? У него не хватило духа, подобно другим великим, как Томас Манн и Генрих Манн, как Ремарк и тысячи других, покинуть родину: он был стар, и у него не было мужества. Он остался и выпил чашу унижений до конца. Рихард Штраус пошел на службу наци. Он становится президентом Имперской музыкальной палаты (ноябрь 1933 – лето 1935). Недолгий срок, но уже очищены авгиевы конюшни от «тлетворного еврейского духа»: один за другим евреи и попадающие под расистские законы бегут из страны, пока это возможно. В 1934 году он избирается президентом постоянного совета по международному сотрудничеству композиторов. Пост, сохраненный им до 1945 года. Начинаются неприятности с невесткой и внуками. Нацистами перехвачена переписка со Стефаном Цвейгом относительно либретто оперы по пьесе английского драматурга Бен Джонсона «Молчаливая женщина», что уже непатриотично. И уж совершенно подлый шаг наци: из репертуара немецких театров выбрасывается гениальная опера «Кармен». Причина? Еврейское происхождение Бизе. Все это ужасало композитора. Приближается конец войны. И Штраус пишет письмо-завещание своему другу, дирижеру Карлу Бему, в Вену. В этом письме предлагается создать «оперный музей». В его «репертуаре» у Штрауса наконец-то нашлось «музыкальное» мужество наряду с немецкой классикой ввести и Верди, и Бизе, и даже (о ужас!) Мейербергера и Галеви! Проиграна война. В его дом в Гармаше вошли американцы: навстречу им поднялся 81-летний старик и произнес зачитную фразу: «I am Richard Straus! The composer of the «Rosenkavalier» (*Я Рихард Штраус, автор «Кавалера розы»*). Тогда они покинули дом. «Кавалер розы» – самая зажигательная музыкальная комедия маэстро, написанная на либретто гения Гуго фон Гофмансталия: она даже была экранизирована в 1926 году и была широко известна на Западе. (*Действие происходит во времена императрицы Марии-Терезы*). Штраус был очень популярен в Англии, где проводились его фестивали, и в Лондоне у него был счёт у своего друга, еврея-банкира сэра Эдгара Шпейера. Мне это напомнило эпизод с писателем Герхардтом Гауптманом, также оставшимся у наци. На его несчастье, он жил в Восточной Германии, и на пороге его дома появляются советские солдаты. Навстречу им

идет жена писателя, держа в руках книгу Максима Горького с его портретом и с дарственной надписью и непрерывно произносящая фамилию «Буревестника революции». Солдаты исчезают, и вскоре появляются «соответствующие» офицеры. Дело выяснилось. Его посетил маршал Конев и спросил, чем он может помочь. Ответ в моем духе: престарелому автору «Потонувшего колокола» для укрепления здоровья полезен коньяк. Через час был доставлен ящик французского коньяка... Спасибо освободителям...

Хочется заметить, что жизнь артиста всецело зависела и зависит от власти предержавших. Всё дело в разных вожжах. Но очень тяжело быть слугой двух господ. Так было с Ференцем Листом, умудрившимся сидеть на двух стульях: австрийском и венгерском. Все это вызывало насмешку у Генриха Гейне. Венгерская революция и Лист выглядят так:

*«А Лист? О милый Франц, он жив!
Он не заколот в бойне дикой,
Не пал среди венгерских нив,
Пронзённый царской иль кроатской пикой.
Пусть кровью изошла страна,
Пускай раздавлена свобода -
Что ж, дело Франца сторона,
И шпагу он не вынет из комода.
Он жив, наш Франц! Когда-нибудь
Он сможет прежнюю отвагой
В кругу своих внучат хвастнуть:
«Так я лежал, так действовал я шпагой».*¹⁵⁵

Следует добавить, что ко времени революции Лист превратился в ярого католика. Венгерский поэт Петефи погиб в бою с русскими. А что же касается шпаги, то она была триумфально поднесена музыканту в Пеште задолго до революции.

23.8.04 г.

А в продолжение истории Штрауса, так или иначе связанного с судьбой евреев-музыкантов, рассказ о его друге. Одним из крупнейших дирижёров первой половины XX века был Бруно Вальтер (1876–1962), по настоящей фамилии – Шлезингер. Он родился в еврейской семье, память о которой сохранил до глубокой старости: «...в скромной еврейской семье царили мир, доброта и порядочность... Нашу семейную жизнь согревала искренняя, спокойная, но не ортодоксальная религиозность. А по праздникам мы отправлялись в «реформу», то есть в храм реформированной ев-

рейской общины, где прекрасное спокойное хоровое пение и торжественное звучание органа воздействовали на воображение... Очень впечатляющ был канун пейсаха, с горящими свечами в двух серебряных подсвечниках, унаследованных от бабушки и бабушки с материнской стороны; наши семьи сидели вокруг накрытого стола, мужчины в головных уборах. Когда читались молитвы и тихо произносились канонические ответы, по религиозному обычаю кто-то из детей также имел право сказать несколько слов – задача, многократно выпадавшая на мою долю.

Своеобразными и трогательными были заключительные песнопения, для них я с легкостью подбирал на пианино подходящий аккомпанемент. День покаяния (*Йом-кипур* – С. Д.) отмечался постом, за которым следовало вечернее пиршество. С волнением вспоминаю «годовщины» (*Йор-цайт* – С. Д.): ежегодно в день кончины бабушки и бабушки зажигали светильник (в стаканчике с растительным маслом плавал фитилек) и ставили его в нашу нишу в изразцовой печи; иногда я боязливо прислушивался к молитвам об усопших – родители твердили их шепотом...»¹⁵⁶ Мне это живо напомнило мое детство в Ленинграде: набожная бабушка, мать, шабес, я с отцом в синагоге...

Выросший в атмосфере доброжелательства и громадной культуры, увлеченный философией Канта, будучи сравнительно молодым человеком, Вальтер выдвинулся в ряды лучших музыкантов того времени. Он был учеником и другом Густава Малера. Для него не было мучительного выбора между Брамсом и Вагнером. По происхождению он должен был отрицать музыкального властителя Байрета, но оба композитора были восприняты им как вершины своего времени. Вместе с тем чуткое музыкальное ухо улавливало звуки будущего грома: «Между тем в мире стала намечаться смена тональности, предчувствовался переход к минору. Бесцеремонная отставка Бисмарка в 1890 году, другие поступки и некоторые речи молодого кайзера начали возбуждать беспокойство и озабоченность в Германии и за границей – первые бледные зарницы на горизонте указывали на помрачение атмосферы». Бургомистром Вены был Люгер, при нём антисемитизм приобрел значение в общественной жизни города. У него начинал «учиться» Адольф Гитлер. Тогда же появились предтечи будущего нацизма Иро, Шёнерер, Вольф. Возникли эти ростки будущего в Судетах, сыгравших такую печальную участь при разделе Чехословакии. Это были предтечи: они требовали отмены христианского летоисчисления и хотели начинать свой календарь от битвы в Тевтобург-

ском лесу. «В то время в Вене издавались две газеты, всецело служившие антисемитизму. Я никогда не читал их, но достаточно слышал (и от друзей, и от недругов) о распространяемой ими лжи и клевете, о нападках на Малера и на меня. Бывает, что тебя преследует какая-то очень знакомая мелодическая фраза – точно также я все время вспоминал Гёте, советовавшего не жаловаться на низменное и подлое. Печально, но приходится признаться, что на родине музыки были ключи тех источников ненависти, которые содействовали приходу к власти нацизма. Быть может, историко-психологическое исследование сумеет когда-либо объяснить события, происходившие в Австрии, переломом в народном характере или по меньшей мере несовместимостью высоких культурных устремлений и низменных варварских тенденций».¹⁵⁸

Бруно Вальтер познакомился с ближайшим другом Малера – Зигфридом Липинером, поэтом, наделенным неистощимой фантазией, который в 17 лет написал поэму «Освобожденный Прометей». Им заинтересовался Вагнер и пригласил в Байрет, однако новый Зигфрид отказался, так как ему, естественно, не нравился антисемитизм мэтра. Много страниц посвящает Вальтер антисемитской травле Густава Малера. С высоты времени мы видим, какими пигмеями были его враги, отравившие жизнь гения.

Война 1914 года была первым звонком катастрофы. И, подобно России, в Германии и Австрии почти исчез итальянский и французский, и надо думать, и русский репертуар.

Приход нацистов к власти привёл к тому, что лучшего дирижёра мира отстранили от работы. Начальный период нацизма позволял некоторую фронтду. Не нашлось ни одного штрейкбрехера, чтобы занять место в Лейпцигском концертном зале. У входа в здание стояла благородная фигура Феликса Мендельсона. Настала пора, и она исчезла. Но ведомство Геббельса не унывало – оно нашло достойную замену маэстро: вместо Бруно Вальтера концертом дирижировал не постеснявшийся Рихард Штраус. Он сам предложил свои услуги и удостоился благословения нацистского правительства. Мир не без добрых людей и, когда великий дирижёр эмигрировал, то встреча в Амстердаме его потрясла: вся огромная привокзальная площадь была заполнена народом, пришедшим, чтобы приветствовать опального музыканта!¹⁵⁹ Далее – переезд в США, и лишь после войны он появляется в Европе. Книгу Бертольда о Вальтере прочёл на одном дыхании. Кто были его друзья? Первые интеллектуальные вершины Европы: Малер и все его окружение, Гуго Гофмансталь, Томас Манн, Стефан Цвейг, Макс Рейнгардт,

Артур Рубинштейн, Леопольд Ауэр, Осип Габрилович, Александр Печников, Сергей Рахманинов, полковник Пикар – друг и защитник Адольфа Дрейфуса – и сотни и сотни других поэтов, писателей, музыкантов, политических деятелей и прочих. С гордостью мы можем сказать, что это интеллектуальное сообщество было в основном еврейским! И это не местечковое выпячивание – это факт...

29.8.04 г.

Перечитывал Вальтера Шелленберга. Всё-таки хваленый разведчик плохо знал Россию. Отсюда ляпсусы типа «орден Сталина». Но возможно, что и советская разведка побеждала немецкую лишь только в «Семнадцати мгновениях весны» и в «Подвиге разведчика». Всегда чувствовал неловкость – к чему это оглушение собственного народа, пренебрежение к нему: к чему эти сверхподвиги, когда мы знаем цену той победы – 20 миллионов убитых, а возможно, и более, порядка 26–28 миллионов. Счёт растёт, как на дрожжах. Серьезный ученый Б. Ц. Урланис должен прятаться в странных таблицах, из которых искомое с трудом можно вытащить.¹⁶⁰ Впрочем, красивой сказке Юлиана Семенова и Татьяны Лиозновой (*творческому дуэту евреев*) суждено долголетие, подобно книге «Три мушкетёра» Александра Дюма...

12.9.04 г.

Самое знаменитое фотоателье дореволюционной России называлось «Фотография Буллы». Теперь мало знают о том факте, что долгие годы первым фотографом империи был поэт, один из певцов на древнееврейском языке Константин Александрович Шапиро (1839–1900). Он родился в г. Гродно. Обучался фотографическому делу в СПб. Крестился, а затем и женился на русской женщине. Первые лица государства считали для себя честью сниматься у него. Последние обстоятельства не мешали Шапиро публиковать стихи на древнееврейском языке и, как сказано в «Брокгаузе и Ефроне»,¹⁶¹ отличающиеся чистотой стиля, что свидетельствовало о недюжинном поэтическом даровании автора. Поэма «Содом» содержала аллегорическое изображение перипетий дела Дрейфуса. Также Шапиро издал фотографический альбом русских писателей (в т. ч. и Толстого) и фотографий-иллюстраций к «Запискам Сумасшедшего» Н. В. Гоголя. Неизданные произведения были собраны Ю. Фихтманом и опубликованы в 1911 году.

25.9.04 г.

Я уже однажды писал о связи еврейства с русским сектантством, в т. ч. и со староверами. В одной старинной работе нашел,

что в петровское время в Москве работал театр «Ягана» (Иоганна) Куншта. Фамилия нанятого данцигского «комедианского правителя» выглядит несколько искусственно: слово «кунст», кстати, переводится как искусство... Но не это главное – в пропагандистской пьесе, направленной против «супротивников» петровских новшеств, вставлялась шутовская интермедия, где на сцене выводился старовер и еврей. И это, кажется, первый еврей-современник на русской сцене! Раскольник сочувствует жиду именно потому, что тот держится «старой веры». ¹⁶² Автор же сообщает, что комедианты в древности приравнивались к рабам, язычникам, иудеям и должны были носить цвет позора – жёлтый, вплоть до начала XVIII века. Вот откуда происходит желтая еврейская звезда... В средневековье отличительную желтую круглую нашивку на груди носили наши предки-евреи. Их товарищи по «цвету» – палачи, наиболее презираемая часть общества...

27.9.04 г.

Люблю черносотенный юмор. Особенно если он касается выкрестов. Вот была знаменитость в прошлом: Осип Яковлевич Пергамент (1868–1909), юрист, член Государственной думы 2-го и 3-го созывов. В характеристике неизвестного сказано, что Пергамент – выдающийся цивилист и математик. Преждевременно погиб в результате травли и неблагоприятных обстоятельств. Выступал всегда в защиту евреев и поддерживал проекты отмены ограничений в вероисповедании. Его семья была очень талантлива. Брат – Михаил Яковлевич Пергамент (1866–1932) был профессором юридического факультета Высших женских курсов в Петербурге.

Осип Яковлевич крестился в студенческие годы. Вот вам сюжет о Столыпине и Пергаменте. Председатель Совета Министров П. А. Столыпин едет в Крым и встречается с известным кудофобом, генералом И. А. Думбадзе. Дети Столыпина и главноначальствующего Ялты сдружились и хором пели сочиненную самим премьером песенку следующего содержания:

*«Жид Пергамент
Попал в парламент,
Сидел бы лучше дома
И ждал погрома».*

Диво дивное – Петр Аркадьевич рассказывает об этом председателю III Государственной Думы Н. А. Хомякову, сыну знаменитого славянофила. Россия возлагала большие надежды на Столыпина, но с такими взглядами на еврейство проводить реформы

было бы весьма тяжело, хотя Столыпин считал, что «черту» следует разрушить.

И, пожалуй, к месту привести «профессиональные» вирши одного присяжного юдофоба. В «Молитве об освобождении», где используется старинный распев:

«Господи! Избави и освободи нас...»

От чего?

«От печати радикально-распивочной и на вынос.

От стихоплетства Бальмонтов, Минских и Танов...»,

нашлось место и «жиду-Пергаменту», да ещё в замечательной компании:

«От жидовских митингов и парламентов

С речами Кургузенбергов, Сквернаверов и Пархаментов...»

Думаю, что легко объяснить, что Кургузенберг – знаменитый адвокат, защитник евреев и член кадетской партии Оскар Осипович Грузенберг (1866–1940). Сквернавер – Максим Максимович Винавер (1863–1926), не менее знаменитый адвокат и один из лидеров кадетской партии. И, наконец, Пархамент – тот самый жид Пергамент. И ясно, почему «несчастный» и знаменитый поэт Константин Бальмонт записан в иудеи, наравне с действительными «жидами», поэтами Минским и Тан-Богоразом!..¹⁶³

30.9.04 г.

В последнее время появились сведения о высоких урожаях хлеба в России. Россия занимается экспортом зерна, занимая последнее место в Европе по уровню жизни. Как не вспомнить министра финансов И. А. Вышеградского, громогласно заявившего в 1891 году, в «годину недорода», когда в 16 губерниях с десятками миллионов людей правил Царь-Голод: «Сами не будем есть, а будем вывозить».¹⁶⁴ Вроде на профессора Вышеградского не похоже. В чем дело? Ответ кроется в Континентальной блокаде времен Наполеона. Россия принуждена была поддерживать блокаду. Вывоз хлеба в Англию приостановился, чем был нанесен экономический урон России. Законы экономики таковы, что вакуум заполняется. Англия стала ввозить хлеб из Канады, развила овцеводство в Австралии и Новой Зеландии. И уже после 1815 года потребность в русском хлебе резко сократилась. Вышеградский помнил об этом, но торговля для Запада за счёт своего народа? Это было уже слишком...

Цитату Вышеградского я выкопал у некоего С. М. Житкова из книги «Когда Россия победит Японию?», вышедшей в СПб в разгар войны в 1905 году. Что-то в ней меня насторожило. И даже не фа-

милія Житков, которая, по Унбенауну, лишь благородный вариант Жидковых. Впрочем, я подробно писал о фамилии матери Прокофьева. С. М. Житков выводит математическую формулу победы России. Она следующая:

$$A = \frac{Z.J.P.}{K.E.Q.}$$

«Эта формула должна заменить действующую финансово-экономическую систему на новую, основанную на изобретенной мной гениальной формуле денежного обращения».¹⁶⁴ Я прочитал книгу запоем. Не могу сказать, что много в ней понял. И не счёл автора сумасшедшим, хотя он математик и монархист. В нём есть нечто от Нострадамуса: магия чисел и предсказания. Например, Житков был уверен, что Япония должна была разбить русский флот на рейде Владивостока ещё в 1890 году. Он автор множества книг, в том числе и вышедших в Германии. Среди них весьма интересные: «Пути сообщения и финансы за истёкшее столетие 1798–1898», «Разоружение и торгово-промышленная система», «Хлеб и пути сообщения». Всего на 1905 год восемнадцать брошюр. К месту вспомнился замечательный писатель Борис Степанович Житков (1882–1938), который был сыном математика и племянником дядей-адмиралов. Но отцом писателя Житкова был, по словам Чуковского, Степан Васильевич, математик, преподаватель математики в Новгородском учительском университете. А может, ошибся Чуковский в отчестве, запомнил, и отцом был все же С. М. Житков? Ибо в разносторонности отца Бориса было много общего с автором «гениальной формулы» – математика, геодезия, физика, литература и т. д. Разносторонность есть признак таланта.

1.10.04 г.

Вот ещё один род, явно еврейского происхождения, – Моисеевы. Основатель рода Иван Афанасьевич в 1654 году записался в курской десятне с поместным окладом. Почти стопроцентный еврей из Польши, застрявший в России в результате войны и принявший православие.

Приблизительно раз в два-три года перечитываю детскую литературу. Нелогично? Но каждый раз что-то находится интересное. Возьмём «Кондуит и Швамбрания» Льва Абрамовича Кассиля (1905–1970). Конечно, со времени первых изданий 1930 г. и 1933 г. книга подвергалась цензуре, выкидывалось всё, что не соответствовало духу времени, но все жё кое-что осталось. Вот выражение, популярное у советской интеллигенции: «Наука умеет много ги-

тик». Оно дожило до сих пор. Или для меня: Оська спрашивает старшего брата:

– Леля, а Леля! А что такое еврей?

– Ну, народ такой... Бывают разные: русские, например, американцы, китайцы. Немцы ещё, французы. А есть евреи.

– Мы разве евреи? – удивляется Оська. – Как будто или неправду? Скажи честное слово, что мы – евреи.

Оська поражен открытием. Он долго ворочается, и уже сквозь сон я слышу, как он шепотом, чтоб не разбудить меня, спрашивает:

– Леля!

– Ну?

– И мама – еврей?

– Да. Спи.

Мастер-писатель не отпускает тему, и уже проснувшийся Оська, по-видимому, долго обдумывающий тему, задает матери вопрос: «Мама, мама, а наша кошка – тоже еврей?»¹⁶⁶ На своей шкуре Иосифу Абрамовичу придется убедиться, что он еврей...

А вот важное и редкое свидетельство. Отец писателя был врач, а мать – учительница музыки: излюбленные профессии гонимого племени. В свое время отец подал прошение на свободную вакансию гимназического врача. Ответ директора был следующим: «Желателен врач не иудейского вероисповедания».¹⁶⁷

7.10.04 г.

40-летие нашей свадьбы. Я прожил счастливую жизнь с Инной. Она была мне щитом и моими крыльями. Она мне была женой, любовницей, подругой, сестрой, матерью: она – ВСЁ. Я – всем без исключения обязан ей. Легитимно задать вопрос: «А была ли Инна счастлива в этом странном браке?» Сама она отмолчится, но я-то знаю: тяжела жизнь с тяжёлым человеком, ох как несладко!

А теперь к делу.

В одном из писем Антокольского к Стасову обсуждается еврейский символ: «Относительно «Маген-Давид» я могу ещё прибавить, что он до того сильно вкоренился у евреев и до того любим ими, что он не только изображается на свитках Торы, на украшениях, на серебряных предметах и на драпировках перед «Святая Святых» и т. д., но даже при иллюминациях и на домашних украшениях, если это имеет связь с религией. Эта невинная эмблема является везде, на всем земном шаре».¹⁶⁸ Собственно, то, что написано, известно давно. Разве для подчеркивания неизбывного интереса Стасова к любимому им еврейскому народу.

Для меня же интересен род Давида, из которого, по обещанию Божьему, родится Мессия. Родоначальник этого рода – Иуда, сын Якова-Израиля. Эта вера была столь крепка, что в раннем Средневековье среди христиан существовала еретическая секта под названием «Давидики» – дело было в VI веке. Но, видимо, эта ветвь христианства ещё не полностью отпочковалась от иудаизма. К сожалению, слишком мало о них сведений.

14.10.4 г.

В Москве на стене Дома писателей выбиты имена погибших во время Великой Отечественной войны московских писателей. Доска памяти содержит 71 фамилию. Среди них множество евреев: Д. М. Алтаузен, В. З. Багрицкий, М. Ф. Винер, М. А. Гершензон, Д. С. Годи́нер, М. Х. Гольдштейн, Б. Я. Гроссман, А. Ш. Гурштейн, Я. М. Зильдин, Е. Д. Зозуля, Ю. С. Крымов, А. И. Копштейн, И. И. Кунин, Б. М. Лапин, С. С. Левман, З. А. Лившиц, М. К. Розенфельд, С. И. Расин, А. И. Раскин, М. Я. Тригер, И. П. Уткин, З. Л. Хацревин и многие другие. Устанавливать, кто есть кто, – неэтично, да и не нужно. Давид Иосифович Ортенберг (Вадимов, 1904–1990) упоминает большое количество евреев, писателей и журналистов, погибших на фронте. Из 18 погибших сотрудников «Красной звезды» не вышли из окружения писатели Борис Лапин, Захар Хацревин, Михаил Розенфельд, журналист Лев Иш, фоторепортеры Михаил Бернштейн и Абрам Слуцкий. В большой серии «Библиотека поэта», выпущенной ещё к 20-летию Победы, вышел сборник стихов погибших поэтов. Конечно, в книгу не могли войти все, а время стирает и стирает из нашей памяти их имена. Предисловие к сборнику написал Алексей Александрович Сурков (1889–1963), да будет благословенно его имя. Конечно, он был советским поэтом и, хотя занимался реабилитацией жертв сталинского террора, но в то же время преследовал Пастернака. Но, суммируя деятельность Суркова, в том числе и поэтическую, он, безусловно, величина положительная. Его стихи времен войны выгодно отличаются от трафарета и становятся песнями, которые поет фронт и тыл. Таковы «По военной дороге шёл в грозе и тревоге», «Бьётся в тесной пещурке огонь», стихотворение, посвященное Софье Кревс. Я же при своей «петербургской выучке» ценю небольшой шедевр:

*«Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно казнить*

*Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?»*

Западный фронт, 1941

Стихотворение не портят даже знаки времени. Но есть у Суркова стихотворение – молитва о вожде-учителе, гимн Фараону:

*«Шуршит по крыше снеговая крупка,
На Спасской башне полночь бьют часы,
Знакомая, негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.*

.....
*Мы Вам так верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе» (1941!)*

Я обратился к вдовам двух писателей, пожилым женщинам, и поставил вопрос так: «Сурков – хороший человек или плохой?» В искренности ответов нет сомнения.

Л. Б. Л.: «Сурков – негодяй, интриган. Его жена, Сонька, работала в секретариате Вышинского. После одной статьи с отрицательным отзывом о творчестве мужа заявила: «Он узнает, с кем он связался».

Эстер Маркиш, вдова убиенного еврейского поэта, ответила так: «Сурков спас нас от голодной смерти во время ареста моего мужа. Я тогда работала в журнале «Огонёк» и вела страничку «Вязание». Страничка пользовалась большим успехом, и я получала письма от читателей с теми или иными просьбами. Заинтересованное лицо сообщило Суркову, что Лазебникова (*девичья фамилия Эстер, под которой она печаталась*) – жена арестованного Маркиша. Ответ Алексея Суркова суров и категоричен: «Вам это мешает? Мне – нет!» И все тяжелое время прикрывал несчастную женщину. Эстер добавляет, что этот поступок требовал гражданского мужества и был весьма опасен для него самого. Напомним, что с 1945 по 1953 год редактором «Огонька» был Сурков. С 1953 года он вместо А. Фадеева занимает пост Первого секретаря СП СССР. Должность в период реабилитации и травли Великого Поэта. Но в его заслугу надо указать на девяти томное издание «Краткой литературной энциклопедии», где он был главным редактором. Издание шло с 1962 по 1975 год. Интересно то, что первые тома содержат критику «культы личности». Как справочный материал эта энциклопедия вплоть до перестройки не имела себе равных. Это ценное пособие по литературоведению.

Сурков старался помочь Анне Ахматовой с публикацией стихов и даже подарил экземпляр уничтоженного тиража её книги 1946 года. Подарил в самое тяжелое время: до сентября 1952 года. Об этом есть запись в дневнике Лидии Чуковской.¹⁶⁹

Равно и Илья Эренбург отметил Алексея Суркова в числе русских, которые высказывали свое негодование по поводу борьбы с космополитизмом. Вот их фамилии: Сергей Образцов, назвавший дело «юдофобством», Алексей Сурков, Петр Кончаловский, Александр Фадеев, архитектор Лев Руднев, Федор Гладков, Вс. Иванов, скульптор Сарра Лебедева.¹⁷⁰ Все эти люди гордость России.
НО...

В 1949 году Михаил Калик, будучи студентом ГИТИСА, слышал противоположное. Образцов и Царёв, надувавшие жилы от гнева и испуга, кричали: «И мы должны сказать прямо – они враги!» Сообщено 8 марта 2006 года.

Константин Симонов рассказывает о поэте: «Надо сказать, что Сурков глубоко, органически презирал и ненавидел и антисемитизм как явление, и антисемитов как его персональных носителей, не скрывал этого и в своем отпоре всему, с этим связанному, был последовательнее и смелее меня и Фадеева... Он в ярости рассказал мне о содержании письма, которое ему как исполняющему обязанности руководителя Союза писателей показали в аппарате ЦК. Это письмо, адресованное в ЦК, было не анонимным, его подписал один из тех бывалых людей, которые, имея немалые заслуги в годы войны, воспользовались сделанной чужими руками литературной записью, чтобы пробиться в Союз писателей. Не буду называть здесь фамилию этого человека, которую узнал от Суркова, не посчитавшего нужным скрывать её от меня... само письмо заслуживает краткого пересказа даже сейчас, через столько лет, поскольку оно характеризует какую-то частицу атмосферы того времени, когда не аноним, а человек, носивший известное имя, решил заняться антисемитскими раскопками такой глубины, до которой додумывались, пожалуй, только фашисты.

В своем письме он хотел обратить внимание отдела агитации и пропаганды ЦК, что то потворство евреям и то засилье евреев, с которым связана деятельность руководимой мною «Литературной газеты», объясняется моим собственным еврейским происхождением. Как он выяснил, я был на самом деле не Симоновым, а Симановичем, родился в еврейской семье и являлся сыном шинкаря в имении графини Оболенской, впоследствии взявший меня на

воспитание и усыновившей».¹⁷¹ Обратим внимание, что автор доноса действует по стереотипу. Причем связывает два разных конца: национальную принадлежность и классовую ненависть. Штамп «шинкарь» – старый, со времен печально известного Булгарина, плюс заимствование, чуть ли не из Библии – чудесное спасение Моисея дочерью фараона. А может, и ближе: вроде еврея Кебриза, которого усыновил папа Керенский. История А. Ф. Керенского – расхожая сказочка белогвардейцев. Фамилия Симанович выплывает не с портрета Серова, а напоминает друга Распутина ювелира Симановича.

Первой реакцией Симонова был смех. Хохот был связан с тем, что сын хотел рассказать матери о несуществующем имении и шинкаре, так как не было и графини Оболенской. (*Оболенские были всякие и князья и княгини и просто, но «графьёв» не было...*) Реакция же Суркова была иной, отнюдь не веселой:

«Напрасно смеёшься... Лучше подумай над тем, до чего надо докатиться, чтобы писать такие письма в ЦК, что это за обстановка, в которой человек решается на писание таких писем». Конечно, Сурков был прав. Более того, вероятно, Суркову не рекомендовали рассказывать об этом самому Симонову, но прямой человек пренебрёг предупреждением: «Хорош бы я был, если б не стал рассказывать тебе этого». Второй раз Суркова по поводу Симонова вызывали в связи со слухами, что московские писательские круги во главе с Симоновым являются агентами Джойнта. И на сей раз Сурков счел своим человеческим долгом рассказать другу об этом страшном оговоре.

А вспомнил я все это в связи с предисловием Суркова к томику погибших поэтов. Нет слов – евреев было много среди отдавших за нас свою жизнь. Но Сурков почти вызывающе начинает рассказ сразу о двух евреях: Иосифе Уткине и Джеке Алтаузене. Как раз их имена поносят юдофобы в новейшее время. Дальше в предисловии вещи вообще названы своими именами: «Я читаю помещённые в этом сборнике стихи еврейского поэта Самуила Росина, московского ополченца, погибшего в Вяземском «котле», и вижу его – живого, тихого, талантливую лирика и принципиального, непримиримого участника литературных боев тридцатых годов. Это был человек чистой, младенчески бескорыстной души и большого, светлого поэтического дара».¹⁷² Но в предисловии есть и ирония, и футурология. Сурков говорит о братских могилах героев, где рядом с русскими поэтами Уткиным, Алтаузенем, Стрельченко, Лапиным и другими покоятся украинцы Гаврилюк, Герасименко, Шпак, белорус

Сурначев, литовец Монвила, еврей Росин и т. д. Я предлагаю антисемитам и ксенофобом перечитать этот мартиролог.

Есть у Суркова воспоминание о первых днях войны, где всплывает Джек: «С утра отправился в город... При выходе с вокзала встретил двоих своих: Джека Алтаузена и Александра Твардовского. В обстановке общей тревоги поразило совершенно сияющее круглое лицо Джека. В новенькой военной форме, в фуражке с малиновым околышем, из-под которой выбивались смолевые кудри, он был как политрук с довоенного плаката. Больше нам с Джеком не удалось встретиться. Говорили мне, что он был хорош в армии. Через год в окруженье, под Харьковом, его раздавил немецкий танк. Уверен, что смерть он принял мужественно, по-солдатски».¹⁷³

А судьба Джека (Якова) Моисеевича Алтаузена (1907–1942) действительно неординарна. Он родился в Сибири, на Ленских приисках, в семье старателя. В одиннадцать лет ушёл из семьи и скитался по Китаю: Харбин, Шанхай, затем работал на кожевенном заводе в Иркутске. Первые стихи опубликовал в 1922 году. Ахматова в своих воспоминаниях иронически заметила, что до войны многие возлагали литературные надежды на Алтаузена. Он был романтиком, как и герои его стихов, и он ушёл на фронт, не задумываясь. Погиб в мае 1942 года. Да будет земля ему пухом...

А Сурков действительно был другом еврейского народа. Вот одно стихотворение 1941 года, безжалостно выстегнутое из последующих изданий:

*«Как птиц к разбитому гнездовью,
К руинам вас влечёт война.
Опять земля еврейской кровью
На сотни верст обгарена.
Вот женщина под ношей горя
Сломилась, встала при пути.
Куда ей, с чёрным роком споря,
От этих пепелищ идти?
Над серым пеплом встань, Рахиль.
Стряхни с одежды ветхой пыль.
Не плачь, не сетуй на крови.
Взгляни – тоску веков развеяв,
Встал мститель, сын твоей любви,
Красноармеец Гирш Леви –
Потомок древних Маккавеев».*¹⁷⁴

В свете сказанного интересен анекдот или быль, приписываемые Константину Симонову. Героем рассказа стал Сурков. В годы борь-

бы с космополитизмом верхушка Союза писателей получила устные указания об исключении евреев из Союза. Сурков извинился, вышел в соседнюю комнату и позвонил в соответствующие органы с уведомлением, что в Союзе писателей объявились контрреволюционеры. Ирония, близкая к критике Михаилом Роммом Чайковского с точки зрения «матёрого» коммуниста. С той лишь разницей, что «шутка» Ромма относится к 60-ым, а «шутка» Суркова – к 49-ым годам! С кем он хотел пошутить? Опасное издевательство...

15.10. 04 г.

Время – безжалостно. А мне хочется в 60-й год Победы вспомнить литературное имя. Этого молодого писателя звали Лев Канторович (1911–1941). В основной корпус КЛЭ он не вошел. Его вспомнили в дополнительном томе.

Лев Владимирович родился в 1911 году в Питере, в семье юриста. Учился в Ленинградском институте искусств и ещё мальчишкой стал помощником художника в ТЮЗе. Увлекался иллюстрированием книг. 19-летним юношей выпустил два альбома, первый назывался «Будет война», а второй – «За мир». В театре под уникальным названием «Нардом» (*народный дом*) оформил спектакль Вс. Иванова «Набег».

Любитель романтики Лёва простым матросом участвовал в 1932 году в полярной экспедиции на ледоколе «Сибиряков», по мобилизации попал в армию и выбрал службу во флоте. Это дало его кисти невероятный материал. Через год Канторович вновь ушел в экспедицию на «Русанове». Он навсегда привязался к погранвойскам. Был на Дальнем Востоке и воевал против басмачей в Средней Азии, участвовал в экспедиции на Тянь-Шань. А в 1939 году командиром погранвойск занимал Западную Белоруссию и Западную Украину. Но и этого мало: он участник Русско-финской войны. Той, «незнаменитой» войны, и я думаю, что здесь могло произойти возмужание таланта писателя. Но время отмерило совсем немного... Он очень мало рассказывал о войне, а точнее – отмалчивался. На его груди появился второй орден. Первый получил за участие в экспедиции на «Сибирякове».

Кое-что прояснили некоторые рассказы, но, пожалуй, они мало удачны, ибо лгать Канторович не мог, как и правду сказать не мог.

Сердце его принадлежало пограничникам. Он автор книг «Холодное море» (1934), «Граница» (1935), «Пост номер девять. Рассказы о пограничниках» (1936), «Враги» (1937), «Бой» (1939) и др. Собственно, почти все произведения рассказывают о труде пограничников. В этом же году был «осчастливлен вступлением в пар-

тию». Талант Канторовича был разнообразен. Он блестяще иллюстрировал свои и чужие произведения. В 1940 году по его сценарию был поставлен фильм «Гость». Работоспособность этого человека поражала. Менее чем за 10 лет он издал не менее тридцати книг: от «Пяти японских художников» до самоучителя по лыжному спорту под названием «Памятка лыжному бойцу». Понятно, что последняя книга была навеяна проблемами русско-финской войны и имела большой успех. При этом не переставая рисовал. Как жаль, что никто не сделал его ретроспективной выставки: думаю, как иллюстратор Канторович занимает место среди ведущих мастеров: от Фаворского, Павлинова и до Канашевича. Он интересно и своеобразно иллюстрировал стихи Бориса Корнилова, «Пограничников» Михаила Слонимского, «Катастрофу» Павла Далецкого и, что особенно важно, работал с Дос-Пассосом, Драйзером, Джеком Лондоном – всё это было не только художественной, но литературной школой.

О нём с большой любовью вспоминал композитор Валериан Богданов-Березовский. Дело в том, что Канторович был художником вышеупомянутого музыкального спектакля «Набег». Действие происходит в любимом для Лёвы Туркестане, и речь идет о басмачестве. Музыка написал Богданов-Березовский, но она была столь необычна, что вызвала вой критиков и саботаж оркестра. Так вот, Канторович безоговорочно принял сторону композитора и яростно защищал его от нападок. Богданов-Березовский называет его талантливым художником, но тут же делает ошибку и считает, что он погиб во время Финской войны. Это не так.¹⁷⁵

Первый день Великой Отечественной застал политрука Льва Канторовича на погранзаставе. Его жизнь оборвалась в самом начале войны. 30 июня 1941 год он погиб под Выборгом. Отражая нападения врага, он был сражен пулей в живот и умер мгновенно. Вероятно, это была его мечта – умереть на посту, в бою. Но не слишком ли рано? Посмертно был награжден орденом Красного Знамени, и жаль, что он не дописал свою биографию...

Канторович писал стихи. Его духовные отцы Кипплинг (*он его иллюстрировал*) и Гумилев; Асеев («Черный принц»: «Белые бивни бьют – в ют»), Тихонов, Сельвинский, Багрицкий, Луговской – его духовные отцы. У Луговского есть целый цикл о Средней Азии этого беспокойного времени и даже стихотворение с названием «Басмач». В стихотворении «Сын кулябского нищего» вполне современно об учебе мусульман: «Он верил в одно государство, ко-

торое есть Ислам» (1932 г.). Современно! *(Ведь писал совсем недавно Хомейни Михаилу Горбачёву письмо с призывом принять ислам, что разрешило бы все проблемы...)*

Мое мнение таково, что если в Американской военной академии изучали морские бои капитана Блада по книге Рафаэла Сабатини, то сейчас – во времена войн на Кавказе, в Средней Азии, в Афганистане, на Ближнем Востоке – время читать Льва Канторовича. В 1922 году «Одиссея капитана Блада» вышла в США в четырёх изданиях, одно в тамошнем Воениздате; сам Бог должен был бы заставить заглянуть советских военных в книгу Канторовича перед началом Афганской войны. Канторович – не Проханов. Совсем иной моральный настой. А вот и стихи:

*«...Это значит – в песчаном корыте
От шалашной норы до норы
Чабаны-пастухи не в обиде
И чолуки-подпаски бодры.
Что сучи-водоливы довольны,
Значит, выхвачен отдыха клоч,
Можно легкой камчюю привольно
Пыль сбивать с полотняных сапог.
Пить чай, развальясь осторожно,
Так, что б маузер лег не под бок,
Чтоб луна завертела безбожно
Самой длинный беседы клубок...
И – по коням... И странным аллюром,
Той юргой, что мила скакунам,
Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
Саксаулам, солончакам...
Чтобы пафосом вечной заботы
Через грязь, лихорадку, цингу
Раскачать этих юрт переплеты,
Этих нищих, что мрут на бегу.
Позабыть о себе и за них побороться,
Дней кочевья принять без числа –
И в бессонную ночь на иссохшем колодце
Заметить вдруг, что молодость прошла...»¹⁷⁶*

Не надо говорить, что здесь больше всего Гумилёва и Кипплинга: капитаны, пыль, сапоги, стихи об Африке. А конец – почти проза, и это интересно с точки зрения размера и цели произведения.

А вот описание самого «капитана Блада» – Канторовича:

«В начале тридцатых годов ко мне явился очень молодой и очень красивый мужчина в сером ворсистом пиджаке, с широким галстуком, свободно падавшим на грудь.

В комнату вошло воплощенное здоровье. Весёлая сила молодости, натренированной во всех видах спорта, чувствовалась в этом невысоком, мускулистом человеке, широкоплечем, широкогрудом, с большим улыбающимся лицом. Светлые волосы его круто зачесаны были к затылку, открывая белый, без морщинки, лоб.

Он был как будто очень прост, но в ясном и прямом взгляде его серых, стального блеска, глаз светился чуть насмешливый, все замечающий и взвешивающий ум. Эти глаза настораживали. В трезвой молодости, вошедшей ко мне в кабинет, не было ни наивности, ни неопытности. Мне подумалось, что душа этого человека должна быть такой же мускулистой, испытанной в борьбе, как и тело.

Он назвал себя. Это был Лев Канторович...»¹⁷⁷

Далее бывший «Серапион» блестяще характеризует прозу Канторовича. Мы можем лишь пожалеть, что большой писатель из Слонимского не состоялся, при всем его даровании и культуре, но, пожалуй, это не его вина. Судите сами: «Короткая, суховатая, резкая фраза, штриховой рисунок простейшего сюжета – все способно было вначале оттолкнуть невнимательного читателя чрезмерной своей жестокостью. Слова, казалось, высушены были на раскаленных горячим солнцем песках и белели, как кости на пути неведомых караванов. Никакой влаги. Эти короткие, колючие строчки вводили в обман».¹⁷⁸

Канторович сдружился со Слонимским и в дальнейшем иллюстрировал его книгу. Уместно сказать несколько слов в адрес художника, который любил иллюстрировать свои произведения, продолжая линию Н. Н. Каразина и своего одноклассника Е. И. Чарушина.

Лучшей вещью Канторовича, на мой взгляд, является повесть «Полковник Коршунов» (1937–38). Действие происходит в бескрайних песках и высочайших горах Средней Азии. Идет жестокая война с басмачами. Сейчас бы их назвали бойцами сопротивления. Но жестокость мусульман ничем не оправдана. Главный герой Коршунов с трудом овладевает наукой войны на Востоке. Его мысли поразительно современны, а тактика и стратегия завидная для любой горячей точки нашего мира, от Чечни до Ирака.

Знать психологию противника, приспособить ее для победы, дать выход социальным проблемам и так до бесконечности. Александр Коршунов – родной брат Корчагина. Он фанатик новой религии, он видит только то, что хочет видеть советский начетчик. Но Коршунов выше среднего уровня: его стремление к знаниям потрясает. Так, чувствуя свою ограниченность, он начинает постигать азы истмата в Комвузе на философском факультете и увле-

кается философией. Ему на помощь приходит профессор диамата Николай Степанович Глоба, большевик с дореволюционным стажем, ссылками, тюрьмами и эмиграцией. Это была находка для пытливого пограничника. Вероятно, здесь есть недоговорка: как такой человек, как Глоба, попал в маленький туркестанский городок? Вполне вероятно, что это была ссылка человека, участвовавшего в одной из оппозиций. Начало 30-х годов – старую гвардию ещё не расстреливали. Вообще, у Канторовича, в отличие от Николая Островского, нигде нет ни единого слова о борьбе с троцкистами. И ни разу не упоминается «магическое» слово Сталин. Это позиция.

Вся учёба идет на фоне постоянных стычек с врагами. Необыкновенная сила воли помогла ему поступить в Военную академию. Описание его подготовки к экзаменам – чуть ли не лучшие страницы. Я вспоминаю поступление в Академию генштаба графа Игнатьева и будущего генерала Грулёва. Учеба одинакова во все времена и требует невероятного труда.

На фоне учёбы в Академии происходит знаменательная сцена. Встреча русского человека, прошедшего всю гражданскую войну с евреем, «счастливчиком», носившим прославленную Фадеевым фамилию Левинсон. По военной профессии он, в противовес Коршунову, не конник, а танкист. Во время маневров танк, которым командовал Левинсон, совершил невероятный прыжок через овраг и смял батарею «противника». Безумная храбрость произвела большое впечатление на командующего: победителей не судят. Комкор желает ближе познакомиться с храбрецом и выясняет эпизоды его биографии.

Борис Левинсон родом из маленького местечка Себеж. В 1918 году в городке побывали белые и устроили погром. Убили двух дедушек с двух сторон и многих родственников большого семейства. Будучи маленьким, Борис навсегда запомнил погром.

– Вы знаете, у евреев-бедняков часто бывают дружные семьи, а у нас была особенно дружная семья, и дедушек я очень любил. Обоих дедушек. Их убили. Они были товарищами, и когда мой отец женился на моей матери, обе семьи слились в одну. Все у нас были кожевниками, и оба дедушки были кожевниками. Они мяли кожи всю жизнь и были сильные старики. Мой отец при белых скрывался, и когда был погром, дедушки стали защищать нас, внуков, и хотели драться с погромщиками. И их убили. Их убили очень страшно, товарищ комкор. Их не просто убили. Их мучили...»¹⁷⁹ Отец Бориса, тоже бывший кожевником, в отличие от де-

дов, не был таким же крепким. Он надорвал здоровье на кожевеной фабрике – работа эта тяжелая и вредная. В голодные годы он чуть не умер, но умерла сестра Бориса. Причём Борис единственный в семье вырос крепким и здоровым. Он ходил в школу и увлекался физикой и математикой. Школу окончить не удалось – пришлось уйти на производство, поддержать семью. Уехал в Ленинград и поступил на «Пролетарский завод» учеником слесаря. Он был талантливым, и дело спорилось в его руках, и через полтора года Левинсон получил седьмой разряд. Но Борис всегда мечтал быть военным, вероятно, это комплекс от пережитого ужаса. Сам он говорит об этом так:

– Наверное, тут играют роль и мои физические данные, и то, что я так хорошо помню местечко еврейское и, может быть, погром. Все играет роль. Я не знаю, поймёте ли вы меня, товарищ комкор, но...
– Я понимаю, Левинсон.

Любовь к технике позволила энтузиасту собрать из разного металлолома танк, который, к удивлению всех, двигался. Тогда же Левинсон написал брошюру о комсомольцах-танкистах, и это тоже знал комкор. Попал он в военную школу, окончил на отлично. Командир принимает решение отправить талантливого танкиста в Академию Генерального штаба, вопреки тому, что в Академию набирали опытных кадровых военных. Естественно, при своих знаниях Левинсон сравнительно легко сдал вступительные экзамены. Но в среде кадровиков чувствовал себя неловко. Отсюда конфликт Бориса Левинсона и Александра Коршунова. Левинсон случайно услышал его нелестное мнение о себе. Вполне возможно, что здесь имелся антисемитский привкус, но, естественно, об этом ничего не говорится. «Счастливчик и выскочка», умевший удачно устраивать свои дела в коридорах штабов. Кто-то этот разговор передал Левинсону, и ему хотелось поговорить с Коршуновым. При этом надо сказать, что Борис восхищался биографией и личностью Коршунова, который в семнадцать лет командовал ротой. К этому времени в Академии, когда от теории перешли к практике, Левинсон не мог опереться на собственный опыт и он «забуксил». К удивлению, «подтянуть» его было предложено Коршунову. Отношения были натянутыми, и однажды обозлённый Левинсон не пришёл на занятие. На следующее утро, во время зарядки, в дверь вошёл Коршунов. Ему представился атлет: «Коршунов рассматривал Левинсона, как будто он увидел его в первый раз. Левинсон был прекрасно сложен. У него были тонкие ноги и руки с длинными эластичными мышцами, и грудь и живот его были раз-

виты. Его мускулатура не производила впечатления грубой и неуклюжей силы, как бывает у гиревиков и борцов. Да, это не еврей из анекдотов, а «новый советский еврей», разогнувший спину, свободный гражданин свободной страны». Что ж, если в моих словах и есть ирония, то имеется и немалая толика правды. До войны в Красной Армии был большой процент евреев-офицеров.

Происходит объяснение, и Коршунов берёт слово: «Я, Левинсон, плохо думал о тебе и плохо говорил о тебе, и я был не прав... Я виноват, но ты, может быть, поймешь меня... Теперь я знаю тебе цену, но тогда я думал иначе, и мне было обидно, что вот ты в Академии и с тобой нянчатся, и с тобой носятся, и ты не имеешь даже представления о том, что такое война, что такое бой...»¹⁸⁰ Дружба скрепляется совместной пограничной службой.

Кстати, в третьем томе присутствует писатель Владимир Яковлевич Канторович, родившийся в 1901 году в Петербурге, как и Лев Владимирович. Окончил МГУ. Печатался с 1929 года. Часть произведений дублирует творчество не то однофамильца, не то родственника: «Сахалинские очерки», «Рассказы проводника Карачупы» (1937 г.), но даже эта сверхпатриотическая тема не спасла автора от отсидки, начавшейся в этом же «благословенном» году... Вернулся он к «нормальной жизни» лишь в 1956 году, и его книги пользовались большим успехом.

18.10.05 г.

Из России я вывез довольно большую библиотеку. Конечно, пришлось из-за ограничений многое продать и оставить. До слёз жаль моё собрание шахматных книг, одно из лучших в СССР. Оно было составлено при помощи моего ментора, маэстро Михаила Бенционовича Ноаха (1919–2004(?)). По приезде в Израиль я пытался восстановить утраченное. Но увы! Да и сам я потерял кураж и пользуюсь жалкими остатками прошлого. Что же касается литературной библиотеки, то издания до 1946 года, а тем паче дореволюционные ушли за гроши. Жаль мою любимую книжную серию «Academia». Созданная ещё в 1922 году, она расцвела после прихода в неё Льва Борисовича Каменева – трагической фигуры советской истории.

Привез массу детских книг для своей дочери: от русских сказок до греческих мифов. Это помогло: Анна сохранила русскую речь и читает по-русски. Понятно, не считая «родного иврита», английско-го, немецкого, французского и даже литературного арабского.

И вот среди моих залежей я нашел чудные книжицы Михаила Абрамовича Гершензона «Две жизни Госсекса» и «Робин Гуд».

Михаил Абрамович принадлежал знаменитой еврейской фамилии, прославившей русское литературоведение. Его дядя, Михаил Осипович Гершензон (1869–1925), был доктором философии, открыл заново творчество А. И. Герцена и Н. П. Огарева, издал труды И. В. Киреевского и «отца» В. С. Печёрина и также создал великий труд о басманном философе – П. Я. Чаадаеве. Много писал о творчестве А. С. Пушкина и И. С. Тургенева. Вечный труженик. Переводил на русский язык Ф. Петрарку. Был в первых рядах защитников во время процесса над Бейлисом.

Отцом нашего героя был родной брат литературоведа, известный врач-общественник, педиатр Абрам Моисеевич Гершензон (1868–1933). В 1901 году этот замечательный человек организовал в России систему «Капля молока», где матерям давались по рецепту врача молочные смеси для искусственного вскармливания детей. В российской действительности – настоящая медицинская революция. Абрам Моисеевич был популяризатором передовых идей детского вскармливания. Был неутомимым борцом в распространении медицинских знаний, издавая брошюры по-русски, по-украински и на идиш! Они выдержали несколько изданий.

Михаил Абрамович Гершензон родился в 1900 году. Лев Кассиль познакомился с ним в самом начале своей работы в детской литературе. Гершензон был его первым редактором и ангелом-хранителем. С первых минут знакомства Лев Абрамович «зауважал» черноглазого худощавого человека, всегда носившего свободный белый воротник, выпущенный поверх блузы. Он напоминал ему французского художника, каким его изображали в старинных книгах. В каждом его слове сквозило изящество и артистизм – интеллигент до мозга костей. И это в то время, когда травили цвет нации. Это был безмолвный протест и призыв к чуткости.

Гершензон был великим тружеником. Это ему русские дети обязаны книгой фольклора американских негров «Рассказы дядюшки Римуса». Братец Кролик стал другом и знакомым десятков миллионов детей. Для собственного удовольствия перевел десятки тысяч строк фольклора американских негров! Он перевёл для детей сказки американского классика Вашингтона Ирвинга. Обработал для детей средневековые баллады о Робин Гуде. Написал замечательную книгу о французском композиторе Франсуа Жозефе Госсексе (1734–1829). Госсекс прожил долгую жизнь. Создатель 1-ой Французской симфонии (1754 г.), человек, приветствующий революцию, убежденный республиканец. Естественно, при реставрации Бурбо-

нов отца национальной музыки уволили из Консерватории. Книга об этом человеке читается на одном дыхании.

Гершензон знал основные западные языки: английский, французский, немецкий, Итальянский выучил, чтобы читать Данте в подлиннике. Блестяще знал латынь и переводил Горация.

В 1941 году Гершензон добровольцем идет на фронт. 8 августа 1942 года 119 пехотная дивизия, к которой был прикомандирован писатель, вела наступление на деревню Петушки. Командира батальона сразила пуля, и после его гибели старший по званию интендант 2-го ранга Михаил Гершензон вытащил пистолет из кобуры и принял командование. Он поднял людей в атаку, но был ранен пулеметной очередью в живот. Умирал мучительно, но успел написать прощальное письмо своей семье. 14 августа 1942 года Гершензон скончался в госпитале. А нам остались его книги. Я плохо знаю современную жизнь России, но моя дочь училась читать и думать с книгами замечательного писателя. Надеюсь на здравый смысл сегодняшнего дня и верю, что дети сумеют отстоять свою детскую любовь. Вот ещё один забытый герой войны. Время вспомнить...

11.11.04 г.

Генеалогия – поразительная вещь! Кто бы мог подумать, что прямой потомок фельдмаршала, гетмана, графа Кирилла Григорьевича Разумовского – граф Андрей К. Разумовский будет действующим офицером в австро-венгерской армии в Первой Мировой войне и попадет в русский плен? Четыре года провёл в Сибири, в Иркутске. Его жена, полностью обрусевшая Е. Н. Разумовская, была урожденной княжной Сайн-Витгенштейн, потомком древнего немецкого рода. Напомним, что фельдмаршал Витгенштейн – герой войны 1812 года:

*Наш Витгенштейн, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает».*¹⁸¹

Пути княжны и графа пересеклись, когда две империи пали. Им было легко найти общий язык: она, потерявшая родину, монархию, дом Романовых; он – Австрийскую империю и древний дом Габсбургов. Их брак был благословенен. А вспомнилось о них в связи с Владыкой Сергіем Пражским (1881–1952), в міру Аркадием Димитриевичем Королёвым, москвичом. Разумовская оставила воспоминания о симпатичном епископе. Оказывается, нацисты в 1944 году собрали в Вене съезд духовенства, многочисленных епископов и священников. Была принята приветственная грамота «Фюреру». Единственный епископ, отказавшийся подписать холуйскую бумагу, был Сергій Пражский. Большевики учли это, и конец жизни он провел в России на посту Казанского архиепископа.¹⁸²

Ещё один аристократ – архиепископ Иоанн Сан-Франциский, в міру – князь Шаховской (1902–1987), принадлежал к древней фамилии знаменитого драматурга Александра Александровича Шаховского (1777–1846). Вспомним цитату из «Евгения Онегина»: «Там вывел колкий Шаховской / Своих комедий шумный рой». Мало известен князь Семён Иванович Шаховской (конец XVI века – 50-е годы XVII в.). Он был писателем-богословом. В Смутное время менял хозяев неустанно, попадая в немилость. Написал и свою биографию, и жития святых, историю Смутного времени и т. д. Был большим эрудитом. И ещё имел прозвище, весьма позорное для князя и столыника, – «Харя». Архиепископ Иоанн унаследовал литературный дар своих предков. Он был видной фигурой русской эмиграции. Сохранилась его переписка с Иваном Буниным, Борисом Зайцевым, Львом Шестовым, Сергеем Эфроном, Владиславом Ходасевичем, князем Д. П. Святополк-Мирским, Георгием Ивановым, Георгием Адамовичем, Марком Алдановым и многими другими. Переписка имела большое историко-литературное значение. Архиепископ был умным и эрудированным человеком.

Вот афоризм для нас, людей иудейского вероисповедания: «Евреи, как пчёлы, приготовили миру соты, наполнившиеся мёдом; а сами теперь летают среди тех, кто вынул мёд».¹⁸³ Если вникнуть в смысл, то афоризм убийственен для нас.

Выбрал я архиепископа Иоанна не случайно. Трудно поверить, но это факт: из-за лютой ненависти к советской власти он приветствовал немецкую оккупацию России, видя в ней Божий промысел, способный низвергнуть коммунизм. Он воспел «германское воинство» в статье «Близок час». Архиепископ был сверхобразован, и что, он не понимал, что можно ожидать от наци? Что, он не читал «Майн Кампф», где русскому народу не остается места в германской империи? Но немцам, при их близорукости, показалось, что можно

обойтись без русских эмигрантов. И они отобрали у Иоанна все приходы, кроме одного, так как он числился неблагонадёжным из-за своей близости к митрополиту Евлогию. О Евлогии я писал и ничего плохого об этом уникаме сказать не могу. Что же касается Иоанна, тот не мог покинуть Берлин, а сам, не остерегаясь, принимал в церкви вывезенных с Востока рабочих и тайно приходящих к нему евреев. Допустимо, что антисемитом он не был, да и гестапо не раз расследовало доносы о его «неарийском» происхождении. Насколько я знаю, Шаховской был отдаленный потомок крещёных евреев. Дальнейшая судьба его интересна тем, что в 1945 году он очутился в Париже, где получил вызов в США от своего духовного сына, авиаконструктора Сикорского. Напомним, что Игорь Иванович Сикорский был сыном известного профессора психиатрии Ивана Алексеевича Сикорского, недобросовестного эксперта по делу Бейлиса. Концы сходятся. Свою жизнь отец Иоанн окончил архиепископом Сан-Франциско.

Но это не все: у Иоанна была сестра – Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001), поэтесса, прозаик, критик, журналист. Долгие годы работала редактором парижской «Русской мысли». Немного о генеалогии, в связи с делом о неарийском происхождении брата. Своё имя Зинаида получила в честь прабабки – Зинаиды Карловны Росси, дочери великого архитектора. Что пережила семья во времена послереволюционные, описала сама Шаховская в воспоминаниях «Собачья смерть» (1978 г.). То, что дядю и тётю арестовали и убили по дороге, можно отнести на счёт советской власти. Как и арест матери московским ЧК. А вот любимые собаки, отравленные крестьянами, – это уже черта российской ментальности. Если не прибегнем к софистике Александра Блока. Но мать, опять-таки по ходатайству крестьян и после личной встречи брата Дмитрия, в будущем архиепископа Иоанна, с Ф. Дзержинским, была выпущена из тюрьмы. Отец Шаховской умер в 1921 году в своем рязанском имении, а мать с дочерьми эмигрировала через Новороссийский порт. В результате Зинаида Шаховская попала в Бельгию и в Брюсселе вошла в литературную группу «Единорог».

Остановился я на этом не случайно: в группу входили К. Льдов и И. Наживин. Здесь интересно то, что Витольд-Константин Николаевич Розенблум-Льдов (1862–1937), поэт, происходивший из семьи врача, – еврей, о чем любезно сообщает в отдельной статье старая Еврейская энциклопедия. За один из сборников стихов Академия наук присудила ему почетный отзыв имени Пушкина. Всегда интересовался еврейской темой – ему принадлежит маленькая поэма «Спиноза» (1882 г.), посвященная А. Л. Флексеру.

Это будущий Аким Волынский. После долгого отсутствия за границей в 1914 году Льдов вернулся в Петроград. Переживает тяжелый кризис и в одиночестве музицирует – сочиняет вальсы: он был хорошим музыкантом. Занимается переводами. Кто не помнит повести для детей В. Буша «Макс и Мориц»? Перевод сделан Льдовым. Вероятно, в 1918 году Льдов покидает Россию, и ему Николай Гумилев отдаёт на хранение свои рукописи! При желании можно найти в поэзии Гумилева следы знакомства с творчеством Льдова. Для примера укажу на стихотворение «Палладин» Льдова:

*«Жаждой славы окрыленный,
Простодушный и влюбленный,
Он глядит на Божий мир,
Как на рыцарский турнир»* и т.д. (1897 г.)

Возвращаясь к биографии Зинаиды Шаховской, укажем, что во время Второй Мировой войны она находилась в рядах французской армии, в санитарных частях. После поражения Шаховская участвовала в Соппротивлении на юге Франции. Друзья помогли перебраться в Англию, где находился муж. В Лондоне работала редактором французского информационного агентства у де Голля. В 1945–1948 гг. – военный корреспондент при союзных армиях в Европе. Передавала репортажи с Нюрнбергского процесса. Путешествовала по Африке, США, Канаде, Мексике. 1956–1957 годы провела в Москве, вместе с мужем, живописцем Святославом Святославовичем Малевским-Малевичем (1905–1973). Во время войны он служил добровольцем в батальоне противовоздушной обороны бельгийской армии. Затем отступал с англичанами до Дюнкерка, переправился на остров, где вступил в бельгийский отряд армии Великобритании. В 1943 году получил должность помощника директора отдела бельгийского МИДа в Лондоне.

Интересно, что он впоследствии служил в бельгийской миссии в Израиле. О его генах надо бы поговорить особо.

Вот вкратце история о том, как брат и сестра оказались в противоположных лагерях.

13.11.04 г.

Как Маяковский лично относился к Ахматовой? Не знаю, но в стихах он охаивал поэтессу. Так в «Версале» (1925 г.) есть такие строки:

*«Смотрю на жизнь – ах, как не нова!
Красивость – аж дух выматывает!
Как будто влип в акварель Бенуа,
К каким-то стишкам Ахматовой».*

Но вот его друг «Колька», который, по словам Маяковского, «может», написал в альбом поэтессы 18 апреля 1924 года строки удивительные:

*«Не враг я тебе, не враг!
Мне даже подумать страх,
Что, к ветру речей строга,
Ты видишь во мне врага.
За этот высокий рост,
За этот суровый рот,
За то, что душа пряма
Твоя, как и ты сама,
За то, что верна рука,
Что речь глуха и легка,
Что там, где и надо бы жёлчь, –
Стихов твоих сот тяжёл.
За страшную жизнь твою,
За жизнь в ледяном краю,
Где смешаны блеск и мрак,
Не враг я тебе, не враг».*¹⁸⁴

А жизнь поэтессы только начиналась. Для иной жизни было бы уже достаточно «Страха», но впереди был «Ужас». И хватило бы духа у Асеева написать нечто похожее, скажем, году в 50-м? Не знаю. Но и то, что писано ровно 80 лет назад, достаточно, чтобы помянуть добрым словом автора «Черного принца».

Признавал ли свою поэтическую неполноценность Маяковский? Вопрос сложный. Полагаю, что сознавал. А вот косвенные улики. Когда Владимир Владимирович влюблялся, то читал своим друзьям Блока, ибо Блок – это одурманивающая женщин поэтическая стихия. А вот и откровение, сказанное молодому Светлову, что он (*Маяковский*) был бы счастлив, если бы его стихи стали песнями. Но сиё не дано! И в конечном итоге все будут вынуждены возвращаться к «Облаку в штанах».¹⁸⁵

19.11.04 г.

В книгу «Парадоксы и причуды...», в главу о Бондареве не вошла информация, о которой следует рассказать. То, что Бондарев возводил каналы и ощущал себя библейским пророком, я подтвердил чудным извлечением из Андрея Белого, предварительно написав: «Но не только в общественном благе было дело. Мне кажется, произошло и личное возрождение Бондарева, уверовавшие»

го в себя, ощутившего себя древним пророком. С ним говорил сам Всевышний: «И сказал Господь Моисею: пройди перед народом, и возьми с собою некоторых из старейшин Израильских, и жезл твой, которым ты ударил по воде, возьми в руку твою, и пойди; Вот, Я стану пред тобою там на скале в Хариве, и ты ударишь в скалу, и пойдет из неё вода, и будет пить народ».¹⁸⁶ В начале у него было «Дело». «Слово» пришло потом, и Бондарев решил донести это «Слово» миру!

«Проростание короста слов мудрой змейностью корня суть цветения жерди-жезла, слово-термин, как жезл Аарона, исходит цветами значений; трезвость логики, не теряя лучей, наливается соками жизни, чтобы стать деревом жизни.

Слово-мудрость бежит по истории в олицетворениях растительной жизни (...проклятие засохшей смоковницы).

*Слово-мудрость – в смоковнице сочной: в смоковнице жизни».*¹⁸⁷

Так хочется, чтобы в России появился новый пророк труда, новая идея – обожествление труда, без которого невозможно Возрождение. Все пишут, и говорят, и чают Возрождение, но я никогда не слышал из уст Патриарха, которого высоко чтут за европейскую культуру, прямого обращения к народу с призывом созидательного труда и с громовым протестом против всеобщего пьянства и лени. Созидательный труд – это единственный путь к Возрождению России, «приращению» ее к европеизму.

21.11.04 г.

Безусловно, очень интересен клан Суриковых-Кончаловских-Михалковых, много давший русской культуре. Конечно, люди они разные; к некоторым я отношусь с большим «подозрением», но таланта их я не отрицаю.

Особенно симпатична мне Наталья Петровна Кончаловская (1903–1988). Поэтесса, эссеистка и человек, «любящий» гонимых. Я много почерпнул из её произведений.

«Что бы вам хотелось увидеть на нашем тракторном заводе?.. Какой цех вас интересует?» Вопрос банальный, но ответ потрясающий: «Цех человечности». И писательницу знакомят с замечательным человеком, хирургом, попавшим в плен и работающим в лазарете для военнопленных. Хирурга зовут Георгий Федорович Синяков. Интервью начинается небанально. Георгий Федорович, предполагая, что это формальность, начинает с анкетных данных. Но: «Доктор, вы любите живопись?» – Синяков удивленно вскидывает брови. «Очень люблю, а что?» – «А я люблю писать об искусстве, о художниках, артистах, хирургах...»

И начинается разговор о муках ада, которые прошел врач. Лагерь военнопленных размещался возле Кюстрина, в ста километрах от Берлина. Советских военнопленных держали отдельно, и это был лагерь намеренного уничтожения. Русского хирурга в лагере не было. А на вопрос «почему» раненым отвечали, что самый лучший русский врач не выше немецкого санитаря. Ясно, что опытный хирург удивил немцев своими знаниями и своей техникой. Немецкие врачи, попирая этику, занимались убийством раненых, испытывая отравляющие уколы. Синяков отказывался – так же, как и от лечения предателей. Он был свидетелем того, как нацистские охранники ночью стаскивали прооперированных пленных и избивали их дубинками – жуткая картина и правдивая. Воспоминания были написаны в советское время, посему Кончаловская имела мужество рассказать о советской санитарке, попавшей в плен из-за того, что она не бросила раненых на поле боя. После войны ей ставили в вину её пленение. Две этики: гуманная – врачевателя и карательная этика, вернее, сталинская антиэтика.

Кончаловская задает вопрос, какой эпизод оставил в памяти Синякова самое сильное впечатление. Внимание:

«Было это на Украине. Нас, военнопленных, гнали вместе с группой евреев. Это были только старики, женщины и дети. У одной из матерей на руках была маленькая больная девочка. Она все время кричала: «Пить, пить, пить!» Кричала, как ночная птица. А воды не было. Мы все старались, чем могли, помочь. Старый бородатый дед рано утром собирал на тряпочку росу, и выжимал эти несколько капель в ротик ребенку. И вот, проходя по какому-то селу, дед знаками указал старухе, стоявшей у калитки (*а нас всегда встречали жители с остатками еды, с яблоками или с огурцами*), на больного ребенка и попросил забрать девочку у матери, едва передвигавшей ноги от голода и жажды. Рядом со старухой стоял мальчик, и она подтолкнула его, что-то шепнув ему. Мальчишка затесался в толпу пленных и взял девочку из рук матери. Но это заметил немецкий патруль, и едва мальчонка отошёл, таща на руках ребенка, фашист выстрелил в него из автомата, и мальчик упал мертвым, а девочка осталась жива; и вот в эту кричащую, больную девочку фашистский изверг пустил автоматную очередь. И тогда случилось то, что я запомнил на всю жизнь. Мать бросилась на солдата, как орлица, и так вцепилась ему в горло своими худыми пальцами (*и откуда сила взялась!*), что оторвать ее было невозможно ни ударами прикладов, ни дубинками. Она не разжала пальцев, пока фашист, посинев, не задохнулся...»¹⁸⁶

25.11.04 г.

Сегодня вторично читал лекцию о Ленине. Думаю, что прошла неудачно. Частично виноват я, частично – слушатели. Проблема в том, что мы привыкли делить всё и вся на ДА и НЕТ, на чёт и нечет, на белое и чёрное, на хорошее и плохое. Многие разглядели в докладе апологию, в то время как я стремился объяснить, в чём причины его приятия Россией ещё в 1918 году. Читал стихи Клюева, Есенина, Мандельштама и Пастернака, которых нельзя заподозрить в исполнении партийного заказа. В противовес привёл отношение Ленина к делу Таганцева: попытка умыть руки, остаться в стороне, как бы в непричастности к совершаемому «правосудию». Элемент апологетики, по-видимому, перевешивал...

В 20-е годы был очень популярен графолог Зуев-Инсаров. Характеристики, которые я читал о Горьком и Есенине, убедительны. Ещё больший интерес представляет собой сравнение почерков Пушкина и Ленина. Зуев считает, что они очень похожи: это почерк гениев. Оставляем в стороне вывод. Но в свете «электрической» мечты Ленина для меня представляет интерес вдумчивое отношение Пушкина к железнодорожному делу. В письме к В. Ф. Одоевскому обсуждается статья инженера-экономиста Матвея Степановича Волкова (*умер в 1875 году*). По словам Пушкина, статья замечательная, дельная, умная. Но проекты железнодорожного строительства очень дороги. Россия не может бросить 3 миллиона рублей на эту «попытку». Этим должны заниматься частные предприниматели. За это им следует дать привилегии на 12-15 лет. «Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород ещё была бы нужнее, чем дорога из Москвы в Петербург, и мое мнение было бы с неё и начать».¹⁸⁷ Боже, как современно все звучит. У Пушкина был государственный ум, и понятно, почему он стремился чаще разговаривать со Сперанским. Мне, кажется, он мог найти общий язык и с Витте, и с Александром Блоком, увидевшим в Донбассе «Новую Америку», и... даже с «кремлевским мечтателем». Как жаль поэта и мыслителя, убитого накануне открытия Первой железнодорожной ветки между Питером и Царским Селом! И ещё, какое странное предположение, что если бы Пушкин хоть раз побывал за границей, да нет, даже не в Варшаве, а в Дерпте, и вдохнул воздух свободного буршества – никакой дуэли не было бы. Странная мысль, странная...

1.12.04 г.

Семьдесят лет назад был убит Киров. Для меня он вполне живая фигура: я встречался с людьми, лично его знавшими. Причём

все говорили о том, что он был большой «ходок». Популярность Кирова в Ленинграде была огромна. Сам по себе он не так прост, каким казался. Например, писал стихи, и недурные. Помню, в Вычислительном центре работал механик Куропаткин. Он жил на Каменноостровском и был мальчиком лет десяти, когда к его дому раз в неделю подъезжала машина. Из неё выходил Киров со свёртком. Охраны никакой не было. На тумбах (*кто их помнит?*) сидели дворники. Киров подходил к ним и особым широким жестом сверху вниз (*была такая мода*) подавал руку. С ним здоровались. Он исчезал в одном из подъездов, где жила известная актриса. Точно через два часа он выходил из парадной. Его уже ждал шофёр. Все знали об этом, но не сплетничали: дело житейское... Он любил не только балерин Мариинского театра, зафиксировавшего это увлечение переименованием в Кировский. Так, Сергей Миронович послал в Италию учиться великого драматического тенора Н. К. Печковского. Я имел счастье слышать его довоенную запись: партию Германа в Театральном музее на вечере его памяти. Мы были с женой самыми молодыми. Какие-то дореволюционные, нафталиновые старушки и старички, случайно сохранившиеся в жестоком мире. Незабываемо. Любил Киров шахматы и, благодаря его помощи, было «прорублено окно в Европу», пусть даже на узком участке культурного фронта, но все же... Так, в 1933 году именно в Ленинграде прошла первая встреча М. Ботвинника с западным шахматистом экстра-класса Саломоном Флором. В 1934 году, опять-таки в Питере, прошёл турнир с участием претендента на звание чемпиона мира Макса Эйве и международным мастером Гансом Кмохом. Пригласили с гастролями в Ленинград чемпиона Литвы Владаса Микенаса, поскольку он удачно играл с чемпионом мира А. Алехиным. Но когда вдруг 1 декабря был убит Киров, все прекратилось. Удивлённого Микенаса, можно сказать, без всяких объяснений затолкали в вагон и отправили в Литву, о чём впоследствии он написал в своих воспоминаниях. Как можно понять из цензурированного текста, поначалу его поразило широкое гостеприимство, а затем вдруг наступивший леденящий страх... На вокзал его провожал один Я. Г. Рохлин.

А теперь к делу. Когда я писал о Надсоне, мне пришлось многое опустить. Хочется сказать об авторах пасквилей, хотя вытаскивание из времени ничего хорошего не несет. Есть стихотворение Игоря Северянина, посвящённое Надсону, из сборника «Медальоны», в котором в сонетной форме он прославил Пушкина, Достоевского, Льва Толстого, Афанасия Фета, Тютчева и т. д. Что ж, компания приличная, но обратим внимание на этот экивок:

*«Любовью к ближним щедро оделён,
Застенчивый, больной, несчастный лично,
Без голоса он вздумал петь публично,
Хвалой толпы безухой окрылён.*

*Он за глагол глаголов награждён
При жизни был. Стих плакал паралично.
Все в этой славе было неприлично:
Хвала глупцов и книги льнущий лён...*

*Неопытная в стиле юнокудрость,
Идейную в нем отыскала мудрость,
Его своим поэтом нарекла.*

*И умер Надсон, сам того не зная,
Что за алмазы приняла родная
Страна его изделия из стекла».*¹⁸⁸

Обратим внимание, что «Медальоны» составлены в алфавитном порядке, и Надсон разместился между Андреевым и Байроном и Чеховым и Шекспиром. Место достойное и неслучайное... Но ведь и «родная страна» принимала самого Северянина за ювелирное украшение, увы, впоследствии оказавшееся стражом...

Северянину вторит спустя 30 лет, в годы Второй Мировой войны, Георгий Шенгели:

*«Где-то далеко колотит в комод канонада.
Это привычно, хотя до сих пор неуютно.
Долгая очередь. Мне же на лекцию надо!..
Небо, как Надсон: фальшиво, слезливо и мутно».*¹⁸⁹

Итак, Надсон стал как бы поэтической подделкой в одном случае и синонимом дурной погоды во втором. Но обратите внимание на надсоновские нотки в проникновенных стихах Шенгели, написанных на смерть Игоря Северянина:

*«Милый Вы мой и добрый! Ведь
Вы так измучились...*

.....
*Вы не были, милый, гением,
Вы не были провозвестником...*

.....
*Я помню Вас под Гатчиной
На Вашей реке форелевой...»*¹⁹⁰

Вот стихи Северянина о войне четырнадцатого года и о вине немцев перед славянами:

*«Так вот она, страна Бетховена и Канта,
Плюющая в глаза славянским матерям!
Так вот культурный центр и мощи, и таланта,
Короновавший срам!»¹⁹¹*

А теперь почитайте Надсона и сравните:

*«Так вот она, страна без прав и без закона,
Страна безвинных жертв и наглых палачей,
Страна владычества холопа и шпиона
И торжества штыков над святостью идей».*

Не только Северянин «заражён» Надсоном, не отпускает Надсон и Шенгели, который удивляется литературной славе поэта: «Пути литературного успеха вообще неисповедимы. Имели же успех Надсон, Вербицкая и «король сыщиков» Нат Пинкертон».¹⁹² Что ж, по последнему пункту все согласятся: слава сыщика, будь то Нат Пинкертон, Шерлок Холмс или Пуаро – им несть числа, – всегда будут востребованней Гёте и Данте вместе взятых. Сие не аргумент. Что же касается Вербицкой, то дело тоже проще – женской душе нужно было высказаться по половому вопросу, например, по поводу свободной любви, а уж как – это дело таланта. Анастасия Алексеевна Вербицкая (1861–1928) – одна из самых талантливых писательниц дореволюционного времени. А утверждение, что стихи Надсона идут чуть ли не сотым изданием, а замечательный поэт Тютчев был признан великим лишь в сотую годовщину рождения, тоже не убедительны: Тютчева гением считали при жизни такие величины, как, например, Афанасий Фет, Иван Тургенев, Лев Толстой. Главное, кто ценители...

В противовес этому стихи Ивана Бунина. Они написаны, когда будущему лауреату Пушкинской и Нобелевской премий было всего семнадцать. В искренности юноши можно не сомневаться.

Над могилой С. Я. Надсона

*«Угас поэт в расцвете силы,
Заснул безвременно певец;
Смерть сорвала с него венец
И унесла под свод могилы...*

.....
*Он мало жил, но благородно
Служил искусству с детских лет*

*Он был поэт, душой поэт,
А не притворный, не холодный...*

.....
*Умолк поэт... Но вечно будет
Он жить в преданиях времён,
И долго, долго не забудет
Отчизна лиры его звон!»*¹⁹³

Стихи беспомощные, но искренние. Это было первое опубликованное стихотворение будущей знаменитости.¹⁹⁴

Анна Андреевна Ахматова тоже не любила Надсона. Но так, что, пожалуй, для многих это будет комплиментом. Она говорила о Есенине, которого просто не ценила, и считала, что его «тенорная партия», заимствованная у Блока, заменяет известному кругу людей или даже большому кругу почитателей... Надсона (?!).¹⁹⁵

А вот, в заключение, о человеческой рассудительности. Федор Шаляпин пишет, что В. В. Стасова, возглавившего новую русскую музыку, за его благородный энтузиазм называли «Тромбон», «Вавила Барабанов», «Неуважай-Корыто» и т. п.

А Буренина, беспощадно шпынявшего, грубо и низко издевавшегося над больным Надсоном, признавали умным человеком. «Неужели же ум – это умение видеть всё в плохом свете, а глупость – видеть все хорошее? Ведь Стасов и Надсон жили на свете только с одним желанием – куда ни взглянуть, заметить прекрасное. Как они благородны в том, что с энтузиазмом смотрели на самые, казалось, маленькие вещи и делали их большими».¹⁹⁶

Для меня это подарок от великого певца: имена Стасова и Надсона стоят рядом, как символы добра.

2.12.04 г.

У Георгия Шенгели (1894–1956) есть самоэпитафия:

Н. М.

*«На этой могильной стеле,
Прохожий добрый, прочти:
Здесь лёг на покой Шенгели,
Исходивший свои пути.
Исчез в благодатной Лете
Тревожный маленький смерч.
А что он любил на свете?
Нинку, стихи, Керчь».*

25 марта 1941 г.

Грустно...

Георгий Аркадьевич Шенгели, человек, по крайней мере для меня, неясного происхождения. Сомневаюсь в том, что он грузин. Керчь была местом многонациональным. Сын адвоката мог быть караимом или крымчаком, ибо откуда такая фанатическая любовь к семитам? В разгар Гражданской войны Шенгели двумя изданиями публикует «Еврейские поэмы» – Харьков 1919 г. и Киев 1920 г.! Впоследствии он не упоминал этих стихов, хотя кое-что ему удавалось печатать. Например, первая строфа из «Акелдома» («земля крови» по-древнееврейски) вставлена без изменений в стихотворение «Вторую неделю из тундровых недр...».¹⁹⁷ Как писал издатель Шенгели Вадим Перельмутер, поэт пытался «рассредоточить» «Еврейские поэмы» по разным стихотворениям, но отказался от этого. Думаю, что это было бы сложно сделать. А теперь мои любимые строфы, кстати, не вошедшие в последний сборник:

СЕМИТЫ

*«Разомкнут горизонт, и на простор из плена
Прибоем яростным летят сыны земли.
В излогах берегов воздвигнулись кремли,
Сидона гавани и молы Карфагена.*

*А на глухой восток, где каменная пена
Ливанских гор горит, вся в щебенной пыли,
В горящий зноем горн упорно залегли –
В двенадцать областей – ревнивые колена.*

*Их черные глаза во глубь обращены,
Считают вихри сил в провалах глубины,
Где в темном зеркале мерцает лик Иеговы,*

*Где наковальнею и молотом душа
Сама в себе плотнит навечные оковы,
Вдали от вольных вод безвыходно греша».*¹⁹⁸

Стихи, посвященные библейскому народу.

9.12.04 г.

Перечитываю Аполлинера. Нашёл нечто о себе, если чуть-чуть скорректировать:

ЛЕВ

*О лев! С королями ты схож:
Так же низко ты пал, как они.
И теперь в зоопарке живешь,
Коротая в Израиле дни. 10.12.4.*

А теперь – несколько слов о Витте. Он – источник неопределимой информации. Его личный домашний врач Б. М. Шапиров – тайный советник, инспектор корпуса пограничной стражи. Человек, вне сомнения, еврейского происхождения,¹⁹⁹ женатый на сестре вдовы начальника Военно-медицинской академии Пашутиной, был в дружбе с А. В. Кривошеиным, статс-секретарем, членом Государственного совета и тоже еврейского происхождения.

Или вот совершенно обаятельная деталь. Киевским генерал-губернатором в 70-е годы был генерал-лейтенант М. И. Чертков, впоследствии генерал-губернатор Варшавский. Надо же быть такому обстоятельству, что он начинал свое возвышение в Воронеже, где был губернатором, а затем наказным атаманом в Новороссийске. Чертков влюбился в жену полицмейстера Верещагина. Любовь была безответной. В те времена развод – дело тяжёлое, но влюблённые добились своего. Новая жена, Ольга Ивановна, несомненно, была еврейкой – так утверждает Витте и, конечно, помня свою судьбу, не считает это недостатком: «...по моему мнению, это не служит для нее каким-нибудь минусом. Она очень порядочная и довольно образованная женщина, чрезвычайно жизнерадостная». По аналогии со своей женитьбой, Витте приводит факт, что после ревизии Черткова отрешили от должности Киевского генерал-губернатора. Хотя не было обнаружено ни одного недостатка. Чертков соответствовал должности, но он «почему-то» не понравился Александру III. «Я думаю, что не понравился он императору из-за своей жены...» – добавляет мемуарист.

Интересен сам факт любви и её последствия. От первого мужа А. В. Верещагина Ольга Ивановна имела сына и дочь. Сын – В. А. Верещагин служил в гос.канцелярии и состоял гофмейстером. Дочь вышла замуж за прокурора варшавской судебной палаты С. Г. Коваленского, в будущем директора департамента полиции. От второго брака с Чертковым Верещагина имела двух дочерей. Одна вышла за графа Толстого, другая – за князя Гагарина.²⁰⁰

Во время своей службы на Юго-западных железных дорогах С. Ю. Витте подобрал целую группу талантливых сотрудников, естественно, не заглядывая в их вероисповедание, тем паче что в Западном крае не было недостатка как в евреях, так и в поляках (католиках). Среди них были два одарённых еврея, два путейца, служившие десятки лет на железных дорогах: А. А. Абрагамсон и М. Г. Погребенский. В связи с черносотенным направлением политики они вынуждены были покинуть службу. Витте называет эти деяния «безумием» и в качестве примера приводит увольнение

человека, заподозренного в польском происхождении: его фамилия кончалась на «ский». Выяснилось, что сей «псевдополюк» по фамилии Катульский – чистокровный «русак». Но даже когда эта гнусность выяснилась, министерство отказалось восстановить его на службе.²⁰¹

Другой парадокс с инженером Абрагамсоном – молодым и весьма талантливым. Витте назначил его начальником службы ремонта пути и зданий. Когда министром путей сообщений стал печально известный юдофоб Рухлов, то Абрагамсона перевели на Московско-Ярославско-Архангельскую дорогу. Возникает вопрос, почему он не мог работать на Юго-Западе, где, общаясь с массой подчиненных совершенно простых людей – сторожей, рабочих и мастеровых, заслужил искреннее уважение. Кстати, рекомендовал инженера Абрагамсона Витте адмирал и генерал-лейтенант Н.М. Чихачев, управляющий морским министерством, будущий член Государственного совета.

В то время Чихачев занимал должность директора Русского общества торговли и пароходства. Абрагамсон имел преимущество перед русскими инженерами, так как он получил образование за границей, в Германии. Впрочем, этого было недостаточно, и его заставили сдавать экзамены в России. Таким образом, как иронически пишет Витте, Абрагамсон стал «инженером в квадрате».

15.12.04 г.

Вчера делал доклад на международной конференции в Университете. Тема конференции «Русское слово в Палестине и Израиле; еврейское слово в России». Ко мне обратились в критическую минуту и попросили выручить. На ум пришло, что могу рассказать о своём покойном друге – художнике А. Д. Копелевиче. Я аргументировал так: кисть – родственница пера, художник – тоже писатель. Этого оказалось достаточным. Но самое интересное в человеческом плане произошло, когда я уселся за вице-председательское место в ожидание своей очереди выступать. Я был третьим. Поджимало время, ибо первые два докладчика растекались «мыслию по древу» (*доклады интересные, но мне кажется, что я «всё» уже знаю*). Вдруг, к своему ужасу, я увидел в первом ряду слушателей невзрачную фигурку «Вурдалака Старожуликова». Он специально пришёл послушать меня. Скажу прямо: мне было омерзительно не столько видеть его, маячившего перед глазами, сколько ощущать его присутствие и заведомую нелояльность. К счастью, я мог повернуться боком и не лицезреть серое «Зло», выбравшееся из своей норы. Доклад мой был скомкан, так

как двое предыдущих ораторов «скушали» мое время. Я получил записку по-английски: уложите в пять минут. И я не рассказал самого интересного и нужного для этого момента: о невостребованности таланта Израилем. В кулуарах я встретился с профессором Азадковским, сыном знаменитого учёного, и в свою очередь ставшим крупным славистом. Он похвалил меня за создание словесного портрета неординарного человека. Я поблагодарил его и вспомнил классику: «Французская готика – это горизонталь, немецкая – вертикаль». Так говорил знаменитый педагог и забытый художник Станислав Владиславович Ноаковский, который объяснял разницу между Нотр-Дамом и Кельнским собором. Мне эта краткость не удалась...²⁰²

В университетском коридоре также встретил своего друга-покровителя Вольфа Абрамовича Московича, который не менее меня был удивлен появлением «Кашея» и рассказал, что встретил одного дней десять тому назад, и тот выговаривал ему, что он незаслуженно вывел Дудакова в «дамки». По словам Вольфа, тот был быстро поставлен на место с указанием, что я заслужил свое положение по праву...

Мне захотелось тоже прийти на лекцию Вурдалака, усесться в первый ряд и сверлить его глазами. Так сказать, отомстить. Мой друг Юра Миллер сказал, что это детскость и глупость. «Ты его интересуешь, ты мешаешь ему жить, а не он тебе». Кажется, Юра прав.

22.12.04 г.

Недавно гостил у меня мой однокашник Володя Анолик, д-р математических наук. Класс, в котором мы учились, как писал Миша Голубовский, был достаточно неординарным.

Вот небольшой список друзей, которых мы вспомнили.

1. **Ханин Валерий** (*отец погиб в Венгрии*) – умер.

2. **Андреев Юрий Валерианович** – кораблестроитель. Участвовал в строительстве атомных ледоколов, депутат, действительный член Всемирной Академии наук, автор 40 печатных трудов. Подарил мне двухтомник «Календарь дат и событий истории Санкт-Петербурга, России и мира» (СПб, 2002), где уместил историю мира в 700 страниц. Талантливый человек. Я много играл с ним в шахматы.

3. **Холин Сергей Александрович** (Арзамас).

4. **Щелканов «Сашка»** – феерическая карьера, до зам. мэра Ленинграда. Он был очень талантлив. Капитан 1-го ранга! Но...

5. **Листвинский** – в Америке (д-р, чего – не знаю).

6. **Минкин Юра**, друг любезный. Первый из класса женился. К своему ужасу узнал, что у него умерла дочь. Боже! Доктор технических наук. Живет в Америке.

7. **Шабалов Николай Павлович**, профессор, медик, крупный ученый. И самый любимый друг. Ему я обязан личным счастьем. К своему огорчению, узнал о его взглядах. Будем надеяться, как говорит Миша Голубовский, что человек лучше позиции... В данном случае я испытываю личную боль.

8. **Мирошин Роман Николаевич (!)**

9. **Иванюк Миша**. Умер. Я дружил с его отцом, который подарил стихи Есенина с предисловием Н. Бухарина. На дворе стояла весна 1953 года. Мать – еврейка: Раиса Соломоновна. Я ее помню.

10. **Миркин Соломон**. Он в Израиле. Какое-то недоразумение между нами. А его помню и люблю. И люблю его тещу. Она умная женщина. Она меня устроила в ночную смену на свой завод – штамповщиком. Кстати, главным инженером на заводе был Иван Иванович, по национальности бельгиец (?!). Воевал, а в 45 году брал в плен своих земляков из «Валлонии». Он любил со мной беседовать. Я ставил «правильные» вопросы и получал искомые ответы. Помню ещё одного еврея, почти старика, ветерана войны, рабочего с золотыми руками. Его все любили. Обстановка заводика где-то за Лиговкой вполне «семейная». То есть все играли в план. Две недели ничегонеделанья, неделя раскочки, и последняя – аврал. Хотите верьте, хотите нет, но все трудяги в последнюю неделю трезвые, как стеклышко. И у станков чуть ли не круглосуточно. Иван Иванович за долгие годы не мог к этому привыкнуть. Его охлаждала теща Соломона. Не помню ее имени-отчества. Добрая и умная. Намного умнее, чем...

11. **Эскин Эмиль**. Гений! Увы, несостоявшийся. Он был победителем всех олимпиад: районных, городских, союзных и сразу по все точным наукам: физика, математика, химия. Его как учёного уничтожила советская власть. Стал хорошим инженером, живет в США. Женат. А долго был холостяком. Я рад за него.

12. **Голубовский Михаил**, биолог, профессор, д-р соответствующих наук и академик РАЕНа. Его советская власть «обласкала» ещё в 1967 году, опубликовав статью в защиту «лысенковщины», где Миша главный антигерой! Очень близкий и теплый человек. Я ему обязан очень многим. Я чувство благодарности испытываю перманентно, но здесь особый случай. Его девиз – Добро!

13. **Шапиро Эдик.** Первый погибший из класса. Он утонул на Карельском перешейке, в какой-то речке. Помню богатую еврейскую квартиру на углу Плеханова и Майорова (теперь угол Казанской и Вознесенского проспекта.). Полно мебели, хрусталя, золотых или позолоченных побрякушек. Сразу постаревшая мать – отец умер. Старший брат – гешефтмахер, не забывавший об этом даже в эти минуты... скупка бриллиантов... Неприятно...

31.12 04 г.

Канун Нового года.

Старый окончился почти апокалипсисом. На Дальнем Востоке от стихий погибли почти 150 тысяч. Все забыли старые беды и несчастья. А Лиссабон, Мессина, Токио, Ашхабад, Ташкент? Новое кажется ещё более страшным.

А теперь о деле. На вышеупомянутой конференции (15.12.04 г.) с докладом выступал Володя Назаров (Бар-Села). Общий доклад с Майей Каганской. Речь шла о «Журавлях» Заболоцкого. Остроумно: стихотворение 1948 года связывается с гибелью Михозлса. Я «Журавлей» Заболоцкого упоминал в «Этюдах» и хочу добавить существенное к «птичьей» теме. В 1938 году Дмитрий Кедрин написал дивное стихотворение «Глухарь», где предсказал свою трагическую судьбу: он был убит после войны неизвестными, возможно, агентами Берии. Собственно, весь 37 и 38 годы умещаются в шедевре. Конкретно, речь может вестись о Борисе Корнилове:

ГЛУХАРЬ

*Выдь на зорьке и ступай на север
По болотам, камушкам и мхам.
Распустив хвоста колючий веер,
На сосне красуется глухарь.
Тонкий дух весенней благодати,
Свет звезды – как первая слеза...
И глухарь, кудесник бородатый,
Закрывает желтые глаза.
Из дремотных облаков исторгла
Яркий блеск холодная заря
И звенит, чумная от восторга,
Зоревая песня глухаря.
Счастлив тем, что чувствует и дышит,
Красотой восхода упоен, –
Ничего не видит и не слышит,
Ничего не замечает он.*

*Он поет листву купав болотных,
Паутинку, белку и зарю,
И в упор подкравшийся охотник
Из берданки бьет по глухарю...
Может, так же в счастья день желанный,
В час, когда я буду петь, горя,
И в меня ударит смерть неожиданно,
Как его дробинка – в глухаря.²⁰³ (1938)*

Володя и Майя связывали гибель птицы-Михоэлса с «царской лаской» Сталина и находят предтечу строфы в стихотворении «Журавли» Заболоцкого:

*«А вожак, в рубашке из металла,
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Кровяное зарева пятно».*

Вот эта «рубашка из металла» становится кольчугой в думе Рылеева «Ермак»; панцирь, полученный в дар от Ивана Грозного, – причина гибели героя. Думаю, что это слишком натянуто. «Рубашка из металла» – это всего лишь блестящая метафора. Вряд ли Заболоцкий вспоминал творение декабриста. Но вот что интересно. У Кедрина также есть баллада «Ермак», где царь высылает атаману подарок. Какой? Об этом не сказано. Все знают думу Рылеева. И уж если речь зашла о Кедрине, то меня поразило стихотворение, писанное в 1942 году во время войны и посвященное сибирскому селу «Зима», впоследствии воспетому Евтушенко. Но и у Кедрина – ни слова о субботниках, насельниках станции.

СТАНЦИЯ ЗИМА

*Говорят, что есть в глухой Сибири
Маленькая станция Зима.
Там сугробы метра в три-четыре
Заметают низкие дома.
В ту лесную глушь ещё ни разу
Не летал немецкий самолёт,
Там лишь сторож ночью у лабазов
Костылем в сухую доску бьет.
Там порой увидишь, как морошку
Из-под снега выкопал медведь.
У незаметного окошка
Можно от чайку осоловеть.*

*Там судьба людская, точно нитка,
Не спеша бежит с веретена.
Ни одна тяжелая зенитка
В том краю далеком не слышна.
Там крепки бревенчатые срубы,
Тяжелы дубовые кряжи.
Сибирячек розовые губы
В том краю по-прежнему свежи.
В старых дуплах тьму лесных орехов
Белки запасают до весны...
Я туда бы отдохнуть поехал
После окончания войны!²⁰⁴*

Думаю, что Кедрин знал, кто жил на станции. Иначе непонятно, почему вторгается война в воображение поэта в столь далёком от фронта месте. Ничего хорошего населникам Зимы от фашистов ждать не приходится. Кажется, так... *(Ещё странность. Я цитирую Кедрина не по сборнику «Библиотеки поэта», вышедшему в 1974 году. Там «Станция Зима» отсутствует, хотя есть «крамольное» стихотворение «Бог»!)*

Часто спрашивал себя: кто по национальности Кедрин? Вид на фотографиях такой, что вряд ли бы прошел арийскую аттестацию. Родился в 1907 году в Балте, а в 1913 году семья переехала в Екатеринослав. *(Другая версия: Кедрин родился в Донбассе и до 1913 года жил в Балте, затем семья переехала в Екатеринослав)*. Слышал по телевизору сплетню, что отец его был дворянином. Но всего-навсего был он по профессии счетоводом на железной дороге. Оставляю притчу о дворянстве на совести авторов. Оба города – Балта и Екатеринослав – известны подавляющим еврейским населением и... погромами до революции и после оной, в годы Гражданской войны. Кедрин на грампластинке записал свой картавый голос – так он пишет в одном из стихотворений. Место рождения, внешний вид, картавость и драма «Рембрандт» – слабые аргументы. Но есть и пронзительная любовь к России, которую нахожу лишь в стихах Блока и Белого, и которая свойственна российским евреям, несмотря ни на что. Розанов прав – у евреев болезненная любовь к отвергающей их родине. Вот эти строки; они столь пронзительны, что я без слёз не могу их читать. А читаю эти стихи всегда вслух, всхлипывая – слабый я человек:

КРАСОТА

*Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,*

*Урянских молодых, согбенных трудом,
На току молотящих снопы спозранок.
У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукавах полушубка отцова,
Я видал эти синие звезды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.
С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота –
Только луч того солнца, чье имя – Россия. (1942)*

Интересно, знала ли эти стихи Анна Андреевна и что она о них думала? «Винчианские» мадонны – это не только итальянские художники, но прежде всего, Венецианов со своими «пейзанками».

2.2 05 г.

Чувствую себя плохо, и даже встреча Нового года меня не взбодрила. С утра перечитывал не без умысла «Памятные записки» «железнодорожного наркома» Лазаря Кагановича. Вот одна, второстепенная мысль, относящаяся к Брестскому миру. Большевики агитировали за немедленный мир, в качестве аргумента выдвигая предположение, что в будущем территориальные потери будут возвращены сторицей. «Революция возместит отечеству потери и восстановит его потери от поражения...»²⁰⁵

Любопытный аргумент.

А теперь справка. Российская империя на 1897 год имела площадь в 22 354 400 кв. км. В 1905 году Россия потерпела поражение в войне с Японией и уступила Южный Сахалин и прилегающие острова – всё, что ниже 50-й параллели и городов Порт-Артур и Дальний на Ляодунском полуострове. После Первой Мировой войны, войны с Польшей, отделения Финляндии и Прибалтики оккупации Румынией Бессарабии и добровольной отдачи Турции Карса площадь СССР уменьшилась до 21,7 млн. кв. км. Потери не столь значительные. Почему? Некоторую территориальную компенсацию СССР получил в Средней Азии, присоединив Бухарский эмират. С началом II Мировой войны Сталин стал округлять свои владения за счёт Прибалтики, Восточной Польши и Румынии, Финляндии. Окончание войны закрепило за СССР 22, 4 млн. кв. км., т.е. больше, чем империя в 1913 году. Да, Россия потеряла Финляндию, получив компенсацию на Карельском перешейке и захватив Петсамо на Баренцевом море; потеряв Польшу с Варшавой, но компенсировав потери занятием Западной Украины со Львовом (Лембергом), Западной Белоруссии, Закарпатской Русью, забрав

её у Чехословакии, аннексией Черновиц у Румынии, в свою очередь, забравшей Северную Буковину у Австро-Венгрии; занятием Восточной Пруссии с Кенигсбергом, возвращением Курил и Южного Сахалина. Итого: большевики «выполнили свое обязательство» за 30 лет. Цена? Как известно, не в цене дело. Собственно Россия надорвала свои физические силы, и уже не будет, по Менделееву, 250 миллионов русских. Империя просуществовала ещё почти 50 лет и развалилась. Распад страшнее всякой войны. Это правда, но не вся: Западная Европа также надорвала свои физические силы и стоит беззащитная перед исламской экспансией, не только агрессивной, военной, но и против «мирного» завоевания – ибо размножение азиатов и африканцев идет в неопикуемой геометрической прогрессии. Жалко новую Элладу, превращающуюся в Западный халифат... Русские националисты ещё плачут о потерянной Аляске. Но это было в царствование Александра II, в 1867 году. Продажа территории Аляски США была вынужденной мерой. Россия имела слабый флот. Ещё в 1821 году Россия провозгласила Берингов пролив, отделяющий Чукотку от Аляски, внутренним морем, что вызвало протест со стороны Англии и США, и пришлось аннулировать решение. Русских было абсолютное меньшинство на полуострове размером в 1 млн. 519 тысяч кв. км. (?) – несколько сот человек. Россия получила 7 млн. 200 тысяч американских долларов. Сумма громадная по тому времени. Противники Линкольна в Штатах утверждали, что он приобретает за безумные деньги кусок льда, и рисовали соответствующие карикатуры. Линкольн вёл эти переговоры. Закончил покупку его преемник, президент Джонсон. Но уже в 1873 году там были открыты золотые россыпи. Смех прекратился – жаль, что капитан Аврахам не дождал до этого, а со стороны России раздавался скрежет зубной. Америка окупала свои затраты почти сразу благодаря отлову лососевых. Так, в 1908 году прибыль от рыбы составила 8,5 миллионов долларов. Но русским националистам плакать нечего. Наполеон в свое время в 1803 продал Луизиану с Нью-Орлеаном США за 15 миллионов долларов. Как французы, так и русские не хотели, чтобы эти владения достались главному врагу – Англии. США была дружественной державой.

А теперь немного оптимизма в футурологии России.

Мои прогнозы на будущее – имперские. Я верю в будущую империю от Карпат до Тихого океана. Собственно, здесь, в Восточно-европейской равнине всегда была империя: гунны, авары, Хазар-

ский каганат, Киевская Русь, Золотая Орда, Московия, имперская Россия, СССР. Итак, за Единую и Неделимую, но многонациональную Россию в новогоднюю ночь я поднимаю тост и за будущего политкомиссара-космополита (интернационалиста) Бен Схарию Минина Гедема (Сухорука), и за военспеца Давида Моисеевича Пожарского! Подождём ещё лет 30-40. Для истории это очень короткий срок...

6.1.05 г.

Перечитываю забытого писателя Ивана Евдокимова (1887–1941), книгу которого о Левитане мы (Соминский, Могилевский и я) переиздали в серии «Евреи в мировой культуре». «Левитан» впервые вышел в 1940 году. Евдокимов много писал о живописцах – Врубеле, Сурикове, Борисове-Мусатове, Репине. Самое значительное произведение – «Колокола» (1926 г.), о русской провинции после революции 1905 года. Есть у Евдокимова и описание погрома. Вроде бы я много читал о погромах, чтобы наткнуться на что-либо малоизвестное, но ошибся. У Евдокимова есть описание заседания «Союза русского народа». Среди черносотенцев широко представлены народные силы, от купцов до священников, от ломовиков до золоторотцев. Действительно народное движение.

«В доме Всемиловейшего Спаса было «густо» от людей. На стенах висели дивные плакаты: «Жида погубят Россию» – так говорил Достоевский».

«И два жида считают золото перед разложенным костром» – так писал Пушкин».

«Смерть жидам» – так говорит русский народ».

«За веру, царя и отечество».

Но самый интересный плакат, по крайней мере для меня, следующий: «Жида ожидают мессию» – так сказали сионские мудрецы». ²⁰⁶ Это не аберрация памяти писателя. Вероятно, уже в 1906 году «Протоколы сионских мудрецов» стали популярны в черносотенных кругах. Но продолжим описания залы «Союза»: «За эстрадой на стене, на огромном белом картоне, круглел нарисованный земной шар. Поперек шара перевязью шла зеленая лента, а на ней неровно кололись буквы: «Е-в-р-о-п-е-й-с-к-и-е д-е-р-ж-а-в-ы», и вытаскивали канатами два чёрных человека с красными надписями на фалдах сюртуков «жида» две буквы «О» и «П». А над ними стояла липкая, чёрная толпа с крючковатыми носами, брюхастая, жирная, с пузатыми мешочками золота на груди». Выступает истеричная женщина, тыкая пальцем на картон: «Православные, что это значит, возьмите себе в сердце!... Это значит, православные,

что проклятые жидаы во всём мире готовят смуты, захватили все деньги, банки, торговлю... Поглядите, они вытаскивают канатами две священные буквы: «О» и «П». Они хотят отнять у нас «отечество» и «патриотизм»! Они хотят основать во всем мире вместо европейских держав еврейские державы! Не позволим! Не дадим жидовскому мессии быть нашим царем! Клянитесь, православные!

Клянемся! Смерть жидам!

Гимн! Гимн!»²⁰⁷

Пропаганда всегда одинакова. Нацистские плакаты, как две капли, похожи на черносотенные, и тысячные глотки в пивных кричали: «Смерть жидам!» Но и красная пропаганда заимствовала из арсенала правого лагеря: земной шар, окутанный цепями, и рабочий, молотом разбивающий цепи. Рядом стоят омерзительные фигуры мирового капитала, правда, без отличительных национальных черт. Просто толстосумы: они интернациональны. Доходчиво. И суть почти не меняется.

26.1.05 г.

Под Тель-Авивом есть памятник Раулю Валленбергу. Интересный монумент в его память я видел в Лондоне. Прямо в центре города, за Оксфорд-стрит. Трагическая судьба и тёмный финал. Вряд ли он был нужен русской разведке. Думаю, что его задержал по недоразумению какой-нибудь дивизионный СМЕРШ. После соответствующей обработки сердце аристократа не выдержало, и он скончался ещё в Будапеште. А дальше была попытка отрицать всё. И «продлили» Советы жизнь Валленбергу. Но это была уже биография «поручика Кижэ» – сюжет чисто российский. А вспомнили несчастного шведа в связи с 60-летием освобождения Освенцима. И его судьба у меня вызвала ассоциации с жизнью и гибелью Шандора Петефи (1823–1849?).

Великий венгерский поэт по происхождению был наполовину сербом, наполовину словаком(!) и носил фамилию Петрович: псевдоним Петефи – это точный перевод «Петровича». Отец его был простым мясником – представителем древней и уважаемой профессии. Фамилия матери – Харуз (на иврите – «рифма»). Откуда такая странная и точная по отношению к знаменитому сыну фамилия? Добавим, что существует похожая фамилия: Харузек. Она принадлежит венгерскому еврею – шахматисту Рудольфу Харузеку

И ещё один литературный образ студента-еврея Харузека в великом романе Мейеринка «Голем» (написан в 1915 г.). Как видим, все «Харузы» и «Харузеки» – жители Австро-Венгрии. Мальчик Шандор обладал блестящими способностями: к 15-ти годам он в

совершенстве владел пятью языками, ознакомился с литературой национальной и мировой. Учился в одном кальвинистском пансионе вместе с будущим классиком венгерской литературы Мором Токаи. *(Почему учились в протестантском заведении в католической стране? Ответа не нашёл.)* 15 марта 1848 года друзья вместе организовали в Пеште демонстрацию студентов в поддержку революции Кошута.

Раннее творчество и дарование Петефи оценил поэт Михай Вёрёшмарти (1800–1852) и помог издать сборник стихов. Страдания, голод и прочее, что сопровождает непризнанных гениев, цепко держали в своих лапах Шандора. Но с 1846 его статус изменился, а подъём национальный и революционный выдвинул Петефи в первые ряды бойцов. Стихи переводились на европейские языки, и, например, Генрих Гейне писал переводчику Карлу-Марию Кертбени, издавшему осенью 1849 года сборник Петефи, который он посвятил Генриху Гейне: «Вы доставили мне много радости вашей книгой... Петефи – поэт, с которым могут сравниться только Бернс и Беранже...»²⁰⁸ Высокая оценка... Жизнь поэта, по-видимому, оборвалась 31 августа 1849 года в одной стычке с казаками под Шегешваре. Венгерскую революцию подавляла 200-тысячная армия под командованием фельдмаршала Паскевича. Гнусная и нелепая затея императора Николая I, к тому же антинациональная и антиславянская. *(Возмездие за выручку династии Габсбургов последовало через несколько лет, когда Австрия во время Крымской войны вместо «братской помощи» ответила «чёрной неблагодарностью». Так писал Ф. И. Тютчев. А о 14-м годе я уже и не говорю. Но и современники относились к этой войне «иронически». Стоит напомнить революцию 1956 года, когда русские вновь затопили кровью столицу свободолюбивых мадьяр.)*

Петефи в последний день своей жизни был в полуштатской-полувоенной одежде. Он вышел из дома, мемориальная доска на котором возвещает:

**«ЗДЕСЬ ОН БЫЛ ЕЩЁ ЧЕЛОВЕКОМ,
ОТСЮДА ВЫШЕЛ В СВОЙ ВЕЛИКИЙ ПУТЬ,
ЧТОБЫ СТАТЬ ЗВЕЗДОЙ.
БЛЕСК ЕЁ ВЕЧЕН».**

Слава Петефи росла. Его переводили и на русский язык современники: Бенедиктов, Корш, Михайлов и др. В советское время его переводили Луначарский, Левик, Мартынов, Пастернак, Тихонов, Чуковский, Маршак. Большинство переводов удачны: чувствуются, что поэты, работавшие с его стихами, любили своего героя. Осо-

бенно это относится к Мартынову, близко знакомому с Агнессой Кун и Анталом Гидашом. Вместе с тем продолжалась и его «жизнь». Возвращались пленные венгры из Сибири и сообщали, что видели поэта, живого и невредимого. Кто-то видел его то в одном месте, а кто-то – в другом. Приходили якобы его письма не то в 1851, не то в 1854 году. Ещё в 1870 году газеты писали о нем: «А может быть, он ходит сейчас между нами?» Легенда накатывалась так, что в 1877 (!) году, через 28 лет после гибельного Шегешварского сражения, в венгерском парламенте обсуждался вопрос, жив поэт или нет. Официальные обращения к России австро-венгерского правительства и министра иностранных дел графа Андраши, венгра по национальности и бывшего инсургента, результата не дали. Петефи исчез, как граф Валленберг. Странные совпадения, и обе истории связаны с Россией. Поручик «Кижэ» вечен.

Что же касается иностранцев, по тем или иным причинам попавшим в узилища империи – царской, советской, все равно, – их было жаль. А вот литературный пассаж Р. Кипплинга:

*«Подтвержденные пулей и сталью – таковы законы Москвы...
И хуже, чем смерть... лечь под дулами русских фрегатов во
владивостокском порту.*

*Я худшую смерть предпочту труду на ртутных рудниках, где
зубы крошатся во рту.*

Но таковы законы Москвы...» (Перевод Геннадия Фиша)

А «жизнь» Петефи продолжалась вплоть до Венгерской революции 1919 года. Поэт Эндре Ади (1877–1919) писал о нем в самом конце XIX века: «Если бы Петефи не погиб в 1849 году, он наверняка попал бы в Париж, участвовал бы в заговоре против Наполеона III, написал бы много чудесных вещей и пал бы, вероятно, во время Парижской коммуны».²⁰⁹ И, конечно же, его не раз вспоминали во времена Венгерской Советской республики, просуществовавшей три месяца в 1919 году...

Хочу вспомнить два стихотворения Петефи: «Собачья песня» и «Волчья песня», в переводе наркома Луначарского. Идея понятная: рабская жизнь собаки и свободная жизнь волка.

*«За гневом ласки ждем,
Вот кликнет нас наш Бог –
Как весело лизать*

Хозяину сапог!» – так кончается собачий монолог. Ответ волка трагичен: свобода дается дорогой ценой:

*«И голод, и мороз,
В ребрах злой свинец,
И всё ж свободен волк,
Глухих степей жилец!»*

Выбор человека ограничен... И это относится к наркому Луначарскому, случайно (за смертью), избежавшего самого худшего: сталинских застенков. Хотя он предпочел жизнь «собаки»...

И ещё вспоминается венгерский композитор Ференц Сабо (1902–1969), еврей и автор музыки о волках на слова Петефи (1929 г.). Судьбу композитора я знаю смутно. Понятно, в Будапеште учился композиции у Л. Вейнера и З. Кодаи, но в 1927 году вступил в подпольную коммунистическую партию. Он стал руководителем рабочего хора, писал массовые песни и хоры, в том числе «Песню о волках». В 1932 году приехал в СССР в качестве политэмигранта. В 1933–35 годах был председателем Музыкального международного бюро. Далее – тёмные пятна биографии, как творческие («Песня о Ворошилове» и, ещё хуже, песня о Павлике Морозове на слова С. Михалкова), так и житейские. То ли сидел, то ли нет. Или сидел, но в 1944 году вытащили из лагеря для будущего коммунистического правительства Венгрии. И тогда он написал «Песню о Матросове» на слова А. Безымянского. В 1945 году в обозе Красной Армии вернулся на родину. Работал директором Высшей музыкальной школы им. Ф. Листа. Что делал во время революции 1956 года – неясно.

30.1. 05 г.

Ещё стоит сказать пару слов в адрес Мора (Мавра, Маврикия) Йокаи (1825–1904). Йокаи был не только самым блестящим венгерским писателем XIX века, но воистину другом евреев, воинствующим филосемитом и даже был дважды женат на еврейках. Всегда защищал евреев от нападок антисемитов. Йокаи участник революции и после 17 месяцев безнадежной борьбы сумел избежать смерти благодаря взятке, данной его женой, знаменитой актрисой Розой Лаборфалви (1819–1886). После этого он несколько месяцев скрывался в болотах и горах. Вернувшись к «нормальной» жизни в 1850, «беглец» начал серию романов, обессмертивших его имя. Ещё в 1844 году написана драма «Zsido fue», в которой Йокаи ратовал за политическое равноправие евреев. Этому движению был посвящён ряд политических статей. Второй женой была Белла Наги, сохранившая еврейство в браке! Она также была известнейшей будапештской актрисой трагической силы. Их

роман начался во время празднования 50-летия Венгерского восстания, в 1898 году. Белла Наги была единогласно одобрена в качестве главной чтицы в национальном театре. С ней занимался лично Мор Йокаи. К этому времени писатель овдовел и предложил Белле руку и сердце. Беллу не остановила разница в возрасте, не задумываясь, ушла в новую жизнь, сохранив свое еврейство, отказавшись от принятия христианства. И это было принято Йокаи с пониманием и уважением.

Её блестящая декламация позволяла по достоинству оценить благозвучную красоту венгерского языка. Белла сопровождала своего мужа во всех его триумфальных поездках, разделяя его лавры. Она сочетала в себе красоту и интеллигентность и везде становилась центром внимания. Эти крохотные сведения почерпнуты мной из книги доктора Когоута.²¹⁰ Свои политические взгляды Мор Йокаи защищал в Пештском парламенте. В то время там было всего-навсего четыре еврея. Естественно, они тушевались против сотен юдофобов. Но не таков был великий писатель. Большинство депутатов прохладилось в буфете парламента, но когда было сообщено «президентом», что будет выступать совесть и мужество венгерского народа, все сбежались из кулуаров и заняли свои места. Через пару минут установилась тишина, и трибун начал свою речь. Вот некоторые выдержки из нее:

«Нам всем приходится не впервые внимать в этих стенах от-важным словам из уст радикальных ораторов по вопросу о реформах в господствующей у нас религии. Эти мысли встречали всегда известные трудности и оппозиции, но они были достойны той почтенной партии, которая выступила их заступницей. В настоящее время радикальная партия Венгрии обнаруживает поползновение реформировать вероисповедание наиболее угнетаемое, наиболее преследуемое – вероисповедание евреев. От последних требуют какого-то обнародования их profession de foi, их катехизиса. Как будто все это не изложено ясно в Пятикнижии Моисея!

То, что составляет основу Пятикнижия, есть не что иное, как провозглашенные Богом на горе Синайской десять заповедей, которые составляют основу и христианской веры. Один английский лорд осведомился как-то у Мозеса Монтефиоре: «Если заветы христианского и еврейского вероучений тождественны, то в чем, собственно, заключается разница между ними?» – «В том, – ответил Монтефиоре, – что мы, евреи, действительно исполняем эти заветы». Значит, эти заветы не составляют тайны. Впрочем, еврейский катехизис был и сам по себе неоднократно обнародован.

Евреи располагают ещё другим сочинением, служащим выражением их религии и называющимся «Шулхан-Арух». И это сочинение не изображает из себя отнюдь книги с семью печатями и может быть приобретено в любом книжном магазине, даже на немецком языке. Я сам тоже прочел его и могу, по чистой совести, заявить, что не нашёл в нем ничего такого, что бы шло вразрез с идеей о государстве, с христианской религией или с общественным порядком. Разница между ортодоксальными и передовыми евреями и заключается именно в том, что первые желают сохранения всех изложенных в «Шулхане» законов в неприкосновенной целостности, между тем как вторые ратуют за упразднение некоторых из них. Я решительно не вижу основания для государства вмешиваться в подобные частные вопросы. Какое дело государству до того, что ортодоксальный еврей держится цепко за так называемый «Халицо», который не допускает, чтобы кто-нибудь из евреев вступил в брак с вдовой своего родного брата? «Шулхан-Арух» вовсе не такая книга, которая предназначается для элементарных школ. Её содержание такого рода, чтобы годилось для преподавания в элементарных школах.

А вот депутат Герман потребовал, чтобы евреи отказались от своих привычек и прекратили раз и навсегда оплакивать Иерусалим.

«А мы, христиане, не оплакиваем разве Иерусалима? Разве мы не поливаем во время страстной недели слезами нашими улицы Иерусалима, от Масличной горы до Голгофы? Разве та священная страна, которая удобрена кровью полутора миллионов христиан, только нам одним священна? Только мы, значит, имеем право оплакивать ее, а евреи, которым она служила родиной, не должны даже и вспоминать ее? Я нахожу настолько же предосудительным то, что евреи оплакивают Иерусалим, как и то, что католики признают Рим верховным местом своей религии. Евреи имеют такие же права на Иерусалим, как католики на Рим. Государства как такового все это не касается нисколько».

В своей речи Герман дает ясный намёк евреям – перестать вообще быть евреями. Ведь это так просто и легко! Не желает ли он, чтобы они приняли крещение? Этим, пожалуй, евреи угодили бы ему и его единомышленникам; однако обезоружить антисемитов даже и этот шаг был бы не в силах. Антисемиты не желают крещения евреев. Их программа проста: они желают пробить себе дорогу на выборах при помощи дешевого средства; для их программы им нужно только напустить на публику немного страха. Исполнение обещания всегда сопряжено с жертвою, исполнить же угрозу

не стоит ничего, или в крайнем случае несколько тумачков».²¹¹ Для полноты картины приведем также эссе Мора Йокаи, учитывая, что для моих потенциальных читателей оно почти недоступно, хотя я старательно указываю источники своей информации:

«Как я стал филосемитом»
(Воспоминание о добром старом времени)

Нечего греха таить: и я в детстве был антисемитом, как всякий неразвитый человек. Служанки мне вбили в голову, что евреям нужна на пасху кровь христианских детей; между нашим домом и школою находилась брацёйская курия, отведённая для жительства евреев. Там жил и резник. Каждый день видел я, как гуси с перерезанными глотками вывешивались на заборе у ворот, и фантазия моя дополняла мне остальное. Какие страшные вещи творятся там, думалось мне.

Я не дерзал проходить мимо сводчатых ворот, у которых сидели эти мрачные люди с длинными бородами, с руками, торчащими в рукавах кафтана, и обутыми в туфли ногами; меня всегда провожала в школу горничная; в крайнем случае тетя Эсфирь становилась у ворот нашего дома и глазами провожала меня, пока я не миную роковые ворота. Если же я, не дойдя до ворот резника, оглядывался и замечал, что никто из домашних не следит за мною, я сейчас с полдороги убегал домой.

То, чему я учился в школе из толстой книги, которую звали Гюбнером, тоже не было приспособлено к тому, чтобы возбудить во мне любовь к евреям. И вправду, отчего им позволяют свободно разгуливать – евреям, которые распяли Спасителя?

Кто вполне разделял мои взгляды на евреев, это наш пёс Чичко. Как он срывался, когда на наш двор приходила, бывало, подобная фигура в широких брюках. Тогда и я становился героем. Я натравливал Чичко: «Алло, кусь, хвати!» И как сладко смеялся я, когда я слышал затем шлепанье по грязи туфель убежавшего жида.

Когда подрос, меня послали в Пресбург учиться немецкому языку. Там я узнал, что в отдалённом конце города есть забытый, заброшенный уголок, называющийся Шлоссбергом и населенный исключительно жидами. Шлоссберг считался притоном всяких злодейств против Бога и людей, и если бы студенты узнали, что какой-нибудь товарищ был в Шлоссберге, его сейчас прогнали бы из школы.

Укрепившись в этой вере, я вернулся в Каморн, где тогда была ещё знаменитая гимназия с тремя классами философии и поэзии. До тех пор

я не встречался с еврейским учащимся ни в лицее, ни в гимназии. И зачем жиду знать латынь? Занимать должности он не имел права; он не мог стать ни инженером, ни адвокатом. Разве затем учиться ему латыни, чтобы понимать горацевский призыв: *Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda tellus* (теперь надо пить и плясать)? Это было бы странно. Только одна научная карьера была открыта евреям – врачебная или, как её тогда звали, докторская.

Когда я перешел в класс поэзии, совершилось неожиданное, чудесное явление: в наш класс поступил еврей-студент. Его звали Коричонер.

Он менее всего был молод: ему было за сорок. До поступления к нам он был учителем каллиграфии; он давал уроки чистописания, переписывал поздравительные письма; почерк его отнюдь не уступал гравированному литографскому письму. Это занятие, конечно, едва доставляло ему дневное пропитание. Несмотря на свои преклонные лета, он поддался честолюбивой мысли стать врачом. С этой целью он должен был сдать испытание зрелости: грамматике и синтаксису он научился дома самоучкой; при его не особенно быстрых способностях для этого нужно было гигантское прилежание.

Нас, 14-15-летних мальчиков очень забавлял этот сорокалетний товарищ с его курьезной, будто вытянутой фигурой, с его бритым лицом, жиновским выговором и бессознательным комизмом. Как-то он не пришел один день в школу, и, когда на завтра профессор спросил его о причине, добродушный Коричонер ответил в свое оправдание: «Я не мог быть в школе, так как жена вчера родила мне сына».

Нетрудно себе представить, каким взрывом хохота встретил класс это необычное оправдание ученика. Только профессор, ко всему относившийся серьезно, не смеялся, а пожелал своему ученику отцовского счастья и отпустил его на этот раз домой для попечений о больной жене.

И добрый Коричонер относился серьезно к этому событию. С каллиграфией не мирится шутливость.

Раз я со старым Коричонером спорил перед уроком. Вопрос касался того, считается ли буква *h* в венгерской метрике согласной или гласной. Я сказал – согласной, он утверждал, что гласной. Наконец, я с уничтожающе пренебрежительностью крикнул: «Что ты смыслишь в этом? Ведь ты только жид». Он спокойно ответил мне на это: «Ведь ты только ребенок!»

Знаете ли вы, какое это страшное оскорбление – сказать четырнадцатилетнему мужчине, что он ребенок! Теперь, в наши дни, он должен был бы кровью смыть это оскорбление. Но тогда дело обходилось проще. Мне было 14 лет, ему 41, но я был мадьяр, а он только жид; это было достаточным резонансом для того, чтобы схватить его за шиворот и здорово избить кулаком его спину.

Когда, таким образом, спине моего товарища-еврея с неумолимо убедительностью стало ясно, что h – согласная, вошел профессор. Он был строгий и справедливый человек. Он наказал меня, несмотря на то, что я был его родственником. Я должен был остаться в школе до самого вечера.

Дома меня потребовала к ответу мамаша.

Моя, ныне покойная, мать имела доброе, любвеобильное сердце, при том, что это была солдатски строгая натура. Она спросила меня, отчего я так поздно пришёл. Я, взволнованный и негодующий, рассказал о несправедливости, совершённой надо мною; я объяснил ей, что с безусловной определенностью знаю, что h – согласная, что я в подтверждение этого могу сослаться на Ведмартин: Cserhalom – дактиль; если бы h не был согласным, то Cserhalom было бы трибрахисом; это ясно, как Божий свет, и вдруг один студент отрицал это; я его прибил за это, и учитель отставил меня в школе.

– Но, зачем же ты сейчас полез драться? – спросила мать.

– Да ведь это был только еврей!

– Что? – почти вскрикнула моя мать. – Ты говоришь, что это был только еврей? Разве еврей в твоих глазах не такой же человек, как и всякий другой? Ты презираешь человека из-за его веры? Ты забыл, что наших единоверцев также преследовали в этом городе пятьдесят лет назад, как ты теперь преследуешь евреев? Ступай сейчас же долой с глаз моих, и пока ты не отыщешь мне еврейского студента, которого ты бил, не попросишь у него извинения и не принесешь мне от него письменного удостоверения в том, что он тебя простил, до тех пор не показывайся мне на глаза.

Я был повержен в чрезвычайный ужас драконовскою строгостью этого приговора.

– Как, я стану унижаться перед евреем?!

– Не перед евреем унижаешься ты, а перед Богом, которого создал еврей, как и тебя, по образу Своему.

– И как мне найти его теперь в этом большом городе?

– Это уж твоё дело. Ты знаешь, на какой улице живут евреи. Ходи из дома в дом, пока не найдешь его. Раскрой уста свои и спрашивай. Корморн – не лес девственный. Но без этой бумаги не возвращайся ко мне.

Таков был представленный мне ультиматум. Уже подлинно напасть! Обед я уже пропустил, того и гляди, что и ужина не получу. Что было делать? Пришлось подчиниться неумолимой судьбе. Я собрался в дорогу отыскивать Коричонера.

Только я хотел открыть калитку, как кто-то извне также открывает ее. Она открывается – и передо мною стоит Коричонер.

От усталости опущенные плечи, голова, грустно склонившаяся на грудь. Он, стоя на пороге, кротким дрожащим голосом спросил меня: «*Irasceris mihi!*» (*Ты сердисься на меня?*).

И, со смирением сняв шляпу с головы, он продолжал: «Я пришёл к тебе просить у тебя прощения».

Он, избитый, пришел ко мне, который избил его, просить о прощении! И его никто не вынудил к этому.

Слезы ручьём брызнули у меня из глаз. Я бросился к нему и обнял его.

– Нет, не ты просишь у меня прощения, не ты, а я прошу тебя простить меня. Ты должен зайти к моей матери и сказать, что мы примирились и отныне хотим уважать друг друга.

– Ведь я за тем пришел к вам.

Он зашел со мною к матери и сказал:

– Я прихожу просить у вас прощения за оскорбление, которое я нанес вам. Я виноват; я сознаюсь в этом. Он был прав в нашем споре. Буква *h* действительно согласная; только как поэтическую вольность иногда позволяют себе употреблять его как *spiritis lenis*. Профессор мне объяснил это. Поэтому простите, что я дал Морицу повод бить меня. Мориц в данном случае прав; и кулак у него здоровый, кулаком он будет некогда защищать евреев, когда еврей будет прав.

В этот миг я стал филосемитом.

Сеμιтофильство никогда не было для меня идеальной фразой: оно вошло мне в плоть и в кровь.

Какую школу я ни посещал после этого, я всегда старался содействовать тому, чтобы мои товарищи по школе прилично обходились со своими еврейскими коллегами.

В кечкеметской коллегии я добился, в буквальном смысле слова, выдающегося положения в классе: я был конституционно избранным

«первым танцором» на «балу юристов» и «первым любовником» в группе дилетантов. Я всегда старался пользоваться этим высоким положением для того, чтобы открыть молодым евреям Кечкемета доступ в наши общественные кружки. Они стали нашими лучшими друзьями, с ними лучше, чем с кем бы то ни было, можно было беседовать о наших литературных делах, они одалживали нам книги для чтения.

Случилось как-то, что мы устраивали концерт в пользу учреждавшейся нами юношеской библиотеки. Исполнителей концертных номеров и декламаторов в достаточном количестве выдвинула из себя наша молодежь. Но среди нас не было опытного певца, который мог бы пропеть оперную арию.

Молодой еврей Филипп Заллиа, человек многостороннего образования, обладавший прекрасным тенором и образцовой школой, по моей просьбе согласился участвовать в концерте. Он выбрал для исполнения арию из оперы «Велизарий» «Trema Bizanzia, sterminatrice», текст которой был для этого случая переведен мною на венгерский язык.

За несколько дней до концерта пошли разговоры, что готовится демонстрация против еврея-дилетанта. Мы не смутились этим. Театр наполнился публикой; сбор образовал собой основной фонд для училищной библиотеки.

Когда дошла очередь до Заллиа, все с напряженным нетерпением сосредоточились в ожидании того, что случится. Мой еврейский певец смело вышел на сцену, подошёл к оркестру и – только он начал своё «Трепещи, Византия», – как в аудитории раздался голос режущий, как крик погонщика быков: «Тут нет конских шкур. Чего тут ищет жид!»

Но этот единственный демонстрант был немедленно выброшен самою публикою из залы с такой быстротою, что певцу не пришлось вовсе прерывать пения. И когда гармонически закончилась мелодия последнего стиха «И море крови пусть знаменует мечь за каждую слезу благородного героя» – в публике поднялся неумолкаемый ураган аплодисментов и криков «ура».

Это было в лето от Р. Х. 1842-е

Полное собрание сочинений Мора Йокаи составляет свыше ста томов. Академическое издание должно было закончиться в 1975 году. Среди его романов есть один, посвященный декабристам: «Свобода под снегом, или Зеленая книга», написанный в 1878/79 гг. о судьбе декабристов и Пушкина. Русского языка писатель не

знал, но обработал огромное количество мемуаров иностранцев, побывавших в России. Научные комментарии к роману составляют десятки страниц, но от этого «клюква» не становится правдой. Вспомним Александра Дюма и Жюль Верна – и романы о России полны нелепостей. Но всё-таки Йокаи изобразил Пушкина поэтом свободы, автором стихотворения «Вольность», идейным другом декабристов. Высшая похвала поэту из уст Йокаи, что Пушкин был назван Петефи русской истории. Вполне возможно, что и образ российского поэта Йокаи лепил со своего друга Шандора, тётки Пушкина. Так написала в своей статье Жужанна Зельдхейн.²¹³

31.1.05 г.

Люблю перечитывать забытых поэтов, не только XIX века, но уже и советского периода. Один из них Евгений Михайлович Винокуров (1925–1993). Видимо, еврей по отцу, т. к. ВСЕЗНАЮЩАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РАББИ ВАГНЕРА причислила его к «нашим». Как поэт, он не выделяется из ряда шестидесятников. У него существенный недостаток: будучи учителем в школе, он сохранил нравоучительный стиль, почти басенный. Обязательно концовка дает объяснения, но поэзия не нуждается в разжевывании. Такова блестящая поэтическая находка в стихотворении:

*«Женщина протяжно застонала
Где-то там за тонкою стеной.
Что бы это вправду означало?
Может, сон приснился ей дурной?
Или, может, в ней играет сила,
И в изнеможенье и в борьбе
В кровь губу от счастья закусила,
Притянув любимого к себе?..» (1961)*

Здесь следовало оборвать стихотворение, а не завершать трафаретно, но поэт не чувствует меры. Это восьмистишие – шедевр. Но вспомнил я о Винокурове по иному поводу. Исполнилось 60 лет со дня «освобождения» Аушвица советскими войсками, хотя освобождать уже было некого. На эту тему у Винокурова есть почти гениальные строфы, об уничтожении евреев.

АДАМ

*«Ленивым взглядом, обзрев округу,
Он в самый первый день траву примял,
И лёг в тени смоковницы, и, руку
Заведши(?) за голову, задремал.
Он сладко спал. Он спал невозмутимо*

*Под тишиной эдемской синевы.
...Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы.
Своих детей он видел!..» (1961)*

И здесь также следовало бы оборвать шедевр, но, к сожалению, и здесь поэт не почувствовал меры, а жаль...

2.2.05 г.

Как-то совсем забыли еврейского поэта Ицика Фефера (1900–1952), расстрелянного вместе с другими жертвами сталинского произвола. Он имел «плохую репутацию» – будучи осведомителем, «топил» своих поделщиков. Что, впрочем, не спасло его от пули, а теперь от забвения. Но я ему не судья. Кто побывал в ружьях палачей, свободен от осуждения.

В данном случае я говорю о стихах. Об их качестве следует судить по его переводчикам: П. Антокольский, С. Маршак, Л. Мартынов, Д. Бродский – все классики жанра. Есть даже перевод «странного поэта» Николая Глазкова и пара переводов Евг. Евтушенко. Удивительно, что не так плохо выполненных.

Немного о самой поэзии Фефера. Среди проходных советских стихов попадаются прекрасные пейзажные зарисовки, где он чувствовал время и даже 37-й год встретил стихотворениями «Выстрел в лесу» и «Журавли». Идеи этих стихов были подхвачены Дм. Кедриним («Глухарь») и, спустя 10 лет – Н. Заболоцким.

Если говорить о «Выстреле в лесу», то оно столь двусмысленно, что кажется, он сам себе как сексоту вынес приговор.

Перевод выполнен Левманом (1896–1943), членом Союза писателей СССР. Имя Левмана занесено на доску памяти писателей, погибших во время Отечественной войны. Семен Левман был выдающимся шахматным композитором. На конкурсах завоевал 70 призов, из них более 25 – первых. Одна из разновидностей развязывания белых фигур в двухходовке носит название «тема Левмана». Он был редактором шахматных отделов в газетах «Правда» и «Труд», отдела задач в знаменитом довоенном журнале «64». Издал несколько шахматных книг по композиции. А накануне 60-летия Победы стоит вспомнить некоторые имена погибших евреев.

Трудно сказать, о чем думал поэт, создавая этот маленький шедевр. Моя версия имеет право на существование. Сожалеть о содеянном – это естественно, даже для матёрого стукача.

ВЫСТРЕЛ В ЛЕСУ

*Раздался выстрел за кустом,
Промчался эха гулкий гром,
И птица падает в кусты,
Роняя перья с высоты.
На перьях алое пятно.
Удар и смерть. Так быть должно!
Упала птица из гнезда,
Ее глаза – кусочки льда,
Упала, крыльями мелькнув,
В молочной пене тонкий клюв.
Последний взлет, последний взмах
Кровавый ком скользит в кустах.
Я огрубел и загорел,
Хорош и верен мой прицел.*

*И как охотник я люблю
Добычу первую свою.
Качнулась темная ольха,
Упала птица среди мха.
Она упала тяжело,
Сломала хрупкое крыло.
Я вземлю шуму ветерка,
А в сердце – жалость и тоска.
Стою с ружьем, недвижно-нем:
Крыло поранил я зачем?..
.....
Нет на земле ужасней зла,
Чем хруст разбитого крыла.²¹⁴*

Во время войны Фефер в 1942 году написал стихи «Их бин Аид» (я – еврей). Дивная поэма. Текст прислал д-р Иосиф Гурий, а я переслал его поэту-переводчику Лёве Фрухтману. Надеюсь, что перевод будет отличный. А накануне ареста Фефера они были уже почти под запретом. Отыскал я стихотворение «Имена» в переводе П. Ювенской, где нашлось место и еврею – Герою Советского Союза – имени, которого не затмить:

*«И врагам не затмить славу вечную,
Она светится ярким огнем.
Имена дорогие, сердечные
Дышат в каждом дыханье моем.
Зашумят, закипят волны властные,
Голос моря как будто зовет,
Из подводных глубин в зори ясные
Фисановича лодка плывет...» (1948 г.)*

Израиль Ильич Фисанович служил на Северном флоте, а на Черноморском – прославился Цезарь Львович Куников. А ещё говорят, что евреи – не морская нация? Можно напомнить, что финикийцы и карфагеняне одной с нами крови... И именно мы, семиты, во времена фараона Нехо XXVI династии (610–595 до н.э.) проплыли вокруг Африки и строили так называемый Суэцкий канал того времени. И было это порядка 2 500 лет тому назад. Я горжусь своим народом... Кстати, а кем по национальности был Христофор Колумб? Ответ на этот вопрос можно найти у Маяковского.

5.2.05 г.

Вернемся к «птичьей» теме. Она обыграна в мировой литературе. В качестве примера я приведу чудный сонет молодого Анатоля Франса:

КУРОПАТКА

*Увы, давно ли здесь из-за неё весной
Кипел жестокий спор на пажити зелёной,
И победитель стал, ещё окровавленный,
Вить дружно вместе с ней их домик травяной.*

*И птенчиков она питала в летний зной!
А псы разрушили приют незащищённый.
Взлетела, но свинец, за нею устремлённый,
Уже пронзает грудь ей дрожью ледяной.*

*Священное тепло, что жизнь отогревало,
На перья нежные струится кровью алой,
И птица падает, бессильная, в камыш.*

*Склонился в зарослях над нею пес проворный.
Её окутали печаль, и мир, и тишь –
И, отлюбив свой срок, она умрёт спокойно.*

Стихотворение прекрасно, но в это время Анатоль Франс – парнасец. Он воплощает принцип бесстрастности в поэзии. Отказ от лирического героя и лирической темы. Человек и его переживания не интересуют или мало интересуют поэта. Природа живет своей жизнью, как бы вне жизни человека. Человек враждебен природе: он нарушает вечную гармонию. Куропатка гибнет. Спокойное повествование – отторжение автора от действия. Вторжение человека в природу в наш век стало катастрофической страницей. Экология нарушена. Франс и не подозревает этого. И ничего гражданского в его лире нет. Намного выше стихи вышеприведённых русских поэтов: Кедрина, Заболоцкого и Фефера... Из других стихотворений Франса отметим словесное описание картины Гюстава Курбе «Олени». Куда там строфам Михаила Зенкевича из «Дикой порфиры»!

6.2.05 г.

Чем больше занимаюсь своим делом – тем больше удивительных открытий на моем пути. Много лет тому назад я прочитал книгу Кирилла Андреева «Три жизни Жюль Верна». Несколько вещей меня потрясли. Андреев упоминает футурологический роман аме-

риканского писателя Вильяма Делиля Гейа «Сто лет спустя», вышедший в 1881 году. Вот его краткий пересказ.

В 2180 году профессор Патрик Макферсон знакомит слушателей с историей человечества. Двадцатый век, по его рассказам, был заполнен чудовищной войной между Германией и Россией. В войну втягивались все страны Европы. Применялись новые средства ведения войны: подземный миноносец, электрическая граната. Итоги войны, продолжавшейся двадцать лет: десять миллионов убитых, разорение многих стран, голод во всем мире.

Спасителем человечества стал «Союз объединенных наций», взявший управление мира в свои руки. Но не все народы были признаны равноправными. Аристократию человечества образовали белые народы (*с одним исключением, сделанным для японцев*), а остальные, объявленные низшими расами, были взяты под опеку Объединенных наций.

Наступил золотой век. Люди построили железную дорогу через Урал и Сибирь, залили водой Сахару и овладели воздухом. Население земли достигло 128 миллиардов человек. Величайшим в истории человечества было открытие базилической силы – основного вида мировой энергии, скрытой в недрах вещества. Это позволило людям овладеть подводным миром и внутренностью земли. Подводные корабли, движущиеся со скоростью полтора ста узлов, снабженные электрическими лампами, опустились на океанское дно. Люди в костюмах, насыщенных базилической энергией, возделывают плантации водорослей. Построены подводные города под прозрачными куполами. Столица Атлантического океана Кракенбург, с населением в сто тысяч человек, построена из кораллов, алюминия, бронзы и жемчужных раковин....Люди овладели центром планеты и заселили внутренность земного шара...

Но... жёлтая и чёрная расы оказались неспособными к развитию. И на полях Монголии вспыхнула война, которую китайцы и японцы объявили белым людям. И Совет Объединенных наций постановил: истребить жёлтых, за исключением нескольких миллионов смешанных, которым разрешить вымереть постепенно. (*Стерилизовали их, что ли? Знакомо. – С. Д*) Негров же, не принимавших участие в восстании, превентивно уничтожили – всех до последнего человека...²¹⁶ Вероятно, о многом писатель Андреев по цензурным соображениям умолчал.

Я, живущий уже XXI веке, поражаюсь силе интуиции американца. XX век – это кровавое месиво, где Германия и Россия играли ведущую роль. Но что десять миллионов убитых?!

Вторая Мировая – это пятьдесят миллионов убитых. Чудеса техники военной, создание атомной бомбы («базилической энергии») – все верно. И на наших глазах создавались и Лига наций, и Организация Объединенных наций. И расовый конфликт не за горами. Пока же идет жестокая война между иудейско-христианской цивилизацией и мусульманской. И это угроза уничтожения «Новой Эллады». И я не уверен, что превентивная война против Ирака, Ирана и т. п. стран может привести к каким-либо положительным результатам. А об Африке и говорить нечего – ассимиляция и эмансипация негров в самой Америке идет минимальными шагами. А пока мы имеем дружеский подарок от поклонников анималистических култов и извращений: СПИД! Боже, сохрани нас!

Интересно, читал ли Владимир Соловьев Гейя? А ведь близко, слишком близко лежат их идеи.

Но о Жюль Верне я заговорил неслучайно. Жюль Верн родился в 1828, умер в 1905 году. И он мог видеть победу жёлтой расы над белой на полях Манчжурии и гибель европейской эскадры в Жёлтом море. Результат, обратный предсказанному. Надо было подождать ещё 40 лет, до августа 1945 года. Но это временно...

В старой «Еврейской энциклопедии» я прочитал о возможном еврейском происхождении писателя Жюль Верна. Впервые предположение о еврейском происхождении писателя высказано в 1903 году Нахумом Соколовым, передавшим со слов некоего Ольшевича, у которого пропал родственник, переименовавший фамилию Ольшевич (*ольха по-польски – olska*) на Верн (*verne, ольха*). После смерти Жюль Верна в «Gazeta Narodowa» появилась статья ксендза П. Смоликовского, в котором на основании архивного материала доказывалось еврейское происхождение писателя. Я слышал от старого профессора Моисея Соломоновича Либкинда в Ленинграде сорок лет тому назад, что фамилия Верна была Ольховский, что не меняет сути. В серьезном исследовании внука писателя Жана Жюль-Верна, приводится длинное доказательство древности кельтского рода Вернов, хотя есть подробный рассказ о псевдо-польско-еврейских корнях. В книге Кирилла Андреева с презрением откидывается эта версия. Искренне? Трудно сказать. Цензура – это понятно, но кое-что осталось в тексте. Так, говорится, что в 1875 году, т. е. чуть ли не за 30 лет до публикации Соколова, в доме Верна появился незнакомец и заявил писателю, что он – еврей.

Что его настоящая фамилия Ольшевич, что он уроженец Плоцка. Фамилия, производная от «ольхи», а по-старофранцузски – «вернь» или «верн». «Каждая легенда содержала какую-то долю

правды», – пишет Андреев. И он прав. Тем паче мистификатор Жюль Верн во время своих исчезновений из Парижа часто пользовался сефардской фамилией Гиоше де ла Пейрер. (*Вспомним французского миллионера еврея Перейра, так много оказавшего услуг Франции*). Но есть доказательство и от обратного. У Жюль Верна имеется роман-памфлет «Гектор Сервадак», где он выступает вполне законченным антисемитом. Странно, не правда ли? Написан роман в 1877 году, и современники называли его самым фантастическим романом писателя.

Увлекательный рассказ о том, как группа людей, уцелевших после космической катастрофы, объединилась в трудовую коммуны. Воплощение сен-симоновских идей? Они уже были описаны в «Таинственном острове». Объединение состоялось за одним исключением: еврей Исаак Хаккабут не вписывается в полукоммунистическое сообщество и продолжает заниматься бизнесом, пытаясь выудить у обитателей кометы деньги. Постепенно все золото и серебро колонии перекочевывает в ящик с тройным запором, ключ от которого хранится на теле Исаака. По мысли писателя, золото обесценивается, и горе-бизнесмен возвращается в свое первобытное существование. А ведь Исаак даёт деньги взаймы из расчёта 1800%! В стрессовых ситуациях работали все, кроме, понятно, еврея – паразитизм этой нации известен. А когда все перебираются в монгольфьер (*патриот Жюль Верн так называет воздушный шар из-за вполне понятных чувств; братья Монгольфьеры – первые воздухоплаватели*), то для облегчения веса опорожняется ноша Исаака, состоящая из золотых слитков, – 30 килограмм. Ой, вейз мир! «И злополучный Исаак вынужден был расстаться со своим кушаком, испуская столь жалобные вопли и проклятия, что мы даже не беремся их передать».²¹⁸ Фамилия еврея несколько странная, возможно, она что-то обозначает, но не на иврите и не на идише. Еврейство Жюль Верн знает плохо. Сознательно? Трудно сказать. Ну какой еврей может клясться именем Мухамеда и Христа рядом с именами праотцев Аврааамом, Исааком и Яковом? Чушь. Вот его описание, напоминающее нацистские карикатуры. «Человек этот – с виду лет шестидесяти, хотя на самом деле ему минуло только пятьдесят – маленький, щуплый, с живыми и хитрыми глазами, горбоносый, с нечёсаными волосами, с желтоседой бородкой, с большими ногами и длинными цепкими рукавами, воплощал в себе типические и всем знакомые черты ростовщика, которого нельзя спутать ни с кем. Это был скряга и стяжатель, с черствым сердцем и гибкой спиной, словно созданной для

низких поклонов. Деньги притягивали его, как магнит железо, а со своих должников такой Шейлок готов содрать шкуру. Среди магометан этот человек выдавал себя за магометанина, среди католиков за христианина, и, если бы это сулило ему барыш покрупнее, он стал бы язычником».²¹⁹ Один из героев частично обеляет наше племя в следующих словах: «Это ещё не беда, что еврей... я знавал евреев, которые умели делать добро людям. А этот из Германии, да ещё из худших её краев (*Пруссии*. – С. Д.), – вероотступник, у которого нет ни родины, ни совести».²²⁰

Впрочем, если мы оценим национальную принадлежность обитателей кометы, то выясняются национальные противоречия. Французы и русские в обаятельной дружбе времени первых шагов оформляющегося франко-русского союза, направленного против Германии. Именно в апреле 1875 года «стеснительный» племянник Александр II, под давлением Н. К. Гирса, фактически исполняющего должность министра иностранных дел, «заикаясь», сказал в Берлине своему дяде, что Россия не останется в стороне в случае новой войны между Францией и Германией. И Бисмарку пришлось уступить: воевать на два фронта он не хотел. И предложил своему императору проблему Эльзаса и Лотарингии решить навсегда, отдав часть захваченного назад Франции, тем самым избавив себя от будущих войн, где Германия будет в изоляции. Придворная и военная камарилья смотрели на Бисмарка как на сумасшедшего и вскоре вынудили его выйти в отставку... Но не об этом рассказ. Англичане, также находящиеся на оторвавшемся клочке Земли, устроились отдельно на остатках Гибралтара, судорожно вцепились в голые скалы. Они не желают иметь ничего общего с французами и русскими. Время они проводят за бесконечно длинной шахматной партией, общаясь друг с другом. Граф Тимашев, представитель России, с горечью говорит: «Англичане всегда остаются англичанами». До Антанты ещё лет 30. Испанцы нейтральны – так и есть, так и будет. Кстати, Жюль Верн называет их лодырями. И испанцы единственные, которые издевались над стариком-евреем. А маленькая девочка – итальяночка, также оказавшаяся в колонии, олицетворяет собой пелёночное состояние объединенной Италии, кстати, обязанной этому обстоятельству победоносной войне Наполеона III против Австрии. Германия представлена худшим вариантом – немецким евреем, да ещё пруссаком. Французские миллиарды контрибуции шли через руки банкира Герсона Блейхредера и сверх этих миллиардов он требовал с поверженной страны и проценты, составляющие несколько миллионов, и Германии их «заработала».

А наша Земля прекрасна: воздухоплаватели с любовью смотрели на Землю. И восклицали, видя всевозможные очертания стран и частей Света: «Европа! Россия! Франция!.. Вот Англия, похожая на легион, шествует к востоку, в платье со смятыми рукавами и с затейливой причёской из островов и островков. Скандинавский полуостров, словно великолепный лев, выгибая спину, бросается на Европу из ледяных просторов полярных морей. Россия, огромный полярный медведь, повернув голову к азиатскому материку, опирается левой лапой на Турцию и правой на Кавказ – шла победоносная и кровавая Русско-турецкая война на Балканах и в Закавказье. Австрия, большая кошка, свернувшись в клубок, спит беспокойным сном. Испания развеивается, как флаг, на краю Европы, с Португалией вместо древка. Турция, точно сердитый петух, цепляясь одной ногой за азиатский берег, когтями лапы душит Грецию. Италия, узкий изящный сапог, как будто жонглирует Сицилией, Сардинией и Корсикой.

Пруссия, чудовищный топор, глубоко вонзается в германскую империю, задевая Францию своим лезвием. И, наконец, Франция выпрямляет свой могучий торс с Парижем на месте сердца».²²¹ Будущие конфликты зафиксированы писателем.

Но ещё в молодости появился один из ранних рассказов – «Мартин Пас» (1852 г.). Действие происходит в Лиме, в Перу. Декорация, вообще связанная с интересом к Новому Свету, а потом к военной экспедиции императора Максимилиана, ставленника Наполеона Малого. (*Вспомним оперетту Жака Оффенбаха «Перикола», пародию на мексиканскую авантюру Наполеона III.*) В рассказе внимание сразу привлекает красавица Сарра, дочь богатого еврея Самуила. Еврей обладает набором отрицательных черт этого «омерзительного» народа, а Сарра – набор добродетелей. Выясняется, что она приёмная дочь богача и ничего общего с еврейством не имеет. Самуил продает свою дочь за сто тысяч пиастров. Набор, знакомый нам и по польской, и по русской литературе.

Теперь лакмусовая бумажка: «Как Жюль Верн отнёсся к делу Дрейфуса»? Он был антидрейфусаром! Думаю, что писатель понимал, что победа антидрейфусаров сулила уничтожение республики и победу клерикалам. Но стать на сторону Дрейфуса не позволяли ему его антисемитские взгляды. Печально.

Внук не скрывает его взглядов, хотя слова «еврей» и «антисемитизм» отсутствуют в тексте! «Скрепя сердце, Жюль Верн смирился с пересмотром дела Дрейфуса...»²²² Тем паче, что его родной сын был сторонником невинно осуждённого.

Я давно заметил, что ни семейные узы, ни общее образование – ничто не дает одинаковых результатов, это подтверждают примеры семей Красновых и Бонч-Бруевичей.

Писатель Верн родился в Нанте, а в 1898 году в его родном городе толпа антисемитов потребовала увольнения почтмейстера, носившего пресловутую фамилию Дрейфус... Зло было рядом, а поднять голос в защиту истины, как сделал Золя, Франс, Клемансо, Жорес, ему не доставало гражданского мужества. *(В молодости Жюль Верн был личным секретарем Александра Дюма-отца. Так вот, Дюма был искренним другом еврейства и членом «Alliance Israélite Universale» – Всемирного Еврейского Союза.)*

И последнее. Гражданину Эмилю Золя в Париже, на улице, носящей его имя, был воздвигнут памятник. Мы знаем, что немцы, войдя в Париж, были вполне корректны к святыням французов. Франция не Польша и не Россия. Но корректны ли? Не вполне. Нацисты-оккупанты разрушили монумент великому писателю, правдолюбцу и филосемиту...²²³

11.2.05 г.

До слёз обидно, что благодаря глупости Хрущёва Крым отошёл к Украине, не имеющей никаких прав на оный. Жаль не только Тавриду, но и Таврию с Одессой. Правы были жители Черноморска, считавшие необходимым признать свой полис «вольным городом». Это сегодняшняя история. А вот как отреагировал дедушка Петра Чаадаева на завоевание Екатерины: «Приобрели или, лучше сказать, похитили Крым, по разности своего климата служащий гробницею Россиянам». Что имел в виду князь Щербатов? Неужели будущую Крымскую войну? Да нет, он был против всяческих завоеваний, растрачивающих силу русского народа вместо колонизации своей собственной вотчины. Наведение порядка и благосостояние собственного народа – это главное. Это актуально. Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790), автор множества работ, в том числе и «О повреждении нравов в России», откуда сделаны мною извлечения. Ясно, что Екатерина Алексеевна не любила этого писателя так же, как ненавидела Радищева и Новикова – людей совсем сторонних князю, но сходящихся в одном...

А спустя много-много лет коктебельский отшельник написал:

*«Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы – Россия – не пришли.
За полтора ста лет – с Екатерины –
Мы вытоптали мусульманский рай.
Свели леса, размыкали руины,*

*Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли,
По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушёл, источники иссякли».*²²⁴

Писано стихотворение «Дом поэта» в 1926 году, за 18 лет до тотального выселения татар с полуострова...

А вот в воспоминаниях генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, захватившего Крым в 1942 году, с «умилением» прочитал, что татары сразу встали на сторону немцев, видя в них освободителей от русских. К генералу прибыла татарская депутация, принесящая фрукты и красивые ковры ручной работы «для освободителя татар Адольфа Эфенди».²²⁵ Не надо добавлять, что татары с большим рвением принялись за уничтожение евреев: ашкеназийцев, крымчаков и даже караимов. Лишь «образованный» Альфред Владимирович Розенберг остановил истребление караимов, отвергавших своё общее с евреями происхождение...

12.2.5 г.

К концу XIX века, когда началось еврейское возрождение, когда появились палестинофилы, а затем и сионисты, мало кто верил в возрождение еврейского народа. Американский поэт Генри Лонгфелло (1807–1882), который был безусловным филосемитом, в чудном стихотворении «Еврейское кладбище в Ньюпорте» высказал свою точку зрения.

Вместе с тем следует пояснить появление в тексте Агари и Исмаила – их образы поэт использовал как синонимы беженцев. Ибо, в конце концов, угнетение евреев в мусульманских странах было не более мягким, чем в Европе. А вообще, евреям есть чем гордиться! Земля рождает новые народы, новые государства, а мы живем наперекор времени и обстоятельствам. И это слабое звено сионизма. Если мы обычный народ – то должны умереть, ассимилироваться, раствориться, как говорит американский поэт, покинуть сцену, как сделали наши многочисленные народы-сверстники и более молодые нации, уступить место другим. Увы, нам это не суждено.

Мы народ Богоизбранный, не такой, как другие. Нам суждена вечность. Воспринимать это надо спокойно, не только нам, но и врагам и завистникам. Это данность. Все претензии к Всевышнему...

Приведем частично этот шедевр в переводе Эльги Львовны Линецкой (1909–1997), настоящая фамилия которой Фельдман, старейшей переводчицы из Ленинграда.

*«Как странно здесь: еврейские гробницы, И каждый до последнего дыханья
А рядом порт, суда из дальних стран... Неутолённый голод нес,
Здесь – вечный сон, там улицам не спится И пищей был ему лишь хлеб изгнанья,
Здесь – тишина, там ропщет океан. Питьём была лишь горечь едких слёз.*

*.....
Полны глубокой вековой печали,
Лежат надгробья много тысяч дней,
Как древние тяжёлые скрижалы,
Что бросил в гневе наземь Моисей.
Все чуждо здесь: и начертанья знаков,
И странное сплетение имён:
Альварес Иосиф и Рибейра Яков –
Смешенье стран, и судеб, и времён.*

*.....
Умолкли в темной синагоге споры,
Псалмы Давида больше не слышны,
И старый рабби не читает торы
На языке пророков старины.*

*.....
Откуда здесь могилы этих парий?
Кто, разжигая злобу христиан,
Всех этих Исмаилов и Агарей,
Бежать заставил через океан?
Они в зловонных улочках ютились,
В угером гетто, на житейском дне,
И азбуке терпения учились –
Как в скорби жить, как умирать в огне.*

*Анафема звучала над лугами,
Неслась по городам, из края в край.
Затоптан христианскими ногами,
Лежал в пыли гонимый Мордухай.
Исполнены смирения и гордыни,
Они брели, куда судьба вела,
И были зыбки, как пески пустыни,
И твёрды, как гранитная скала.
Видения пророков, величавы,
Сопровождали странников в пути,
Шепча о том, что блеск угасшей славы
Они в грядущем смогут вновь найти.
И, глядя вспять, они весь мир читали,
Как свой талмуд, с конца к началу дней,
И стала жизнь сказаньем о печали,
Вместилищем страданий и смертей.
Но не текут к своим истокам воды.
Земля не в силах стона подавить,
Рождает в муках новые народы,
И мёртвых наций ей не оживить. ²²⁶*

17.2.05 г.

Славу Богу, что во французской литературе были не только юдофобы, но и филосемиты. Один из них Анатоль Франс (1844–1924), величина не только на своей родине, но и в мире: он – лауреат Нобелевской премии 1921 года. И кстати, частично еврейского происхождения. Он рисует разных евреев – симпатичных и малосимпатичных. Конечный итог в пользу нашего народа, даже если он вкладывает слова в уста малопривлекательного для многих человека. Вот о герое знаменитого романа «Красная лилия» («Le Lys Rouge», 1894) – о господине Шмоле, члене Академии надписей Третьей республики. Он являлся крупнейшим филологом и, как иронически замечает писатель, знал все языки, кроме французского, был ценителем поэзии и женщин, а также – неглуп. Говорил грубым, густым языком, каким говорили его предки, еврей-кредиторы, требующие деньги от своих должников-крестьян, будь то в Эльзасе, Польше или Крыму. Имел «большое

еврейское счастье» – пять дочерей, которых, как я понимаю, надо выдать замуж, что, по своему опыту и опыту своих друзей, дело тяжкое, но исполнимое: в конце концов, у нашего народа нет монастырей. Все должны найти свое «счастье». Шмоль жалуется на свою судьбу, и в его скорби есть некое величие. «В нём жила душа Иезекииля и Иеремии» – великих пророков. Но вот запальчивая филиппика горластого Шмоля о своём народе и его вкладе в цивилизацию. Он объяснял слушателям свой взгляд на европейскую историю: «...христианские народы сами по себе, без посторонней помощи, не способны окончательно выйти из состояния варварства, и если бы не евреи и не арабы, Европа бы и сейчас, как во времена крестовых походов, погрязала бы в бездне невежества, нищеты, жестокости.

Средневековье... кончилось только в учебниках истории... В действительности же варвары остаются варварами. Призвание Израиля – просвещать народы. Это Израиль в средние века принес Европе мудрость Азии. Социализм пугает вас. Это недуг христианский, так же, как и монашество... Евреи, которые просветили и цивилизовали Европу, одни только и могут спасти ее сейчас от евангельского недуга, снедающего ее. Но они изменили своему долгу. Они стали самыми яркими христианами среди христиан. И Бог наказывает их. Он позволяет, чтобы их изгоняли и грабили. Антисемитизм страшно развивается повсюду. В России моих единоверцев травят, как диких зверей. Во Франции гражданские и военные должности закрываются для евреев. Им больше нет доступа в аристократические клубы. Мой племянник... вынужден был отказаться от дипломатической карьеры, хотя блестяще сдал экзамен. Супруги некоторых моих коллег, когда моя жена приезжает к ним с визитом, нарочно кладут перед ней антисемитские газеты... Антисемитизм – это смерть, слышите, смерть для европейской цивилизации».²²⁷ Последняя фраза звучит так актуально, что кажется: мы действительно стоим перед крахом.

Жозеф Шмоль – неистовый гордец историей еврейского народа. Вот его рассуждение о Риме и арке «гносного Тита»: «Отвратительное сооружение из мрамора, где семисвечник изображен среди добычи, доставшейся от иудеев... к стыду всего мира, этот памятник продолжает стоять, да притом в городе Риме, где папы существовали только благодаря искусству евреев – ростовщиков и менял. Евреи принесли в Италию искусство Греции и Востока. Возрождение... дело рук Израиля. Это – не признаваемая и все же бесспорная истина».²²⁸

Роман «Жизнь в цвету» (*La vie en fleur*), последний автобиографический роман из тетралогии, начатой ещё в 1885 году, и опубликованный лишь 5 июля 1922 года; это последнее произведение Франса. И здесь нашлось место для небольшой вставки о евреях. Время действия – царствование Наполеона III. Речь идёт о парижском салоне г-жи Эрио, где свободно встречались художники, учёные, дельцы. Герою кажется, что здесь бывало много евреев и на это никто не обращал внимания – в то время во Франции не было антисемитизма. Мало того, наряду с банкирами Ашилем Фульдом, министром финансов при Наполеоне, и Жакобом Перейра евреи занимали высшие должности в Июльском правительстве и в министерствах начала Второй империи, в то время как Париж стал мировой гостиницей, где никто не обращал внимания на национальную принадлежность людей. Это ушло в прошлое после Седанской катастрофы, когда стали подозревать каждого иностранца: результат ядовитых плодов военного поражения. Несложно высчитать, что имел в виду писатель. Впереди было дело Дрейфуса и кровавая вакханалия Первой мировой...

20.2.05 г.

Надежда Павлович (1895–1980), русская поэтесса, талантливая переводчица, подруга А. Блока. Из всех её строк запомнил четверостишие 1920 года:

*«У сада есть яблони,
У женщины есть дети,
А у меня только песни –
И мне больно».*

Больно и мне читать о женщине, которой не было суждено стать матерью. Павлович написала поэму «Воспоминание о Блоке» (1939–1946). Собственно, о гибели «серебряного века». В главе «Мать» рассказано о переводах Гейне, сделанных Блоком. На мой взгляд, переводы не особенно удачны. Но для меня не в этом суть.

*«Но день за днем сын переводит Гейне,
И кажется, что в юношеском сне
Он видит берег виноградный Рейна
И розовую девушку в окне.*

.....
*– Вот Гофман, Тик, Новалис и Брентано!
Величье? Нет! В таких величья нет.*

*Но кое-что увидели в туманах,
И снится нам их полуночный бред.*

*А Гейне? Слушайте его секреты!
В стихе немецком он всегда еврей.
Там звук древнейшей песни недопетой
И скрытый шелест пальмовых ветвей.
И Гейне плачет, плачет и смеется...*

*«Vergiften» – слышите вы этот звук?!
Ползёт, отравлен! В лихорадке бьётся
И с воплем вырывается из рук.
Как передать неистовство такое!...»²²⁹*

Любопытные ассоциации с лермонтовской «Веткой Палестины». («Vergiften» – «отравлять».)

24.2.05 г.

Когда-то, кажется, в середине 60-х годов, по советскому радио радостно пели военную песню, где были такие слова: «Наш ответный термоядерный удар». Пел, если не ошибаюсь, Иосиф Кобзон. Своим неповторимым «грозыным» голосом он разделял слово «термоядерный» на две половины. Катящееся «р» вызывало у меня дрожь. Потом спохватились и песню «изъяли» из эфира. Вообще, я-то думаю, это глупость – как писание подобных «литаврных» песен, так и их замалчивание: что было – то было.

И наше время ушло недалеко от первобытных войн, где дикари подбадривали себя, скажем, следующей песнепляской:

*«Меть ему в лоб, Когда же побезит,
Меть ему в грудь, Меть ему в спину.
Меть ему в печень, Ого, ого, ого!»
Меть ему в сердце...»²³⁰*

Прямо ансамбль песни и пляски имени Александрова... Всё это я вспомнил накануне, в День Красной армии (*теперь переименовали как-то*), но суть прежняя: «наш ответный термоядерный удар» не сходил с экрана телевизора в другой форме...

Я приводил пример «зеркальной» песни об Эльзасе, когда аналогично с двух противоборствующих сторон рассматривают проблему аннексии. Князь Петр Андреевич Вяземский сохранил живость ума до последних дней жизни. В 1877 году, когда ему было 85 лет, он сумел заметить фальшь славянской и турецкой пропаганды. Вот эта запись: «Посмотрите, до какой нелепости доходят наши газеты: С-Петербургские Ведомости № 220, 11 августа, сопоставляют патриотическую песню, сочиненную князем Черногорским, и песню турецкую. Про первую говорят: «Гимн черногорцев,

преисполненный рыцарского великодушия и глубоко человеческого чувства». Другой, то есть турецкий, – «воплями дикой свирепости и жестокого изуверства».

А дело в том, что вся разница в гимнах заключается в следующем: сербы алчут турецкой крови. Турки – сербской. Сербы поют: «Раны моей души будут исцелены турецкой кровью»; турки поют: «Омочи в сербской крови свой меч».

Немного рыцарства и человечности ни там, ни здесь, а одна человеческая кровожадность, которая, к прискорбию, свойственна всем народам, когда они враждуют и воюют между собой. Тут турки те же христиане.

В литературном отношении в турецкой песне более поэзии и силы, нежели в сербской. Например: «Наглость гяуров возносится до седьмого неба. Их вой, когда они лают на луну, проникают до престола Аллаха». «Лают на луну» очень поэтически выражает прозвание, данное турками гяурам. «Блаженно улыбайся, когда среди битвы твой дух отделится от тела».

Вот это почти по-рыцарски. «Не плачьте над нашими трупами и оставляйте на поле битвы, чтобы они распространяли чуму в логовищах гяуров». Поэзия свирепая, но поэзия. Есть что-то в этом роде у Мицкевича, в поэме «Валленрод».²³¹ Умница Пётр Андреевич! Недаром он потомок барона П. П. Шафировва. Да и чертовски актуально это противостояние по сию пору на Балканах. Мне кажется, что ни один конфликт не может быть ликвидирован в историческое время.

Тут есть ещё одна заковка: князь Черногорский является классиком сербской литературы под именем Пётр Негош (1813–1851). Он автор сборника стихов «Лик ярости турецкой». А кто автор «народной» янычарской песни, увы, не знаю...

25.2.05 г.

Когда я писал о Ленине, то указал, что Ильич заметил ахиллесову пятую русского народа: лень. Отсюда обречённость большевистского эксперимента. Заставить народ трудиться созидательно не удалось. Ну и, конечно, повальное пьянство. Вспомнил, что министр финансов Егор Францевич Канкрин из семьи выкрестов, очень любивший русский народ, говорил, что хорошо было бы, если он (народ) ограничивался питьем одной чарки в день!²³²

Меня потряс современный случай. В настоящее время Дальний Восток медленно или быстро подвергается китайской экспансии. Многие предприятия уже принадлежат китайцам. Так, совхозы, где они стоят во главе управления, быстро встали на ноги. Появился

достаток, и китайцы решили стимулировать труд еженедельной оплатой. Но пришлось срочно прекратить выплаты, потому что началось повальное пьянство, отразившееся на производстве. Напомню, что в довоенное время в Еврейской автономной области были еврейские колхозы. Колхозники жили по тем временам вполне прилично. Еврейские колхозы в Крыму и в Таврии процветали. Колхозы в республике немцев Поволжья были колхозами-миллионерами. Но они и до революции жили зажиточно, о чем я уже писал. И «недород» им не мешал. Ибо немцы народ трудолюбивый и непьющий – голодающих среди них не было...

27.2.05 г.

Образование – великое дело. Но важно, и кто преподаёт, и на какую почву падают семена разума. Александру II повезло: его тремя учителями были Жуковский, Сперанский, Канкрин. И реформы будущего были заложены в работах великого Сперанского и великого Канкринина. Речь идет о раскрепощении крестьян. Отдадим должное «папочке» – Николаю Павловичу, нашедшему сих наставников! Отметим, что все трое были филосемитами. Жуковский по человеколюбию, министры – по здравому смыслу. Но почва – это важнейшее. Что толку, что Николая Последнего учил великий историк М. О. Ключевский и великий финансист и дипломат С. Ю. Витте. Увы, природа отдыхала...

А что эти великие сделали для России!? Сперанский составил свод законов, Канкрин построил Технологический институт и Лесной институт, Витте построил Политехникум. Это все кроме прочего. Канкрин издавал коммерческую газету и мануфактурный журнал. Он был великий экономист, одновременно руководивший и промышленным шпионажем. Во всех западных странах содержались агенты, чтобы узнавать новейшие открытия и усовершенствования! Снимем перед ним шляпу. Вылитый предшественник Лаврентия Бериинина, раздобывшего атомную бомбу. Как тут не вспомнить П. Я. Чаадаева, иронически писавшего своему другу о журнале «Современник»: «Современник чего? XVI столетия, да и то нет. Странная у нас страсть приравнивать себя к остальному свету. Что у нас общего с Европой? Паровая машина, и только».²³³ Ну а в наш век – уже ядерное оружие, уравнивающее западные демократии и восточные деспотии...

Вспомнит ли кто-нибудь Канкринина? Будет ли учреждена медаль его имени? Сомнительно. А вот идиоту Горчакову повезло: утвердили дипломатический орден его имени. О переоценке его личности я уже писал.

5.3.05 г.

Много написано о Павле Флоренском (1882–1937). В своё время, не имея возможности прочитать его магистерскую работу невероятного объёма – «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи», я ухитрился в России переснять её всю – от корки до корки... Убиенный в годы «Большого террора», он остался в моей памяти не только жертвой сталинизма, но и интеллигентом, не любившим евреев. Наверно, понять его можно. Он ещё в 1905 году обратил внимание на «Протоколы Сионских мудрецов» издания Сергея Нилуса. Примыкая к мистическим кругам, интересовался не только богословием. Нестеров создал двойной портрет двух религиозных мыслителей – отца Сергия Булгакова и отца Павла Флоренского. Но вот в поэзии ему почти не нашлось место. Разве только стихи забытого поэта Георгия Петникова (1894–1971), сподвижника В. Хлебникова, написавшего дивные, магические строфы, посвящённые Флоренскому:

ГОЛУБЬ

*Так ясно, что снегом сравнялся
Прибыльный, ответченный лик –
Так ясно, что светом, огнями
Окликнуть отличный ликтор.*

*И в трубах – на гул оговорок –
Отведен рукою закон
И странно, что в исполни дорог
Проявленный в пору огонь.*

*Непрерывно, при этом виде,
В разгаре ответственных туч
Братоубийственно выдержать
На звуках окруженных чету.*

*Встречая значительных тканей
От камня до пламенных вер –
От времени в недра канет
Продолженный голубем верх.*

*Во всяком полёте – молитвенник,
И с каждой гортанью – орарь,
И в разноречиях длительных
Разрывы восторженных зарев.*

Царское село. («Северный изборник», М., 1916)

9.3.05 г.

Вчера состоялся мой доклад на тему «Ленин как Мессия». Принят он был настроенно, чтоб не сказать весьма отчуждённо. Было два нелепых вопроса человека, не знающего проблемы. Я разочарован. Думаю, опубликовав статью, рассею многие заблуждения. Профессор Василий Полуэктович Федоров из Латвии меня утешал: «20 лет лили непрерывную грязь – отмыться тяжело». Хотя он сочувствовал мне, но душой был на стороне оппонентов. Понятно. Я говорил о замалчивании Белинского, Чернышевского, Писарева, Михайловского и возвеличивании Сенковского, Надеждина, Дружинина, Меньшикова, Буренина, Розанова и т. д. Издавать последних надо, но разве Дружинин равен Чернышевскому?

Гигантское влияние Белинского на Гоголя, Достоевского, Некрасова – кто может это забыть?! Я думаю, поверженные кумиры лет тридцать пробудут в нетях, а затем их очистят от нафталина, и займут они вновь свое «законное место», отнюдь не отталкивая Бурениных, Меньшиковых и Розановых...

11. 3.05 г.

Я много писал о Суворовых, об их филосемитизме. О личной порядочности и честности великого полководца...

Но, увы, многого не знал. Не нашёл, например, автобиографию Суворова, написанную им самим в Герольдмейстерскую контору в связи с пожалованием ему графского титула. О его происхождении обычно вскользь говорилось по поводу его шведских предков по линии отца и, совсем редко, по поводу армянских по линии матери – Мануковых. В 1622 году выехали из Швеции Наум и Сувор, поступили на службу к царю Михаилу Федоровичу и по имени (?) Сувор приняли русифицированную фамилию. Прямым предком великого полководца был некий Юда (Иуда) Сувор! Прочитал об этом в книге Н. Осипова «Суворов», вышедшей в серии ЖЗЛ в 1938 году, под редакцией некоего Иосифа Генкина. А кто такой Осипов? Псевдоним Бориса Мироновича Купермана (1900–1955), кандидата исторических наук и автора многих биографических книг: «Богдан Хмельницкий» (не всё писать одному еврею Натану Рыбаку о юдофобе), «Макаров», «Начдив Киквидзе» и др. Всё-таки нельзя поручать евреям, даже под псевдонимами, писание биографий: всегда найдут какую-то гадость... Поди доказывай, что в святцах есть имя Иуды, да и Мессия был и будет из колена Иудина...

Обычно считается, что фамилия «Суворов» – переделка слова «суровый». Такого мнения придерживается, например, Унбенгаун. На мой взгляд, это недостаточно обосновано. У Даля нет ни одного варианта изменения слова «суровый»: ни в диалектах, ни в выражениях. У Фасмера также этого нет. Зато на арамейском языке имеется многосмысловой корень «свар» (רבו) – думать, полагать, разъяснять, толмач, надежда, ожидание и т. д. Мне почему-то кажется, что «толмач» ближе всего подходит к человеку по имени Юда...

В личной жизни Александр Васильевич был скуп и рачителен, почти как еврей-фактор, выбивающий максимальную прибыль. Судите сами. После смерти отца, который отличался такой скупостью, что своему сыну не нанимал наставников – это отмечено всеми историками, – ему достались небольшие поместья, которые он стал округлять прикупкой окрестных земель. В течение 9-10 лет он успел приобрести 1500 крестьянских душ.

По отношению к крепостным Суворов был на уровне своего времени, но он никогда не снимал последней шкуры. Наоборот, он старался, чтобы крестьяне жили зажиточно, для того чтобы получать достаточный оброк с них. Крестьяне платили 3-4 рубля оброка с души и за это пользовались всевозможными угодьями, реками, покосами.

Весь «мир» должен был помогать погорельцам или неимущим. Сам же генерал-аншеф редко помогал своим мужикам. Далее будьте внимательны: особое внимание Суворов уделял крестьянским бракам: в деревнях он не допускал безбрачия. Ветхозаветный принцип «пру у рву» (плодитесь и размножайтесь) – в российских условиях! При недостатке невест они приводились из других вотчин или «закупались». «Лица не разбирать – лишь бы были здоровы. Девиц отправлять на крестьянских подводах без нарядов, одних за другими, как возят кур, но очень сохранны», – писал он управляющему кратко, языком военного приказа. За многоплодие выдавалось небольшое пособие. Кажется, интересный образ помещика, отнюдь не самодура. Гоголевские типы создавались не на пустом месте.²³⁴ Телесных наказаний он почти не употреблял. Исключение: воровство. При этом били только розгами; кнут и плети были изъяты из реквизита, также как рогатки, цепи и т. п.

Человек военный, своих крестьян оберегал от службы, закупая на стороне «охотников идти в солдаты». Это стоило денег. Половину суммы, обычно 150-200 рублей, давал помещик, остальные мир.

Фельдмаршальский жезл Суворов получил не за взятие Измаила, как он ожидал, а за штурм Праги, предместья Варшавы. Здесь была ужасная резня: погибло 23 тысячи жителей. Император Павел, недолголюбивавший Суворова, как впрочем, и всех «екатеринских орлов», называл Пражский штурм делом невоенным, «а единственно заклятием жидов». Возможно, из-за того, что на польской стороне действовал еврейский отряд под руководством Берко. Но об этом я много писал. Даже у Пушкина есть такие строки в незавершенных набросках:

ГРАФУ ОЛИЗРУ

*«Певец! Издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозюю.
И вы, бывало, пировали
Кремля позор и ... плен,
И мы о камни падших стен*

***Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен***. (1824)

Спусти несколько лет так Пушкин уже не писал...

Надо сказать, что страшные потери поляков в ту компанию были частично следствием «предательства»: варшавский гарнизон русских ночью был почти весь (несколько тысяч человек) вырезан поляками. Это предопределило ответную жестокость. Сам Суворов морально страдал за содеянное. После его смерти выяснилось, что он жертвовал большие деньги (10 тысяч рублей!) ежегодно и анонимно на одну тюрьму. И сам он гордился, что ни разу в своей жизни не подписал смертного приговора. Станный человек в тяжёлой профессии солдата...

Не могу удержаться и не привести несколько строф, написанных в его адрес знаменитым английским поэтом – Байроном, избравшим взятие Измаила, причём он не отказывает Суворову в гениальности:

*«.... Просто смех –
Старик чудаковатый и вертлявый
Всех увлекал с собой во имя славы...*

*.....
Суворов не любил вникать в детали,
Он был велик – а посему суров;
В пылу войны он замечал едва ли
Хрип раненых и причитанья вдов;
Потери очень мало волновали
Фельдмаршала в дни яростных боёв,
А всхлипыванья женские действительно
Не значили уж ничего решительно».²³⁵*

И, в духе походов своего героя, поэт не мог удержаться от иронии, что де при взятии города ввиду полового бессилия «суворовских орлов» изнасилований было мало (?!):

*«Но русских мне придется похвалить
За добродетельное поведение –
В наш век развратный надобно ценить
Такое крайне редкое явление!
Сюжет довольно скользкий... Как мне быть?
Ну, словом, многодневные лишения
Влиянье оказали, говорят,
На степень целомудрия солдат.
Они, конечно, грабили немало,*

*Но от насилий, следует сказать,
Едва ли сорок дюжин пострадало.
Не стану о причинах толковать...»²³⁶*

Наполеон указал, что в Итальянской компании у Суворова из 51 тысячи русских солдат потери составляли 31 тысячу – столько солдат было убито, попало в плен или лежало в госпиталях.²³⁷ Вероятно, французский полководец считает, что потери были огромны, но... «чья бы королева мычала, а чья бы молчала» – но это относится к французам...

Для полноты описания картины штурма Измаила добавим российский источник, который назвал вещи своими именами: «Сто тридцать пять евреев прибегнули к покровительству Суворова... Во время штурма погибло до 26 тысяч турок и татар... Солдатам позволено было грабить, согласно данному обещанию, три дня кряду: они получили в добычу более миллиона рублей и множество прекрасных турчанок. наших убито на приступе 1880 человек; ранено три генерал-майора, около 200 штаб- и обер-офицеров и 244 рядовых.²³⁸ Да, турки – не французские солдаты. Не та выучка, не та выдержка.

12.3.05 г.

Мне приходилось «охаивать» русскую литературу за антисемитизм. Вот так и угодил в «лапы» диакона Андрея Кураева: «Израильский писатель С. Дудаков, подвергая идеологической цензуре и порке русскую литературу, занёс в антисемиты Пушкина и Гоголя. На каком основании? – «Досадно отсутствие положительного образа еврея в творчестве великих писателей».

Вам это ничего не напоминает? Не забыли вы ещё, как основным недостатком первого варианта фадеевской «Молодой гвардии» считалось отсутствие крупных положительных образов партработников?»²³⁹

Это явное передёргивание. В отношении Гоголя, Тургенева, Достоевского – всё верно. Ну, кроме разве Гоголя, который виновен в грехе лишь однажды, в «Тарасе Бульбе», в произведении второстепенном и не «знаковом». Это ни «Ревизор», ни «Петербургские повести», ни «Мёртвые души». В письмах он почти корректен. С Достоевским же все ясно: он открылся в своем «Дневнике» до конца. Что же касается «Жида» Тургенева, то, прочитав великого Стендаля, можно вполне простить русскому помещику его грех. Есть у Анри Бейля, которого по качеству прозы я ставлю впереди Бальзака, дивный незаконченный рассказ «Еврей (Filippo

Ебрею»). Повествование ведется от первого лица. Еврей рассказывает о своих проделках, до которых героям Булгарина далеко. Ну, естественно, единственный Бог еврея – деньги. Единственная страсть, которую он знает, – деньги. Нет такого преступления, которого он бы не совершал ради денег: обман, спекуляция, воровство, изготовление фальшивых денег, подкуп, игра на бирже, создание эфемерного банка, даже двоеженство и, наконец, убийство. Нет пороков, которых он не имеет, и это всё по собственному признанию. Соплеменники, даже родная мать, братья, сёстры, обкрадывают героя, и неоднократно, но он им все прощает – ибо сам такой. Его многократно ввергали в нищету, но он подобно Фениксу восставал из пепла, превращаясь в богатого негодяя. Читать этот небольшой рассказ омерзительно, но он помещен в собрании сочинений Стендаля.²⁴⁰ Писан сей шедевр в 1831 году в Триесте, где Стендаль некоторое время был французским консулом.

Это есть скромный ответ диакону Кураеву. «Подвергаю порке» и французского классика. И вспомнил бы он, священнослужитель, что Пушкин был очень недоволен, что матерью самого положительного героя истории – Спасителя – была еврейская женщина.

17.3.05 г.

Интересна жизнь некоторых большевистских вождей. 22 марта 1914 года Яков Михайлович Свердлов из Туруханской ссылки писал своей знакомой Лидии Ивановне Бессер, муж которой – А. А. Бессер – был членом Уральского областного Комитета РСДРП (б).

И вот неожиданно в письме появляется знакомое имя: «Устроился я на новом месте значительно хуже. Одно то уже, что живу не один в комнате. Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно».²⁴¹ Чтобы не было недомолвок, в примечании указано: «Джугашвили, упомянутый в четвертом письме – тов. И. Сталин». Некоторые критики и биографы останавливаются на этом факте жизни будущего тирана, усматривая в характеристике Свердлова известную тенденцию. Я же считаю, что письмо как письмо. Главное в нем все же, что грузин «парень хороший» (*как тут не вспомнить «чудесного грузина» Ленина*), а не его индивидуализм. Жизнь в ссылке, при наличии всевозможных ограничений и постоянного нахождения в обществе сравнительно чужого человека, – дело утомительное. Возможны даже стычки и постоянные ссоры. Но не в данном случае. Аккуратность одного и разбросан-

ность другого – вполне достаточные факторы для конфликта. Но, кажется, дело до этого не доходит. Несравненно больше раздражают Свердлова хозяева, мешающие сосредоточиться на работе. Поэтому работают оба – Свердлов и Сталин, – как я понимаю, по ночам. Пользуются свечами, так как нет керосина. Вообще, существует недооценка совместного житья будущих лидеров. Вне всякого сомнения, оно много дало каждому, но больше, конечно, получил Джугашвили.

Другой человек, который меня заинтересовал, – это преемник Свердлова, председатель ВЦИК, Михаил Иванович Калинин (1875–1946). На этом посту он появился после «сильной личности». Свердлов затмевал многих, и должность, им занимаемая, давала большие возможности для проявления инициативы. Калинин устраивал всех – внешность чисто крестьянская, что для такой страны, как Россия, необходимо, и нужно было «забыть» типичного еврея. Давать лишний козырь антисоветчикам не стоит. Но не только это было решающим. «Всесоюзный староста» Калинин – старый большевик, но без амбиций. На пост председателя ВЦИК Калинина выдвинул Троцкий при поддержке Ленина.²⁴² Это была ошибка, поначалу неприметная, но впоследствии облегчившая Сталину приход к единоличной власти. Вся последующая жизнь Калинина – это постепенное превращение в послушное орудие Сталина. Никаких протестов против массовых репрессий. Даже жену арестовали – старик и не пикнул. Арестовали Екатерину Ивановну Ландсберг в 1939 году по личному приказу Лаврентия Берия и выпустили на предсмертную радость старика только после Победы. Ясно, что арестовать жену «президента» или жену Молотова сам Берия не мог. Властелин потешался над подручными. В одной из книг прочитал эвфемизм: «Арест жены явился страшным ударом для Калинина... когда он приходил домой в семью, никто не мог прочитать на его лице каких-либо переживаний. Он не заводил никаких разговоров на эту тему, а домашние ни о чем не спрашивали. Знали: если можно было бы что-то сделать, отец сделал бы».²⁴³ Имя этому всеобщему молчанию – Страх!

Но внешняя простота Калинина – обманчива. Михаил Иванович был весьма образованным человеком, и его судьба неординарна. Постараюсь рассказать, что скрывалось под крестьянской внешностью. Родился Михаил Иванович действительно в крестьянской семье. В 1889 году окончил сельскую школу. И здесь начинается несколько странное. Мать посылает сына к помещику Мордухай-Болтовскому, в услужение барчукам. Большое участие в его судь-

бе приняла жена генерала Мария Ивановна, а барчуки стали личными друзьями Миши. Он стал не только их слугой, его освободили от мелких обязанностей лишь для того, чтобы он сопровождал детей генерала в качестве «личной охраны»: мать была спокойна, когда отпускала сыновей с Мишей. Он был серьезен не по годам. И когда дети генерала увлеклись чтением, Миша тоже пристрастился к чтению. Он присутствовал на занятиях с учителями и гувернантками и быстро усваивал уроки. Память была цепкая, стихи запоминал легко.

Михаил Иванович добрым словом вспоминал генерала Дмитрия Петровича Мордухая-Болтовского, пославшего его в Яковлевское земское училище, попечителем которого числился генерал. Одаренность мальчика бросалась в глаза – четырёхлетний курс училища освоил меньше чем за год! И навсегда полюбил русскую поэзию. Проучился Миша всего два года, а на экзаменах удостоился похвалы попечителя и принес домой «Похвальную грамоту». Но на этом сказка не кончается: 14-летнего подростка семья Мордухая-Болтовского забирает с собой в Петербург. Жили Болтовские на углу Соляного переулка, у рыночной площади. Дом принадлежал семье. Дмитрий Павлович был инженер-генералом Министерства путей сообщения. Жил Миша в маленькой комнате, с поваром и лакеем. Обязанности у него были несложные: вычистить одежду и обувь барчуков, принести свежих булок, разбудить Митю и Сашу, накормить их завтраком и отправить в гимназию. Прибрать комнаты и погулять с пуделем. Затем, предоставленный себе, Миша «вгрызался» в отменную библиотеку. Барчуки были его Вергилиями по книжным шкафам. Сначала они ознакомили Мишу с русской классикой, а затем «лакей» читал и изучал не только Брэма «Жизнь животных», но и... Джона Стюарта Милля «Размышления о представительном правлении» и философский трактат «О свободе». Вечером Миша забрасывал своих «барчуков» вопросами типа «Что значит «непознаваемость мира»?», «Есть ли Бог?» и т. п. В меру своих знаний они растолковывали читанное. Так как семья была либеральная, то наряду с газетой Суворина «Новое время» в библиотеке были работы Шелгунова, Герцена – «Полярная звезда», Белинского, Писарева, Чернышевского и других «леваков». Миша был потрясён, прочитав «Былое и думы» Герцена. Он вспоминал, что чтение было бессистемным, но главное – это набор знаний, впоследствии все можно разложить по полкам. *(Это я сужу по себе)*. Четыре года прослужил Миша у Болтовских. Настала пора уходить из гостеприимной семьи. И здесь есть недоговаривание, недомолвка.

Мы можем поставить вопрос так: а не был ли Миша внебрачным сыном какого-нибудь из Мордухай-Болтовских? Ответ вряд ли может быть получен, но, зная эпоху, можно предположить и это. Слишком тепло относились к нему члены семьи. Они продолжали помогать Мише и после ухода из дома. А сам Михаил Иванович на склоне лет пытался выручить близкую ему семью из сталинских застенков. Учитывая его «храбрость», явление неординарное. В 1939 году один из родственников Мордухай-Болтовских попытался устроиться в Управление строительства Соликамского гидроузла, находящегося в ведении НКВД. Можно предположить, что сей родственник был уже ссыльным. Внук генерала Мордухай-Болтовского написал письмо-прошение к Калинину. Ответ пришел незамедлительно: «Ходатайство о приеме на работу поддерживаю». Помог ему Калинин и прописаться в Ленинграде, что было делом несущественным. На имя Калинина пришло письмо из областного управления НКВД, подписанное палачом Гоглидзе, с уведомлением, что Болтовский скрыл от Калинина свой арест, а посему не имеет права на пропуск. Калинин ответил весьма резким письмом (?!):

«Получил Ваше письмо по поводу гражданина Мордухай-Болтовского А. И. При рассмотрении его ходатайства о пропуске было известно, что он был осуждён особым совещанием на три года. Я лично хорошо знаю не только А. И. Мордухай-Болтовского, но и всю их семью больше 50 лет.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин».

Во время войны в беседе с писателем Пришвиным зашла речь о Мордухай-Болтовских, Калинин сказал, что, к чести всех членов семьи генерала, никто из них не участвовал в контрреволюции. На всю жизнь сохранил Калинин теплое чувство к этой семье. Большинство сведений о Калинине я почерпнул из книги А. Толмачева «Калинин».²⁴³ Именно в этом издании, в отличие от последующих книг, рассказано сравнительно много об интимной жизни «всесоюзного старосты».

Но остался один вопрос: «Кто такие были Мордухай-Болтовские»? Двойная фамилия, имеющая в своем составе еврейское имя Мордухай, заставляет предположить, что основатель клана был человеком еврейского происхождения. Это была разносторонне образованная семья. Глава клана – Дмитрий Петрович, как мы уже знаем, был путейцем. Его сын Дмитрий Дмитриевич (1876–1952) был выдающимся математиком и философом, профессором Ростовского университета. Он был автором философских работ, которые не могли выйти в СССР.

После смерти его сын, С. Д. Мордухай-Болтовский, живущий за границей, получил рукопись отца и опубликовал ее. Работа называлась «Средние века» и состояла из глав: «Интеллект и воля», «Воля и чувство», «Средневековая мораль», «Папство», «Инквизиция», «Средневековая вера», «Мистика», «Искусство». Я привел этот перечень глав для того, чтобы указать, в какой семье воспитывался Калинин. Нет, не только «Белинские и Гоголи» были «науками» крестьянского парня. Не мог он быть простым и примитивным. Но его способность к мимикрии помогла ему выжить...

Ещё одного сына Мордухая-Болтовского – Владимира Дмитриевича – разыскал на Дальнем Востоке. Можно предположить, что не по своей доброй воле он стал главным инженером дорожного строительства треста Дальстрой (*директор – известный чекист Э. А. Берзин*). Владимир Дмитриевич был «вывезен» Берзиным с Урала, где тот работал на Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате. При строительстве Магаданского порта возникли большие технические трудности. Мордухай-Болтовский гениально разрешил проблему. Дело в том, что в 30-е годы там не было ни металла, ни цемента. Приходилось рассчитывать на местные ресурсы. Владимир Дмитриевич предложил строить порт из лиственничных ряжей (*ряж – опора мостов, плотин, набережных в виде сруба из бревен, обычно заполняемых камнем*), которые простояли в морской воде долгие годы, выдержав все испытания. Все гениальное просто. И об этом человеке в советских изданиях, посвященных Магадану, не сказано ни единого слова...²⁴⁴

Один из сыновей профессора Мордухай-Болтовского учился в самом начале 30-х годов в Ленинградском университете на биофаке. Одно из его частных писем к отцу попало «туда-куда-надо». В университете было устроено судилище, где обвинителем был негодяй Исайя Израилевич Презент, «прославленный» сотрудничеством с Т. Д. Лысенко. Об этом судилище подробно рассказывает профессор Раиса Львовна Берг в своих воспоминаниях.²⁴⁵

К сожалению, других сведений об этой семье у меня не имеется. Хотя в Москве в Архиве АН СССР находится фонд семьи Мордухай-Болтовских.

А теперь об одной из «интеллектуальных» статей Михаила Ивановича Калинина. До революции Калинин под псевдонимом А. Каринян сотрудничал в большевистской «Правде». Одна из статей на литературные темы называется «Возрождение реализма», где автор обращает внимание на ряд произведений молодого Алексея Толстого, на Ивана Бунина и других, работающих в об-

ласти «реалистической прозы». И всё это в противовес писателям-декадентам, воспевающим «очаровательный» мир, при ближайшем рассмотрении которого «люди творили мелкие подлости и мелкий разврат»... «Таинственные мальчики», голые и полуголые девушки, борьба полов – вот тема декадентов. Александрийская, лесбийская любовь и другие виды половых извращений процветали в той идеальной «сказочной» стране, которую рисовали русские декаденты «как сладостную легенду». Что ж, для всесоюзного старосты действительно необычно писать подобные вещи...

27. 3.05 г.

Чудеса! Мне пришлось оставить в Ленинграде собрание сочинений Е. В. Тарле. И вот получил подарок от Марка Томсинского – все 12 томов, купленных в книжной лавке. В принципе особой нужды в его трудах у меня не было. А ведь следовало заинтересоваться его личностью. Я при анализе «шедевров» Шабельской не преминул отметить фигуру приват-доцента, который был любовником матери полковника Мина, разгонявшего демонстрацию у Казанского собора. Тарле-демонстрант из рук «самого» оскорбленного полковника получил сабельный удар по голове, так сказать, от своего «родственника». К счастью, удар был несильным и был нанесен плашмя.

В советское время Тарле анализировал французскую революцию, рабочее движение, биографию Наполеона, историю Крымской войны. В 1930 году его арестовали, в 1931 году выслали в Алма-Ату, где он преподавал в местном университете. В том же году его «вернули» в Ленинград. Незадолго до войны, 13 июня 1941 года, «тов. Сталин» пригласил ученого к себе. Они говорили полтора часа. О чем? Думаю, о войне 1812 года. Сталин обдумывал ситуацию... И после войны историка клевали за «космополитизм». Тарле «переживал» время. И пережил. Увы, ненадолго. Кто-то сказал, что в России нужно жить долго.

О своем еврействе не распространялся. Мой любимый друг Соломон Абрамович Могилевский, профессор истории Ленинградского университета, много рассказывал о Тарле. О его окружении, сплошь еврейском: о Ревекке Семеновне Мнухиной, Михаиле Борисовиче (Менделе Берковиче) Рабиновиче, Иде Григорьевне Гудкиной, Льве Михайловиче Шнеерсоне и многих других. Соломон Абрамович был свидетелем случайной встречи у Дома ученых Тарле и Бухарина. Тарле только что вернулся из алма-атинской ссылки. Они шли на встречу друг другу и у парапета раскланялись. Для Могилевского было любопытно, кто поздоровадается первым. Первым поздоровал-

ся «любимец партии», к этому времени уже опальный... Соломон Абрамович рассказывал, что при заполнении анкет уважаемый академик Тарле на пятый пункт отвечал прочерком – «тире», ибо он крестился. Эти анкеты Могилевский видел собственными глазами. Почти вариант анекдота: «Национальность? – да!»

Лет 20 тому назад в Иерусалимском университете обнаружил книгу С. В. Познера²⁴⁶ с небольшим приложением списка студентов-евреев, удостоенных наград за научные труды. Работы очень интересные. Так, Георгий Эфрос получает серебряную медаль за сочинение «О христианстве в Средней Азии», или два еврея Борис Гурвич и Осип Хонес пишут на одну тему работу на юрфаке под названием «Об одиночном заключении в его историческом развитии и современном состоянии» – актуально и в наши дни.

Среди них много знакомцев: Яков Юделевский (псевдоним Делевский), в будущем специалист по Сионским протоколам, Роман Жирмунский – известный литературовед и, вероятно, его брат Рубин Жирмунский – медик. Вообще талантов много, но карьерного искусства многие не выдерживали и крестились. Тот же Роман Жирмунский или Тарле. В 1897 году за работу «Пьетро Помпоннаци и его учение» студент Тарле получает золотую медаль. Но уже в конце века он становится приват-доцентом Петербургского университета, перешагнув через свое происхождение.

Но, кажется, один раз Тарле вспомнил о своем происхождении в статье, посвященной своему учителю, историку Ивану Васильевичу Лучицкому (1845–1918). Родился Лучицкий в г. Каменец-Подольском, где большинство населения составляли поляки и евреи. Он вспоминал впоследствии: «В детстве я играл с детьми евреев-соседей, и мне приходилось терять этих товарищей, так как ещё и тогда их отнимали у их семей, чтоб забрать в кантонисты. Я выслушивал и не раз и не два крики, плач и рыдания и товарищей, их отцов и матерей, когда являлись власти в соседние с нами дома и забирали детей. На мою нервную натуру это производило ужасающее впечатление. Я просыпался среди ночи, мне слышались и во сне крики и стоны, и немало усилий стоило матери успокоить меня и напичкать бромом. И много лет спустя эти воспоминания и наяву, и во сне мучили меня...

А было и другое. Мой отец знал древнееврейский язык, был, между прочим, преподавателем этого языка и в семинарии; к нему нередко приходили старики-евреи для бесед. То были почтенные старцы, и отец постоянно подчеркивал своё уважение к ним. И когда в 1905–1906 годах мне пришлось участвовать в комитете по-

мощи пострадавшим во время октябрьского погрома в Киеве, образ одного из посетителей отца, Абрума, его облик, длинная седая борода, величавые движения – все это вдруг с поразительной живостью воскресло передо мною, когда один из членов комитета, седой еврей, на просьбу одного рабочего, участвовавшего в погроме, категорически заявил, что он подаст голос за выдачу ему пособия, ибо пособия должны даваться и эллину, и иудею, безразлично, раз налицо есть страдание. Я протестовал, но еврей настоял на своём, и выдача состоялась».²⁴⁷ Воспоминания Лучицкого включают два события, разделённые полустолетием. О кантонистах – ещё одно свидетельство ужаса, что претерпело еврейство в царствование Николая I. Касательно погромов 1905–1906 годов, то для нас интересен курсив о рабочем-погромщике. Думаю, что курсив привнёс в текст сам Тарле, ибо в перепечатке «Еврейской старины» за 1916 год сие выделение текста отсутствует. Опыт двух революций для Тарле не прошел даром. Погромы устраивает правительство, но участвуют русские низы, в том числе и рабочие.

А что думал историк Тарле о сионизме? В 1922 году он опубликовал статью «Англия и Турция», где рассказывал о внутренних причинах получения «фирмана» на Палестину от англичан, известного под названием «Декларация Бальфура», о переговорах между «дельцами» британского империализма и сионистскими политиками. «С одной стороны – теоретики интеллигенты, часто наивные фантазёры, напускающие на себя деловой вид, с другой стороны – дальновзоркие хищники, наследники и прямые продолжатели традиций и приемов королевы Елизаветы, Кромвеля, Вильяма Питта Младшего, Пальмерстона, Чемберлена, Эдуарда VII, Сесилия Родса, люди, только что сокрушившие Германскую империю, овеванные пороховым дымом, с твердыми намерениями исполнить новую историческую задачу – связать Африку с Индией цепью непрерывных владений... «Мы согласны», «мы не согласны», – так изъяснялись на первых радостях некоторые сионисты, не понявшие тогда своей мимолетной и чисто декоративной роли...»²⁴⁸

Переведём дух – итак, идеалисты и дельцы: результат понятен. В 1922 году территория «очага» была ампутирована: Заиорданье было отдано арабам. 90 тысяч кв. км из 120 тысяч! Так родилось новое королевство Трансиордания, ставшее позже Иорданией. Но если сказать правду, то и империя дельцов стала терять свои владения. В 1922 году отделилась Ирландия, ставшая вскоре республикой. А уже после Второй Мировой войны Великобритания потянула все свои колонии.

28.3.05 г.

Заговорив о сионизме и декларации Бальфура, стоит задать вопрос: а что такое эта декларация?

Разочарованно мы узнаем, что этот судьбоносный документ, увы, не документ – это частное письмо министра иностранных дел Великобритании к барону Ротшильду. Вот это письмо, на котором зиждется юридическое обоснование возможного в будущем существования государства Израиль.

Декларация Бальфура.

«Министерство Иностранных Дел

2 ноября 1917 г.

Любезный Лорд Ротшильд.

С большим удовольствием передаю Вам от имени Правительства Его Величества следующее выражение симпатий еврейско-сионистским стремлениям, рассмотренное и принятое кабинетом.

Правительство Его Величества относится с полным сочувствием к созданию в Палестине Национального Дома для еврейского народа и приложит все усилия для содействия к достижению этой цели. При этом ясно устанавливается, что не должно быть допущено ничего, что задевало бы гражданские и религиозные права нееврейского населения Палестины или политическое положение евреев в других странах.

Настоящее заявление прошу Вас довести до сведения сионистской федерации.

Уважающий Вас

(подпись) Артур Джемс Бальфур».

Лорд Ротшильд Лайонель Уолтер (1868–1937)

Письмо носит почти частный характер, но, вероятно, оно было послано без согласия союзников. Другие страны, в первую очередь, Франция, «жаждали» немедленной помощи от мирового еврейства. Речь шла, конечно, о скорейшем реальном участии США в войне. Посему во время Брест-Литовских переговоров она (Франция) выступила с декларацией, также подписанной министром иностранных дел и направленной к Нахуму Соколову.

Французская декларация.

«Французская республика.

Париж, 14 февраля 1918 г.

Господину Н. Соколову

Париж, Отель Мэрис.

Милостивый Государь!

В связи с соглашением, установленным во время нашей беседы в субботу 9-го с. м., Правительство Республики, в видах точного выявления своего отношения к сионистским стремлениям создать в Палестине Национальный Дом, опубликовало в печати соответствующее коммюнике.

Сообщая Вам текст, я пользуюсь случаем с особой радостью принести пожелание успеха Вашей самоотверженно преданной деятельности по осуществлению упований Ваших единоверцев. Я благодарю Вас за Ваши старания ознакомить Ваших единоверцев с тем чувством симпатии, какие вызывает в странах Согласия, и в частности во Франции, Ваша деятельность.

Примите, милостивый государь, выражение моего совершенного к Вам почтения.

(подпись) С. Пишон».

Текст Коммюнике.

«Париж 9-го февраля 1918 года.

Представитель Сионистской Организации г. Соколов принят в Министерстве Иностранных Дел г. Стефаном Пишоном, который с удовольствием заверил его, что между французским и английским правительствами существует полное согласие по вопросу о колонизации евреями Палестины».

Коротко и формально. Симон Пишон (1857–1920?) – министр иностранных дел Франции с 1917 по 1920 годы. Нахум Соколов (1859–1936) – один из крупнейших деятелей сионистского движения. Приложил много сил в годы Мировой войны, подготавливая документ, известный как «Декларация Бальфура».

После публикации британского документа забеспокоилась Германия. Было уже поздно, ибо союзная Турция никак не желала поступиться минимумом в Палестине в пользу еврейской эмиграции. Они были связаны «мусульманской» солидарностью. Достаточно того, что арабы, подстрекаемые Англией, поднялись против турок, и лишний раз задевать интересы арабов турки не собирались. Но все же в начале января германское правительство выдало следующую декларацию:

Декларация Германии.

(сделанная статс-секретарем фон Бусше делегации сионистского «Action-Comité» и «Восточному Комитету» в Берлине 5 января 1918 г.)

«Мы признаем справедливость желаний еврейского меньшинства в странах, где евреи живут ярковыраженной своей специфической жизнью, на свободное развитие своей культуры и национальной сущности; мы выражаем свою полную солидарность этим стремлениям и всяческую готовность их поддерживать.

Что касается стремлений еврейства, и в частности сионистов, в отношении Палестины, мы приветствуем разъяснения, сделанные недавно Великим Визирем Талаат-Пашой, в особенности намерения Оттоманского правительства, в согласии с постоянно проявлявшимся им дружественным отношением к евреям, содействовать процветанию ев-

рейского населения в Палестине путем допущения свободной иммиграции и колонизации евреев в пределах емкости страны и свободного развития их национальной культуры».

Обратим внимание, что британская и французская инициативы подписаны министрами иностранных дел, в то время как германская – неизвестным чиновником, статс-секретарем иностранных дел в означенное время был Рихард фон Кюльман.

Раньше всех на Декларацию Бальфура реагировала Япония.

Декларация японского правительства.

Японский посланник в Лондоне опубликовал от имени своего правительства следующую декларацию:

«Японское Правительство с удовлетворением принимает к сведению стремление еврейского народа к созданию в Палестине Национального Дома и относится с полным благожелательством к осуществлению этих желаний, согласно намеченным предложениям».

Японский посланник прибавил со своей стороны, что его правительство сделало аналогичное сообщение 31 декабря 1917 года сионистской организации в Шанхае.

Декларация итальянского правительства.

«Лондон, 9 мая 1918 г.

Милостивый Государь!

По поручению Его превосходительства Королевского министра иностранных дел барона Соннино, имею честь поставить Вас в известность, что правительство Его Величества радо, в ответ на заявленное ему желание, подтвердить прежние разъяснения, сделанные через представителей правительства в Вашингтоне, Гааге, Салониках, о готовности содействовать созданию национально-еврейского центра в Палестине; при этом никоим образом не должно быть затронуто правовое и политическое положение евреев, проживающих в настоящее время в других странах.

Примите, милостивый государь, выражение моего совершенного почтения».

(подпись) Империади.

Господину Науму Соколову, 33-38 Ампаир Хуз, 175, Пикадилли W.I. Лондон.

Министром иностранных дел Италии во время войны был барон Сидней Соннино или Сонино (1847 или 1849–1922). Дважды занимал пост премьер-министра. Он был крещёным евреем, но, полагаю, не католиком, а протестантом.

Когда была принята декларация греческого правительства, неясно. Ибо документ не имеет числа. Но из заявления итальянского правительства явствует, что Греция опубликовала декларацию ранее мая 1918 года.

Декларация греческого правительства.

«Депутат Коффинос выразил в Греческом Парламенте пожелание, чтобы и Греция при создании в Палестине еврейского Национального Дома оказала свою поддержку».

Министр Иностранных Дел М. Политас на это заявил: «Когда я был ещё в Салониках, я воспользовался случаем выразить искренние симпатии к евреям. Все греки разделяют чувства тех, кто страдает за осуществление своего национального идеала. Моя искренняя симпатия сопровождает еврейскую нацию – жертву недоразумений и преследований в течение двух тысячелетий. Я счастлив повторить данное мною обещание: либеральное Правительство Греции сделает все, что в его силах, чтобы в единении со своими союзниками содействовать национальному делу евреев. Позвольте мне обратиться со словом симпатии к еврейской расе, которая в Греции всегда жила под скипетром справедливости и полного равноправия и работала вместе с другими элементами страны при полном взаимном доверии. Еврейская раса имеет тем более права на наши симпатии, что она так же, как и греческая, не согнулась под страшными преследованиями».

За океаном не спешили присоединиться к словесной эквилибристике лидеров Антанты, но под давлением еврейского истеблишмента Вашингтон должен был высказаться на самом высоком уровне.

Декларация Соединенных штатов. «Вашингтон, Белый Дом.

31 августа 1918 г.

Любезный раввин Уайз.

Я следил с глубоким и искренним интересом за работой по восстановлению, которую вела в Палестине комиссия Вейцмана при содействии Британского правительства. Охотно пользуюсь теперь случаем, чтобы выразить удовлетворение по поводу успехов, одержанных сионистским движением в Соединенных Штатах и союзных странах: эти успехи достигнуты после той декларации Бальфура, в которой он заявил от имени Британского Правительства, что Великобритания дает согласие на создание в Палестине Национального Дома для еврейского народа и обещает напрячь все усилия, чтобы облегчить достижение этой цели: при этом было заявлено, что не должны быть затронуты гражданские и религиозные права нееврейского населения Палестины или права или политическое положение евреев в других странах.

Я думаю, что все американцы будут глубоко тронуты вестью, что даже в это время насилий комиссия Вейцмана сумела найти возможность положить основание в Иерусалиме еврейскому университету и с ним грядущему духовному возрождению.

Сердечно и искренне Ваш
(подпись) Вудро Вильсон».

Как реагировали нейтральные страны, и в первую очередь Швейцария? В высшей степени благоприятно.

Швейцарская декларация.

Официальное сообщение.

«16 октября 1918 г. президент Швейцарского Союза принял в длительной аудиенции делегацию Швейцарского Сионистского союза, в составе председателя Сионистского союза доктора С. Бруншвига и делегатов Маркса и Форшерах Готшля. Он выразил свою горячую симпатию сионистским стремлениям и высказал надежду, что сионистская цель создать в Палестине гарантированный Национальный Дом для еврейского народа вскоре сможет осуществиться.

По мнению Президента, грядущий новый международный правопорядок (Лига Наций), основанный на равенстве и взаимном уважении народов и охраняющий свободное развитие наций, должен будет в действительности содействовать сионистским стремлениям».

Обратим внимание на два обстоятельства. Первое: все страны выражали желание, что переселенцы-евреи не затронут интересов местного населения – это было предчувствие будущих конфликтов. И второе: правительства сталкивались с антисионистским движением среди евреев, и с этим также следовало считаться. Посему везде выражалась надежда, что права евреев ни в коем случае не будут ущемлены в странах исхода.

Чрезвычайно интересна позиция Греции. Будучи православной страной, она с трудом мирилась с новым порядком вещей в Палестине. И действительно, скажем, в святой день Пасхи у Гроба Господня в ожидании Святого огня можно было услышать в 20–30-х годах следующий дикий напев, исполняемый громадной толпой:

*«Вера наша истинная,
Евреи – неверные!»*

Или же:

*«О евреи! Ваш праздник – праздник обезьяны,
А наш – праздник Мессии!»*

И далее:

«Слава тебе, Богородица».

И почти сразу:

«Приуныли евреи! Невеселы евреи!»

Толпа отбивала неистовый ритм:

*«Мессия пришел,
Кровью своею нас искупил,
Сегодня нам радость дана,
Приуныли евреи!»*

И хором толпа подхватывала:

*«Сегодня нам радость дана,
Приуныли евреи!»*

А арабская песня звучала так:

Фалестин – блядна!

Егуда – клябна!» – что переводится как «Палестина наша родина, а евреи – наши собаки!»

В 1947 г. Греция – христианская страна – выступила против раздела Палестины. Выводы каждый может делать самостоятельно.

Арабы спохватились почти сразу и стали стучаться во все двери. Но не все двери поддавались шантажу. Все-таки это был не пик Британской империи. Начинался медленный скат вниз, не говоря о Французской колониальной империи. Слишком много молодых людей «белой расы» было истреблено на полях Мировой войны.

Уинстон Черчилль считался верным другом еврейства. И дело не только в отдалённых еврейских корнях, которые якобы были в его генеалогии – по материнской линии. Но вот что сказал Черчилль арабской делегации летом 1921 года:

«Я считаю Ваше требование совершенно односторонним и несправедливым. Вы требуете от меня, чтобы я отменил Бальфурскую Декларацию. Это не в моей власти, а также не соответствует моему желанию. Британское правительство через г. Бальфура связало себя словом».

Да, были иные времена. Дано «слово» – отменить его нельзя, но... можно было его подменить.

29.3.05 г.

В недавно вышедших воспоминаниях А. А. Бруилова имеется вторая часть мемуаров – советская. В ней много злобного в адрес большевистской власти. Кстати, воспоминания обращены к русской эмиграции и должны были служить ему оправданием. А с их точки зрения, «грехов было много». Здесь и участие в отречении государя, здесь и служба у «товарищей». В конце концов, и он, и Поливанов, и Хвоцинский, и Самойло, и Бонч-Бруевич, и Зайончковский, и Шуваев, и братья В. Ф. и Ф. Ф. Новицкие (был и третий брат – Евгений Федорович Новицкий (1867–1931); он оказался в стане белых и умер в эмиграции), и даже обладатель экзотической восточной фамилии генерал-лейтенант Шихлинский Али-Ага-Исмаил-Ага Оглы (1865–1943), и многие другие генералы пошли служить в Красную армию по единой мысли – уверенности, что большевики сохраняют Россию от распада. Что и произошло. Судьба их сложилась по-разному, часть умерли своей смертью, часть тов. Сталин репрессировал, но некоторые дожили до глубокой старости (Самойло, Шихлинский) и издали воспоминания. И, что ещё интересно, о

белогвардейских генералах, точнее, об их боевых качествах в Мировой войне Брусилов был невысокого мнения. В этом списке Каледин, Деникин, Корнилов, даже генерал Алексеев, которому пеняет на отсутствие сильной воли, необходимой на его должности.

Особо следует остановиться на генерале Александре Памфиловиче Николаеве (1860–1919). Родился в семье кантониста. Окончил Московское юнкерское училище, участвовал в Русско-японской войне. За мужество награждён тремя орденами и золотым оружием с надписью «За храбрость». Произведён в подполковники. В годы войны получил чин генерал-майора. Карьера его двигалась медленно – мешало происхождение из «солдатских сынов». После Октября снял с себя погоны и пришел в завком Петроградского паровозоремонтного завода и попросил принять его рабочим. Его внимательно выслушали и послали как военного специалиста в распоряжение военного комиссариата. Активно включается в работу, и его назначают начальником бригады на Нарвском направлении. 13 мая 1919 года отряд белогвардейцев, переодетых красноармейцами, захватил в плен комбрига А. П. Николаева. Командир белогвардейского корпуса генерал Родзянко, знавший Николаева как военного специалиста с большим опытом, предложил ему перейти к белым, но он предпочел смерть отказу от своих убеждений. Лев Троцкий предложил поменять Николаева на нескольких арестованных генералов-заложников. Н. Н. Юденич отказался. 28 мая 1919 года комбриг Николаев был повешен на площади города Ямбурга. А в первых числах августа красновардейцы выбили белых из города. Тело казнённого героя было опознано женой – Надеждой Аввакумовной – и было перевезено в Петроград. Газета «Боевая правда» вышла с большим анонсом на первой полосе: «Сегодня мы хороним красного генерала – тов. Николаева. С воинскими почестями опустим мы его тело в землю. Солдаты Красной Армии! Сохраним навсегда память о павшем командире. Пусть помнит каждый имя генерала Николаева, который сроднился с делом рабочих и крестьян, который стал другом трудового народа. Пусть станет его имя таким же близким каждому крестьянину и рабочему, как имя красного лейтенанта Шмидта. Вечная память и слава товарищу генералу!» Ему устроили достойные похороны. Катафалк был вывезен из Петропавловской крепости под звуки духового оркестра и хора, исполнявшего «Вы жертвою пали» и «другие пролетарские гимны». «Сам» тов. Зиновьев произнес прочувственную речь. 6 октября 1919 г. прощальный салют прогремел со стен Петропавловской крепости. Революционный Военный Совет

республики 7 февраля 1920 года издал приказ о посмертном награждении Николаева орденом Красного Знамени. Сведения о генерале чрезвычайно недостаточны. По некоторым сведениям, генерал умер со словами: «Да здравствует Мировая революция! Да здравствует III Интернационал!» По другой версии, он «бросил в лицо своим палачам: «Ваша победа – на час. Дело рабочих и крестьян не умрёт!» Его образ лёг в основу рассказа Бориса Лаврентова «Седьмой спутник» (1927 г.) о генерале Адамове. Некий поэт, скрывшийся за инициалами А. Л., написал следующее графоманские вирши, не лишённые деталей жизни казнённого генерала:

*«Отняли жизнь, чины и ордена...
Но это все. Над сердцем вы не властны.
Убить во мне грядущий день прекрасный,
Всю веру светлую вам сила не дана.
Мы чтим тебя, седой герой коммуны.
К предместьям всех столиц их принесет молва,
И всюду, где мечта о лучших днях жива,
Ответно загорят святого гнева струны».*²⁴⁹

Интересно, что в многочисленных анкетах тех времён в графе «партийность» Николаев писал весьма двусмысленно: «Сочувствую той партии, которая стремится к справедливости». Это был требовательный командир и, как сказано, он «преследовал» подчинённых за халатность и недобросовестность. Будучи красным командиром бригады, изгнал из армии свыше двадцати лиц командного состава, относящихся халатно к своим обязанностям. Он придавал большое значение культурно-просветительскому аспекту армейской жизни.

Возвращаемся к мемуарам Брусилова. О коммунистических деятелях он почти не говорит. Ленина Брусилов не видел, но воздаёт ему должное как хранителю территории империи. О Троцком и его окружении пишет с уважением, и падение Троцкого, по видимому, его огорчает. Так, Николай Иванович Муралов (1877–1937; расстрелян), который оказывал всевозможное содействие как работе, так и лично Брусилову, по словам самого генерала «стоял горой за Троцкого, и его удаляют из Москвы, вероятно, как «троцкиста» – по крылатому выражению. Да, в сущности, Троцкий по энергии, уму и организаторским способностям, конечно, выдающийся человек».²⁵⁰ Оценка в устах бывшего главнокомандующего чего-нибудь да стоит! Добавим, что генерала никто за язык не тянул. Думаю, что оценка Троцкого, близкая к оценке Лениным

своего соратника, не могла понравиться эмигрантам. Но Брусилов хотел сохранить объективность.

В воспоминаниях Брусилова почти ничего нет о польской компании, которую Советы проиграли. Умалчивание интригует. Стремительный рывок Тухачевского к Варшаве напоминает Луцкий прорыв, осуществленный самим Брусиловым и даже получивший его имя. Оба прорыва, блестяще проведенные, в итоге привели к отступлению. Причин много. В том числе плохая координация фронтов. После польско-советской войны считали, что Юго-западный фронт (*Егоров, Сталин*) не выполнил директивы Троцкого о переброске конной армии Будённого под Варшаву и это якобы решило дело. Безусловно, это способствовало поражению Тухачевского. Но главное не в этом. Разорённая Мировой и Гражданской войнами Россия не могла воевать против Европы. За спиной Польши стояла Франция, снабжавшая поляков сотнями пулеметов и десятками самолётов и танков. Да и генерал Вейган прибыл в Польшу для помощи в принятии решений. Запад не дал бы большевикам в 20-м году занять Варшаву. «Даёшь Варшаву! Даёшь Берлин! И врезались мы в Крым» – лозунг, превратившийся в действительность. К месту сказать, что Брусилов осуждал Врангеля за помощь полякам: «Наступила весна 1920 года. С юга стал наступать Врангель, с запада поляки. Для меня было непостижимо, как русские белые генералы ведут свои войска заодно с поляками». Политическая выкладка «националиста» проста и, на мой взгляд, справедлива: «Как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития».²⁵¹ Если бы на этом мы могли оборвать цитату, то было бы легко увидеть за ней имперца. Но это не так: «Если бы я знал, что большевики укрепятся, будут преследовать религию, объявив атеизм своей официальной религией не только на пустозвонных плакатах, как при Керенском, как я думал вначале революции, – то, конечно, я не стал бы мешать полякам, а напротив, помог бы этому христианскому народу, в чем смог бы!»²⁵²

Ну а что касается нашего брата-еврея, то у Брусилова с трудом найдешь нейтральное слово, о похвальном и не говорю. Лев Давидович – исключение. У генерала было с кем сравнивать Главкомверха: с Сухомлиновым, с великим князем Николаем Николаевичем, с Николаем Последним, с Алексеевым, с Поливановым, с Корниловым, с Шуваевым и с самим собой. Думаю, что по гамбургскому счету он ставил Троцкого на первое место. Другого еврея поминает добром – меньшевика Иоффе, а также почти мальчика – эсера Мальмо (*национальность неясна*), которые оказались

его сокамерниками при большевиках. Они сердечно относились к старому человеку, исполняли вместо него все работы, подметали пол, мыли посуду...²⁵³

Брусиловские анекдоты: «Ленин умер, а идеи его живут!» – «То оно: он умер, а его евреи живут».

Или – генерала приглашают читать лекцию в Харьков. «Представитель украинской молодежи» – Якобсон. И это оговаривается Брусиловым.

Многое в оценке положения послереволюционной России, сделанной Брусиловым, совпадает с воспоминаниями генерал-лейтенанта Шихлинского. После назначения Временным правительством Брусилова на должность Главнокомандующего, Шихлинский в приватной беседе выслушал следующее: «Прежде всего, я хочу вас ознакомить с моим взглядом на будущее России. Возврата к монархии не должно быть. Кто будет у нас царём? Михаил, которого царь оставил наследником? Ведь он же глуп, а других князей, достойных престола российского, у нас нет. Может быть, при мирных переговорах конференция европейских держав предложит нам немецкого принца. Воля ваша. Я их не хочу, пусть мной командуют русские рабочие и русские мужики, но не немецкие принцы. Я вас ознакомил с моей точкой зрения. Это ни для кого, конечно, не обязательно, но если вам угодно будет, интересующимся можете передать эту мою точку зрения».²⁵⁴ Совпадения есть и в оценке русских генералов. Так, на вопрос Шехлинского по поводу «новоявленного героя Корнилова» получил ответ генерала Валуева: «...у этого человека сердце льва, а голова барана». Этим было всё сказано.²⁵⁵

30.3.05 г.

Разговор с Инной Черняховской. «История России: тупик, смута, тирания». И так до бесконечности. Вариант Бермудского треугольника.

3.4.05 г.

Есть удивительные совпадения. В книге «Роковые решения»²⁵⁶ немецкий генерал-лейтенант Циммерман упоминает о доблестной дивизии, защищавшей Францию от американского вторжения. Ну что ж: немцы хорошие солдаты, и здесь ничего удивительного нет. Кроме одного. Вся дивизия была составлена из солдат-язвенников! Кроме того, существовал батальон с болезнями... уха?! Утилитарность немцев поразительна. А ведь и вправду: для нескольких тысяч воинов можно готовить однообразную диетическую кухню. Выгодно и удобно. Правда, как воевали глухие – дело

темное. Жаль, что наци плохо относились к педерастам: а ведь могли составить дивизию, и не одну, из гомосексуалов и лесбиянок. То-то была бы экономия человеческого материала, бесславно погибшего в лагерях. Зря, Адольф Элоизович! Зря...

А вспомнил «Роковые решения» из-за того, что осенью 1914 года чьи-то умные головы создали дивизию, полностью состоящую из петербуржцев, по профессии швейцаров и дворников. Сие воинство никуда не годилось и было почти начисто истреблено в боях 14-го года. Правда, горсточка уцелевших стали хорошими солдатами.²⁵⁷ От себя я могу добавить, что это было бессмысленное уничтожение человеческого материала, глубоко преданного государю и... тайной полиции. Именно посылка из Петербурга гвардейских полков, а также воинства из дворников и швейцаров в кровавую мясорубку облегчила Февральскую революцию. В Петербурге не оказалось верных престолу частей... И сразу в памяти совершенно страшное стихотворение Александра Блока:

*«Петербургское небо мutilо дождём,
На войну уходил эшелон.
Взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.
В этом поезде тысячьоу жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови...*

.....
*Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?»*

На вопрос о печали и грусти Блок отвечает трагичным голосом эпохи:

*«Это жалость – её заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть – её застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...» (1914)*

Мне кажется, что эти стихи написаны при проходах вышеопи-санного воинства швейцаров и дворников...

И уже совсем не к месту. О черновиках этого стихотворения. Собственно, о недоработанной концовке:

*«Но за нами – равнины, леса и моря,
И Москва, и Урал, и Сибирь,
Не оттуда грозу нам пророчит заря,
Заглядевшись на русскую ширь...»*

.....
Разве это последняя в мире война?

Разве.....

*Разве эта германская тяжесть страшна
Тем, кто скорби тяжеле знал?*

Здесь уже мысль о Восточной опасности, отразившаяся позже в «Скифах». Заря – синоним Страны восходящего солнца. Для меня это пророчество о будущей войне России и Германии, нашей несчастной родины с её тиранами, с её скорбью и несомненной уверенностью, что тяжесть германская преодолима. Поэт – пророк. Так, Велимир Хлебников на основании годов рождения и гибели Михаила Лермонтова предсказал две судьбоносные даты России: 1914 и 1941 годы.

К месту вспомнить русского Верховного – великого князя Николая Николаевича. По утверждению С. Ю. Витте, ненормального человека. Человек «с зайчиком», как он его называл. И действительно. В самом начале войны Верховный отказался от помощи союзников. А именно пяти миллионов снарядов, «под предлогом, что в конце войны окажется излишек. Сейчас он не знает, откуда их взять».²⁵⁸ Запись сделана 26 мая 1915 года. Кстати, помощь должна была поступить из США, а время гибели неумолимо приближалось.

7.4.05 г.

Сегодня 69 лет со дня рождения профессора Иерусалимского университета Вольфа Московича, который в этот день находится в Москве на какой-то конференции. Московичу я обязан многим, если не всем в моей научной жизни. Если бы не он, то никакого доктора Дудакова не было. Я боялся со времен России каких-либо анкет. Он взял меня за руку, повёл в деканат, заполнил гэбистские анкеты, и я стал докторантом. Он нажимал на меня изо всех сил, чтобы дело шло «борзо»: это был «шабатон» (*выходной год*) моего врага – «профессора» Вурдалака Старожуликова, и Вольф успел провести меня в дамки за период его отсутствия. Иногда кажется, что его (Вольфа) поступками руководило Провидение. Я обязан многим людям, не бросившим меня в беде. Но профессору Самуилу Моисеевичу Шварцбанду и Вольфу – больше всех. И «пусть рука моя отсохнет, пусть язык прильнёт к гортани», если забуду их друже-

ское участие в моей судьбе. Благодарность – вещь редкая, и я горжусь, что не потерял этого дара. А теперь к делу!

Исламский фундаментализм стал притчей во языцех. Человечество (*европейское*) с удивлением и ужасом смотрит на его проявления. Они забыли историю. А ведь ещё в начале XX века писали о наступлении магометанства. В одном правом издании в 1910 году появилась статья «Панисламитизм», которую мы приведем полностью, ибо она не только не потеряла актуальности, но стала нашим повседневным ужасом.

«В настоящее время невольно бросается в глаза одно интересное явление, на котором нельзя не остановиться. Это громадный успех пропаганды панисламитизма, ведущейся во всех странах, где только имеются мусульмане. Успех этот объясняется, по-видимому, тем духовным подъёмом среди мусульман, который замечается в последнее время и который вызван важными событиями, имеющими место в течение последних лет в исламских странах. Несомненно, что на этот подъем повлияла также в значительной степени наша неудачная война с Японией. Дело в том, что наряду с панисламитизмом существует так называемый «пантюранизм», ставящий себе целью объединение всех народов тюркской крови. Пылкая фантазия татарской и турецкой интеллигенции давно уже установила существование родственных уз между тюрками и японцами, хотя с научной точки зрения этот вопрос более чем спорный. Правда, нельзя отрицать кое-какого сходства в синтаксисе японского и турецкого языков, но отсюда ещё очень далеко до возможности положительно утверждать о родстве японцев с турками. Тем не менее, успех японцев вскружил голову нашей татарской интеллигенции и дал ей повод предаваться несбыточным мечтам. То, о чем у нас могли только думать, в Турции нашло отклик в газетных статьях. При этом не обошлось, конечно, без грубых подтасовок, рассчитанных на то, чтобы произвести эффект и зажечь инертную массу... Так, некоторые турецкие газеты писали при начале нашей войны с Японией: «Теперь на Дальнем Востоке мусульманские принцы (*это японцы-то?!*) восстали и ведут борьбу против русских угнетателей».

Те, кто и интересовался в это время отношением за границей к нашей войне, помнят, какое возбуждение произвели в соседних с Кавказом областях известия о наших первых поражениях. Если в Константинополе правительство вначале запретило печатать эти известия из опасения навлечь на себя неудовольствие России, то в Эрзеруме, в Трапезунде открыто говорили о том, что теперь нужно

двинуть войска на Кавказ и отобрать у русских обратно хотя бы только Батум. Отсюда понятно, каким могучим подспорьем явилась эта война, удачная для японцев, для развития пантуранизма.

Но пантуранизм, по признанию самих же мусульман, на самом деле есть только ступень в деле распространения панисламизма. Удачный переворот в Турции, совершившийся в пользу конституционного устройства, и связанный с этим заискивающий тон европейской дипломатии и прессы ещё более укрепил мусульман в сознании их внутренней мощи и дал им возможность переделывать в своей фантазии мировую карту сообразно своим затаенным мечтам. Правда, мусульмане имеют пока основания видеть свою будущность в таком розовом свете. **Ислам делает в настоящее время огромные успехи в Африке, среди негров, и в Китае, где число китайцев-мусульман растёт с каждым годом. То же мы видим в Индии. Идеи панисламизма являются при таких условиях серьезной угрозой всеобщего спокойствия. Всем известно, какую силу представляет из себя нафантазированная мусульманская масса.** Это в достаточной степени показала последняя война англичан с дервишами-махдистами в Судане. Потребовалась огромная затрата сил, чтобы сломить сопротивление махдистов, и все-таки победа англичан не может считаться полной. Нужно отметить при этом, что египетские войска действовали в этой войне против своих единоверцев с крайней неохотой, и если они не обратили открыто оружие против англичан, то это объясняется только присутствием сильных английских отрядов в самом Египте. Можно предвидеть, что Судан в скором времени станет твердой опорой ислама. Замечено, что негры, обыкновенно очень равнодушные в религиозных вопросах, принимая мусульманство, становятся фанатиками. Небольшие столкновения с европейцами встречаются в Судане почти постоянно. Но вот недавно в газетах появились известия о поражении, нанесённом французским войскам вадайскими и дарсрульскими племенами. При этом указывается, что это восстание направлено не исключительно против французов, но выражает движение на религиозной почве. Особенное же внимание следует обратить на то, что первые известия распространились через Триполис и Константинополь. Вероятно, в панисламистских кругах Турции знали и ждали этого восстания и придавали ему большое значение. Да оно и имеет значение, потому что всякая война мусульман с неверными, хотя бы и неудачная, поднимает среди них дух, указывает на недостатки и подчеркивает лишний раз необходимость объединения. В Индии мусульмане держат пока сторону европейцев, но это только до поры до времени.

В пропаганде панисламизма принимают участие видные мусульманские газеты и журналы. Об одной из таких газет (*если не ошибаемся, газета «Шарк»*) правительством получен доклад от нашего посольства в Константинополе, и она, по всей вероятности, будет запрещена в России. Это доказывает, что наше правительство обратило серьезное внимание на журналы подобного направления. Да это и неудивительно. У нас 20 миллионов мусульман, и, естественно, правительству необходимо знать, какой духовной пищей питаются эти подданные Российской Империи. Нельзя же допустить, чтобы им забивали головы теми пустыми бреднями, которые печатаются в панисламистских газетах. При всей симпатии к нашему мусульманскому населению, при всем том, что мы считаем мусульман верными и добрыми подданными Российской империи, мы все-таки обязаны предостеречь от их излишнего увлечения надеждами, которые все равно никогда не оправдаются уже не потому только, что встретят энергичный отпор, а просто потому, что не имеют за собой достаточного основания. Ведь, в сущности, и панисламизм, и пантуранизм – это громкие слова, которые очень приятны для слуха всякого истинного мусульманина, но которые всегда останутся только словами и никогда не приведут к желаемому результату. **Ведь радужные мечты господ пантуранистов об объединении всех народов тюркской крови, от Дуная до границ Китая и Сиама, и о том, как эта, в сущности, разноплеменная компания заговорит на едином языке и станет (о боги!) источником света и знания для прочих народов земного шара – все эти мечтания просто смешны.** Завравшиеся фантазёры, видимо, из скромности не договаривают, что облагодетельствованные таким образом народы должны будут, конечно, подчиниться просвещённым туркам, которые пока что занимаются вырезанием христиан в Македонии. Занятие очень почтенное и вполне соответствующее истинным наклонностям турок.

Что касается до панисламизма, то он также имеет не больше смысла, чем пантуранизм. Как панисламистам удастся засыпать ров, разделивший мусульман на два враждующих лагеря, как им удастся примирить два мусульманских толка, суннитов с шиитами, взаимно ненавидящих друг друга, – это уж один Аллах ведаёт.

Но хотя панисламизм и не будет в состоянии принести существенную пользу мусульманам, европейцам он все же может доставить массу хлопот. Распространившись среди фанатического населения Судана, он может в один прекрасный день вызвать пожар, который легко перекинёт в прочие мусульманские или с мусульманским населением страны, и тогда Европе придётся иметь войну, ко-

торуя едва ли удастся так же легко и скоро окончить, как усмирение китайских боксеров в 1900/1901 гг. Во всяком случае, повторяем – панисламизм представляет из себя опасность всеобщему миру и требует внимательного к себе отношения».²⁵⁹

Автор статьи скрылся за звездочками. Вполне возможно, им был сам редактор Владимир Митрофанович Пуришкевич, человек вполне образованный, талантливый и чемпион по жидоненавистничеству. Полагаю, что идеи этой статьи будут актуальны если не столетия, то десятки лет. У нас будет время убедиться в этом.

Но кстати, ни одна антисемитская статья журнала «Прямой путь» не носит такого принципиального неприятия, как эта, антимусульманская. И это понятно. Ислам угрожает целостности империи и не только, ислам – угроза европейской цивилизации. **Страшна сила ислама, не знающая компромисса. Мусульмане – это не жиды, ибо в конечном итоге европейская цивилизация – это иудео-христианская.** И Пуришкевич это понимал.

Статья интересна во многих отношениях. Во-первых, панисламская опасность была замечена не менее ста лет тому назад. Пантюркизм (или, как автор называет, пантуранизм) играет роль подручного панисламизма. Заметим при этом, что знаменитый турецкий маршал Энвер-паша был одним из идеологов панисламизма. *(Нелишне отметить, что за преступление против человечности – резни армян – он наравне с Джемаль-пашой и Талаат-пашой был приговорен Антантой к смертной казни. Джемаль-пашу и Талаат-пашу убили дашнаки, мстившие за свой народ, а авантюрист Энвер-паша погиб в 1922 году в одной из стычек с Красной армией около Бухары. Опыт вырезания христиан, может, пригодится в будущем...)* За сто лет мусульманами сделано много. Турецкая империя распалась после Первой мировой войны, что привело к созданию чисто арабских стран, вполне фанатичных. Распад колониальной системы ещё больше увеличил и усилил мир ислама. Возьмем «Прекрасную Францию», которая захлебывается от арабского засилья. Проблема не в том, что они арабы, проблема в том, что они исмаилиты, и ценности христианской культуры они не могут *(не хотят?!)* воспринять. Восприимчивы они не к гуманистическим ценностям и достижениям культуры. Печатный станок Гуттенберга для них средство пропаганды, а не средство распространения культуры. Оружие – это единственное вожеленное приобретение мира ислама. Внутреннюю борьбу между суннитами и шиитами не следует преувеличивать – перед лицом «Фрэнка» они объединяются в ненависти. Режим, существующий в Персии, стране великой древней цивилизации, показывает, до каких мер-

зостей доходит ислам. В победе ислама над древними цивилизациями – византийской и персидской – великий трагизм. Существует мнение, что менее культурные завоеватели постепенно будут переварены завоеванными. Увы, не всегда варвар становится утонченным эстетом. Не всегда. Мало что мусульманство позаимствовало у завоеванных народов. А расцвет арабской цивилизации, как я писал раньше, падает на страны – ойкумены ислама: на Испанию и на Среднюю Азию. Пустыня Саудии осталась по-прежнему интеллектуальной пустыней...

Отсчёт внешнего возрождения ислама падает на годы несчастной Русско-японской войны. Третий мир осознал, что можно бороться с европейской цивилизацией, овладев внешним её проявлением – военной техникой.

Первые ростки пробуждения пантюркизма в России связаны с именем муллы Исмаила бей Гаспринского, крымского татарина. В конце XIX века он обратился ко всем мусульманам России с призывом: «Хватит! Пробуждайтесь ото сна!» Некоторым образом он совершил свой подвиг в одиночку. Один против тёмной и невежественной массы исламистов.

Исмаил бей Гаспарский родился в 1851 году в татарской деревне неподалеку от Ялты. Отец его, Мустафа Аглы, был удостоен дворянства. Здесь имеется некая тайна, т. к. царское правительство проводило массовую высылку крымских татар после Восточной войны, то, вероятно, Мустафа Аглы оставался верен России. Я в свое время писал о восстании татар во времена Крымской войны. Татары проявляли невероятную жестокость к русским мирным жителям. Англичане – не немцы. Немедленно выехав на место преступления, они произвели военно-полевой суд и расстреляли виновных. Сие описано в повести русского философа Константина Леонтьева «Ревнивый муж».

Отец послал Измаила учиться в Воронеж, а затем в Москву. Таким образом он получил светское образование. Затем учился в Стамбуле, вероятно, богословию. А затем Западная Европа – Париж, Сорбоннский университет. В Париже сближается с полуэмигрантом И. С. Тургеневым и становится его литературным секретарем. К этому времени знания его приобретают энциклопедический характер. В 1876 году, накануне Русско-турецкой войны, Измаил возвращается на родину по маршруту Тунис – Египет – Афины – Константинополь. Не исключено, что подданный империи выполнил осведомительскую миссию...

Многолетние рассуждения и наблюдения над жизнью Европы и жизнью мусульманских стран приводят его к мысли о ликвидации

отсталости своих единоверцев. Мысль Гаспарского проста: лишь наука и просвещение – кратчайший путь к цивилизации сегодняшнего дня. Ухватившись за главное, он стал глашатаем образования среди мусульман России.

Конечно, на него оказала влияние европейская школа образования, имеющая богатый теоретический и практический опыт: Иоганн Генрих Песталоцци, Амос Каменский, Иероним Бентам и соотечественники и современники – Константин Ушинский и Лев Толстой. С последним он встречался в Крыму.

Схоластическая школа была отвергнута как безусловно средневековая. Создалась новая система обучения, где наряду с богословием преподаются светские науки. Гаспарский сам пишет учебники, модернизирует арабский алфавит, значительно облегчая его усвоение. Следуя школе Ушинского, он разрабатывает ускоренный метод обучения, названный впоследствии его именем.

Все это идёт на фоне борьбы на два фронта: с косными властями, всюду видящими крамолу, и с менталитетом собственного народа, узревшим подрыв веры в Аллаха.

Гениальный учёный и труженик, Гаспарский создает первую еженедельную газету на тюркском языке «Терджеман» и редактирует ее в течение 30 лет, вплоть до смерти. Место издания – Бахчисарай. Благодаря его энергичной, неутомимой деятельности города Российской империи, где есть мусульманское население, становятся центрами культуры – Бахчисарай, Казань, Уфа, Оренбург, Ташкент, Баку, Тифлис. За пределами России его газету читают в Турции, Индии и даже в Китае (*Восточный Туркестан*). Его газета «работает» на пантюркизм, объединяя разметенные ветром истории племена тюрков. Далее, в 1910 году, за заслуги в области просвещения его кандидатура выдвигается на Нобелевскую премию! (*Возможно, первого мусульманина, выдвинутого на премию.*)

Влияние Гаспарского на мусульманский мир было огромно, особенно на националистические движения русских окраин, и в первую очередь на Русский Туркестан, а также на русскую философию, повернувшуюся лицом к Азии. «Русское туранство» ведёт свой отсчёт от Магницкого (я об этом писал в «Истории одного мифа»), Константина Леонтьева, Николая Рериха и вплоть до нашего времени.

Знакомые ноты мы можем найти и у Льва Гумилева. Вот пример:

«...Ко дню Куликовской битвы – два слова по истории. Известно, что день этот служит гранью, с которой начинается возрождение Руси и, обратно, постепенное падение татарского владычества.

Об этом владычестве мне приходилось кое-что читать и слышать, и мне всегда казалось, что тут что-то недописано или недосказано. Обыкновенно говорят: татарское господство причинило Руси неисчислимые бедствия, задержало цивилизацию на несколько столетий.

Это совершенно верно; но я думаю, что столь продолжительное господство над Русью какого-либо другого племени, при той же силе и могуществе, могло бы совершенно уничтожить Русь. Примеры этому мы видим на западных окраинах славянства. Татары, как господа, собирали дань; как дети Азии, частенько похищали хорошеньких девушек и затем бытовой, религиозной жизни Руси почти вовсе не касались.

Я не историк, могу легко ошибиться, но мне кажется, что, говоря о татарском господстве, следует подумать о том, что оно, может быть, охранило Русь от более сильных чужеземных влияний и своеобразным характером своим способствовало выработке идеи единства Руси, воплотившейся в первый раз на Куликовом поле...»²⁶⁰

На минуту остановимся. Восточный человек с легкостью говорит об угоне живого товара, продолжающемся до сих пор наряду с наркобизнесом, процветающим во всех мусульманских странах без исключения.

Второе – оказывается, низкая культура татар способствовала «консервации» русского духа, спасая его от соблазнов более высокой западной цивилизации.

Ну что ж, стоит поклониться за 240-летнее иго примитивного степного этноса. Исмаил Гаспарский слишком образованный человек: он лукавит, подыгрывая неославянофилам, видящим особый русский путь развития. Евразия – это наша общая родина.

25.4.05 г.

При работе над статьей о Ленине я наткнулся на воспоминания А. Ф. Кони о процессе Александра Ульянова и его товарищей. Ужасающая картина юстиции того времени. Если бы мы не знали времена Крыленко и Вышинского, то процесс можно назвать «Шемякиным судом». А так все официальные лица – послушные орудия империи, не смеющие протестовать заранее предрешенному приговору. Например, Н. Д. Неклюдов, любимый ученик отца Александра Ульянова. Безнравственно вёл себя первоприсутствующий, обер-прокурор Сената Петр Антонович Дейер (1832–?), анти-семит, оскорбляющий подсудимых. «Где вы окончили курс?» – спросил он молодую девушку-еврейку (возможно, Ревекку Шмидо-

ву), обвинявшуюся в укрывательстве подсудимых. «В Елизаветградской... женской гимназии». – «На казенный счет?» – «Нет, на счет родителей». – «А какого вероисповеданья ваши родители?» – «Иудейского». – «Значит, евреи?» – торжественно провозглашает Дейер. «Да», – говорит дрожащим голосом, бледнея, несчастная. – «А чем они занимались?» – «Коммерцией». – «Га! – восклицает Дейер. – Значит, гешефтом?!» Девушка поникает головой и молчит. И это происходит перед самой обвинительной речью, в которой обвинитель будет требовать головы». ²⁶¹

26.4.05 г.

Советское правительство грабило своих актёров, выезжающих на гастроли за границу. Нищенскую зарплату «выездных» отнимали различными поборами. А началось это давно, ещё в первые годы новой власти. Выпущенный на гастроли Ф. Шляпин собрал в Америке и Англии громадную аудиторию. «Половину моего заработка в Англии, а именно 1400 фунтов, я имел честь вручить советскому послу в Англии, покойному Красину.

Это было в добрых традициях крепостного рабства, когда мужик, уходивший на отхожие промыслы, отдавал помещику, собственнику живота его, часть заработков. Я традицию уважаю». ²⁶² Как видно, чувство юмора не покидало певца в эмиграции.

Известен во всём мире самый популярный метод грабежа населения. Этот грабёж называется «налоги». Самые высокие налоги в самых процветающих странах. Обыкновенно говорится, что «население стонет под налоговым бременем».

Но увы, современному государству без этого не обойтись. Интересно, как рассчитывался великий певец с министерством финансов Франции? Конечно, всё это несопоставимо с советской действительностью, где система грабежа была доведена до совершенства...

4.5.05 г.

Иерусалим.

Площадь всего Старого города – 860 кв. дунама.

Площадь Еврейского квартала – 140 кв. дунама.

Площадь Армянского квартала – 104 кв. дунама.

Площадь Христианского квартала – 180 кв. дунама.

Площадь Мусульманского квартала – 304 кв. дунама.

Все это не считая Храмовой горы, которая составляет приблизительно шестую часть Старого города, т. е. 132 кв. дунама.

Итого мусульманам принадлежит: $132 + 304 = 436$ кв. дунама. Львиная доля Святых мест! (1 дунам = приблизительно 0,1 га.)

При этом название «Христианский квартал» слишком аморфное. Здесь представлены все христианские конфессии, находящиеся в постоянной конфронтации друг с другом. Ну а разве армянский квартал – не христианский? Армяне молодцы: им принадлежит восьмая часть Altstadt!

5.5.05 г.

Великая русская балерина Ольга Александровна Спесивцева (1891–1991). Человек трагической судьбы и человек с тёмной биографией. Видел её и в роли советской чекистки в каком-то «дефективе». Но что правда, то правда: она была дважды замужем. Оба раза мужа – работники органов. По «счастливой» случайности – оба евреи. Первый – Борис Гитманович Каплун, молодой человек невзрачной наружности, но очень любезный. Мемуарист пишет: «Кто был Каплун? Я никогда не справлялся о его специальности или служебном положении и ничего не знаю ни о том, ни о другом. Впоследствии приходилось слышать, что он был одним из близких сотрудников Урицкого. Во всяком случае, по всему было видно, что это человек с положением и большими связями».²⁶³ Вторым спутником жизни Спесивцевой был директор «Севзапкино» Альберт Моисеевич Сливкин. Богданов-Березовский писал: «Теперь, спустя много лет, размышляя об этих союзах Спесивцевой с людьми, как мне представляется, совсем мало согласующимися по своему человеческому облику и с ней самой, и с ее искусством, я сопоставляю эти давние эпизоды жизни Спесивцевой с последним её романом – историей взаимоотношений с мистером Б..., внезапная смерть которого дала решающий толчок окончательному взрыву длительного психического заболевания, в течение нескольких лет исподволь назревавшего. И прихожу к мысли, что все это было сознательной жертвой, приносимой своему искусству, формой меценатства, на которое она, быть может, мучительно внутренне сопротивляясь, шла для получения условий, обеспечивающих полную, неограниченную свободу творчества...»²⁶⁴ Валериан Михайлович Богданов-Березовский (1903–1971) – композитор, музыковед и педагог, друг знаменитой балерины, несколько преувеличивает жертвенность актрисы. Вне всякого сомнения, ею двигало честолюбие и авантюризм. Но в любом случае жаль великую танцовщицу, двадцать два года проведшую в психиатрической больнице. Её судьба подобна судьбе Вацлава Нижинского.

Но вспомнилась Ольга Александровна неслучайно. Как балерина она была современницей Павловой и Карсавиной, но её трактовка ролей (например, Жизели) резко отличалась от разработок вышеупомянутых соперниц. Громадную услугу ей оказал знаменитый писатель, критик и балетоман Аким Львович Волинский (Флексер; 1865–1926). Именно он отточил в Спесивцевой волшебную силу интеллекта. Его значение для танцовщицы неопределимо. И об этом пишет Богданов-Березовский...

9.5.05 г.

День Победы! И День поминовения погибших. Моя семья – это трое дядей: дядя Гриша Паин, дядя Зяма Симунин и дядя Миша Мортхин – и мой двоюродный брат Шура Дудаков, моряк, списанный на сушу и погибший в сентябре под Ораниенбаумом. Добавим моего дедушку Меера, умершего от голода в блокадном Ленинграде. Было ему всего 55 лет. Я теперь на десять лет старше его. Он был мудр и образован. В Первую Мировую дед был призван в Белостоке, и, когда русские стали отступать, его командир полка, полковник Попов (*да будет благословенна его память!*), помог семье солдата достать теплушку и со всеми «бебехами» переправить в Витебск. Семитолог профессор Андрей Яковлевич Борисов (1903–1942) воспитывался в еврейской семье и с детства владел еврейским языком – подробностей не знаю. Через свою дочку он вёл переписку с дедом на древнееврейском языке. Борисов не хотел терять «формы». Дочка профессора Леля передавала записки моей сестре Эстер. И Борисов тоже погиб в блокадном городе. (*Уже после войны я получил от Борисовых два книжных подарка. Во-первых, Р. Киплинг – «Ким», толстенный том, и, во-вторых – книгу М. Левидова «Стейниц-Ласкер» с вырванным предисловием Н. Крыленко. Вероятно, семья не знала, что не только Крыленко, но и автор репрессированы.*)

Идут фильмы о Симонове. Частью – трёп, а частью – интересные. Из всей лирики Константина Симонова меня привлекает стихотворение «Если...». Может показаться, что это credo Р. Киплинга, перешедшее на страницы антифашистской борьбы. Это стихотворение ничем не отличается от статьи Ильи Эренбурга «Убей немца!», за которую в 1945 году он подвергся нападкам. И не только со стороны Геббельса, но и со стороны прехвостней Сталина (*профессор Г. Ф. Александров*). Аналогичные статьи писали и другие советские писатели: Алексей Толстой – «Убей зверя», Михаил Шолохов – «Наука ненависти» и т. д. Но, естественно, жертвой атаки стал Илья Григорьевич...

Мой друг Анатолий Рубашев, родной брат которого погиб под Ленинградом, рассказал, что слышал от своих знакомых в Германии о массе статей новейшего времени о том, какие насилия чинили русские солдаты в Германии. Это ужасно. Но, в общем, это каралось расстрелом, что в принципе не было понято солдатами, прошедшими от Москвы и Сталинграда и видевшими зверства нацистов. «Око за око» – старый как мир закон и, увы, в данном случае справедливый.

«Если дорог тебе твой дом,

*.....
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоём ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел – так ее любил, –
Чтоб фашисты её живьём
Взяли, силой зажав в углу,
И распяли её втроём,
Обнажённую, на полу;*

*.....
Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мёртвым стоял.
Так хотел он, его вина –
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть станет вдовой.
Пусть исплечется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будут ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей.
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!»²⁶⁵ (1942 г.)*

У меня в библиотеке есть небольшая книга Ильи Эренбурга.²⁶⁶ Это сборник военных статей Ильи Григорьевича. Сборник поделён на разделы, один из которых озаглавлен «Немец». И первая статья носит название «Оправдание ненависти». Читаем:

«Ненависть не лежала в душе русского человека. Она не свалилась с неба. Ее наш народ выстрадал. Вначале многие из нас думали, что это война как война, что против нас такие же люди, только иначе одетые. Мы были воспитаны на великих идеях чело-

веческого братства и солидарности. Мы верили в силу слова, и многие из нас не понимали, что перед нами не люди, а страшные отвратительные существа, что человеческое братство диктует нам быть беспощадными к фашистам, что с гитлеровцами можно разговаривать только на языке снарядов и бомб».

«Волкодав – прав, а людоед – нет». Одно дело убить бешеного волка, другое – занести свою руку на человека. Теперь всякий советский человек знает, что на нас напала свора волков... Немецкие фашисты – это образованные дикари и сознательные людоеды».²⁶⁷

В дни Победы и памяти шесть миллионов погибших, в День гибели и героизма стоит вспомнить ещё одну статью, где Илья Григорьевич говорит о своем народе. Его сердце обливается кровью. Это ужасно. Статья лаконична и носит название «Евреи»:

«Немцы пытали еврейских девушек, закапывали в землю старых евреев. Гитлер думал сделать из евреев мишень. Евреи показали ему, что мишень стреляет. Евреи были учеными и рабочими, музыкантами и грузчиками, врачами и колхозниками. Евреи стали солдатами. Они никому не передоверят своего права на месть.

Фальковичу шел пятый десяток. Будучи филологом, он провёл жизнь у письменного стола. На таких немцы облизываются: поймать и повесить. Не тут-то было. Фалькович пошел добровольцем на фронт. Отрезанный от своей части, он набрал восемнадцать бойцов. Они встретили роту немцев. Фалькович скомандовал: «В бой!» Восемнадцать смельчаков взяли в плен тридцать пять фрицев. Филолог своими руками убил восемь немцев.

Немцы шли на Москву. Хаим Дыскин – сын крымских колхозников, учился в литературном институте. Когда началась война, парню было семнадцать лет. Он пошел на фронт добровольцем. У Можайска, увидев немецкие танки, артиллерист Дыскин прямой наводкой разбил головной танк. Немцы выбежали из машины. Дыскин сам себе скомандовал: «Огонь по фашистам!» Раненый, он остался у орудия. Он был вторично ранен. Истекая кровью, он продолжал один отбивать атаку. Четырнадцать ран на теле, Золотая звезда на груди героя, пять подбитых немецких танков – вот история семнадцатилетнего Хаима.

Может, немцы думали, что евреи не ходят на лыжах? Лейзер Паперник зимой в селе Хлудиево истребил несколько десятков немцев. Тяжело раненный, он упал на снег. Немцы побежали. Тогда Паперник приподнялся, и в немцев полетели гранаты. Полумертвый, он ещё сражался против сотни немцев. Последней гранатой он взорвал себя.

Может быть, немцы думали, что евреи – не моряки? Герой Советского Союза капитан подводной лодки «Малютка» Израиль Фисанович показал фрицам, как еврей топит арийских бандитов. Немцы скинули на подводную лодку триста двадцать девять бомб, но лодка вернулась на свою базу. Она потопила четыре немецких транспорта. Рыбы радовались. Но вряд ли радовались породистые адмиралы.

Кто в Ленинграде не знает о подвиге радиста Рувима Спринцона? Он передал в эфир: «Огонь по мне!» Три дня держались четыре радиста, отрезанные от наших: еврей, русские, украинец. Рувим Спринцон совершал вылазки, бил из автомата врагов. Немцы узнали: одно дело терзать в Гомеле беззащитных старух, другое – столкнуться в поле с Рувимом Спринцоном.

Под Ленинградом Лев Шпайер сжег немецкий танк, уничтожил десяток автоматчиков. Лев Шпайер проткнул русским штыком ненасытное брюхо трех грабителей. Шпайер погиб в бою. Бойцы написали письмо его родителям: «Дорогие и любимые родители Льва Шпайера! Ваш сын был героем нашего фронта. Он знал, что за его спиной гордость русского народа – Ленинград. Мы вспомним немцам Лёву, нашего командира-героя. Мы за него отомстим!»

Под Сталинградом немецкие танки пошли в атаку. В окопе сидел Давид Кац. Он бросил в головной танк бутылку с горючим. Танк вспыхнул. Второй танк хотел повернуть. Но Кац крикнул: «Бросьте эти шутки!» – и кинул гранату под гусеницы. Танк остановился, но пулемет ещё строчил по нашим. Тогда Кац заткнул дуло пулемета штыком. Раненый, он продолжал сражаться – ведь он защищал Сталинград. Только после вторичного ранения Давид Кац позволил отвести его на медпункт. Как здесь не вспомнить старую легенду о великане Голиафе и о маленьком Давиде с пращой?

Когда-то евреи мечтали об обетованной земле. Теперь у евреев есть обетованная земля: передний край. Там он может отомстить немцам за женщин, за стариков, за детей.

Велика любовь евреев к России: это любовь к духу и к плоти, к высоким идеям и к родным городам, к стране, которая стала мессией, и к земле, в которой похоронены деды. «За родину!» – кричал московский рабочий Лейзер Паперник, бросая в немцев гранаты. С этими словами он умер, верный сын России». ²⁶⁸

18.6.05 г.

Только что мы вернулись из Англии, где неделю жили в Лондоне и две недели гостили у дочери в Фолкстоне.

В Лондоне нам повезло. Кроме обязательной запланированной программы – «Ковен Гарден», «Национальная галерея», «Портретная галерея», Институт «Карто» (импрессионисты), Британский музей – ещё и в частной галерее выставка-продажа работ Дали. Замечательные скульптуры! Раз найденный образ текущего времени использован многократно, но от повторов он не теряет смысла, не тускнеет. Так по одному звуку мы узнаем Шопена или Чайковского, и нам это не надоедает. Попали на выставку художницы Фриды Калло. После просмотра знаменитого фильма «Фрида», который устроила Ирина накануне, нам было интересно воочию увидеть работы. Выставка была в двух частях. В «Портретной галерее» демонстрировались фотографии из её жизни, в «Новом Тайте» – живопись. Ожидания не оправдались: она слишком жёсткая художница и слишком зависимая от Диего Риверы. Вот уж кто гений так гений! Микеланджело XX века. Приобрели два небольших альбома Фриды и её мужа. Но для меня интересны были отношения между Диего, Фридой и Троцким. В фильме он несколько шаржирован. Конечно, Лев был «ходок». Но, в конце концов, грубая русская поговорка точна: «Сучка не захочет – кобель не вскочит»; инициатором романа была экстравагантная Калло. В фильме интересна пощечина, данная Риверой Сикейросу. Диего требует, чтобы Сикейрос помог Троцкому даже как еврею! Тем непонятнее мне вторичное вступление в компартию Диего и Фриды. На послевоенном снимке оба художника, Диего и Давид, сидят в президиуме съезда мексиканской компартии. И это после сталинских репрессий, после пакта с Германией, после зверского убийства Троцкого и т. д. Для меня это цинизм. Нелишне отметить и еврейское происхождение Риверы, Сикейроса и Фриды Калло. Правда, Ривера и Фрида наполовину. Еврейство – это мощная интеллектуальная сила. Мы так мало знаем генеалогию гениев.

У нас с Инной есть привычка перед сном читать стихи. В этот раз в доме дочери Ирины мы увидели однотомник И. А. Бунина и с наслаждением вслух читали мою любимую «Иду», «Кавказ», «Ворона». Боже, какая ювелирная проза! Великий писатель. Инна же захотела перечитать весь том и принялась за «Деревню». Начав читать, она не могла бросить и спросила меня, почему я не использовал текст Бунина в работе над Бондаревым. Забыл! Начисто забыл. Том собрания сочинений Бунина с «Деревней» разукрашен моими пометками. Но запомнил не только Бунина, но и Чехова, его «Мужиков», вызвавших вой как народников, так и правых, причисливших Антона Павловича к... марксистам. Честное слово, повесть Ивана Родионова «Наше преступление» (1909 г.) о дере-

венских нравах, о чем я уже писал ранее, как две капли воды похожа на произведения Чехова и Бунина.

Что такое русская деревня, по описаниям двух классиков? Нищета, голод, грубость, избиение женщин, антисанитария, желание поскорее избавиться от больных членов семьи и т. д. Приведу несколько цитат и пересказ, и это будет напоминанием тем, кто тоскует о временах монархических.

«...Войдя в избу, он даже испугался: так было темно, тесно, нечисто. Приехавшие... с недоумением поглядывали на большую неопрятную, занимавшую чуть ли не пол-избы, темную от копоти и мух печь. Сколько мух! Печь покосилась, бревна в стенах лежали криво, и казалось, что изба сию минуту развалится... Бедность, бедность». В избе находились девочка и кошка. Кошку окликнули, но выяснилось, что кошку избили, и она оглохла... Старики – тощие, сторбленные, беззубые. Все ели жадно хлеб, макая его в воду.

«Ма-арья!» – раздался крик у самой двери.

«Вступитесь, Христа ради, родименькие, – залепетала Марья, дыша так, точно ее опускали в очень холодную воду, – вступитесь, родименькие...» Заплакали все дети, сколько их было в избе... Писался пьяный кашель, и в избу вошел высокий чернобородый мужик в зимней шапке, и оттого, что при тусклом свете лампы не было видно его лица, страшный... Подойдя к жене, он размахнулся и ударил ее кулаком по лицу, она же не издала ни звука, ошеломленная ударом, и только присела, и тотчас же у нее из носа пошла кровь». ²⁶⁹ Это не уголовная хроника – это повседневная жизнь русской деревни. Рассказ написан в 1897 году. А чего стоит одно название села «Жуковка», переименованное в «Хамскую» или «Холуевку!» Но ведь нищета и бескультурье безмерное. Помои выливаются тут же, рядом с крыльцом, и затем по этим лужам идут босыми ногами. А пьянство не только ежедневное, но и еженощное: «На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покров в Жуковке был приходский праздник, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественных денег и потом ещё со всех дворов собирали на водку». ²⁷⁰

Героине, побывавшей в городской обстановке, казалось, что окружающие её люди – животные: «В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик. Кто растрчивает и пропивает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик». ²⁷¹ Как видим, здесь речь идет сугубо о русском

мужике, и только о нем. Здесь нет евреев, спаивающих русский народ, – их просто нет. Единственный раз на страницах книги появляется еврей-выкрест, бывший военный фельдшер, невежда. Но к основной теме он не имеет отношения.

Классики приходят и уходят. На смену Тургеневу пришел Чехов, на смену Чехову – Иван Бунин. Его «Деревня» написана в 1909–1910 гг., уже во времена «благодатных» столыпинских реформ. Но суть по-прежнему та же.

«Господи Боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей – ест же это этот хлеб досыта сто человек во всем городе. А ярмарка? Нищих, дурачков, слепых и калек – да все таких, что смотреть страшно и тошно, – прямо полк целый!»²⁷² Все это вложено в уста зажиточного крестьянина. Ненависть к своей родине сквозит в каждом пассаже грамотного мужика. *(Это не истерические строки Валерия Брюсова: «Родину я ненавижу...» Отнюдь нет.)*

«Мерным шагом, с высокими посошками шли толпы замученных усталостью и зноем богомолков. Они отвешивали Тихону Ильичу низкие, смиренные поклоны, но теперь ему уже опять все казалось жутьничеством.

Смирненницы! А грызутся, небось, на ночёвках, как собаки». Подымая тучи пыли, гнали лошадемок пьяные мужики, возвращавшиеся с ярмарки, – рыжие, сивые, черные, но все одинаково безобразные, тощие, лохматые. И обгоняя их гремящие телеги, Тихон Ильич мотал головой: «У, нищелроды, пропади вы пропадом».²⁷³

«... За церковью блестел на солнце мелкий глинистый пруд под навозной плотиной – густая жёлтая вода, в которой стояло стадо коров, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливал голову голый мужик.... Лошадь жадно припала к воде, но вода была так тепла и противна, что она подняла морду и отвернулась. Посвистывая ей, Тихон Ильич покачал картузом:

– Ну, и водица у вас! Ужли пьете?

– А у вас-то, ай, сахарная? – ласково и весело возразил мужик. – Тышу лет пьём!»²⁷⁴

Разговор двух братьев *(один из которых сравнительно начитанный самоучка)* сводится, в конце концов, к России:

«Ты вот, вижу, гордишься, что ты русский, а я, брат, ох, я далеко не славянофил! Много баять не подобает, но скажу одно: не хвалитесь вы ради Бога, что вы – русские. Дикий мы народ!.. Я... довольно-таки пошатался по свету, ну и что ж? – прямо нигде не

видал скучнее и ленивее типов...» Брат Тихон Ильич соглашается с оценкой брата – народ дикий и шальной, но надо пожить в мужицкой шкуре, чтобы понять его: «Поживи-ка у деревни, похлебай серых щей, поноси худых лаптей!» Брат сразу хватается за конец фразы и выдает очередную филиппику:

«Лаптей! – едко отозвался Кузьма. – Вторую тыщу лет, брат, таскаем их, будь они прокляты! А кто виноват? Татаре, видишь, задавили! Мы, видишь ли, народ молодой! Да ведь авось и там-то в Европе тоже давили немало – монголы-то всякие. Авось и германцы-то не старше».

Далее разговор сводится к церкви. Оказывается, мало кто ходит в церковь. «Кабы не страх да не нуждишка – и совсем забыл бы». Тихон Ильич подозревает брата в молоканстве и утверждает, что даже редкое посещение церкви облегчает душу: «Все грешны. Да ведь сказано: за один вздох все прощается».

Кузьма покачал головою: «Говоришь привычно!.. А ты остановись и подумай: как же это так? Жил-жил свиньей всю жизнь, вздохнул – и все как рукой сняло! Есть тут смысл, ай нет?»... «Правильно и это», – подумал Тихон Ильич». А брат продолжает: «Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово – одно, а дело – другое! Русская, брат, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи»... «Вот ты и подумай: есть ли кто лютее нашего народа? В городе за воришкой, схватившим с лотка лепешку грошовую, весь обжорный ряд гонится, а нагонят, мылом его кормят. На пожар, на драку весь город бежит, да ведь как жалеет-то, что пожар или драка скоро кончились!.. А как наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьет смертным боем или мальчишку дерет как сидорову козу, – али потешаются над ним? Это уж самая что ни на есть веселая тема... И учат этих самых дураков для потехи рукоблудству!.. Мажут бедным невестам ворота дегтем! Травят нищих собаками! Для забавы голубей сшибают с крыш камнями! А есть этих голубей, видите ли, – грех великий. Сам Дух Святой, видите ли, голубиный образ принимает!.. Да-а, хороши, нечего сказать! Доброта неопишущая! Историю считаешь – волосы дыбом встанут: брат на брата, сват на свата, сын на отца, вероломство и убийство, убийство и вероломство... Былины – тоже одно удовольствие: «распорол ему груди белые», «выпускал черева на землю»... Илья, так тот собственной родной дочери «ступил на леву ногу и подернул за праву ногу»... А песни? Все одно, все одно: мачеха – «лихая да алчная», свёкор – «лютый и придерчивый», «сидит на палате, ровно кобель на кана-

те», свекровь, опять-таки, «лютая», «сидит на печи, словно сука на цепи», золовки – непременно «псовки да кляузницы», деверья – «злые насмешники», муж – «либо дурак, либо пьяница», ему «свёкор-батюшка вялит жану больней бить, шкуру до пят спустить», а невестушка этому самому батюшке «полы мыла – во щи вылила, порог скребла – пирог спекла», а к муженьку же обращается с такой речью: «Встань, постылый, пробудися, вот тебе помои – умойся, вот тебе онучи – утрися, вот тебе обрывок – удавися»... А прибаутки наши! Можно ли выдумать грязней и похабнее! А пословицы! «За битого двух небитых дают»... «Простота хуже воровства».²⁷⁵ Вообще, можно делать выписки подряд и весь этот рассказ или повесть подтверждение тому, что революция в России была неизбежна. И нечего в прошлом искать потерянный рай. Россия «потерянным раем» казалась и самому Бунину, покидавшему свою родину. Тогда и вырывались такие строки:

*«И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я всё – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав».*²⁷⁶ (14.7.18)

Но ведь вникните в текст: Родина – это природа и человек. Здесь, в чудных бунинских строфах, человеку не нашлось места. Идет пересказ евангельской притчи или воспоминание о картине Рембрандта, где главное все-таки личность. Библия практически не знает пейзажа. Пейзаж лежит за линией горизонта...

26.6.05 г.

Слышу о росте антисемитизма в мире и в России. По телевизору слушал интервью с писателем Прохановым. Бог миловал: не читал его шедевров. Так сей тип по телевизору на поставленный вопрос о подлинности Протоколов Сионских мудрецов отбегаемо подтвердил их существование, ибо все в мире происходило и происходит по их гениальному злодейскому замыслу.

4.7.05 г.

Сталин в поисках национальной опоры стал поворачиваться лицом к русской истории ещё в довоенное время. Обычно ссылаются на фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», сня-

тый в 1938 году. Вот и другой случай, относящийся к 1940 году. Речь идет о постановке оперы Глинки «Жизнь за царя», в советском варианте «Иван Сусанин». В 1939 году выдающийся советский оперный дирижер Арий Моисеевич Пазовский (1887–1953) поставил в Ленинграде «Жизнь за царя», то бишь «Ивана Сусанина». Впервые после Октябрьского переворота было возобновлено лучшее детище Михаила Глинки, подвергавшееся остракизму. Сразу возникли проблемы с царистской линией. До революции «Жизнь за царя» исполнялась в так называемые «царские дни» на правах официоза или даже художественного монархического манифеста. (*Вспомним: Фёдор Шаляпин пел свою арию на коленях в двух шагах от царской ложи, где был Николай с семьей.*) Пазовский нашел выход: часть либретто переписал поэт Сергей Городецкий, эквиритмически соотнеся текст с музыкой. Но вот что делать с заключительной молитвой? В постановке Кировского театра она звучала. В Большом, по вполне понятной трусости, молитву исключили. А весной 1940 года происходила декада ленинградского искусства в Москве, и было решено показать там «Ивана Сусанина». И что тут началось! По мнению руководства Всесоюзного комитета по делам искусства, молитву следовало выбросить. Но Пазовский был человек с характером и мужеством, что для меня удивительно: было время рабов, холуев и подпевал. Да и, наверно, не раз ему угрожал арест. И был Арий Моисеевич евреем, пошедшим на баррикады: хотя какое дело иудею до православия, а тем паче царизма, но ради истины... Глинка должен быть восстановлен!

Художественный «бунт» Пазовского докатился до А. А. Жданова, большого «ценителя музыки», как иронически рассказывает о нем Шостакович. Тов. Жданов объяснял двум гениям, Прокофьеву и Шостаковичу... что такое мелодическая музыка. Взять на себя ответственность ленинградский сатрап не мог и доложил об этом деле Сталину. Сталин разрешил спор в пользу Пазовского. После некоторого раздумья он высказался примерно так: «Оставьте все, как идет в ленинградском спектакле. Надо уважать волю такого художника, как Пазовский. Она обоснована: эпохе, изображаемой в опере, показаны проявления такого рода чувств. Это ничуть не снижает патриотического звучания произведения».²⁷⁸ А в это время в застенках погибал великий художник Всеволод Мейерхольд. Люблю товарища Сталина за объективность! Что же подвигло «Уса» разрешить «молитву»? Думаю, время заставило: фактически проигранная война с Финляндией и ожидаемый крах Франции. Надо было опереться на героическое прошлое России.

Косвенным подтверждением невысказанных мыслей вождя было присвоение в 1942 году Сталинской премии Арию Моисеевичу за постановку «Ивана Сусанина».

Еще скажу пару слов в адрес великого оперного дирижера: все постановки Пазовского были праздником искусства. Его перевели в 1943 году на должность оперного дирижера в Большой. Но Бог не дал счастья ни ему, ни Прокофьеву. Сергей Сергеевич умер 5 марта 1953 года – день в день со смертью тирана, а Пазовский в январе 1953 года. Думаю, если бы они смогли пережить диктатора, они бы ещё пожили...

7.7.05 г.

Россия – дивная страна. Свобода всегда мерещилась «либералам-западникам». Что получалось на самом деле, трудно передать словами. А умный князь П. А. Вяземский не то с издёвкой, не то с юмором записал в дневнике следующую двусмысленную вещь: «Хорошо воскресить бы журнал Новикова, предполагаемый журнал Фон-Визина, журнал честного жандармства... Гласность такое добро, что и полугласность – Божий свет. В тюрьме, лишённой дневного света, и тусклая лампада – благодеяние и спасение».²⁷⁹

10.7.05 г.

Два слова после терактов в Лондоне: Нет, Запад не проснётся. Ну что же это за глупая идея нести демократию в мусульманские страны! Вспомнил Наполеона, который высадился в Египте с 38-тысячным корпусом. Он обратился к египетскому народу приблизительно с такими же словесами, которые разбрасывал президент Буш. И с одинаковым результатом: «...Народы Египта, вам будут говорить, что я пришёл разрушить вашу религию, – не верьте! Отвечайте, что я пришёл, чтобы восстановить ваши права, покарать узурпаторов, и что уважаю больше, чем мамелюки, Бога, его пророка и Коран. Скажите, что все люди равны перед Богом...»²⁸⁰ Наполеон призывал египтян объединиться с ним, сбросить иго тирании и создать новую, счастливую жизнь. Но, Господи, как далеки все западные политики от азиатской ментальности. Забитые тысячелетним рабством феллахи и жители городов были так запуганы и «политически отстали», что надежд нет и не будет. Армия Наполеона, несмотря на бесконечные победы, таяла как снег. Египет, Палестина, Сирия – это не Италия, где армия республиканцев росла от победы к победе. Это не Германия, где он мог опереться на антифеодальные силы. Кстати, призывы к свободе, равенству и братству не помогали и в отсталой Испании. А в России Наполеон

даже и не попытался поднять народ – результаты были бы одинаковы: в Испании – гверилья, в России – партизанская война. Вывод один: с мусульманским миром можно говорить только на языке силы – других аргументов они не воспринимают. Любое соглашение считается за уступку, слабость, а потому наглость мусульман растёт с невероятной силой. Боюсь, что американцам не продержаться в Ираке. Как тут не вспомнить крестоносцев, которые ссорились друг с другом, ограбили Константинополь, обессилив Византийскую империю и подготовив почву для победы ислама. В данный момент христианский мир раздирают, как, впрочем, всегда, противоречия. Неблагодарная Франция, дважды спасённая Англией и США от немецкого сапога, ставит подножки своему союзнику. Для чего? Чтобы откупиться от арабов? Но это не поможет. Надо ясно и честно взглянуть в глаза действительности: мира с исламским миром в европейском понимании этого слова достичь нельзя. Вся иудейско-христианская цивилизация находится под ударом. Мир буддизма находится под ударом. Все, что не поклоняется Магомету, обречено на уничтожение. Мир ислама не знает гражданского равноправия конфессий. Мы все иноверцы – зимми, люди второго сорта. Не надо прятаться за эвфемизмами: для спасения европейской, буддистской и других цивилизаций нужен новый Крестовый поход. Или будет поздно. На развалинах матери-Европы, от Бреста до Урала, воцарится новый халифат. Только новая Антанта способна остановить экспансию. И никаких личных счётов.

17.7.05 г.

При разборке своих залежей обнаружил прекрасные стихи забытого сатирического поэта Василия Васильевича Князева (1887–1937). Год смерти понятен – погиб в лагере в Магадане. Родился Князев в Тюмени, в купеческой семье; его дедушка по материнской линии был евреем – небезызвестный К. Н. Высоцкий, культурный деятель своего края, организатор коммуны чернышевцев. Отец поэта, человек с высокими культурными запросами, также входил в эту группу. Посмертно стихи Князева были изданы в 1959 году Саяновым, также поэтом-сибиряком, также евреем. И попали стихи Князева в разные сборники, в том числе в Библиотеку поэта, в сборник «Поэты Сатирикона» и «Русская поэзия – детям».

Ну а стихотворение оказавшееся у меня – это злая сатира на лжеца, полного тезки поэта Василия Васильевича Розанова. Стоит привести зоилы и справедливые строки.

«СОПЕРНИК «ТРЕФА».

(Исповедь «Флюгера»).

*Розановский нос далеко нюхает.
Тушинец политически,
На жизнь смотрю практически,
Имея артистически
Отменно тонкий нюх.
В дни бурные, свободные
Про горести народные
Я мысли благородные
Высказываю вслух.
Крушу властей, полицию,
Венчаю оппозицию
И вот, войдя в амбицию,
Ношу я красный бант.
Массовки... стачки... фракции...
Но лишь свободы акции
Падут, и я реакции
Покорный адъютант.
Над правою газетою
Сижу и горько сетую
И вместе с ней советую:
Пороть! Лупить! Прижать!!
Скосить покосы вольные,
Чтоб пугала подпольные,
Развратные, крамольные,
Не вылезли опять!
Тушинец политически,
На жизнь смотрю практически –
Нос по ветру держать».²⁸¹*

Прекрасно! И все последующие метания «флюгера» были заранее запрограммированы. Я не понимаю своих соотечественников: как можно открыто поднимать беспринципного Розанова на щит? Мне их не понять...

20.7.05 г.

Ещё один вопрос, связанный с именем Пушкина. Обычная софистика: библейский народ и современное еврейство – суть не одно и то же. Но у Александра Сергеевича это также не всегда срабатывает. В неотправленном письме к П. Я. Чаадаеву, в ответ на утверждение последнего, что христианство, получаемое из рук «жалкой», «презираемой» Византии, отторгло Россию от благодатного Запада, Пушкин делает замечание, из которого явствует,

что и само христианство тоже недостаточно «кошерно», в силу его «еврейскости»: «Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно?»²⁸² Да, переживает Александр Сергеевич, что Иисус родился евреем, переживает...

Кстати, у Максима Горького есть интересная запись о Льве Толстом, где тот вкладывает в уста русского человека мысли, аналогичные пушкинским. Это маленькая новелла, полная невысказанных намёков, а потому чрезвычайно глубокая: «Гольденвейзер играл Шопена, что вызывало у Льва Николаевича такие мысли: «Какой-то маленький немецкий царёк сказал: «Там, где хотят иметь рабов, надо как можно больше сочинять музыки». Это верная мысль, верное наблюдение – музыка притупляет ум. Лучше всех это понимают католики – наши попы, конечно, не помирятся с Мендельсоном в церкви. Один тульский поп уверял меня, что даже Христос не был евреем, хотя он сын еврейского Бога и мать у него еврейка; это поп признавал, а всё-таки говорит: «Не могло этого быть». Я спрашиваю: «Но как же тогда?» Пожал плечами и сказал: «Сие для меня тайна!»²⁸³

Новеллу можно разделить на несколько частей:

1. Александр Борисович Гольденвейзер, которого Толстой недолюбливал из-за его еврейства, играет Ф. Шопена.

2. Национальность Шопена, его «еврейскость» обсуждалась в кругу семьи Толстого.

3. На сцене появляется Феликс Мендельсон-Бартольди, еврей, музыку которого невозможно допустить в русской церкви.

4. Тульский поп говорит о невозможности признать еврейское происхождение Иисуса, даже если оно очевидно из Священного писания. Он скрывается за формулой «сие для меня тайна».

5. Самому же Льву Николаевичу это происхождение также не нравилось, и он «радостно» схватился за расовые труды Густава Стюарда Чемберлена, отрицающего семитизм Христа.

6. В советском государстве произошла победа «семитизма» над «арийством»: при бракосочетаниях играют знаменитую музыку Мендельсона из «Двенадцатой ночи»! Может, запретить её? А?!

27.7.05 г.

Число переходов в еврейство членов аристократических семей – единицы, но они были. Елизавета Джек Конфильд Чарльмонт (1834–1882) была единственной дочерью Вильяма Мередита, пер-

вого лорда Аслэмней, была замужем за Джемсом Молине, третьим графом Чарльмонтом. Жила графиня в поместье неподалеку от Белфаста. В городе она часто посещала синагогу. Когда же пребывала в Лондоне, ходила в столичные синагоги. Натура артистическая: прекрасная пианистка и лингвистка. Умерла в Ирландии. Кажется, это всё, что мне удалось выяснить...

28.7.05 г.

День моего рождения. Число почти «звериное» – 66 лет. А хвататься нечем.

Но расскажу историю. В Салониках жила-была секта денме (Dunme), последователи лже-мессии Саббатая Цви. Среди потомков первых саббатинцев были люди состоятельные, большой культуры и предприимчивости. В начале XX века одним из лидеров младотурецкого движения был Джавид-бей (1875–1926), лидер союза «Единение и прогресс». Он был активным участником турецкой революции 1908–1909 гг. и в 1910 году получил портфель министра финансов, был мастером масонской ложи, а впоследствии и гроссмейстером.²⁸⁴ По некоторым сведениям, к последователям этой секты принадлежал сам Мустафа Кемаль-паша (1881–1938), получивший титул отца турок – «Ататюрк». Один солидный источник сообщает, что его отец был простым служащим турецкой таможни, а мать – набожная еврейка, происходящая из испано-голландской семьи, изгнанной во времена Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Следует подчеркнуть, что члены «денме» всегда женились внутри своей секты, подобно маранам Запада. Особой симпатии к евреям Ататюрк не испытывал, хотя даровал им все права. Так, в 1926 году он казнил вышеупомянутого Джавид-бея, несмотря на заступничество западных посольств. Всего, что сделал Кемаль-паша для своего народа, не перечислить. Его деятельность схожа с трудами Петра Великого. Кемаль-паша создал светское турецкое государство, запретил религиозные труды, закрыл религиозные школы и уничтожил Халифат. Предоставил право всеобщего голосования и эмансипировал турецких женщин, уничтожил гаремы, латинизировал алфавит, искоренял арабские слова, построил, подобно русскому императору, новую столицу – Анкару. Кемаль создал законодательство, которое было взято напрокат из лучших европейских образцов. Рассказывают, что он разъезжал на роллс-ройсе с палачом, имевшим специальное приспособление в автомобиле. При виде человека в феске сподручные хватали несчастного прямо на улице и отсекали голову. Петр Великий в турецком исполнении...

(Но, кажется, на сегодняшний день в Турции происходит регресс, возвращение к воинственному исламу. 3.VIII.10 г.)

Мало кто знает, что его военные победы над греками были возможны лишь при активном содействии Советской России, поставившей турецкой армии все оружие, взятое у Врангеля. С 1920 по 1922 год Советы предоставили безвозмездно около 40 тысяч ружей, 327 пулеметов, 54 орудия, два морских истребителя, более 63 млн. патронов, 148 тысяч снарядов, 10 миллионов рублей золотом.²⁸⁵

Благодарность Ататюрка имела границы. Он лишь на короткое время пустил своего «благодетеля» Л. Д. Троцкого на Принцевы острова, где тот находился с 1929 по 1934 год. Это был режим домашнего ареста, и, понятно, Троцкий искал новое убежище где-то в Европе. Он попал с южного «полюса» Европы на северный, в Норвегию. Скоро, под давлением Советов, изгнанник должен был искать новое убежище – Франция, а затем Мексика, где его и настиг «карающий меч сталинского правосудия». Мир его праху.

Однако вернемся к туркам. У Ататюрка был почти однофамилец, или просто однофамилец Кiemал-паша (1832–1915), или Камиль-паша (Мехмет Кыбрыслы). *(Вообще, «кемал» – по-турецки «совершенство».)* Родом из еврейской семьи из Никозии (Кипр), в юности принял ислам и сделал блестящую карьеру. Один из отцов конституции 1878 года, в 1882 министр социального обеспечения *(так можно перевести его должность)*, затем в 1883 году – министр просвещения, а на следующий год «был пожалован титулом великого визиря», который сохранил до 1891 года. Во время революции 1908 года вновь получил пост великого визиря, но отказался из-за сложности момента.

29.7.05 г.

Читатели моих книг, конечно же, заметили, что я «чокнулся» на генеалогии. Но я дитя по сравнению с моим другом Элием Вейнерманом. Я даже придумал для него кличку – «Элий-Генеаколог».

Такое правописание.

Дефиниция энциклопедическая проста. Генеалогия – родословная; определение степени родства между предками и потомками отдельных родов. Генеалог – человек, искусный в генеалогии. На мой взгляд, генеалогия – почти наука; без нее нет истории.

А уж если выбирать определение сего «искусства», то я люблю простое, многословное (можно и так сказать) и изящное объяснение Н. А. Некрасова. Русские крестьяне идут по святой Руси в поисках счастливого человека. Обратим внимание, что ищут

они счастливых среди всех сословий: крестьян, купцов, священников, помещиков, т. е. дворян, вплоть до самодержца. До последнего дело не дошло. Крестьяне встречают помещика Гаврилу Афанасьевича Оболта-Оболдуева и задают традиционный вопрос: «Кому живётся весело, вольготно на Руси?» Помещик приступает к сложной задаче объяснить простым мужикам древность своего сословия:

<i>«– Сперва понять нам надо бы, Что значит слово самое: Помещик, дворянин. Скажите вы, любезные, О родословном дереве Слыхали что-нибудь? – Леса нам не заказаны – Видали древо всякое! – Сказали мужики. – Попали пальцем в небо вы!.. Скажу вам вразумительней: Я роду именитого, Мой предок Оболдуй Впервые поминается В старинных русских грамотах Два века с половиною Назад тому. Гласит Та грамота: «Татарину Оболту-Оболдуеву Дано суконце доброе, Ценою в два рубля: Волками и лисицами Он тешил государыню.</i>	<i>– Как не понять! С медведями Немало их шатается, Прохвостов и теперь. – Вы все свое, любезные! Молчать! Уж лучше слушайте, К чему я речь веду: Тот Оболдуй, потешивший Зверями государыню, Был корень роду нашему. А было то, как сказано, С излишком двести лет. Прапрадед мой по матери Был и того древней: «Князь Щегин с Васью Гусевым (гласит другая грамота) Пытал поджечь Москву, Казну пограбить думали, Да их казнили смертью». А было то, любезные, Без мало триста лет. Так вот оно откудова, То дерево дворянское Идет, друзья мои!»</i>
--	---

Крестьяне схватывают смысл и говорят:

*«А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева, –
Сказали мужики».²⁸⁶*

10.8.05 г.

Забытые поэты. А ведь у каждого из них была хоть одна литературная удача. Сегодня открыл сборник Виссариона Саянова (1903–1959). Его настоящая фамилия – Махлин. К месту сказать, что в трёх разных источниках фамилия пишется по-разному. У Масанова – Михнин, у Вагнера – Махнин и, наконец, у Вольфганга Казака²⁸⁷ –

Махлин, и я думаю, это точно. Он был сыном политических ссыльных, а псевдоним взял по названию Южно-сибирского хребта. О своем еврействе почти ничего не говорит. Несколько невнятно в цикле «Семейная хроника»:

*«Я запомнил всё то,
Что поют мне об единоверце.
Снова пепел отцов
На рассвете стучит в мое сердце».*

Но это случайное оговорка – своего еврейства Саянов не любил, как и многие поэты-евреи 20-х годов, писавшие по-русски. А вот дивное стихотворение:

ДУБ

*Грозой расколот дуб огромный,
Она прошла, испепеля
Весь край той ветки, темной-темной,
Чуть ноздреватой, как земля.
Остался след в долине этой
Мелькнувшей молнии былой,
И пахнет воздух разогретый
Прогорклой северной смолой.
А где же молния? Сияньем
Уже вдали слепит она...
Пусть ты ушла, а все дыханьем
Твоим душа обожжена.²⁸⁸ (1932 г.)*

Я с наслаждением перечитал глубокие и лёгкие строки. Поразила году написания – так это далеко от тогдашнего дня, да и от «гражданской лирики» самого Саянова. Но первое, что мне бросилось в глаза, – высокая культура стиха, знание русской поэзии, давшей крылья маленькому чуду. Источник вдохновения удивителен – он пришел из другого времени и из другого лагеря:

*«Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй
Не слышит он.
Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Иного не было пути...
И я прощу и ты прости».²⁸⁹*

Настоящих, добротных стихотворений у Саянова немного: их можно по пальцам пересчитать. Вот и такой крохотный шедевр:

*«Ты светла, словно солнцем ты вымылась,
Где пройдешь – словно теплится свет.
Тонкой веткой дорожная жимолость
На заре тебе машет вослед».*²⁹⁰ (1932 г.)

У данного отрывка сразу двое отцов: Осип Манделъштам и Николай Заболоцкий. От Манделъштама – редкая возможность поспорить с рифмоидом «милости-жимолости», а от Заболоцкого – самозабвение в любви...

Саянов и Заболоцкий учились в Петрограде: один – в Университете, а второй – в Педагогическом (*где спустя 40 лет учился и я*). Общий интерес к наукам: зоологии, ботанике, космосу. Отсюда такое близкое к Николаю Алексеевичу:

*«Искатели таинственных цветов,
Не вписанных в тома энциклопедий,
Во снах мы видим чашечки из меди,
Тычинки из литого серебра,
Ночных часов зазубренные тени.
Мы видим сны, и сотни поездов,
Товарно-пассажирских и почтовых,
Всегда служить ботанике готовых,
Спешат к лесам, где бурые медведи,
К озерам, где разрезана жара
Грудными плавниками осетра,
Где волны моят белые ступени.
А жизнь пройдет по сотням переправ,
По мхам болот и по распутьям сопок,
Чтоб из безвестных человеку трав
Могли родиться каучук и хлопок».* (1931 г.)

Прекрасно. Стихи Саянова, но впечатление такое, что это стихотворение мог написать Заболоцкий. Поразительно!

Так же стихотворение «Циолковский» вполне могло бы принадлежать Заболоцкому:

*«Звездоплаватель первый в калужской глуши,
Наших лет патриарх большелобый,
Посвятил все мечты своей смелой души
Сочиненью ракеты особой,
Чтоб рассталась надолго с простором земным,*

*Одержав над мирами победу,
И тянулся до лунного полюса дым
По ее серебристому следу». (1936 г.)*

Замечательны также стихи, посвящённые Александру Грину и живописцам Запада конца XIX – начала XX века. Собственно, я обратил внимание на поэзию Саянова, когда в сборнике Грина увидел завораживающие строки:

*«Он жил среди нас, этот сказочник странный,
Создавший страну, где на берег туманный
С прославленных бригов бегут на заре
Высокие люди с улыбкой обманной,
С глазами, как отсвет морей в янтаре...» (1939 г.)*

«В музее Новой Западной живописи. (Ещё до войны Цветаевский музей был переименован в музей имени Пушкина. Почему? Я лично понять не могу):

*«Мы в комнату входим – в немыслимом сходстве,
Как давняя память о солнце былом,
Ложится на стены сиреневый отсвет
Зари, прошумевшей за темным окном.
Скользит на изгибе крутом колесо,
Из кубиков сложены трубы,
И негр, что грустит на холсте Пикассо,
Кривит лиловые губы...» (1927, 1939 гг.)*

Знал ли Саянов истинную цену своей «гражданской» лиры? Знал и вынес себе приговор:

*«В тужурке кожаной, терзая длинный чуб,
Вслед за другими увлечен сравненьем,
Я утверждал, что дым фабричных труб
Милее мне усмешки милых губ,
И это называл стихотвореньем...» («Праздник», 1945 г.)*

А были более страшные стихи, вроде «Террора», переделанные в 1937 году в «ВЧК». Почему? Да потому, что в 1937 году террор связывался с «гнусными троцкистами» и кто-то мог «не так понять»:

*«Враг ли прячется в злобном бесчинстве
Иль кипит мятежами земля –
Твердой поступью входит Дзержинский
В стародавние зданья Кремля». 1929, 1937(?).*

Саянову были посвящены многие шуточные экспромты, оценивающие его творчество и подсмеивающиеся над его слабостями.

Например:

*«Вчера читал Саянова,
Потом читал Золя:
Небо и земля». (Сообщил Ф. Дектор).*

Или:

*– Видели Саянова:
Трезвого, не пьяного!
– Трезвого, не пьяного?
Значит, не Саянова!*

25.8.05 г.

Вот и прошло размежевание. Тяжёлое впечатление производит выселение евреев с насиженного места. Мне звонили люди из разных стран: США, Англии, Франции, Германии, России – и каждый задавал один и тот же вопрос: «Что вы делаете?» Я отвечал зло и похабно: «Американский президент вызвал нашего премьера и поставил его раком да добавил: «Не смей ничего и никому говорить!» Да и вправду: если один самолёт стоит два миллиарда долларов, то откуда Израилю самостоятельно проводить политику? Давление Запада страшное, но без его помощи мы не можем прожить. Причем никакого единения христианских стран: все тянут одеяло на себя. И они, в свою очередь, обрекают себя на гибель, подыгрывая арабам. Израильская правая пресса играет реквием. Одна статья так и называется «Эвакуация сионизма завершена».²⁹¹

Палестинская проблема возникла не сегодня. Ещё до декларации Бальфура возникли страхи за будущность евреев на этом узком участке земли. Чтоб не быть голословным, ссылаюсь на диалог между посланником Великобритании лордом Берти со своим премьер-министром Ллойд-Джорджем в апреле 1917 года: «Беседа о Палестине, я заметил, что евреи не воинственная нация, и высказал предположение, что если мы будем поддерживать сионистское движение и учредим в Палестине еврейские колонии, то они будут не в состоянии держаться против арабов без британской и французской поддержки; и я спросил его (*Ллойд-Джорджа – С. Д.*), как бы отразилась такая поддержка на отношении арабов к Англии. Я напомнил также Ллойд-Джорджу, что влияние Франции в Палестине и Сирии основано на деятельности французских католических священников и руководимых ими школ, и высказал предположение, что они (*французское правительство – С. Д.*)... склонны допустить справедливость наших претензий в Палестине,

не осмелятся все же согласиться на английский протекторат в Палестине и бросить таким образом вызов комбинации из французских шовинистов, французской необразованной публики, священников и прочих католиков во Франции. Ллойд-Джордж... добавил, что французам придется помириться с нашим протекторатом: мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там, так как не исповедуем никакой особой веры и являемся единственной державой, способной управлять магометанами, евреями, римскими католиками и вообще людьми каких угодно религий. «В таком случае, – сказал я, – Вы предлагаете, чтобы мы стали на место, которое занимали турки, т. е. чтобы мы поддерживали мир между различными религиозными и политическими группировками?». «Да», – сказал Ллойд-Джордж.²⁹²

От слов Ллойд-Джорджа так и несет «джингоизмом». Британское высокомерие не учитывало многих факторов. Англия была в Палестине 30 лет и не смогла предотвратить еврейских погромов ни в 1929 году, ни в 1936–1939 гг. Евреи давно стали «воинственным» народом, но проблемы нашего существования на родной земле как были под вопросом 90 лет назад, так и остались по сию пору.

Сам же автор воспоминаний относился к сионизму отрицательно, и именно из-за возможного конфликта с «третьим миром» (так бы сказали сегодня): «...что будет, если в Палестине евреи поссорятся с арабами, и арабы, являющиеся воинами, начнут бить евреев, которые с библейских дней стали пацифистами? Несомненно, евреи обратятся к британским христианам за защитой против арабов. А если эти христиане окажут поддержку, то что скажут мусульмане, арабы, индийцы и т. д.? Я думаю, что сионизм – это вздор».²⁹³

Предвидеть будущее тяжело: оно, слава Богу, скрыто от нас. Евреи уже давно стали «воинственной нацией» и били арабские полчища, в сотни раз превосходящие мизерные израильские войска. А Великобритании пришлось уйти из всех колоний и подмандатных территорий, в том числе и из Палестины. Англия была лишь единственный раз союзницей Израиля – в войне 1956 года. А в остальное время активно поддерживала арабов, которые со свойственной им «благодарностью» заплатили злом за добро. Арабские террористы оказались гражданами Великобритании, ее уроженцами – но это их не остановило, а Англия пережила шок. Нельзя в течение десятилетий вести проарабскую кампанию и быть безнаказанным. Законы возмездия непреложны. Высшая сила не позволяет дотрагиваться до «Избранного народа».

Эдмонд де Ротшильд посетил английского посла 25 января 1916 года, а позже прислал своего единоверца из России, живущего в Манчестере, чтобы поговорить о плане, который лорд Берти считал абсурдным. *(Этим человеком, конечно, был Хаим Вейцман, работавший в это время в университете Манчестера. Он изобрел новый способ изготовления ацетона, необходимого английской военной промышленности.)* План предусматривал создание израильского государства в Палестине под протекторатом Англии, Франции или России. Посол в ужасе: «Представьте себе христианские места под охраною евреев, которым бы пришлось следить за порядком среди римско-католических священников и православных попов, привыкших к дракам друг с другом в церквах...»²⁹⁴ Кстати, никакого ужаса не произошло, и начиная с 1967 года святые места находятся под справедливым контролем израильтян, что выгодно отличает еврейское государство от правительств Турции и Великобритании.

5.9.05 г.

В свое время я писал о писателе-антисемите Станиславе Станиславовиче Окрейце, который оставил довольно объективные воспоминания о Любавическом ребе. Среди его знакомцев был железнодорожный магнат Поляков, которому в свое время ребе предсказал совершенно блестящую карьеру. И действительно, Поляков стал тайным советником и у него в секретарях пребывал некий барон. Карьера Лазаря Соломоновича была феерической, что не оставляло в покое жидоморов и нежидоморов. В романе Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» рассказывается о том, как князь Степан Аркадьевич Облонский присмотрел себе синектуру и уповал на помощь своего зятя Алексея Александровича Каренина для её получения. При этом «Рюрикович» прекрасно знал, что его дело находится в руках двух министерств, одной дамы да ещё плюс двоих Евреев. Слово «еврей» и «жид» у Толстого в данном случае пишется с большой буквой, как во времена пригнопамятного Фаддея Булгарина. Место для князя зависело от расположения Полякова, который в романе носит едва прикрытый псевдоним Болгаринов. Облонский появляется в приемной у Жида и два часа дожидается своей очереди. Ему, «Рюриковичу», приходится впервые в жизни просить частное лицо. В голове слагается весьма дурной каламбур: «Было дело до Жида и я дожидался». Когда его, наконец, чрезвычайно учтиво приняли, то, вероятно, по внутреннему чувству Облонского, «очевидно торжествуя его унижением и в общем – отказали».²⁹⁵

25.9.05 г.

После больницы очень ослаб. Почти не работаю. Но вот, находясь на койке, перечитал массу материалов по Первой Мировой войне. Воспоминания Бьюкенена – английского посла при русском дворе, мемуары Мориса Палеолога – французского посла; замечательную книгу Тардые «Мир», переизданную товарищем Сталиным в СССР в 1943 году. Почему? Книга подписана к печати в марте 1943 года, в этот момент вторично потерян Харьков и получено страшное поражение в Ростовском коридоре. Но для вождя уже все стало ясно: война против Германии выигрывается. И он заинтересовался Версальским миром. Надо было изучить прошлое, чтобы Германия не могла встать на ноги и вновь устроить реванш. И читал много, и, кажется, немного преуспел «в борьбе за мир» с Черчиллем и Рузвельтом.

1.10. 05 г.

Опять после больницы...

Каждый раз, когда я читаю лекцию о Протоколах Сионских мудрецов, мне задают вопрос о Солженицыне. Я всегда чувствую неловкость: как отвечать? Обычно я начинаю с личности Александра Исаевича, отмечая его редкий эгоизм и полное отсутствие благодарности к тем людям, которые его вывели в большую литературу. Будь то А. Т. Твардовский, В. Я. Лакшин, Л. А. Копелев, Ефим и Екатерина Эткинды и многие-многие другие. Мне всегда за него неловко. Далее скажу о его литературном даровании. Безоговорочно признаю шедевр «Один день Ивана Денисовича» и... на этом мои литературные восторги прекращаются. Конечно, можно быть и автором всего лишь одного небольшого произведения. Например, как А. С. Грибоедов останется навсегда с бессмертным «Горем от ума». Но при плодовитости Солженицына – несколько маловато. Романы советского времени «Раковый корпус», «В круге первом» неизмеримо слабее и намного хуже, чем у его современников: Ю. В. Трифонова, В. Ф. Тендрякова, В. П. Астафьева и даже презираемого мною Ю. В. Бондарева. Первым русским прозаиком советского времени, на мой взгляд, является старший современник Солженицына – Василий Гроссман. «Жизнь и судьба», я верю, будет изучаться в русской школе наравне с «Войной и миром» Льва Толстого, с «Жизнью Клима Самгина» Максима Горького. Если бы Гроссман был генетическим русским, его триумф был бы очевиден. Ну а так, кому хочется признавать его первенство в советской литературе? Пьесы Солженицына абсолютно несценичны, стихи – просто графомания, и этой оценки он не мог простить

Твардовскому. «Август 14-го», многочисленные «Узлы» – нечитабельны. Мой покойный друг Шимон Маркиш был убежден, что никто не мог прочесть литературно-политическую графоманию. Но Солженицын навсегда будет связан с разоблачением преступлений советской власти. Мы говорим об Александре Исаевиче в первую очередь как о составителе грандиозного «Архипелага Гулага», и с этой темой он навсегда останется в русской публицистике.

Теперь остаются ещё два тома якобы объективного исследования еврейского вопроса в России. Не то двести лет вместе, не то врозь. Как историк я могу говорить совершенно свободно о полной историографической несостоятельности Солженицына. Одно перечисление источников должно вызывать отталкивание. Если цитируются Старая и Новая Еврейские энциклопедии, Российская Еврейская энциклопедия и журнал «22», то это говорит о том, что он просто был не способен оценить материал. С такими сносками профессор истфака пошлет студента-верхогляда сразу в библиотеку. У Солженицына просто нет исторического образования, оно поверхностно. Об этом я упомяну ниже, скажем, в отношении первых боев в Восточной Пруссии и гибели армии Самсонова. Я не знаю, кто были его консультанты, но явно люди невоенные, и сам он не обработал многочисленные воспоминания участников войны. Так, явно отсутствует прочтение работ о Первой Мировой войне, вышедших в СССР в 20-е годы; он не читал воспоминаний генералов А. С. Лукомского, Н. Н. Головина, В. Н. Дрейера и многих других. Как раз воспоминания Дрейера, непосредственного участника боев в Восточной Пруссии, необыкновенно интересны.

Вот ещё один интересный момент биографии Солженицына. Когда он начал свою диссидентскую деятельность, то КГБ упорно распространял слухи о его еврейском происхождении и даже называли его прошлую фамилию – Солженицер. Слухи как распространялись, так и внезапно затухли. Причина? Можно лишь догадываться. Использовать напрямую антисемитскую карту было близоруко, особенно перед западным общественным мнением, а возможно, в будущем «они» хотели использовать его «русистские» идеи. Может быть, хотели «приручить» его, как делали неоднократно правители России. Выяснить все причины этого не представляется возможным. С другой стороны, после перестройки и падения советской власти антисемитские издания крайне правого толка, типа «Молодая гвардия», «Кубань» и другие, безоговорочно «обвинили» Солженицына в еврейском происхождении. Где здесь правда?

Говорят, что нет дыма без огня. Автор самой солидной биографии Солженицына, швейцарский литературовед Жорж Нива, в одной из сносок замечает, что по непонятной причине писатель поменял свое отчество, которое было Исаакьевич!²⁹⁶ То, что Солженицын поменял отчество на более «русское» – понятно. Вероятно, это произошло во время войны, и, имея шанс попасть в плен, многие меняли не только фамилии, имена, отчества, но и национальность. Вроде моего друга Израиля Рафаиловича Масленковского, ставшего по доброй воле земляка-командира русским Вячеславом Михайловичем Масленковым. Ну а сам Солженицын? Может быть, он что-то объяснил по поводу этих слухов? Он не хранил молчания, но понять что-то из его слов чрезвычайно тяжело.

В «Августе 14-го» ипостась отца писателя выведена под прозрачным изменением фамилии – Исаак Лаженицын. По словам рассказчика, его семья вышла из-под Воронежа, император Петр I выселил из Воронежской губернии на Северный Кавказ его пращура Филиппа за бунт в Ставрополе. Слободу Бобровскую Петр якобы сжёг. В чём состоял бунт, неясно. Вместе с тем известно, что Воронежская губерния была рассадником сектантства, в том числе и жидовствующих, и Бобровская не была исключением. Всё же мне кажется, что высылка происходила в царствование Николая I. Именно тогда происходили репрессии сектантов и их выселяли на Кавказ, в Закавказье, в Сибирь для колонизации. Даже целый Хоперский полк состоял из казаков-жидовствующих. А во времена Петра Северный Кавказ ещё не был занят имперскими войсками.

Дед писателя носил имя Ефим, по «Августу 14-го», и Семён, по Жорж Нива. Но это лирика. С этого момента в романе появляется сюжет. Как можно предположить, отец писателя, которого ласково называли Саня, в действительности был Исааком. Юноша мечтал поступить в Харьковский университет, хотя отец был против этого, но воля Исаака победила:

«Да никогда не знал Саня уверенности в себе, каждый раз вышибало что-нибудь из-под ног... Отпущен был в Харьков, но и туда принят не сразу: по имени Исаакий отказали ему как еврею, уже была у них процентная норма выполнена. Так томился Исаакий до этого университетского порога, так ждал и терял надежду, что теперь, запыхавшись, нёс метрику с христианским крещением. И только уже принятый, никем не попрекнутый, осознал в своей мальчишеской радости укус: весь успех его стал на том, что он

доказал: он не из той нации, через которую пришел к нам Христос. Надолго это легло ему неразрешенною складкой».²⁹⁷

А теперь мы совсем запутались: крестился ли отец Солженицына или нет? Ведь принимали в университет не по имени Исаак или Иван, а только по документальному свидетельству о крещении. Так что я склоняюсь к тому, что отец Солженицына вошел в купель, а предыдущие рассуждения о крестьянских предках маловероятны. Семья была зажиточная, они были владельцами крупной «экономии», подобно многим еврейским факторам в Новоросси. Владельцами они чаще всего были через подставных лиц.

Что же касается самого Александра Исаевича-Исааковича, то он сам колебался долго: сознаваться ли в первородном грехе или нет. И выбрал истинно русский православный путь. Пути же Господа неисповедимы... Долго он примерял на себя шапку Мономаха, то бишь классика русской литературы, и пришел к выводу: негоже быть классику с прожидью, а наоборот – надо быть истинно православным и антисемитом, подобно Гоголю и Достоевскому, и богоискателем, подобно Толстому. Обязательно высказаться по еврейскому вопросу, подобно Гавриле Романовичу Державину, Достоевскому или Лескову, и... прощай, прошлое...

К этому следует добавить, что «кондовыи» русофобы уверены, что писатель – носитель «жидовской крови» и по матери Таисии Щербак. Его дед Захар также был владельцем богатой «экономии» на Кубани. Наконец, блюстители чистоты риз прямо пишут, что первая жена Наташа Решетовская – «половинка», а вторая жена Наталья Светлова – вообще еврейка. Кажется, последнее утверждение на сто процентов верно, а остальное проверяемо, но, увы, не мной, отрезанного, как пехота от танков, от советских архивов. Удовлетворимся имеющимися в обращении материалами.

Вообще, существует некий закон: слухи рано или поздно подтверждаются. Так, говорили, что жена Л. И. Брежнева – еврейка, что и подтвердилось в наше время. По телевизору говорили, что Виктория Петровна Ольшевская родом из богатой еврейской семьи. А Ю. В. Андропов – галахический еврей. Сейчас это подтвердилось.

8.10.05 г.

Хочется поговорить о катастрофе армии генерала Александра Васильевича Самсонова (1859–1914). Какими причинами руководствовалось начальство, назначая его командующим 2-й армией, – непонятно. Самсонов до этого никогда не командовал не только армией, но и корпусом! Результаты становятся очевидными. Бездарное вождение войск, отсутствие связи со ставкой и

фронтом усугубило катастрофу. Потери убитыми составили сравнительно немного: 6–7 тысяч убитыми и свыше 20 тысяч ранеными. Зато в плен попало 92 тысячи рядовых (!) и 15 генералов, 350 орудий и масса боеприпасов и амуниции. В плен русские сдавались весьма охотно, и это в обход мифа о героическом русском солдате.

Распространялась злобная клевета на генерала Павла Карловича Ренненкампа (1854–1918), командующего 1-й армией. В том числе, что де Реннекампа специально отказал в помощи коллеге.

И храбрейшего русского генерала, награжденного золотым оружием с бриллиантами за японскую войну и множеством орденов, в том числе и св. Георгием 4-й степени, очернили перед русской историей из-за крайне правых взглядов и немецкой фамилии. Но нет дыма без огня. Не Реннекампа не оказал помощи Самсонову, а наоборот, бездарный Самсонов во время русско-японской войны отступил без приказа, поставив генерала в тяжелейшее положение. Это было во время Шехейского сражения, когда Реннекампа, находясь с батальоном пехоты и отрядом кавалерии на левом берегу Тайцыхе, при наступлении японской кавалерийской бригады принца Каньяна оказался без прикрытия, так как Самсонов самовольно и без сопротивления отошел назад, обнажив фланг и тыл Реннекампа, что имело тяжёлые последствия.²⁹⁸ Генерал Самсонов выбрал самоубийство. Что же касается Реннекампа, тот, отчисленный от армии, жил отшельником, после революции прятался в Таганроге, но был выслежен большевиками. Ему предложили вступить в Красную армию – он отказался. Генерала зверски убили, предварительно выколов глаза...

Теперь вернемся к генералу, который в начале войны был в чине полковника Генштаба, В. Н. фон Дрейеру. Писатель Сергей Кречетов (С. А. Соколов. 1878–1938) назвал его «Богом войны». Немецкая пресса с нескрываемым уважением и восхищением говорила о полковнике Дрейере, который, как они предполагали, героически погиб... Действительно, за выдающуюся храбрость он получил св. Георгия 4 степени, но за этим продвижения по службе не последовало.

Дрейер был единственным высшим офицером, вышедшим из окружения из Августовских лесов. Дрейер описывает военный совет 20-го корпуса, в числе 11 генералов, которые с безнадежной покорностью ждали своего пленения. Не таков был Дрейер: он предложил своим солдатам право выбора и с небольшой группой осуществил прорыв!²⁹⁹

9.10.05 г.

Самое тяжкое для русского писателя – жить безвыездно в России. Таким, как скажем, Пушкин и Лермонтов. Это невозможность получения новых творческих импульсов. Но и для тех писателей, которые выбирались на Запад, возвращение смерти подобно. Даже для Толстого. После Крымской войны Лев Николаевич решил проветриться в Европе. Наступила пора возвращения, и писатель в своем дневнике, радуясь своему гнезду – Ясной Поляне, 8 августа 1857 года записывает: «...Россия противна, и чувствую, как эта грубая, лживая жизнь со всех сторон обступает меня».³⁰⁰ В это же время, 18 августа, из Ясной Поляны он пишет письмо своей «драгоценной бабушке», графине А. А. Толстой: «В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие. Поверите ли, что, приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине и теперь только начинаю привыкать ко всем ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни».³⁰¹ Драгоценная бабушка – Александра Александровна Воейкова (1819–1893), фрейлина великой княгини Марии Николаевны. И здесь для нас интересно то, что великий князь Михаил Павлович, брат императора и дядя великой княгини, возвращаясь из европейской поездки инкогнито, переодеваясь на пограничной станции Вержболово, подходил к зеркалу и говорил: «До свиданья, Михаил Павлович! Здравствуйте, Михаил Павлович!» Адъютант отмечал в воспоминаниях, что во время путешествия великий князь был добрым и остроумным собеседником, не лишённым юмора. Но лишь переодевался, становился предельно жестким и высокомерным человеком. Печально!

Шестнадцатилетняя Мария Башкирцева после долгой жизни за границей приехала на родину. Несколько раз она пишет о том, что хочет скорее вернуться на Запад. Запись от 27 сентября 1876 года: «Вчера я была в отчаянии: мне казалось, что я на всю жизнь заключена в России; это приводило меня в неистовство, я готова была лезть на стену и горько плакать».³⁰²

10.10.05 г.

Кто не помнит анекдота о «России, родине слонов»? Проблема приоритета для русских националов – одна из важнейших. Хотя чаще всего изобретались деревянные велосипеды. Конечно, Россия – это Россия, но, оказывается, той же самой проблемой утверждения национального гения страдают все народы. Расскажу пре-

любопытный случай. Адольф Элоизович в приватной беседе (*кажется, со Шпеером*) вдруг заговорил о германском приоритете в изобретении... одеколона. Для великой германской нации тема слишком «мелкотравчатая». Одеколон все же не печатный станок Гутенберга. Думаю, у Шпеера от удивления глаза вылезли из орбит. В чем же дело? В этом маленький секрет Гитлера. Дело в том, что одеколон был любимым средством протирания самого Наполеона, с которым фюрер мысленно себя сравнивал. Наполеон очень не любил духи: они всегда казались ему приторными, слишком женственными. Пришедшие из Италии лет за триста до французской революции, духи утвердились у северной соседки. Вот тогда и вспомнили о «душистой воде», которая ещё не носила название «Кельнской воды» – одеколона. Подобно многим большим и маленьким изобретениям, чаще всего открытия создавались не сразу и не одним народом. Так, впервые «одеколон» был создан в Испании неизвестным монахом. Затем рецепт изготовления попал в руки одного миланского купца, а затем перешел по наследству к его племяннику Жану Мари Фарини, химику и предпринимателю, торговавшему в немецком городе Кёльне пряностями. В отличие от дяди, племянник пустил рецепт в оборот. «Вода» оказалась спиртоводным раствором цитрусовых масел. Но если в духах на ароматические вещества падает от одной пятой до половины общего состава, в душистой воде их было чуть больше одной сотой. Вода до сих пор сохранила славу и лечебного средства благодаря освежающему и охлаждающему свойству, присущему хорошим сортам изделия. Благодаря Наполеону «вода» вошла в моду, и парижане дали ей имя «Eau de Cologne», что значит «вода из Кёльна». И ошибся Гитлер – все же воду изобрели испанцы и итальянцы, а город Кёльн стал массовым производителем «душистой воды», и одеколон наряду со знаменитым Кёльнским собором стал визитной карточкой города.³⁰³

15.10.05 г.

Утром раздался звонок. Умер мой любимый и уважаемый друг, профессор физики Монус Самойлович Соминский (1908–2005). На протяжении 18 лет он работал заместителем Абрама Федоровича Иоффе в Институте полупроводников Академии наук СССР.

18.10.05 г.

Уважаемый редактор «Российской Еврейской энциклопедии»! Всезнающий Володя Вагнер! Вот я и тебе подкидываю материал, который так и не обнаружил в анналах твоего труда – имени одного замечательного актёра. Грустно, что его забыли. Сценический

псевдоним этого актёра – Малютин. Имя-отчество Яков Осипович, а настоящая фамилия – Итин (1886–1964). В 1947 году он стал народным артистом РСФСР. В 1907 году учился в оперном классе консерватории. С 1911 года – сотрудник Александринского театра. В 1915 году окончил Петербургское театральное училище (педагог Ю. М. Юрьев). Знаменитый актер Владимир Николаевич Давыдов (1849–1925) протезировал Итину. И это-то притом, что Давыдов был известным жидоедом. Кстати, Давыдов и другому еврею – актеру и режиссеру Ракитину-Ионину – также покровительствовал. Так это бывает в жизни... В советское время – искренне или неискренне – Давыдов каялся в своих антисемитских грехах.

Роли, сыгранные Малютиним, вошли в классику: Скалозуб (1916 г.), Несчастливцев (1918 г.) создали ему славу актёра широкого диапазона. Блестящие внешние данные, высокая музыкальная культура, пластичность – всё способствовало его успеху. Лучшие из ролей – исполнение Де Сильвы в драме Гуцкова «Уриэль Акоста», Петра I по Ал. Н. Толстому, Рогожина по роману Ф. Достоевского «Идиот», Тетерева по пьесе М. Горького «Мещане» и т. д. Малютин снимался и в советском кино. В 1959 году написал воспоминания «Актёры моего поколения».

21.10.05 г.

Работая над главой о Ленине, все время натываюсь на удивительные материалы. Если они прямо не касаются «вождя», то, во всяком случае, служат фоном, на котором Ленин действовал. Это объясняет многое в психологии его победы. Вот пример.

Летом 1918 года начался мятеж левых эсеров с целью сорвать Брест-Литовский мир. Ленину было ясно, что Германия уже дышит на ладан. Как бы то ни было, но 6-7 июля произошел взрыв, и Я. Г. Блюмкин и Н. А. Андреев, имея на руках документы о принадлежности к ЧК (*о подлинности их спорят до сих пор*), явились в германское посольство и убили посла графа В. Мирбаха. 30 июля того же 1918 года левым эсером Б. М. Донским в Киеве был убит генерал-фельдмаршал Герман Эйхгорн, командующий немецкими оккупационными войсками. Спустя одиннадцать лет в Ленинграде член редакционной коллегии эсеровской газеты «Борьба», издававшейся в Киеве в 1918–1919 годах, рассказал историку Н. П. Полетике следующее. Партия левых эсеров считала главным виновником мировой бойни императора Вильгельма II. Кажется, это справедливо. Центральный комитет левых эсеров поднял вопрос о его ликвидации. Но на сей шаг партия не могла решиться, не получив согласия германских революционных социалистов. В

Берлин ехал на переговоры видный член ЦК. Понятно, ответ был отрицательный. Выслушав сей рассказ, Полетика засмеялся: «Воображаю, как приняли ваш запрос о покушении на Вильгельма германские революционные социалисты! Как тут не вспомнить знаменитый диалог Салтыкова-Щедрина между «мальчиком в штанах» (*германская социал-демократия*) и «мальчиком без штанов» (*русские революционеры*)». ³⁰⁴ Между прочим, информатор сообщил Полетике о попытке левых эсеров убить гетмана Скоропадского и генерала Деникина. Так что жертвами левых эсеров, кроме графа Мирбаха, генерал-фельдмаршала Эйхгорна, Моисея Урицкого и раненого Ленина, были и люди совсем других лагерей... Но поступь истории нисколько от этого не остановилась...

22.10.05 г.

В больнице с удовольствием перечитал маленький томик Александра Блока: большой – мне было тяжело держать в руках. Читал любимые свои вещи. В том числе и следующие знакомые до боли строки:

*«Утопая в высоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь».*

(«Новая Америка». 1913 г.)

А затем:

«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?

.....
Знала ли что? Или в Бога не верила?

Что там услышишь из песен твоих?

Чудь начудила, да Меря намерила

Гатей, дорог, да столбов верстовых...»

(«Русь моя... 1910 г.)

Сразу вспомнил несколько вещей, относящихся к истории государства Российского. Все обычно помнят норманскую теорию происхождения; менее известна и менее популярна хазарская теория. Но с иудаистами все понятно. А вот о финском происхождении Северо-западной Руси почти не упоминают. И это тоже понятно.

Вот что можно прочесть в Начальной летописи о призвании варягов четырьмя племенами: «Реша Руси, Чюдь, и Словени, и Кривичи, и Весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: да пойдете княжить и володеть нами». Призвание скандинавов было поворотным пунктом в жизни славянских и чудских племен в Приильменье. С этого момента начинается возвышение

славян как первенствующей народности и резкое ослабление чужди. Совместная история славян и финских племен насчитывала 3 столетия начиная с VI века.³⁰⁵ Работа Крохина достаточна, но думаю, что есть и новейшие источники. Он рассматривает и громадное влияние финских языков на славянский язык. На мой взгляд, весьма убедительно.

Спустя многие столетия, когда солдаты Петра I пришли к берегам Балтики, они нашли среди болот аборигенов этого негостеприимного места и убогие жилища ижорцев.

С финской проблемой я столкнулся в 1953 году в Зеленогорске. Отец мне объяснил, что прежде городок назывался Териоки и до 1940 года входил в состав Финляндии. В городке была большая библиотека на русском языке. Она была ещё с дореволюционных времен. Прямую антисоветчину, в меру своих знаний, библиотекари вычистили, но многое из «запретного» можно было прочитать.

В центре городка стояла кирха с облупленными от пуль стенами. Вверху была пробоина от снаряда. Всезнающий отец сообщил, что в 1939 году в колокольне кирхи лежал за пулеметом пастор и ему помогала какая-то женщина. Их, понятно, убили. Тогда же, четырнадцатилетним подростком, я накропал «почти некрасовские стихи»:

*«Если женщина на смерть идёт,
Если пастор из кирхи стреляет -
Это значит свободный народ
За отчизну свою погибает».*

Финляндия получила независимость в самом конце 1917 года – 31 декабря. Пер Эвинд Свинхувуд (1861–1944) зубами вырвал у Ленина согласие на отделение страны, используя большевистскую формулу «право наций на самоопределение». Ленин, скрипя зубами, согласился, но не оставлял попытки вернуть «белофиннов» в лоно Советской империи.

В ночь на 28 января, т. е. менее чем через месяц, в Гельсингфорсе началась революция, инспирированная большевиками. Были захвачены правительственные здания, банки и т. д. Свинхувуд был арестован, но бежал из-под ареста и обратился за помощью к Германии. Немецкие войска постепенно вытеснили краснофиннов. Был потерян и Карельский перешеек. 29 апреля пал Выборг, а 5–6 мая Красная Армия капитулировала. В Финляндии начался белый террор: были расстреляны многие представители интеллигенции, поддерживающие красных. Среди них знакомый советским читателям знаменитый писатель Матти (Майю) Лассила. Известен его

роман «За спичками» в блестящем переводе Михаила Зощенко. Классика финской литературы расстреляли 21 мая 1918 года. Он же автор романа, который меня интересует, – «Израильтянка», написанном ещё в 1913 году и, кажется, не переведенный на русский язык. А жаль!

В западных газетах появились статьи о массовых казнях краснофиннов и о концентрационных лагерях, более близких к лагерям уничтожения. Шли первые месяцы 1918 года... *(Это я к тому, кто первый создал концентрационные лагеря: англичане, загнавшие всех буров в бараки в самом конце XIX века, финны или Ленин?)* Автором одной из статей был и зять Маннергейма Яльмар Линдер, бичевавший себя, свой класс и свое сословие за совершенное. Так, в статье Линдера, опубликованной 28 мая 1918 года, говорится: «То, что происходит в стране, ужасно. Несмотря на запрет главнокомандующего, расстрелы продолжают беспрерывно. Красное безумство сменилось белым террором. Расстрелы тем более дают впечатление полного произвола, поскольку жертв выбирают и казнят в местах, где не совершалось никаких актов насилия. В лагерях для военнопленных узники мрут как мухи».³⁰⁶ Белыми было казнено в общей сложности 8400 пленных, среди них – 364 малолетние девочки (!). В лагерях от голода и его последствий умерло 12500 человек. Для маленькой страны ужасные цифры. Просочившиеся на Запад и на Восток факты портили репутацию моей маленькой любви – Финляндии вплоть до 30-х годов. Больше всего писали об этом в СССР – это понятно, из-за соседства. Но сталинский и гитлеровский террор заставили забыть небольшую северную страну.

Надо сказать, что краснофинны легко бы одержали победу, если бы не германские штыки. Но и немцам не нравился Маннергейм: они небезосновательно считали его сочувствующим Антанте и быстро отправили его в отставку. Русский генерал Маннергейм ненавидел немцев, Германию, императора Вильгельма так же, как любой русский офицер. Позже он писал одной из своих подруг, что он не знает, кто хуже: Гитлер или Сталин. В конечном итоге, его политическая дистанцированность от наци спасла Финляндию от объятий русского медведя. И последнее: Маннергейм лично посетил лагерь красных военнопленных и пришёл в ужас. Социальная основа для Гражданской войны существовала. Южная часть Финляндии, в той или иной мере связанная с русской метрополией, жила сравнительно обеспеченно. Но северные и северо-восточные районы голодали. При введении в 20-е годы общей воинской по-

винности на мобилизационные пункты приходили 20-летние новобранцы ростом 120 см (!!!) и весом в 30 кг (!!!). Маннергейм принял обширную социальную программу, что дало известные результаты. Писать об этом больно, но следует знать правду.

Мало кто знает, что немцы решили навязать финнам династию, связанную родовыми узами с Гогенцоллернами: королем Финляндии был провозглашен принц Фридрих Карл Гессенский. Сия глупость была совершена финляндским сеймом 9 октября 1918 года. Куда смотрели финны, я не понимаю. Через месяц Германия капитулировала, и с этого момента в единственной стране Скандинавии существует республика Суоми.

Неутомимый «империалист» Ленин безуспешно продолжал атаку на самостоятельную Финляндию – в 1922 году. Борьба шла в основном в Карелии. После Мировой и Гражданской войн Россия не могла добиться перелома.

Пришлось оставить эту идею вплоть до начала II-й Мировой войны. Товарищ Сталин, памятуя уроки прошлого, предложил финнам громадную заболоченную территорию в обмен на Карельский перешеек. Финны не согласились. Хотя были группы, такие как возглавляемые Паасикиви, утверждавшие, что надо согласиться, так как русским нужно предполье для Петрограда. Можно предположить, что бывший русский генерал-адъютант и генерал-лейтенант Карл-Густав Маннергейм, который командовал корпусом при защите столицы империи от тевтонов, тоже знал, что рано или поздно с Карельским перешейком придется расстаться.

Поэт Вольф Эрлих (1902–1944), погибший во время сталинских репрессий, был другом Сергея Есенина. Именно ему посвящено предсмертное стихотворение, написанное кровью: «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Сейчас антисемиты обвиняют его в смерти Есенина. Подло и глупо, но кто с этим считается! Но вот у Эрлиха есть антифинское стихотворение, относящееся ещё к 1932 году. Оно с высоты нашего времени достаточно отвратительно, и именно тем, что унижается «малый» народ и оскорбляется великий эпос «Калевала»:

Из финского эпоса.

*«... И наступил такой восторг в Суоми,
Такой расцвет возвышенного духа,
Что даже полевая мышь в азарте
Патриотически сменила имя:
Военно-полевою назвалась.
Надела форму, свастику нашила,*

*Вошла в шюцкор и пишет отношенья
За номером, как надлежит тому:
«Военно-полевая мышь» и номер...»³⁰⁷*

Возможно, что среди прочего Вольф имеет в виду переименование столицы Гельсингфорс в Хельсинки. Но, во-первых, не только финны, но и их соседи норвежцы свою столицу Христианию переделали на Осло, а уж о России лучше не говорить: переименованиям несть числа. А теперь и в обратную сторону....

Тут следует добавить, что никакого карельского языка нет и не было. Это был лишь диалект финского языка. Вплоть до того, что великая «Калевала» была записана в Карелии, в Ухтомском районе. В этом месте разговаривали на чистом финском языке, который являлся эталоном. И ещё. Знаменитый Карельский перешеек относился не к Карело-Финской ССР или Карельской АССР, а к Ленинградской области – Маннергейм прав!

Финны были упрямы: началась «Зимняя война». Сталинские полчища, под понукания тов. Клима Ворошилова, гибли в болотах, замерзали от невиданно холодной зимы 1939–1940 года, снайперы выбивали солдат сотнями. «Военно-полевая» мышь показала, на что способен свободный народ. С ужасными потерями и разбитой мордой пришлось заключать мир. Маленький трёхмиллионный народ отстоял свою независимость ценой потери Карельского перешейка и некоторых других территорий. Но и тов. Сталин, изгнанный из «Лиги наций» за агрессию и образовавший «красное» правительство с тов. Куусиненом, должен был запрячь свои амбиции. Возвращение «блудной» Финляндии в лоно империи пришлось отложить. И это, скажем, в отличие от Прибалтики, аннексированной летом 1940 года. Все произошло по тайному соглашению с «партайгеноссе» Адольфом Элоизовичем.

Это война сыграла роковую роль в истории России и, по закону зависимости причин и следствий, привела к гибели шести миллионов евреев. Гитлер счел, что Россия «колосс на глиняных ногах». Ошиблись все – но СССР потерял убитыми 28 миллионов своих сыновей и дочерей. Европа исчерпала в двух Мировых войнах свой человеческий материал и на сегодня захлестывается мусульманским миром, опять-таки в силу вышеприведенного закона.

Рассказывают, что в Финском заливе русский военный корабль безуспешно пытался потопить финское суденышко. Из глубин моря поднялась германская субмарина, и через рупор издевательски было предложено «союзнику» помочь...

Обезглавленная репрессиями Красная Армия, запуганная и потерявшая абсолютную волю к самостоятельности, действительно представлялась легкой добычей.

Какой бы ни была «малая война незначительной», но она затронула и мою семью. В 1954 году на Еврейском кладбище в Ленинграде (*иначе именуемом «Преображенским» – Еврейское Преображенское кладбище – недурное сочетание*) я встретился со своим дальним родственником Сашей Могуном, да продлит Господь его дни. Он во время Отечественной был штурманом авиации, а после войны окончил юридический факультет, работал адвокатом и юрисконсультom. Ныне со своей женой Лорой живет в Америке. Лет ему, думаю, за 80. Так вот, он возился около одной могилы. Я подошёл. Мы поздоровались. «Кто это?» – спросил я, увидев фамилию Могун и имя Яков. «Мой брат. Он погиб во время финской, куда ушел добровольцем. Зачем он это сделал? Зачем?» Вопрос повис в воздухе...

На финском фронте погиб поэт – одна из надежд советской литературы, Арон Иосифович Копштейн (1915–1940). Писал он по-украински и по-русски. Погиб в самом конце войны, спасая своего раненого друга на Суо-Ярви, Петрозаводского направления.

*«Мне снилось детство – мой печальный дом,
Колючий куст, заглухший водоем.
Мне снилась родина.
И тиф сыпной
Шел по Волохинской и Насыпной.*

.....
*Ещё я видел желтые листья.
И ты мне снилась. Ты мне снилась. Ты.
Всю ночь чадили свечи, и всю ночь
Тебе хотел я чем-нибудь помочь.
Но ты спала, подушку обхватив,
И жег тебя горячкой черный тиф.
Как я забуду этот бред и зной,
Немецких офицеров за стеной.
Был вечер. Ночь. И умирала мать.
Зачем я должен детство вспоминать?»³⁰⁸*

Когда Гитлер напал на СССР, перед Финляндией стояла дилемма: сохранить нейтралитет или выступить. Нет, нет! Не на стороне Германии, а свести счеты с Россией. К нацистской Германии финны не испытывали симпатий: маленький народ знал, что такое

демократия и что такое свобода. Да и антисемитизм не был популярен в Суоми. Они хотели вести отдельную войну, и они ее вели. Это им так казалось, а объективно это поставило северную столицу под страшный удар.

В этот момент колебания только Маннергейм и Паасикиви были против вступления в войну. Они предвидели то, что Англия, и в будущем США, в конце концов, сломают нацизм. Но финскими националистами овладела мысль о скорейшей победе, о создании Великой Финляндии вплоть до Урала. Эти районы заселены были родственными народностями: карелами, вепсами, ижорцами, коми и другими. Иллюзорная мечта.

26 июня Финляндия вступила в войну. Перестрелка на русско-финской границе шла ещё до 21 июня, когда погиб работник Эрмитажа археолог Сергей Аносов. Похоронка пришла его семье за день до войны. Маленький, но страшный пролог...³⁰⁹

В переписке Рузвельта и Черчилля со Сталиным несколько раз предлагался территориальный компромисс с Финляндией. Первое же письмо Сталина к Ф. Рузвельту от 4 августа 1941 года содержит следующее: «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии.

Разрыв отношений между Англией и Финляндией и объявление Англией блокады Финляндии уже возымели свое действие и породили конфликты в правящих кругах Финляндии. Раздаются голоса за нейтралитет Финляндии и примирение с СССР.

Если бы Правительство США сочло необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то Правительство Финляндии стало бы более решительным в вопросе об отходе от Германии. В этом случае Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор».³¹⁰

Письмо Черчилля от 6 сентября 1941 года: «Мы охотно готовы в полную меру наших сил оказать всяческое давление на Финляндию, включая немедленное официальное уведомление ее, что мы объявим ей войну, если она пойдет дальше своих старых границ. Мы просим также США предпринять всевозможные шаги, чтобы повлиять на Финляндию».³¹¹

Из этого ничего не вышло. Уже в конце 1941 года, ещё до Сталинграда, пришло отрезвление. Финны пытались выйти из войны с минимальными потерями. Простые финны вообще считали, что это наци втащили их в свою войну. Одно дело – зимняя компания

1939–40 гг., когда они защищали отечество, другое – сейчас. Из-за немецкого высокомерия между солдатами начались трения, и фронт был поделён – часть держали немцы, часть финны. Есть любопытное свидетельство генерал-фельдмаршала Манштейна, одно время командующего войсками, окружавшими Ленинград. Он счёл, что если финны с Северной стороны примут участие в штурме северной столицы, то успех вполне возможен. На соответствующий запрос финское Главное командование, т.е. фон Маннергейм, объяснил, что Финляндия с 1918 года всегда придерживалась того мнения, что существование суверенной Суоми «никогда не должно представлять угрозу Петербургу». И посему участие в наступлении Финляндии на город исключено. На дворе стоял конец августа 1942 года!³¹² Но уйти сразу из немецких лап не получалось. Финны, что называется, вляпались: коготок увяз – всей птичке пропасть! Немцы крепко держали в руках своего союзника.

Финляндия вышла из войны лишь в сентябре 1944 года. Расплата была огромна – отняты были не только Карельский перешеек, но и Петсамо (Печенга) на Баренцевом море. Это не только полезные ископаемые – был потерян выход в океан.

Когда начался распад СССР, финны проявили благоразумие и не требовали назад захваченных у них территорий. Мудро. Ибо болезнь России временна. Она может продолжаться ещё десятилетия, но неизбежно центристремительные силы вновь создадут сильное государство. А расчёт за близорукость будет страшен. Это относится, кстати, и к прибалтам. Их надежды на Запад окажутся эфемерными. Как тут не вспомнить Наполеона, который говорил полякам, что они «слишком» близко находятся к России и чего только он (*Наполеон*) ни будет делать для Польши – всё будет недостаточно...

Финны не убивали ни евреев, ни военнопленных. Помню на даче в Сестрорецке безногого еврейского солдата по фамилии Питкин. Он раненым попал в плен в 1941 году. В госпитале ему ампутировали ноги. Еврейская община изо всех сил помогала евреям-военнопленным. В том числе снабжая на Пейсах евреев мацой. Русским они помочь не могли. Сталин не признавал Красного Креста. И это одна из причин чуть ли не 100% смертности среди раненых военнопленных, да и не только раненых.

6 декабря 1944 года в синагоге г. Хельсинки Маннергейм принял участие в торжественном поминовении 23 финских евреев, погибших на войне. Этим еврейская община желала выразить Финляндии и лично маршалу благодарность за спасение евреев

Суоми. Гиммлер до них не добрался. Финляндия в этом отношении оказалась незапятнанной.

А вот мотив из далекого будущего. Уже упоминавшийся ориенталист И. М. Дьяконов имел интересную беседу со стариком-саами (*по-русски – лопарь*). Старик хорошо знал норвежский и финский языки. Он рассказывал о лагере для русских военнопленных, об издевательствах над несчастными, о почти поголовной смерти – все умещается в слово «бесчеловечность». Он говорил следующее: «Вообще, немцы не люди, а враги Христовы. И финны тоже», – прибавил он, подумав. – «Почему финны?..» – «А как же. Мы ведь в чуме слушали радио Хельсинки... Они говорили, что ведут против русских священную войну. А чей лозунг «священной войны»? Мусульманский. Значит, они Христа предали».³¹³

А полюбил я финнов, читая знаменитый очерк А. И. Куприна «Немножко Финляндии». Писан он в 1907 году во время пребывания в санатории возле Гельсингфорса.

Основная мысль: финны великий трудолюбивый народ, чисто-плотный и честный, он достоин самостоятельного государства и свою независимость рано или поздно получит. Куприн сравнивает Россию и Финляндию и с горечью и завистью пишет о 100% грамотности населения, о всеобщей любви к детям, о чистых и опрятных школах, о финских конькобежцах, о многочисленных спортивных залах. Финны – спортивный народ. Куприн пишет:

«...Финны – мирный, большой, серьезный, стойкий народ, к тому же народ, отличающийся крепким здоровьем, любовью к свободе и нежной привязанностью к своей суровой родине.

Я совершенно чужд политики и никогда не хотел бы быть в роли предсказателя или устроителя судеб народов. Но когда я читаю или слышу о той газетной травле против финнов, которая совершается якобы во имя достоинства русского имени и безграничности русских владений во все страны магнитного поля, мне каждый раз хочется сказать относительно Финляндии: ежа голой спиной не убьешь». Насчет «голой спины» – речь, конечно, идёт о «голой русской заднице», желающей подмять под себя свободолюбивый народ, который морально неизмеримо выше, чем великоросс. Печально. Было время, когда из-за насильственной русификации финны отказывались отвечать по-русски, хотя, конечно же, его знали. Тут у меня собственное воспоминание о Латвии. Году этак в 1961 я попал в Ригу и сразу стал искать шахматный клуб. К кому бы я ни обращался – никто мне не отвечал. Выгляжу же я чистым русаком. Было это в центре города, и, выведенный из равновесия, я вдруг

разразился матерной бранью в адрес латышей. (*Напомним, что мой отец родился в Риге и был латышским стрелком.*) Я кричал нечто вроде того: «Вы не финны! Вы убивали евреев! Вы не имеете морального права на независимость!» – и добавил из «Фауста»: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них на бой идет!» Меня окружила небольшая толпа, из рядов которой вышел пожилой человек, не исключая, что еврей (*мне было не до определения национальности*), и осведомился, в чем причина моей истерии. Я объяснил, что всего лишь ищу шахматный клуб, но из-за ненависти к русским мне никто не отвечает. Это просто хамство, а евреев убивать не следовало: не отмоетесь! Человек взял меня за руку и молча вывел из человеческого оцепенения и оцепления. Проводил меня до входа в искомый клуб. Всю дорогу мы молчали. Я его поблагодарил...

Возвращаюсь к очерку Куприна. Концовка страшная. Писатель вспомнил, что однажды поздно ночью они с Буниным и Федоровым возвращались с Иматры. На станции поезд останавливался у при вокзального рестораника. Длинный стол был уставлен горячими кушаньями и холодными закусками. Все было необычайно чисто, аппетитно и нарядно. Каждый подходил и выбирал все, что ему нравилось. Подходить можно было неоднократно. Все это стоило недорого и оплачивалось по собственной доброй воле. «Никакого надзора, никакого недоверия. Наши русские сердца, так глубоко привыкшие к паспорту, участку, принудительному попечению старшего дворника, ко всеобщему мошенничеству и подозрительности, были совершенно подавлены этой широкой взаимной верой.

Но когда мы возвратились в вагон, то нас ждала прелестная картина в истинно русском жанре». С писателями в одном вагоне оказались два русских подрядчика, которые издевались над бедными финнами: «Вот дурачье так дурачье. Ведь такие болваны, черт их знает! Да ведь я, ежели подсчитать, на три рубля на семь гривен съел у этих подлецов... Эх, сволочь! Мало их бьют, сукиных сынов! Одно слово – чухонцы».

А другой подхватил, давась от смеха:

– А я ... нарочно стакан кокнул, а потом взял в рыбину и плюнул.
– Так их и надо, сволочей! Распустили анафем! Их надо во как держать!»³¹⁵

Слава Богу, что Александр Иванович русский, а то не избежать бы ему обвинений в русофобии.

Но будем справедливы. Мерзавцы есть у любого народа. Илья Эренбург рассказывает, что при оккупации немцами Франции на-

селение сотрудничало с нацистами. Один из владельцев кафе, обслуживающий и немецких офицеров, с гордостью говорил о своем «саботаже»: при подаче каждого блюда он самолично плевал в тарелку оккупанта. Как бы мы ни относились к немцам, но сей поступок вызывает лишь омерзение.

Я заранее получил индульгенцию, сославшись на русского писателя. А вот и «неариец» пишет нечто подобное о маленьком и чудном народе. Лев Абрамович Куперник (1845–1908), прославленный юрист и стопроцентный еврей, правда, крещёный. В одном частном письме он пишет: «Но... абсолютная жестокость так же устарела, как устарело понятие об абсолютном божестве и об абсолютной монархии. У нас в России последняя ещё держится, и против неё, как у Гёте «против глупости тщетно борются сами боги», мы тщетно боремся 75 лет. Финляндия – кусок Европы. Это не особенно красивая, не особенно блестящая и не особенно богатая женщина, но порядочная, опрятная, домовитая, трудолюбивая, скромная и твердая. И как здесь, в Европе, ты не увидишь ни одной женщины с босыми ногами и растерзанной грудью, а все приодеты, причесаны – такова и Финляндия. И на эту-то женщину Николай II и Бобринский напустили своего Держиморду! Он мало что украдет у неё серебряные ложки и спрячет их в свои ботфорты – он в этих самых ботфортах влезет в её комнату, в её постель, он изнасилует её – она, может, и родит от него, но любить его не будет, другом и женой ему не будет. А может быть, когда-нибудь ночью она перережет его пьяную глотку своим финским ножом... Тогда все Держиморды возмутятся, станут кричать о подлости, коварстве, адской злобе и непримиримости этой женщины. Появятся десятки Держиморд, схватят её, повалят, свяжут, истерзают, ограбят и запрут в тюрьму»³¹⁶

И самое главное. Возвращаясь к моей любимой Финляндии, скажу, что лишь благодаря России финны могли войти равноправной нацией в европейскую семью народов. Финляндия никогда не была самостоятельной, она находилась под властью шведских королей не менее тысячи лет. Её государственный язык был шведским, а на финском печаталась лишь Евангелие.³¹⁷ К 1912 году в Финляндии жило 2,5 миллиона финнов и 350 тысяч шведов, русских всего шесть тысяч. И до сих пор в Финляндии влиятельное шведское меньшинство и шведский язык – второй государственный язык Суоми. Развитие финнов искусственно задерживалось шведами. Так, начало финской письменности относится к XVI веку (!). И относится это ко времени Реформации. Немного поздно для Ев-

ропы. Первые книги на финском языке были изданы епископом М. Агриколой (1508/1510–1557). Понятно, вначале была Азбука, Псалтырь, перевод Нового завета. И вплоть до XIX века на языке аборигенов печаталась лишь церковная литература. Громадный скачок сделала Финляндия, присоединенная к России в 1809 году. Кстати, присоединение Финляндии было предусмотрено секретным договором между Наполеоном и Александром. Не вправду ли, это напоминает тайные пункты пакта Молотова-Риббентропа? К месту аналогия. По словам Александра Благословенного, Финляндия, отделившись от Швеции, заняла «место среди наций». Была образована финская автономия на правах княжества и личной унии с императором. Финны имели свой парламент – сейм, ибо русские поддерживали национализм финнов в противовес шведскому засилью, подобно тому, как в Прибалтике Петербург поддерживал культуру латышей и эстонцев против засилья немецких баронов. Началось так называемое движение финноманов во главе с профессором Й. Снельманом и поэтом И. Рунебергом. Фольклорист Э. Лёнрот собрал в 1835 году всемирно известную Калевалу. И столицу царь Александр I перенес из Турку в Гельсингфорс, чтобы уменьшить шведское влияние.

Первый университет на территории Финляндии был построен в городе Або шведской королевой Христиной в 1640 году. Естественно, что преподавание там шло на латыни и на шведском языке. Помещений для занятий всегда не хватало. В 1817 году Александр I отстроил новое здание, но в 1827 году оно сгорело во время пожара. По повелению Николая I 21 октября того же года принято решение перевести университет в Гельсингфорс, и он получил название Александровского в честь покойного императора. В 1832 году было отстроено новое здание. Благодаря государственными льготам город был в состоянии создать ряд великолепных построек для различных связанных с университетом учреждений. В Гельсингфорсе работали лучшие русские архитекторы, строившие и Петербург. Во главе их стоял Карл Людвиг Энгель (1778–1840). Он создал в 1835 году генеральный план, окончательно определивший застройку центра города. По его проектам были сооружены основные здания центральных ансамблей, замечательных строгим монументальностью и безупречным единством характера.

В течение 25 лет Энгель неумолимо руководил всем строительством в столице княжества на государственные имперские деньги. Его сооружения до сих пор являются жемчужиной Севера. Так что не все было плохо в русско-финских отношениях. Параллельно же

шло и урезание прав финнов, но это все в рамках политики Николая I, а затем Александра III и Николая II внутри империи. Но и либеральные веянья царствования Александра II коснулись Финляндии. Но я не пишу историю Финляндии. Я пишу лишь о том, почему я люблю этот маленький и независимый народ. И я люблю детские сказки Закариаса Топелиуса, а особенно Сампо-лопарчонка, и люблю угрюмую сюиту «Корелия» и необыкновенной красоты скрипичный концерт Яна Сибелиуса. Но, увы, и Топелиус был шведом и писал по-шведски, а также Юхан Сибелиус родился шведом. Общая у них и профессия родителей: оба отца были врачами. Да и герой Финляндии барон Маннергейм был шведом и на финском языке говорил плохо...

P.S. И все же следует добавить, что был в Финляндии антисемитизм, нерезкий, но был. Например, в 1922 году был образован национальный шахматный союз (Suomen Skakkilutto). В свое время в Санкт-Петербургское шахматное отделение не принимали лиц «нехристианского вероисповедания» – эвфемизм непринятия евреев. Финны народ прямой, и в уставе клуба вещи названы своими именами: членами клуба не могут быть рабочие и евреи. Социальное высокомерие и антисемитизм становятся рядом. Вот имена лидеров союза: председатель К. Герман (Гельсингфорс) и И. В. Винтер (Або).³¹⁸

23.10.05 г.

Дополнение к написанному о финнах. Во время Первой Мировой войны на территории Российской империи в Финляндии действовали немецкие агенты, рекрутируя финнов в особый батальон. Их переправляли, вероятно, через нейтральную Швецию. Личный приказ кайзера по созданию финской сепаратной единицы последовал 9 августа 1915 года. Через 9 месяцев на русском фронте действовала воинская часть численностью в 2 тысячи человек...³¹⁹ Это то что называется использовать «старые связи»...

Теперь о юристах. Известно, что евреи всегда были хорошими юристами. Я писал о евреях-юристах времен Римской империи. В Российской империи получение юридического образования давало возможность вырваться из черты оседлости и даже сделать карьеру. Правда, карьера с ограничением, как мы знаем из истории действительного статского советника Якова Львовича Тейтеля.

Но кто был первым евреем-юристом в пределах России? Им был Симон-Левин Вульф (1772– после 1826 г.). Вульф родился в Курляндии. Благодаря разрешению учиться в гимназиях согласно «Положению о евреях» от 1804 года, он воспользовался возмож-

ностью поступить на 27-м году жизни в митавскую гимназию, которую окончил в 1811 году. Затем был зачислен студентом в Дерптский университет. Здесь он обучался бесплатно и даже получал жалованье в размере 50 ассигнаций в полугодие. Александр Благословенный мечтал ввести евреев в русскую жизнь...

Не исключаю, что Вульфа подтолкнуло к учебе посещение Митавы императрицей Елизаветой Алексеевной 14 июля 1810 года. Её принимала местная еврейская община. Встретили императрицу перед воротами города, на Рижской дороге, под балдахином, шитым золотом и богато украшенным свитками Торы, вместе с двенадцатью девушками, одетыми в белое и бросавшими по пути императрицы цветы. Елизавета Алексеевна «благосклонно» приняла богато переплетенную Библию от престарелого раввина, одетого в белый атлас, на котором было вышито стихотворение на немецком языке (*Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза-Мария-Августа, дочь маркграфа баден-дурлахская*).

Учился Вульф прекрасно и в 1816 году окончил университет со степенью кандидата прав. Таким образом, он стал первым юристом-евреем в империи. Вульф ходатайствовал о разрешении держать экзамен на степень доктора прав. Увы, сам факультет не мог разрешить такого резкого продвижения иудаиста вверх. Для этого требовалось «особливое Высочайшее повеление». Почему? А потому, что «наука о правах заключает в себе учения, которые не согласуются с религией еврея». Александр I хорошо относился к евреям, но... всеподданнейшее ходатайство на Высочайшее имя не было удовлетворено, а в это время последовало постановление комитета министров в мае 1816 года, чтобы евреи вообще не допускались к получению университетских степеней по юриспруденции. Юстиц-коллегия по лифляндским и эстляндским делам после предварительного испытания выдала еврею Симону-Левину Вульфу свидетельство на «хождение по делам» (*veniam patrocinandī*).

В 1817 году юстиц-коллегия назначила Вульфа, после представления сочинения «О преступлениях и наказаниях», на должность «консулента». В этом звании он практиковал в Митаве, несмотря на то, что министр духовных дел и народного просвещения, кн. Голицын, отозвался на запрос Сената, что «наука о правах содержит в себе учение (*церковное право*), несовместимое с иудаизмом, и доколе пребудет он в своей вере, до тех пор не может он... производить юриспруденцию и сообразно духу христианской веры». И это писал мистик и масон, один из самых порядочных людей той эпохи, князь Александр Николаевич Голицын (1773– 1844), обер-

прокурор Синода (1803–1817), министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824)!

Здесь же, в Митаве, Вульф открыл в 1824 году общеобразовательное училище для евреев. Из трёх преподавателей один был христианином. К сожалению, училище не имело успеха и было закрыто в 1826 году. Жаль, что этот интересный человек не попал во всезнающую энциклопедию Вагнера. Большинство сведений о Вульфе я почерпнул в старой еврейской энциклопедии и в книге князя Н. Н. Голицына.³²⁰

10.11.05 г.

Условия Версальского мира были чудовищны и невыполнимы. К чему это привело, мы знаем. Но есть несколько пунктов, которые интересны с высоты нашего времени. Статья 246 гласит, что Германия твердо обязуется соблюдать конвенцию от 3 ноября 1881 года (!) о борьбе с филлоксерой, т. е. с болезнью виноградной лозы. Возможно, это связано с использованием немцами химического оружия. Конвенция от 19 марта 1902 года о покровительстве птицам, полезным для земледелия, – это, пожалуй, забавно. Но вот конвенция от 12 июня 1902 года (!!!) о защите малолетних вполне современна. Немцы её особенно «аккуратно» соблюдали во время Второй Мировой войны. И не только по отношению к евреям, но и к другим народам. Да и своим детям досталось...

Из других пунктов интересно то, что Германия обязуется сдать Франции 30 тысяч кобыл с ограничением в возрасте от 18 месяцев до семи лет, и именно арденской, булонской или бельгийской пород. Понятно: Франция пыталась восполнить поголовье погибших лошадей во время войны. Я ещё помню пункт о сдаче союзникам 40 тысяч (!) служебных собак. Впрочем, на охране лагерей в будущей войне количество немецких овчарок не уменьшилось, а лишь увеличилось.

14.11.05 г.

Прошло 100 лет после окончания Русско-японской войны. Портсмутский мир был заключен 5 сентября 1905 года. Россия вряд ли отметила позорную годовщину. Потери России страшные, а моральный урон вообще неисчислимы. За первый год войны, 1904 год, до сдачи крепости общие потери достигли 200 тысяч.

Сдача Порт-Артура существенно увеличила число потерь – 70 тысяч русских пленных, восемь генералов и четыре адмирала, не считая материальных потерь: орудий, лошадей, угля, амуниции, снарядов и т. д. Но по сравнению с морским сражением это кажет-

ся ягодками. Цусима! Величайший разгром флота за всю историю морских сражений. Морские Канны! Русские и советские историки стыдливо прятали потери, как свои, так и японские, ибо у «макак» они были мизерными. Бой длился несколько часов и развеял миф о русском победоносном флоте и слагаемой легенде, что русские со времен Петра становятся морской державой. Все прошлые победы Петра при Гангуте, ушаковские и нахимовские победы над турецким флотом были просто игрой со слабой стороной. Наварин! Но русские были в союзе с Францией и Англией. Вообще, без коалиции Россия никогда не могла выиграть войны. Хотя и с коалицией проиграла I Мировую. Отечественная война 1812 года – сплошная агитка. Русские крестьяне бандитствовали на дорогах войны, убивали своих же солдат, французских солдат, помещиков, жгли усадьбы, в капустных чанах рубили раненых военнопленных для кормежки свиней. Был и коллаборационизм. Не говоря уже о поляках. В некоторых районах священники и чиновники встречали французскую армию хлебом и солью, и так до бесконечности. Эти данные почерпнуты из работы Виктора Шкловского о «Войне и мире», из воспоминаний участников войны и других.

Возьмём Цусиму. Бой состоялся 14 мая 1905 года и шёл всего несколько часов. Русские потеряли почти все корабли! Во Владивосток прорвался крейсер «Алмаз» и два контр-миноносца. Около 7000 человек погибли, около 6000 попало в плен. Стоимость погибших судов в золотом исчислении – на 150-200 миллионов рублей. Потери японцев: всего-навсего потоплены три миноносца, и некоторые повреждения на других судах, вполне устранимые. Короче – национальная катастрофа! Но и это понятно: малограмотная страна не могла противостоять Японии после революции Мэйдзи. Страна Восходящего солнца в течение нескольких лет стала полностью грамотной. Мир поднялся. Началась новая эра оттеснения на второй план Европы и Америки. Этот этап не завершен, но угроза очевидна. Вот вам и «жёлтая опасность».

В добавление к этому хочется рассказать ещё об одном позоре русского флота. О нём они стыдливо умалчивают. Ибо речь идет о капитуляции всей русской эскадры англичанам на Лиссабонском рейде в 1810 году. Командовал русской эскадрой талантливый флотоводец Дмитрий Николаевич Сенявин (1763–1831). Дело было во время англо-русской войны 1807–1812 гг. Эскадра английского адмирала Коттона имела в своем составе 13 линейных кораблей, 11 фрегатов и 10 мелких судов. Она в течение десяти месяцев блокировала русский флот, имеющий всего девять линейных ко-

раблей и один фрегат. Выбора у Сенявина не было: на прорыв он не мог рассчитывать.

Возьмём в расчёт даже не количество вымпелов, а качество английских русских судов и экипажей. Они совершенно не сравнимы. Итак, произошла капитуляция, и 26 сентября 1808 года русские суда под конвоем английской эскадры вошли в Портсмут. Сенявин заключил договор, включающий пункт, что после окончания войны суда будут переданы России.

Экипажи вернулись в Россию в сентябре 1809 года. Сенявин же предстал перед комиссией, которая осталась недовольной его действиями. Больше всех негодовал Александр I – «подлец, нечаянно пригретый славой...». Так как война 1812 года сделала Англию и Россию союзниками, то в 1813 году в Кронштадт вернулись два линейных корабля, а за остальные, «пришедшие в негодность», англичане заплатили как «за новые». Что же касается воинской славы, то достаточно одной песни: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг».

Конечно, остается неприятный осадок от сделки Сенявин-Коттон, но жизнь тысячи матросов что-нибудь же и стоит. Что же касается Александра, то следовало бы ему напомнить судьбу французского адмирала Вильнёва, дважды битого Нельсоном: при Абукире в Египте и Трафальгаре. При Абукире, командуя арьергардом, Вильнёву удалось спасти четыре корабля и отвести их на Мальту.

При Трафальгаре у франко-испанских союзников было 33 линейных корабля; у Нельсона – 27. Хорошо обученные английские матросы осуществили чудо: они захватили 8 французских и 9 испанских линейных кораблей. Союзники потеряли около 7 тысяч человек; англичане – 1700. Правда, погиб Великий Нельсон. Вильнёву не везло: он искал смерти, но она его обходила. Он попал в плен. Был выпущен на свободу. Приехал в Париж. Наполеон его не принял и, по распространенной версии, адмирал Вильнёв кончил жизнь самоубийством, ударом кинжала.

Именно этого желал царь Александр от Сенявина, но Дмитрий Николаевич этой радости ему не доставил... И ещё два десятка лет со славой служил неблагодарной родине.

15.11.05 г.

По первому каналу Российского телевидения без зазрения совести крутят антисемитский сериал о поэте Сергее Есенине. Ни такта, ни вкуса – одна глупость. С еврейством, хочется сказать, поэт был связан не только через постель. Есть и влияние Библии, и ев-

рейского театра, и декораций Шагала... По крайней мере, об этом свидетельствует поэма «Инония», «напоминающая своим образным языком его (*Шагала*) картины. Есенин рисует столь желанный ему крестьянский рай, свободный от порабощающего влияния городской цивилизации».³²¹

В анкете, распространенной Всероссийским Союзом поэтов, Есенин не преминул отметить перевод его стихов на еврейский язык. Этот факт воспроизведен в книге «Памяти Есенина».

И уж точно он пришёл к большевикам, не понукаемый евреями. Из опубликованных материалов ясно, что ещё в 1912-1913 годах он был связан с социал-демократами, распространяя нелегальную литературу, участвовал в организации их собраний и т. д. и т. п.

Сергей Есенин, наряду со своим другом и учителем Николаем Клюевым, был одним из первых певцов «Великого Ленина». И это одни из лучших страниц «Ленинианы». В искренность поэта можно верить. И все это писано без всякого принуждения. В одной из своих автобиографий «русский народный поэт», «противник советской власти», как его выставляют современные исследователи, писал с милой непосредственностью, что в РКП он никогда не состоял, так как «чувствовал себя гораздо левее». И далее, после сообщения, что пишет большую вещь под названием «Страна негодяев», есть дивное признание, что самые лучшие поклонники его лиры – приятели: проститутки и бандиты... Он с ними в большой дружбе.

В фильме Есенин неистовый христианин, но в жизни... Боже, каких эпитетов он не «наклат» Богородице! Просто – похабник, матерщинник, богохульник и безнадёжный алкоголик. И в другой автобиографии писал он о главе гонимой русской православной церкви: «Терпеть не могу патриарха Тихона». Ну, кроме того, «сущие мелочи», как то: распиливание икон на предмет подогрева самовара... и т. д. и т. п. И даже в детстве и в юности, как он сознавался, «в Бога верил мало, в церковь ходить не любил».

В этой же юдофобской серии во второй половине 80-х годов генерал КГБ «по благу», из закрытого фонда, приносит следователю из МВД работу о болезни Есенина. Всё это беспримерная ложь. Я, находясь в Израиле, ещё во времена Брежнева запросил своего друга Анатолия Рубашева переснять в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина интересующую меня статью. Ксерокопий тогда не было, и был заказан в фотолаборатории журнал «Клинический архив Гениальности и Одаренности», Выпуск первый, т. V, за 1929 год. Журнал выходил под редакцией д-ра Г. В. Сегалина. Интересующая меня статья была написана доктором И. Б. Галантом. Она называ-

лась просто: «О душевной болезни С. Есенина». Фотокопия была мне выслана без всяких препятствий со стороны цензуры. Статья строго научная и основанная на анализе поэмы «Чёрный человек». На основании текста опытный психиатр приходит к выводу, что поэт страдал тяжелой формой душевной болезни.

*«Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен!
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь».*

Всем было известно, что Есенин был «отчаянным алкоголиком» и воспевал свой алкоголизм. Самоубийство было связано с белой горячкой и, о чём не говорят, осложнённой горловой чахоткой. Пересказывать эту блестящую статью не имеет смысла. Я её показал своему другу, врачу-психиатру Д. А. Черняховскому. Он сказал, что под каждым словом он подписывается. Галант тонко прослеживает сексуальную сторону назревающей трагедии. Галант тактично ничего не говорит об известной бисексуальности поэта:

*«Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорга буйных чувств –
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.
Возлюбленный мой! Дай мне руки –
Я по-иному не привык, –
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы...*

*.....³²²
Прощай, прощай...»*

Но зато – это многим не понравится – Галант пишет о зооморфизме Есенина, связанным с деревенской жизнью:

*«И помню, дед мне с грустью говорил:
Пустое дело ...
Ну а если тянет – пиши про рожь,
Но больше про кобыл ...»*

«Известно, что у Есенина никогда врагов не было, а тем паче «железных», – добавляет врач.

И приводит замечательные слова литературного критика Эммануила Германа из «Вечерней Москвы» от 31.12.1925 г., камня на

камне не оставляющие от антисемитской клеветы современных пуришкевичей: «Жизнь Есенина материала для трагедии не давала. Ему везло. Любимый, рано признанный, он легко, как своё тело, нёс тяжелеющую с каждым днем славу». Галант добавляет: «Но пропитанная алкоголем фантазия Есенина видит везде и всюду смерть, кровь, а звериный инстинкт, всхлестнутый волнами алкоголя, требует кровавой мести».

Лубочный фильм с царицей и царевнами, Распутиным, опереточным Блюмкиным (*«Человек, среди толпы народа Застреливший императорского посла, Подошел пожать мне руку, Поблагодарить за мои стихи»* – Николай Гумилев, *«Мои читатели»*), коварным Троцким, фанфароном Зиновьевым, похабным Луначарским и другими мерзостными евреями и неевреями, преследующими несчастного поэта. В жизни драки с Пастернаком не было: Пастернак дрался с Маяковским. Расстрельный список из рук Блюмкина вырывал не Есенин, а Осип Эмильевич Мандельштам. Анатолий Мариенгоф – не злодей, а преданный друг Есенина, культурнейший человек, которому Есенин должен был бы быть обязанным за культуртрегерство. Русский человек Сергей Антонович Клычков (*настоящая фамилия Лешенков*) был тоже вполне образованным человеком. В молодости после окончания реального училища он побывал в Италии и, примыкая к так называемым крестьянским поэтам, единственный из них писал прекрасную прозу, достойную своих современников «серапионов».

Его романы, в том числе «Князь мира» (1928 г.), снискали признание с точки зрения языковой техники. А Вольф Эрлих, коему написано последнее стихотворение Есенина, – безусловно преданный товарищ и одаренный поэт. Ибо после долгих лет забвения, в эпоху «позднего реабилитанса» вышел маленький сборник его стихов. А предисловие, полное любви к талантливому и безвременно погибшему поэту, написал русский человек Николай Тихонов. Если бы какое-либо сомнение одолевало Тихонова, то он бы нашел способ отказаться от сомнительной чести представить «убийцу» Есенина...

Две серии кончались любопытным рефреном: Есенин был убит, а затем было инспирировано самоубийство. И потому был приглашен не фотограф-криминалист, а фотограф-портретист Моисей Наппельбаум. Все это с нажимом на имени и фамилии одного из

крупнейших фотографов в истории российского фотодела. Конечно же, он был приглашен не из-за своего еврейского происхождения, а потому, что был знаменитым мастером. Его «клиентами» были В. Ленин, А. Блок, М. Горький, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер и другие. Видимо, и посмертная маска Александра Пушкина, сделанная знаменитым ваятелем Витали, также была создана для скрытия действительной причины смерти... Понятно, что Витали – псевдоним еврея Хаима. Витали по латыни и обозначает «жизнь» – Хаим... Везде надо искать врага-еврея! Ищите да обрящете!

Вот и последняя, 11-я серия. Убийство Есенина организовано Львом Давидовичем Троцким, Львом Борисовичем Каменевым и Григорием Евсеевичем Зиновьевым. Троцкий произносит sacramентальную фразу: «Есть человек – есть проблемы; нет человека – нет проблем». Но автор гениальной и простой формулы – товарищ Сталин, и это все знают. Троцкого бьют, и плакать не дают! Человек, написавший благородные строки о погибшем поэте, выводится негодяем, который лицемерно выступает на похоронах поэта. А Якова Блюмкина вообще не было в это время в России. Он был советским разведчиком и организовывал шпионские сети в Закавказье, Монголии, Афганистане, Египте, Ливане, Палестине... У лжи нет границ.

Любопытно, что «благородный следователь» носит фамилию «Хлыстов». Мудаки! Они хоть бы подумали о смысле слова «хлыст». Да ведь интеллект не тот. Называют же они поэта К. А. Константином Александровичем, не подозревая, что его звали Константин Константинович. А в литературный справочник поленились заглянуть. Зачем? Благодарная публика с радостью заглоти любую чушь, даже и не юдофобскую. Ну хватит! Для погромов все подготовлено. Особенно после нацистской демонстрации на четвертое ноября. Боже, спаси Россию! Собственно, что произошло? Впервые на русском экране появился откровенный юдофобский сериал. До этого, не считая арабских стран, антисемитизм процветал на лентах Третьего Рейха. В сериале о Есенине заняты известные и талантливые актеры. Что их заставило поступиться совестью? Уверен, что большинство боялось отказаться от участия в съемках – в следующий раз их могли не пригласить. Это только боязнь – вряд ли осознанная собственная антисемитская позиция.

Стоит вспомнить немецких режиссеров и актеров с мировым именем, ставящих ленты, прославляющие нацизм, вроде Лени Рифеншталь, поставившей в своем роде шедевр «Триумф воли». Или актеров Эмиля Яннингса и Полу Негри. Это фильмы – «Еврей

Зюсс» (1940 г.), «Ротшильд и Ватерлоо» (1940 г.) и самый «знаменитый» фильм в этой серии режиссера Фрица Хипплера – «Вечный жид». «В нашем полку прибыло», – могут сказать юдофобы.

18.11.05 г.

Перечитал свои заметки о кинолжи и клевете, и думаю – стоит рассказать об отношениях Троцкого и Есенина, учитывая сведения, которыми располагаю. В 1956 году мне сообщила моя учительница политэкономии, что во время запоев Есенин исчезал из поля зрения семьи. Тогда сестра, очередная жена или кто-либо другой обращались к Троцкому. Троцкий никогда не отказывал в помощи. Он посылал машину со своим личным шофером и адъютантом, и они объезжали все значные места Москвы. Затем, после нахождения «потери», отвозили домой.

Вот выдержки из статьи Троцкого «Памяти Есенина», оглашённой 18 января 1926 года в Московском Художественном Академическом театре на вечере памяти поэта и опубликованной в № 16 (2847) газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 20 января 1926 г.:

«Мы потеряли Есенина – такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушёл сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом – может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки... Корни у Есенина народные – и, как и все в нем, народность его неподдельная. Об этом бесспорнее всего свидетельствует не поэма о народном бунте, а опять-таки лирика его:

*«Тихо в чаще можжевеля по обрыву
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву».*

Этот образ осени и многие другие образы его поражали сперва, как немотивированная дерзость. Но поэт заставил нас почувствовать крестьянские корни своего образа и глубоко принять его в себя. Фет так не сказал бы, а Тютчев ещё менее... Кем-то сказано, что каждый носит в себе пружину своей судьбы, а жизнь разворачивает эту пружину до конца. В этом только часть правды. Творческая пружина Есенина, разворачиваясь, натолкнулась на грани эпохи и – сломалась.

У Есенина немало драгоценных строф насыщенных эпохой. Ею овеяно все его творчество. А в то же время Есенин не от мира сего. Он не поэт революции.

*«Приемлю все, как есть, все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам!»*

...Поэт погиб потому, что был не сроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его...

И в нашем сознании скорбь острая и совсем свежая умеряется мыслью, что этот прекрасный и неподдельный поэт по-своему отразил эпоху и обогатил ее песнями, по-новому сказавши о любви, о синем небе, упавшем в реку, о месяце, который ягненком несется в небесах, и о цветке неповторимом – о себе самом...

...Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя! Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин!»³²³

Прекрасная статья, больше напоминающая плач! В ней много истинного и непреходящего, но больше всего меня поразили слова «не от мира сего». Евангельский текст неслучайно вошел в эту маленькую поэму, написанную искренним другом Есенина... Да будут прокляты хулители славного имени Льва Давидовича Троцкого! *(Максим Горький говорил и писал, что статья Троцкого – это лучшее, что написано о поэте Есенине. Писал Горький об этом не раз, и неумолимая сталинская и несталинская цензура вымарывала эти строки.)*

30.11.05 г.

Много лет назад в подвале «им. Шмуэля Этингера» обсуждался вопрос о национальности писателя Юрия Германа. В пользу еврейского происхождения говорил тот факт, что он собирался писать роман о Велижском деле. Но, судя по всему, он по отцу – немецкого происхождения. Мне попала замечательная книга его двоюродного брата, художника Константина Константиновича Клуге (1912– после 1999). Клуге родился в Риге, а волею обстоятельств, а проще – революции, он жил в Китае и в Париже. Книга называется «Соль земли», с подзаголовком: «Записки русского художника, выросшего в Китае, окончившего Парижскую академию искусств, работавшего в Шанхае, Гонконге, Чикаго, Нью-Йорке и Париже, история его творческого пути и философских исканий».

По отцу Клуге был обрусевшим немцем, дед которого из Ганса превратился в Ивана Ивановича. Дедушка был специалистом по шампанскому. Он обратил внимание, что почва в Бессарабии чрезвычайно похожа на почву Шампани. Кстати, он был не пер-

вым, кто обратил внимание на почву Молдавии. Первым был генерал Иван Никитич Инзов, покровитель сосланного на юг Пушкина. *(Инзов был приёмным сыном семьи князей Юрия и Николая Никитичей. Был в молодости масоном.)*

Кто не пил дивные молдавские коньяки, типа «Белый» или «Чёрный аист», а ещё лучше «Кантемир»?

Клуге переехал в Петербург, основал «престижную» виноторговлю и женился на богатой невесте из семьи Овчинниковых. Её отец по матери, Николай Николаевич, был потомком полковника Игнатьева. Кажется, к графам Игнатьевым они не имели отношения. Но... ген филосемитизма был силен в их семье. Учтём, что отец художника был офицером царской армии, а затем бойцом армии Колчака. Выбор был сделан добровольно. Отец советовался с братом матери, генералом Игнатьевым. Генерал сказал, что он остается со своим народом, несмотря ни на что. Отец остался тоже.

Мать окончила Московский университет, и ей было предложено место наставницы детей великого князя Михаила, младшего брата Николая II. Поэтому семья переселилась в Гатчину.

Вроде потеряли из виду семейство Германов, но во время Первой Мировой войны семья Клуге прибыла в Житомир: город проживания семейства Юрия Германа. Житомир – место подозрительное для пребывания. В нём почти половину населения составляли евреи. Это город, прославленный погромами Гражданской войны. Не отсюда ли тяга Юрия Германа к Велижскому делу? В Житомире двоюродные братья впервые встретились и их сфотографировали: одному было пять лет, другому – три. Вторая встреча произошла через... 50 лет в Париже.

Это было в Харбине, после поражения белых. Николай учился в классе, состоящем из трёх человек. Лучшим учеником из этого трио был Семен-Соломон Малкин. Как водится, Сёма был слабого телосложения, и третий оболтус, пользуясь отсутствием защитника Коли Клуге, часто побивал «еврейчика». Лучший ученик «класса» лишь присутствовал на уроках закона Божьего. Однажды, в его отсутствие, духовный наставник объявил двум православным, что им не следует забывать, что хотя Сёма хороший мальчик, но его предки убили «нашего Господа Иисуса Христа», и детям следует его сторониться. И не ходить к нему домой, если он, не дай Бог, обрезанный. Причём духовный отец настаивал убедиться – обрезан или не обрезан Малкин. Николай дружил с Сёмой и пришел в бешенство: «Так ведь Христос сам был евреем, и, вероятно, обрезанным! Что же, по-вашему, и от него надо держаться подальше?!»

Покраснев до ушей – это было видно сквозь достигавшую глаз бороду, – наш наставник с желчью принялся предостерегать меня от соблазна сомневаться в том, что признано всеми. «Так как в этом случае ты оказываешься, – тут он сильно повысил голос, – не лучше большевика!»

С того дня, видя в нём своего личного врага, я намеренно выводил его из терпения вопросами. С этой целью я перечел Евангелие, обнаружив в нём бесконечные противоречия с тем, что внушал нам наш поп. Он пожаловался отцу, но отец, выслушав меня, не сказал ни слова, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться».³²⁴

Сия история имела продолжение. В Шанхае Николай Ключе прошел духовный кризис, следствием чего явилось увлечение философией и христианской теологией. И в 1959 году в Париже, что явилось закономерным результатом его эволюции, пишет книгу «Коммунизм Христа». Это был итог его многолетнего изучения Ветхого и Нового заветов.

1.12. 05 г.

Перечитал историю художника Ключе и сразу вспомнил духовника Великого князя Александра Михайловича, который внушал своим воспитанникам ненависть к евреям. Поскольку шла речь о русской эмиграции, то стоит добавить имя священнослужителя и вполне крупного богослова, архиепископа Феофана Полтавского и Переяславского. Свое авторитетное мнение он высказал в одном из своих писем к одной из своих духовных чад:

«Многоуважаемая М. А-на!

Постараюсь ответить на Ваши вопросы, как могу. Бывают и среди евреев хорошие люди. Но и хорошие, и дурные из них – все враги Христовы: одни сознательно, а другие бессознательно. Поэтому молиться о них, как о христианах, нельзя. Но можно молиться о просвещении их светом евангельской благодати и о даровании достойным из них физического благополучия. Житейское общение можно иметь с ними, но осторожно. По 11-му правилу VI Вселенского Собора христианам нельзя лечиться у евреев и брать у них подарки...

Желаю Вам всякого благополучия от Господа.

Ваш искренний благожелатель

Арх. Феофан София. 1920. III. 5».³²⁵

Итак, архиепископ опирается на решения VI Вселенского Собора, который состоялся в Константинополе в 680–691 гг.

Ссылка иерарха на столь древний источник лишь подчеркивает дремучую силу православия. Католическая церковь сделала решающие шаги в сторону примирения с иудаизмом. Вероятно, пока православию это не удается. И они не ставят перед собой такой задачи, отгораживаясь от западных церквей.

И совсем вдобавок, в пару со школьным священником художника К. К. Клуге. Некий законоучитель протоиерей К., когда в его класс приходил любознательный ученик-еврей, возглашал: «Изыди, сатана».³²⁶ Правда, в большинстве своём священники допускали евреев на уроки «Закона Божия»: они любили знающих Ветхий Завет и обычно задавали им вопросы, на которые православные ученики затруднялись ответить. Таков был законоучитель в Мариинской гимназии г. Николаева, где училась моя покойная тёща, ещё во времена царя Гороха...

3.12. 05 г.

Прошло 125 лет со дня смерти пламенного еврейского патриота Исаака-Адольфа Кремье (1796–1880), одного из создателей Alliance Israelite Universelle. «Помогите нам, евреи, возвратить жизнь и плодородие земле, которая есть наша колыбель...

Что за невыразимое чувство внутренней радости можно испытать, если можешь себе сказать: среди народов вселенной есть класс людей, непоколебимых в своей вере, которые в счастье и несчастье сохраняют трогательную привязанность к достославной стране, где Бог говорил с их предками, и вот в своей сыновней любви они возымели мысль насаждать труд и нераздельное с ним благосостояние в этих местах, прославленных подвигами их предков, которых они не могут забыть...

Какое сладостное удовлетворение для нашей души, если мы можем сказать себе: я один из работающих для восстановления прав древней расы, которая одна бодро стоит среди могил и развалин всех древних народов и которая с непоколебимым достоинством твердо держит старое священное знамя, на котором написаны божественные слова: «Слушай, Израиль, Господь наш Бог – Бог единый!»

Замечательные слова, сказанные в 1869 году! Господь услышал наши молитвы и хоть и частично вернул нам Землю Обетованную... Многое зависит от нас, но... всё же нас не так уж много.

5.12.05 г.

В моих глазах украинцы «морально» выросли... за счёт литовцев. Дело в том, что во время войны жестокость украинцев-эсэсовцев стала хрестоматийной. Но по признанию самих немцев, жестокость украинцев вдвое превосходила жестокость эсэсовцев-немцев, а литовцев – вчетверо! Источник информации достаточно осведомленный. Во время войны выдающийся советский востоковед Игорь Михайлович Дьяконов (1914/1915–1999) работал в особом отделе, занимающемся пропагандой среди немецких войск и сбором политической информации. По его сведениям, национальные формирования, созданные нацистами, были страшные.³²⁷

5.1.06 г.

Давно ничего не записывал в дневник. Но вот сразу несколько записей, на мой взгляд, необыкновенно интересных, относящихся к дореволюционной России. Две большие раны были на теле империи, две проблемы: польская и еврейская. Но между ними была большая разница. Национальной задачей поляков было получение независимости. Иначе говоря, они угрожали целостности империи. И это было чрезвычайно опасно не только всеславянской идее, но было заразительно для других народов многонационального государства. Например, для так никогда и не покорившихся кавказцев, а в будущем грозило и другими потрясениями. Такими, например, как зарождающаяся идея украинской «незалежности».

Еврейская проблема была проще и терпимей: евреи требовали «всего-навсего» равноправия – законное право любого гражданина государства. При этом, естественно, снять все ограничения: территориальные – пресловутая «черта оседлости», уничтожение процентных норм, отмена ограничений на получение образования и даже, о ужас, возможность делать карьеру не только в гражданской, но и в военной сфере. Эти требования были универсальны для всех цивилизованных народов, но, видимо, Россия была неспособна решиться на этот шаг, который превратил бы евреев в верных слуг государства, обладающих всеми правами граждан.

Вот свидетельство генерала А. И. Спиридова: «Вопрос национальностей по отношению солдат не существовал: офицеры относились одинаково ко всем без различия вероисповеданиям, и занятие привилегированных мест ротных писарей евреями являлось самым обыкновенным делом». Так что национальный вопрос в Вильне был злободневным явлением, но главным являлся польский вопрос...

Стоя во весь свой колоссальный рост, еврейский вопрос не был так болезнен, как польский. Офицеры были окружены евреями: портной-еврей, сапожник-еврей, подрядчики и поставщики – евреи, фактор-еврей, деньги в долг – еврей, всюду евреи, евреи, евреи и евреи, и много таких, по отношению к которым офицеры были настроены доброжелательно.

Несомненно, существовала религиозная рознь, тогда она не обострялась. Но перед каждой Пасхой шли разговоры о том, что какая-то еврейка где-то «скрала» или «пыталась скрасть какого-то христианского мальчика для надобностей своей Пасхи». Кто, где, что и как, никто не знал. И почти в каждой офицерской семье, где был мальчик, перед Пасхой предупреждали денщика, чтобы тот лучше смотрел за ребёнком и одного за ворота не выпускал, так как детей воруют. Такова была людская молва. Кем и чем она питалась, нас тогда это не интересовало; городское население этому верило, верили и мы, офицеры, верили и солдаты».

Генерал описывает 90-е годы XIX века в Западном крае. По поводу отсутствия национальной дискриминации в армии он несколько преувеличивает, равно и когда говорит о «еврейских привилегиях». Просто в писари брались грамотные люди, и среди них большинство, естественно, было еврейское.

В классной роте одним из преподавателей был крещёный еврей – интересный и умный педагог. Вот цитата: «В другом классе был воспитателем подполковник Рафалович. Высокий, близорукый, с всклокоченной бородой брюнет с грустными глазами, в очках, всегда задумчивый и бедно одетый. Он вёл своё отделение, как лучший педагог. Не было того просветительного учреждения в городе, которое он не показал бы своим кадетам. Сколько экскурсий, прогулок сделал он с кадетами, сколько хороших книг прочитал им, сколько хорошего рассказывал он им из родной истории и про природу. Класс был для него вся жизнь, он проводил в нём всё своё свободное время. За неопрятную наружность кадеты прозвали его «Шмулем». Рафалович знал это и не обращал внимания и делал дело терпеливо, настойчиво и с любовью. И с грустью расставались с ним его кадеты после семилетней совместной жизни, с какою благодарностью вспоминали они его советы уже позже, сделавшись офицерами».³²⁹

Я с удовольствием процитировал последние строки: «Шмули» даже в армии были на своем месте... Только жалко, что «Гершок» и «Шмулей» предварительно окунали в купель. Это не украшало страну и лишало её будущего.

18.1.06 г.

В продолжение темы. В своём архиве обнаружил небольшую книжицу, изданную в начале прошлого века. Написана она представителем британского библейского общества Робертом Пинкертоном и издана была в Лондоне в 1833 году. Книжица носила название «Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века».

Вместо автора указан переводчик, скрывшийся за двумя буквами «А.С.». В примечании указан настоящий автор. О евреях написано очень мало и малопохвально, но для меня перечисленные города интересны гибелью великой католической культуры.

Итак, город Полоцк в 1820 году. Несмотря на изгнание иезуитов, город имеет резиденции различных католических орденов: доминиканцев, бернардинов, францисканцев и греческих униатов – все они владеют в Полоцке монастырями и церквями, многие из которых богаты. Эти роскошные общественные здания способствуют внушительному впечатлению, которое производит город при приближении к нему. В городе очень мало протестантов и православных. Большинство шеститысячного городка составляют евреи. Иезуиты были окончательно изгнаны из города в том же 1820 году. При этом в окрестностях Полоцка иезуиты владели 11 тысячами крепостных и обширными поместьями!

Город Витебск обладает также многочисленными католическими учреждениями, которые враждуют друг с другом. У русских в городе только одна гарнизонная церковь. В сноске указано, что эти сведения неточны. Но именно это уточнение говорит о религиозном насилии, и не более того: у православных был ещё один Успенский собор, бывший базилианский костел. А всего в городе 8 римско-католических мужских и женских монастырей, 3 римско-католические церкви, 11 униатских церквей, 2 католические семинарии, одна гимназия и 3 синагоги. Население Витебской губернии, по словам англичанина, «составляет 672 тысячи и состоит преимущественно из поляков, среди которых скудно рассеяны русские. Евреи, напротив того, очень многочисленны».³³⁰

В сноске указано, что автор смешивает белорусов-униатов с поляками. Но сути дела это не меняет: все же это великая католическая цивилизация.

Город Минск. Преимущественно населённый евреями: они составляют, по словам Пинкертона, две трети жителей города. По последней переписи в Минске оказалось 8 тысяч евреев и 4 тысячи христиан всех наименований. Самый большой интерес – это наличие в Минске небольшой группы литовских татар – 25 семейств. Живут уже несколько столетий среди славян и евреев, но

остались верными магометанской вере, сохранили свою одежду, имеют мечеть и муллу. Представитель Библейского общества Роберт Пинкертон, как опытный миссионер-полиглот, заговорил с муллой по-татарски, но, увы, почтенный мусульманин родного языка не знал. Он свободно говорил по-польски и по-русски.

Объяснение, данное муллой, было следующее. Предки татар женились на польках, из-за чего потомки утратили язык предков. Мулла просил миссионера прислать ему «польский завет», так как принесенный татарский экземпляр оказался для него бесполезен!

А теперь сверяемся с данными на конец XIX века. В 1891 году в Полоцке было чуть больше 20 тысяч жителей. Евреев больше половины – 10,797 человек, православных – почти 7 тысяч, зато католиков всего-навсего 1,5 тысячи. Церквей православных насчитывалось уже восемь, еврейских синагог и молитвенных домов 23, один католический собор и одна лютеранская церковь.

В 1897 жителей в Витебске – около 59 тысяч, евреев – 25 тысяч.

Можно спросить: «А куда делась великая католическая культура?» Она была насильственно вытеснена государственной православной церковью.

Что же касается евреев – куда они делись, то это ещё печальнее, чем духовная гибель, – это было физическое истребление моего народа. Я не люблю ставить религию впереди жизни...

24.1.06 г.

В моей личной библиотеке есть удивительная книга. Её автор Владимир Филимонович Марцинковский. Книга вышла в Праге в 1929 году и называется «Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России (1917–1923)». Можно предположить, что это записки христианина о существовании гонимых новой властью верующих. Но оказывается, не только об этом. Поначалу речь шла о «сосуществовании» религии и атеизма в рамках тоталитарного государства, ещё не достигшего сталинских «кондиций». Но эту книгу я назвал «удивительной» по причине наличия авторского росчерка на титульном листе. Ясным и четким почерком написано следующее: «Адрес автора в Палестине: v. Martzinovsky, Mount Carmel, Haifa, Palistine». Оказывается, неугодный защитник религии нашел пристанище на Святой земле. Интересно бы узнать о его дальнейшей судьбе.

Он вел пропаганду христианства среди сельского населения России – дикого и невежественного, не имеющего понятия об истинном Боге. Марцинковский читал лекции в переполненных аудиториях университетов – Москва, Самара, Саратов, клубов, теат-

ров, в церквах. Выступал на диспутах, в том числе против А. В. Луначарского, вместе с московским раввином Мазе и поэтом и мыслителем Вяч. Ивановым. У него, как и у большинства религиозных людей, с новой властью «не складывались отношения». И дело не только в государственном преследовании верующих.

Поначалу положение было значительно более сложное и неоднозначное. Один из столпов «Живой церкви», архиепископ Антонин, говорил в своей проповеди следующее: «...власть вправе требовать к себе лояльности и проверять политическую подкладку деятельности духовенства. Это делается в каждом государстве. Но с другой стороны, помимо такого контроля церковь должна быть свободна в своей собственной жизни и деятельности от подчинения светской власти».³³¹

Мысли об официальной церкви: «Скажите, батюшка, в чем вы видите главную причину того, что возрождение православной Церкви так плохо продвигается вперед?»... – «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи».³³² Присяга на верность государю, даваемая священнослужителями, начиналась как обычная присяга чиновников: «Клянусь Всемогущим Богом...». – «На меня она произвела подавляющее впечатление, как отражение того печального кесаропапизма, господства светской власти над духовной, которую добровольно угодает свою свободу наша иерархия».³³³

Отсюда легко понять, что часть служителей культа в годы революции отказались от религии и стали заниматься антирелигиозной пропагандой: «...(им) ничего не стоило переменить государственную религию на государственный атеизм. Ибо для духовного лица официальной церкви всегда опасно считать государство выше религии, а значит, выше всего».³³⁴

«Народ массами стал отпадать от церкви, поскольку он принадлежал к ней лишь формально. И, как обыкновенно, отпадение легко перешло в богоборчество, атеизм в антитеизм. «Кто не со Мною, тот против Меня».³³⁵

С энтузиазмом так называемые новоиспеченные атеисты разграбили Синодальную типографию, и листы Священных книг пошли на базар, на обвёртку всевозможной снеди.³³⁶

Поэтому странно, что Марцинковский, говоривший о поверхностности русского религиозного чувства, удивляется этой метаморфозе. После описания зверского убийства крестьянами его друга, кристально чистого человека, спасавшего жизнь незнакомого человека, (подробности ужасающи, я их опускаю), Марцинковский задает риторический вопрос: «Как святая Русь вдруг стала не Святой и

народ-богоносец стал, по выражению одного русского умного человека, знатока русской жизни, – черносотенцем?

И неужели так неглубока была позолота?

Почему оказалась она сусальным золотом, которое смыли первые потоки революционной грозы?»³³⁷

Как тут не вспомнить слова Белинского из письма Гоголю: «Русский мужик говорит о Боге, почёсывая задницу...»

Владимир Филимонович слышал, как один солдат похвалялся грабежами и убийствами, в которых он участвовал. Марцинковский, оказавшийся случайным слушателем, не выдержал и спросил: «Разве Христос в Евангелии учил так делать?»

– А нешто мы его читали? Мы только крышку Евангелия целовали... А в чём писано, того не знаем.³³⁸

Это, вероятно, иллюстрация к реформам Столыпина, которыми мне тыкал в глаза один псевдоисторик на моём докладе о Ленине. И это тогда, когда я говорил лишь о статистике грамотности в России!

7.2.06 г.

Вопрос религиозный в первые годы Советской власти часто приобретал поразительный и «странный» характер. Ну, скажем, открытие мощей. Тогда, по свидетельству Марцинковского, было обнаружено «немало неправды внутри церкви». Были обнаружены всевозможные фальсификации и подлоги и так далее.³³⁹

К этому моменту русской истории стоит привести стихи любимого мною поэта и масона Федора Глинки (1786–1880), умершего в почтенном возрасте:

*«Бог знает, из нависшей тучи
Какая вылетит беда,
Когда пойдут на спор кипучий
Кулак, топор и борода».*

Считаю, что России не повезло с патриархом Тихоном (*Василий Иванович Белявин; 1865–1925*). Безусловно, он был человеком глубоко верующим, но, увы, не соответствующим новому революционному времени. Его избрание было «слепым»: из трёх кандидатов был избран жребием именно он. На место патриарха впервые в русской истории «баллотировался» мирянин – Самарин из знаменитой семьи славянофилов. (*Напоминаю: Самарины – потомки вице-канцлера Шафирова по дочери княгини В. П. Хованской.*) Увы, патриарх Тихон стал протестовать против отделения церкви от государства. В ином случае картина могла быть и иной. Сошлюсь на календарь 1926 года, помещенный в шахматной книжке, вышедшей в государственном издательстве. Табель-календарь включает

советские знаменательные даты: 1 мая, 12 марта – Низвержение самодержавия. (*Тогда считался советским праздником и выходным днём.*) 18 марта – день Коммуны, Октябрьская революция и т. д. Но наряду с официозом имеются следующие церковные даты: Страстная суббота, Пасха, Вознесение, Троицын день, Духов день, Успение, Рождество!³⁴⁰ Тираж – 10 000, что по меркам того времени – много. Конкордат был возможен. При условии лояльности церкви государству. Можно дать этому календарю и такое объяснение: власть поддерживала «Живую церковь». Надо сказать, что патроном шахмат был сам нарком юстиции Крыленко, да и издавалась книжка в Ленинграде уже при «либеральном» Кирове....

1.4.06 г.

Пишу после долгого-долгого перерыва.

Есть такой слой иноверческой интеллигенции, который до безумия любит народ Библии. Их немного, но они есть. Среди русского народа – Стасов, Короленко, Горький, Пирогов, Репин, Паустовский, Сурков и многие или немногие другие. Есть такие праведники и в Германии. Хочется написать о знаменитого ботанике XIX века Матиасе-Якобе Шлейдене (1804–1881), человека удивительной силы духа и мужества. Рассказать бы о нём поподробнее!

7.4.06 г.

Сделал несколько выписок из старых еврейских журналов. Черта оседлости – это страшная вещь! Нищета – жуткая. Даже отъявленные русские антисемиты, увидев настоящего еврея, а не карикатурного, содрогаются от жалости. Так, нововременец Н. А. Энгельгардт, которого я в свое время цитировал как писателя, давшего литературное изложение создания Г. А. Потёмкиным «Израильского полка», описывает положение в «черте». Поначалу он, по выражению публикатора, «дует евреев во все лопатки». Энгельгардт противопоставляет «еврейскую аристократию» массе. Замечание не лишено социального акцента – революции делаются не на пустом месте. Сравнивал ли Энгельгардт «русскую аристократию» и собственный плебс? «Положение еврейской массы – в то время как к богачам-израэлитам перешли сотни тысяч десятин помещичьей земли и они строят роскошные виллы среди своих местностей – несомненно, не только не улучшается, но становится все тяжелее...

Признаюсь, глубоко жаль несчастное, жалкое, полуголодное еврейство Северо-западного края... ибо оно ограничено сплошь и рядом ломтем хлеба с селедочным рассолом и парой цибулей в

день».³⁴¹ Энгельгардт обращает внимание на запуганность массы: увидев незнакомого человека, внимательно посмотревшего на них, группа евреев мгновенно понизит голоса, «ёжится», в глазах мелькает испуг. Понятен страх моих забытых соплеменников: чужой человек – это почти всегда новые «гзейрос» (напасть)...

19.4.06 г.

Конец Пейсаха. Очень люблю этот праздник. Во многих домах, куда нас приглашают, специально делают фаршированную рыбу («гифилте фиш»). За смертью тещи и мамы, пробавляемся обычно консервными приготовлениями: но это не то! В этот раз мы праздновали первый сейдер у дочери Анны, и для меня были изготовлены роскошные карпы, да ещё с икрой. Я не гурман, а обжора...

Сегодня попалась толстенная книга о Льве Зильбере, знаменитом медике, брате Каверина. Во время Гражданской войны он служил врачом в Красных частях. Военная судьба забросила его в Поволжье, в Саратовскую губернию. В своё время я описывал богатство немецких сел и убогую нищету русских деревень, ссылаясь на воспоминания действительного статского советника Я. Л. Тейтеля. А вот свидетельство Зильбера: «На первый перегон нам пригнали 50 подвод, мобилизованных в немецких селах вокруг Саратова. Лошади были превосходные, упитанные. Выехали мы из Саратова в конце февраля и по хорошему санному пути двигались быстро, останавливаясь главным образом в немецких деревнях области немцев Поволжья. Меня поразили достаток, в котором жили немцы, хорошие просторные рубленые избы с тесовыми крышами, высокие кровати с бездной чистейших подушек, поднимающихся чуть ли не до потолка, свиное сало шириной в несколько вершков, ситный белый хлеб с хрустящей корочкой. Упитанные коровы, громадные тупорылые свиньи, упитанные лошади, упитанные люди. А почти рядом, иногда с теми же названиями, наши российские деревушки с тесными избами, крытыми соломой, тощие лошади и коровы, остроносые, тощие на длинных ногах свиньи... Когда останавливались в этих деревнях, чаще приходилось делиться своим военным пайком, чем получать что-либо у хозяев».³⁴² Да уж, действительно: кто какую Россию потерял...

Зильбер получил назначение в штаб 2-й Донской дивизии, которой командовал бывший полковник царской армии Колчигин. На груди комдива красовался орден Красного Знамени – ещё тогда весьма редкая награда. Рядом с орденом на гимнастёрке нашита желтая лента цвета лейб-гвардии уланского полка, где в иные

времена он служил. Такое сочетание символов интересовало пытливого доктора Зильбера, которому было бы интересно узнать, что заставило Колчигина принять Советскую власть и служить ей верой и правдой. Случай представился – комдив и врач разговорились. Смысл рассуждений бывшего офицера сводился к тому, что большевики – собиратели Русской земли, продолжатели дела Ивана Калиты. Если бы не большевики – Россия бы распалась, её окраины были бы заняты англичанами, японцами, была бы обкорнана Западная граница. Далее следует аргумент, который я использовал в защиту Ленина: «Мы очень много говорим об интернационализме... и, конечно, наша революция имеет международное значение. Но посмотрите, как одета наша армия, и под каким знаменем она сражается... ведь эти шлемы, в которые мы одеваем наших красноармейцев, и эти широкие красные петлицы на шинели – это же одежда великокняжеской рати, а красное знамя – это то самое знамя, под которым русский народ сражался при Калке. Это то знамя, под которым русский народ сверг татарское иго. Так что большевики совсем не забывают, что они являются политической партией русского народа».³⁴³

Я испытал истинное удовольствие от прочтения этих слов. Для меня чехарда со знаменем современной России, которая отказалась от государственного флага СССР, – возвращение к византийщине, а не к русским истокам. Да и двуглавый мутант – символ загнившего православия, которому не место в многоконфессиональной стране. Серп и молот – символы труда – намного интернациональнее и справедливее. Я повторяюсь, но это так! А что же касается шлема, широких петлиц, длиннополой шинели – то спасибо Льву Давидовичу, который был достаточно образован, чтобы подчеркнуть национальный характер революции. Эскизы делал, если не ошибаюсь, Аполлинарий Васнецов, знаменитый художник. Кстати, красноармейская шинель была лучше и целесообразнее шинели царской армии. Но это так, к слову...

1.5.06 г.

1 мая! Праздник, почти похеренный в России. Да и вместо Октября – совсем маловразумительный праздник «Единения», то есть попросту день изгнания поляков из Москвы. Кажется, национальным днем надо было бы избрать день Куликовской битвы. В отместку поляки должны объявить своим национальным днем «Чудо на Висле», когда зарвавшиеся красные были опрокинуты контрударом. А России опять-таки, в свою очередь, следует

праздновать день избиения поляков при взятии Праги Суворовым или день штурма Варшавы фельдмаршалом Паскевичем, графом Эриванским, князем Варшавским... и так до бесконечности.

25.5. 06 г.

Увы, почти ничего не вношу в дневник. Проблема в некоем отчаянье: у меня нет возможности опубликовать мой бред. Вероятно, он очень одиозен?

Но вот несколько эпизодов II Мировой войны. В нацистской Германии шла опера «Раскольников» на музыку Генриха Зутермайстера (Sutemeister, 1910/11–1995). Либретто написано Н. Зутермайстером. Кто он или она, жена или брат, мне неизвестно. Над оперой работал друг Зутермайстера, знаменитый пианист и дирижер, еврей Исайя Добровейн, называвший оперу «нашим младенцем».

Генрих Зутермайстер родился в Швейцарии и, кажется, умер тоже в Швейцарии, но он, безусловно, немецкий композитор. Учился в Мюнхене у лучших педагогов, а впоследствии у самого Карла Орфа, нациста, автора гениальной «Кармины Бураны», никогда не отрекавшегося от своего «славного» нацистского прошлого. Орф гордился этим. Но, возвращаясь к Генриху Зутермайстеру, укажем, что на Западе его опера «Ромео и Юлия» (1940, Дрезден), шедшая наравне с оперой Рихарда Штрауса «Кавалер роз», получила мировую известность.

Возникает вопрос о Достоевском: что же это за исключение для славянского гения? Ларчик открывается просто. Ненависть наци к славянам и русским очевидна, и для этого даже не следует читать «Мою борьбу» или «Миф XX века». Но Достоевский не Толстой, его легко приспособить для нацистской пропаганды. Так, во время войны на оккупированной немцами территории выходили ежедневные газеты, и издавалась соответствующая литература, как антисемитская, так и антисоветская. Одна из книг, вышедших в 1942 году, носит «привлекательное» название «Протоколы Сионских мудрецов и Достоевский». *(Каким-то чудом у меня есть фотокопия.)* Читатель вправе спросить, а какое отношение к «Протоколам» имеет русский классик? Да никакого! Просто зоологический антисемитизм вполне может быть использован во всём. Несложно вообразить либретто оперы по-нацистски, отшлифованное немецкой цензурой. Как мы помним, Родион Раскольников обуреваем «ротшильдовской идеей». И почти наверняка «Мировое зло» представлено в виде старухи-процентщицы, надо думать – иудейки. Отсюда один шаг до растления еврейки арийки Сони Мармеладовой – и месть Раскольникова справедлива. Вспомним нацист-

ские фильмы со схожим идейным содержанием, вроде «Еврея Зюсса» по еврею Л. Фейхтвангеру с гениальным актером Эмилем Яннигом, «Ротшильд и Ватерлоо» и самый «знаменитый» в этой серии фильм режиссера Фрица Хипплера – «Вечный жид».

Думаю, что никакого публичного покаяния убийцы сюжет «Раскольников» не содержит. Итак, опера ставится в 1942 году в Дрездене. Где я об этом прочитал? В моем распоряжении несколько изданий энциклопедических музыкальных словарей и Музыкальная энциклопедия. Так вот, в первом издании Энциклопедического музыкального словаря 1959 года написано, что «Раскольников» был поставлен в Дрездене в 1942 году. Но уже ко второму изданию словаря (М., 1966 г.) и Музыкальной энциклопедии (1974 г.) цензура спохватилась и проставила дату 1948 год и место постановки – Стокгольм! Ведь сомнительно, что в советской зоне оккупации шел «Раскольников», ибо Достоевский был полузапрещен в СССР довольно долго. Крупская старательно вычеркивала его имя из предполагаемых изданий. А в Стокгольме, может быть, и шла опера, но с иным, совсем иным идейным содержанием и подтекстом.

Тот же самый 1942 год я хотел бы вспомнить в связи с удивительным концертом в окопах Сталинграда. В канун Нового года, 31 декабря, выдающийся советский скрипач Михаил Эммануилович Гольдштейн (1917–1989) исполнял сольный концерт на позициях. Музыка через громкоговорители долетала до немецких окопов, и в установившейся жуткой тишине был слышен каждый звук. Когда он закончил играть, то в мертвой тишине немецкий громкоговоритель прервал молчание: голос умолял скрипача исполнить Иоганна Себастьяна Баха. Гольдштейн взял скрипку и заиграл трагично. Страшно. Я не знаю репертуара того странного концерта, но моей жене кажется, что он играл «Чакону». Вдвойне страшно, что исполнителем был еврей, о чём немцы могли догадываться. Знали ли эти немцы, как поступили нацисты с семьей и земляками Гольдштейна в Одессе? Риторический вопрос. Кто не хочет знать – тот не знает: они глухие. Не много ли их было в Германии?

Неужели на немецкой стороне никто не догадывался, чем кончится новая бойня? Да, были генералы, которые все видели, но у которых до 1944 года недоставало мужества. И были единицы антифашистов. Приведу пример совершенно выдающегося гражданского мужества. В том же 1942 году в Берлине вышел небольшой учебник шахматной игры под названием «Мат». Автор – немецкий шахматный мастер Курт Рихтер (1900–1969).

Не стоит напоминать читателю, что в этот год победа гитлеризма казалась неминуемой: немцы стояли у Нила и Сталинграда. Психологическое воздействие этого фактора было таково, что в далекой Бразилии отчаявшийся интеллигент, потерявший любимую отчизну, либеральную Европу начала века, покончил счеты с жизнью. Это о Стефане Цвейге, создавшем «Шахматную новеллу». Чемпион мира по шахматам Александр Алехин, русский коллаборационист, безусловно, уверовал в победу наци, но Курт Рихтер видел другой конец... В своей книге он не мог указывать еврейские имена, особенно известных мастеров. Посему на сцене появляются многочисленные N. N., а доктор Ласкер и доктор Тарраш под весьма бесхитростными сокращениями: dr. L. и dr. T-h. В последнем случае окончание «h» дано, чтобы не спутать с д-ром Тартаковым. Многочисленные Коганы и Коены написаны невиданным способом, вроде Coggan. Более того, напомним письмо М. Эйве к Алехину с просьбой спасти «друга» Оскама, который был и другом Алехина. И что вы думаете? Рихтер публикует победную партию Оскама и морализирует по поводу путешествия черного короля. К этому времени, возможно, был убит нацистами чешский мастер д-р Трейбал (дата смерти – 15.4.42). Надо ли говорить, что Рихтер публикует победу Трейбала из пражского турнира 1937 года! Но мало того – немецкий мастер предсказывает конец войны, публикуя задачу русского мастера А. Д. Петрова (1794–1867), известную под названием «Партизанская война», где конница казаков Платова гонит неприятеля из Москвы и мает его в столице врага! Да, Рихтер был мужественным человеком! Чтобы немного завуалировать авторство задачи, Петрову дается другой инициал и окончание с двумя «FF» – Von R. Petroff. Год задачи тоже изменен, но это все второстепенно... Конечно, более известную задачу «Изгнание Наполеона из Москвы», иначе «Бегство Наполеона из Москвы в Париж», опубликовать было немислимо, но, полагаю, и «конницы» было достаточно. (*Один из немецких генералов вспоминал, что зимой 41–42 года любимым чтивом германского генералитета были мемуары наполеоновского министра графа Коленкура об отступлении 1812 года.*) Стоит сказать, что книжица Рихтера вышла в типографии Вермахта и посему я с удовольствием переписываю титульный лист этого несравненного издания: «Das Matt Eine Plauderei ber den Mattangriff im Schach» von Kurt Richter Mit vielen Stellungbildern. Sonderdruck für das Oberkommando der Wehrmacht Abteilunf Inland, Berlin 1942. Walter de Gruyter & Co. vormals G.J. Göfchenfche Verlagehandlung – J. Guttentag, Verlagsbuchhandlung – Georg Reimer – Karl J. Trübner – Velt & Comp.

27. 5.06 г.

Сегодня рано утром в шесть часов я поднял Инну и своего друга Толю Рубашева, приехавшего в гости из Ленинграда. Через Яффские ворота мы влетели в Старый город. Несмотря на столь раннее время, с трудом нашли стоянку и по параллельной улице Кардо вошли в церковь Гроба Господня. За долгие годы у меня выработался один и тот же «репертуар». Понимал, что всё несколько приелось, что уже нет прошлого воодушевления виденным. Всё до боли знакомо. Площадь у входа и трещина на мраморной колонне, ограбленные в своё время арабами обшарпанные двери, которые никто не собирается восстанавливать. Камень помазания с восьмью негасимыми лампадами: три от православных, три от католиков и две от армян. Субординация. Так и во всем Храме, хотя перевес на стороне православных по числу наиболее памятных мест. Напротив «Камня помазания» сравнительно новая мозаика: «Снятие с креста». На мой взгляд, несколько примитивная. Китч! Что же касается армянских картин, то я всегда поражаюсь их редкой безвкусице. Можно сказать, что большинство картин исполнено в позапрошлом (XIX) веке. Но несколько лет тому назад в церкви св. Елены произошел пожар и сгорело огромное полотно. Армяне утверждали, что поджог был осуществлен греками, что при взаимной ненависти конфессий вполне вероятно. Так вот, была написана новая работа, по бездарности превосходящая прошлый лубок. И это-то гениальный маленький народ, давший миру гениев в музыке, шахматах и живописи. Я даже не говорю о знаменитом Мартиросе Сарьяне, а говорю о парижских художниках-армянах. На память приходят первые имена: Ара Беарян, Рафаэль Шишманян. В Храме их нет. Но что больше всего меня потрясло на этот раз – невыносимый запах, стоящий в самом святом месте христиан. То ли прорвало канализацию, то ли вонь отхожего места – позорище современной Церкви всех религий. Стыдно, что не могут договориться и заплатить несколько тысяч долларов, которых может дать любой состоятельный турист для оборудования современного туалета. В отхожем месте всегда смрад: он был и столетия назад, и триста лет – вплоть до Первого века нашей эры. Конечно, во всем Храме следует установить современную систему вентиляции, а уборные снабдить туалетной бумагой. Вероятно, последнее не под силу финансам христиан...

Когда спускаешься вниз по лестнице с 33 ступеньками – по годам жизни Спасителя – в церковь св. Елены, то обращаешь внимание на высеченные кресты на стенах собора. Это безграмотные крестоносцы оставили мечами свой росчерк. А над ними и наши

соотечественники «обессмертили» свои имена: Иван, Надя. И вспомнил я стихотворение Владимира Маяковского «Ай-Петри», где также изощрялись наши предки, изувечивая прекрасную гору:

*«Пролетарии всех стран, объединяйтесь!
Комсомолец Петр Порулайтис».*

И так до бесконечности...

А в противовес смраду, вони, затхлому у «Стены плача» прекрасные, чистые, современные туалеты. Братья-христиане! Попросите помочь современных Ротшильдов, чтобы они могли внести свою скромную лепту в общую иудео-христианскую цивилизацию. Это не досужий вымысел. Так столетия стоял замызганный источник в «Эйн-Кареме», где встретились две сестры – Мария и Елизавета. Пока это безобразие не привел в порядок Тедди Колик, мэр Иерусалима. А деньги впрямь дал современный Ротшильд. Любо глядеть сейчас на место встречи Богоматери и матери Иоанна Крестителя...

Да, вот ещё. В Новой России, с тем же Толей Рубашевым и покойным Давидом Черняховским, мы посетили Коломенскую церковь и Сергиев Посад. Жуткое зрелище от общественных мест. Кал стоял, смердел и тёл омерзительной жижицей...

Это не заземлённое видение святых мест. Это обыкновенная человеческая потребность. Нужда, а не Нужник. Опрятность я видел у католиков и протестантов, но не у православных. Простите, но это правда.

26.6. 06 г.

Все реже и реже заглядываю в «Дневник». Причин несколько. Нестерпимая жара, плохое самочувствие (*не люблю этого слова!*) и... природная лень. Но всему этому есть объяснение – нет шансов издать мои «шедевры».

Идут футбольные баталии в Германии. Мои приятели сошли с ума и денно и нощно молятся у телевизора. В юности я играл в футбол, и неплохо, был классным вратарем юношеской сборной Октябрьского района Ленинграда. Но постепенно охладел, особенно после запрещенного удара в паховую область. «Хозяйство» я берёг... До сих пор доставшееся с довоенных времен английское именование игроков и позиций у меня в памяти: голкипер, беки, хавбеки, форварды, пенальти, офсайд, корнер, инсайд. Недавно я с внуками был в игрушечном Детском мире. Чего здесь только не было! При нашем военном детстве, голоде и отсутствии игрушек я чувствовал себя ограбленным. Моя жена, игравшая куклами, сши-

тими добрыми руками мамы и тети Иды, комплексует до сих пор, с невиданной «жадностью» приобретая внучкам и внукам игрушки. *(У тёти Иды оба сына погибли на войне. Старший, танкист, прошедший войну, сгорел уже 16 (!) мая 1945 года от рук безумного фаустпатронника.)*

Я долго стоял у ящика с футбольными мячами. Боже, какие они красивые! На моем лице было написано нечто, что заставило молодого продавца-студента подойти ко мне и участливо спросить: «Что с вами? Вам плохо?» Я оторвался от прошлого и рассказал, что мы играли во дворе тряпичными мячами, а что щитки и подлокотники моя мама сварила из старого ватника. Как мог, я объяснил, что это такое – «ватник». Мне кажется, он мне не поверил: он не мог себе представить такого детства... Я был патриотом ленинградской команды «Зенит». Как «Отче наш», знал составы команд и историю русского футбола. Это было хорошо, но это ушло. Но я помню двух игроков победной команды «Зенита», завоевавшей Кубок СССР в 1944 году. Это был гениальный голкипер Леонид Иванов и хавбек Левин-Коган, так сказать, дважды еврей. Борис Яковлевич Левин-Коган (1918–1998) был прекрасным игроком, интеллигентом, голова его была подобна бильярдному шару. Его упрекали в игре на красоту: он играл головой – два шара двигались по площадке. Позднее я понял – он был техничным и умным игроком. Передвигаясь, как в цирке, с мячом на лысом черепе, он выигрывал время для удобной передачи. Но все ушло...

А теперь я не «болею». Если бы играл Израиль, то, конечно, да. Но я даже не люблю израильский баскетбол, несмотря на то, что команды не раз побеждали в Старом свете. Не люблю из-за варягов. Сейчас это норма: несколько высоченных негров играют за страну. Я против наёмников. А если вам нужны негры, то есть же у нас абиссинские евреи. Возьмите их и воспитайте бегунов, футболистов, баскетболистов, но, ради Бога, увольте меня от наёмников. Уверен, что патриотизм должен зиждиться на «своих» достижениях, а не на заёмных. Лучше быть в середине таблицы с евреями, чем в начале с чужаками... А потому мне нравится команда Ганы – единым цветом кожи. Так за кого болеть? СССР – нет. Велкороссы играют слабо и не попали на «Мондиаль». Осталось переживать за Малороссию, сколок империи.

Самостоятельность Украины для меня загадка. Ни по каким причинам – этнографическим, географическим, экономическим, политическим, культурным, религиозным – им отделяться не следовало. Находясь в Союзе, они обрели Новороссию, Волынь,

Львовщину, Черновицы, Крым. Их в советской империи никто не угнетал. (*Речь идёт не о репрессиях, общих для всех народов без исключения*). В государственном и партийном аппарате они были представлены непропорционально много. Никаких ограничений карьеры: политической, военной и прочей. Расцвет культуры, в том числе и малороссийской, очевиден.

Сложно понять психологию украинцев. Их национальное возрождение связывают с именами Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы. Но устремления Хмельницкого не шли далее, чем получение автономии в пределах Речи Посполитой. К Московии он пристал после долгих колебаний и тут же пожелал избавиться от тяжёлой руки москалей. Но не тут-то было. Да и подумайте: самостоятельность, настоянная на убийствах 100–180 тысяч евреев (*ссылаюсь на националистическую Украинскую энциклопедию, статья «Жи́ды»*), может ли быть долговечной? Резне подверглись поляки, и литовцы, и т. д. А союз с Крымом и обычные разбои татар? Это ли союзник? Резня французов сицилийцами не привела к созданию отдельного Сицилийского государства. Идеология, настоянная на крови, непродуктивна.

Здесь к месту вспомнить идеологию «самостийности». У «теоретических» истоков оной стоял сторонник Мазепы Филипп Орлик, избранный эмигрантами гетманом. Это было первое эмигрантское правительство Украины. Вероятно, текст был составлен не Орликом, а его шурином, генеральным есаулом Григорием Павловичем Герциком. (*Генеральный есаул – современным языком «главнокомандующий и инспектор войск»*.) Герцик был из семьи выкrestов, где-то получил медицинское образование. Известно, что в Киеве учил латынь. Был достойным современником Мазепы, вполне образованного человека, прошедшего выучку в Польше, при дворе короля Яна-Казимира, и за границей – в Германии, Италии, Голландии, куда был послан королем. Мазепа также был известен как поэт. Недаром он герой Вольтера, В. Гюго, В. фон Гайденштам, Р. Готшаль, К. Рылеева, поэм Байрона, Пушкина, симфонической поэмы Листа, оперы Чайковского, картин Т. Шевченко, И. Репина и мн. других. Интересная личность!

Основатель рода Герциков – уманский еврей Симон Герцик, крестившийся приблизительно в 1650 году. Умер в 1667 году. Его сын Павел Семенович, полковник казачьего Полтавского полка (1675–1695), умер около 1700 г. Похоронен в церкви Воздвижения в Киево-Печёрской Лавре, построенной им на свои средства! Его сын Григорий Герцик. Род внесён во вторую часть родословной книги Полтавской губернии.

Пересказ программы будущей самостоятельности выглядит приблизительно так. По достижению Украиной освобождения от «невольнического ярма московского» господствующей религией будет признано лишь православие и будут бороться с любым другим иноверием, «а наипаче зловерия жидовского», но будут стараться, чтобы «вечно процветала единая православная церковь в зависимости от константинопольского патриарха при расширении научного просвещения между свободными сынами Малороссии». Границы обозначались весьма неопределенно – от Польши по реке Случ, проведённые ещё Богданом Хмельницким. Украина признавалась навсегда «самобытным» государством «под вечным протекторатом шведского короля».³⁴⁴

Обращает на себя внимание несколько пунктов. Формула «невольническое ярмо московское» благополучно дожидается до наших дней. Юдофобия оказалась более долговечной, чем «самобытное государство под вечным протекторатом шведского короля». А может, сейчас, в минуту экономической нестабильности, призвать шведского короля, но уже не из династии Ваза, а Бернадотов? Разве имеет значение, что у Бернадотов – еврейские корни. Рука Григория Герцика чувствуется в тексте призыва к широкому народному просвещению. Все-таки помнил Григорий, что у евреев поголовная грамотность...

Действительность опрокинула мечты. От Швеции как мировой державы остались сладкие воспоминания. А «союзники» – крымские татары – проявили свою обычную мусульманскую жестокость, что само по себе оттолкнуло малороссов от создания эфемерного государства. Под тяжелой рукой Москвы было безопасней. Что же касается «протектората», то были ещё «протекторы» Вильгельм и Адольф Алоизович, на которого делали ставку националисты. Что же касается высокого просвещения, то Московия строила университеты по западному образцу, где просвещались украинцы.

Но нужно быть последовательным. Москали были не ангелы и свирепствовали вдали от центральной власти. Особенно старались казаки, перешедшие на сторону русских. Тогда, в описываемое нами время, происходили жуткие картины. Запорожский атаман Серко, один из героев малороссийского эпоса, совместно с царскими «ратными силами», во главе которых стоял стряпчий Косагов, чуть не взяли Перекоп. Но, в конце концов, вынуждены были отступить, увозя много пленных, включая женщин и детей. Серко приказал их всех перебить. Но центральная власть потребовала

ответа: казак нашелся и отписал, что он вынужден был осуществить это варварство, так как якобы в Крыму было моровое поветрие. Москва точно знала, что ничего подобного не было, но закрывала глаза на средневековые жестокости неверного союзника. Было это глубокой осенью 1663 года.³⁴⁵

5.7.06 г.

В унисон с «малороссийской самостоятельностью»:

***Новелла о белорусском «ренессансе».
Павел Шейн и другие.***

В белорусском Возрождении приняли участие несколько евреев. Павел Васильевич Шейн родился в 1826 году в г. Могилеве на Днепре в семье состоятельного купца-еврея. С детства перенес заболевание, оставившее его калекой, возможно, это был полиомиелит. Он не мог даже учиться в хедере. Учился самостоятельно, иногда ему помогал меламед, обучавший младшего брата. Меламед был «берлинер», то есть человек прогрессивных взглядов. Под его влиянием будущий этнограф заинтересовался древнееврейской литературой и языком; ознакомился с его грамматикой.

Дальнейшая его судьба несколько напоминает судьбу Рудневой-Кашеваровой. Отец по делам часто ездил в Москву, но из-за антисемитских законов долго оставаться не мог. В 1843 году на 17 году жизни болезнь вынудила родителей поместить сына в одну из московских больниц – Новоекатерининскую, а так как больничные правила разрешали иноверцам не пользоваться общим столом, то отец оставался при сыне, кормя его кошерной пищей. В больнице мальчик оставался три года. Это пребывание в иной среде оставило в юноше глубокий след. Сердобольные россияне приняли участие в его судьбе. Один из фельдшеров-кантонистов (еврей) обучил его русской грамоте, доставал русскую литературу у студентов. Жуковский и Пушкин стали первыми друзьями Павла. Ординаторы-немцы обучили немецкому языку, и вскоре паренёк ознакомился с произведениями лучших немецких поэтов. Все это открыло перед ним новые горизонты.

К этому времени относятся первые писательские опыты Павла. Писал он на идиш и пытался проводить линию на примирение между иудаизмом и христианством. Влияние среды было очевидно. Большинство врачей были немцами-протестантами, возможно, в их среде пребывали и новообращенцы. Следствием этого было принятие Павлом лютеранства и помещение его в сиротское отделение церкви святого Михаила. Этот шаг навсегда оторвал Шейна

от своей среды – но шаг был сознательный. Для нас интерес представляет поведение отца. Возможно, ощущая, что сын необыкновенно талантлив, обречён в местечковой среде на прозябание, он дал согласие на крещение. Если бы это было иначе, сын, без сомнения, принял бы православие. Так я думаю. В сиротской школе Шейн сделал такие успехи, что по её окончании мог самостоятельно преподавать русский язык. На него обратил внимание преподаватель, довольно известный литератор и переводчик Ф. Б. Миллер, и дал толчок к новым успехам. В Москве он ввёл Шейна в круг людей выдающихся, таких, например, как поэт и мистик Ф. Н. Глинка, С. Е. Раич (*поэт, в своё время учитель Ф. Тютчева*), скульптор Н. А. Рамазанов, писатель М. В. Авдеев и др. Затем Шейн попал в чисто славянофильскую среду С. П. Шевырева, Аксаковых и Ал. С. Хомякова. Все относились к юноше с высшей благосклонностью. Общими усилиями устроили юношу репетитором в помещичью семью. Вместе с ней он переехал в провинцию. Как педагог Шейн пользовался большим спросом и переходил из одной семьи в другую, меняя губернии, но всегда успешно готовя недорослей к гимназии. Под славянофильским влиянием увлёкся собирательством народных песен, и первая работа его была помещена в «Чтениях».

Его литературным крестным отцом был славист Осип Максимович Бодянский (1808–1877), уговоривший опубликовать работу. Первый скромный шаг, а затем последовали серьезные и большие работы. За это время Шейн сделал немислимую карьеру для калеки: стал уездным смотрителем училищ и учителем гимназий в разных краях России. Он увлекался любимым делом собирательства, тратя весь свой скромный заработок на «экспедиции», которые осуществлял в каникулярное время. Интересно было бы составить карту его странствований. Псковская, Рязанская, Новгородская губернии дали богатейший песенный материал. Все было приведено в систему и опубликовано опять-таки в «Чтениях».

Собрав таким образом целый ряд памятников великорусского племени, Шейн вспомнил о родной Белоруссии, которая была мало исследована.

По белорусской этнографии им был создан ценнейший труд, при этом вызывает удивление, как больной человек мог все это проделать в столь короткий срок. Весь материал систематизирован. Быт белорусов разобран до мельчайших подробностей, тщательно составлены примечания, указаны варианты к разысканным песням – короче, научный труд, сделанный на века. Было издано три толстенных тома, что составило лишь половину собранного.

Следует обратить внимание, что это блестящий научный труд, в нем нет сухости, свойственной таким изданиям; это не сырой материал, а продуманная до мелочей работа. Как мог большой мальчик из местечка овладеть богатством русского языка и стать выдающимся ученым, имя которого незабвенно для настоящего русского патриота? Однако вершиной его деятельности явилось создание «Великорусса». Полное название этого труда – «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (1898–1900). Всего вышло два тома. К сожалению, третий том не успел выйти. Новый труд поражал современников грандиозностью задуманного плана, размером и обилием материала. Например, количество песен было свыше 2500! Потомки, удивитесь титаническому труду и вспомните незаурядного человека.

Наиболее ярко сказал в некрологе писатель А.В. Амфитеатров, отметивший уход учёного накануне нового века: «Когда тает народ, тают и народники, мечтавшие задержать его таяние. Бедный Павел Васильевич Шейн! Смерть его, издавна больного, на костылях, человека, ни для кого не явилась неожиданностью. Умер, именно, можно сказать, «в пределе земном, свершив все земное».

И все-таки при всем сознании естественной необходимости этой смерти, жаль, необычайно жаль. Отчего? Почему разум, говорящий о естественности явления, не может в таких случаях (перебить) голоса инстинкта, вещающего об его прискорбности? Я думаю – потому, что смерть таких людей, как Шейн, является нам, прежде всего, не как личная смерть, но как символ общего конца ряда больших феноменов, смерти целой эпохи, которой они были представителями.

Вы чувствуете себя на границе историко-культурного периода. Одни боги уходят из мира, изгнанные, чтобы заменить другими... Кто ими будут? Каковы они будут? Смертным темно... Романтики старого славянофильского народничества лежат в гробу, отпеты, завтра на них просыплется земля, и спуют вечную память... Умирает народная самобытность... Шейн оставил по себе как бы духовное завещание в своем «Великороссе»: это – *summa summarum* всего в духе, мысли и вдохновении, чего мог достичь великоросский славянин – сам по себе, нутром без немца и Петровой науки. «Великоросс», вышедший в 1899 и 1900гг., такой же, по существу своему, по нравственному и историческому значению, памятник, как «Домострой» Сильвестра, как переписка Курбского с Грозным и т.п. Это голос старой умирающей допетровской Руси...»³⁴⁶

Эти изумительные строки Александра Васильевича звучат как реквием по последнему паладину славянофильства. Удивительное дело: сколько из этнографов, занимавшихся «русским вопросом», было людей чужеземных. Мы назовем только трёх, в которых текла еврейская кровь: Вл. Даль, В. Ф. Гильфердинг (1831–1872) и наш герой, П. В. Шейн.

Любопытно и то, что Амфитеатров лично мало знал учёного. Впервые он встретился с ним у поэта Я. П. Полонского, в знаменитой квартире на углу Бассейной и Знаменской. Они шли из гостеприимного дома, спускаясь с высокого этажа, и писатель поддерживал инвалида-этнографа. Разговор зашел о редкой записи народной песни, относящейся к 1812 году. Запись была сделана Амфитеатровым под Москвой в Царицыне, где волоколамки занимаются сбором малины и поют песни. Старик преобразился. Он забыл о костылях и готов был ехать в Москву за 600 верст, только бы заполучить ничтожный осколок из сокровищ народного духа. Какую страстную любовь надо иметь, насколько надо быть преданным своей мечте!

Итак, самый знаменитый «белорус» – еврейский выкрест, П. В. Шейн, автор сборника «Белорусские песни». Но отыскался и другой еврей – фанатик белорусского возрождения да к тому же боевой офицер русской армии.

В одном из журналов времен I Мировой войны обнаружил следующую заметку: «Недавно отправился на театр военных действий, в качестве добровольца, 62-летний С. Бернштейн, сын еврейских родителей. Ребёнком он был взят в кантонисты и участвовал в Турецкой компании в 77/78 годах, где за отличия в бою был произведен в офицерский чин. Бернштейн участвовал также добровольцем в Русско-японскую войну; вышел в отставку в чине полковника. Престарелый доброволец пользуется большою популярностью среди белорусов. Он учредил в Вильно белорусский музыкально-драматический кружок и вообще является одним из пионеров современного белорусского возрождения. По роду оружия Бернштейн – кавалерист».³⁴⁷ Прочитав эту заметку, я возгордился. Как известно, одним из зачинателей белорусского языка был еврей Змитрок Бядуля (Самуил Ефимович Плавник, 1886–1941).

Другой еврей, Михаил Иосифович Гузиков или Гусиков (1806(9)–1837), уроженец Шклова, создатель нового музыкального инструмента – ксилофона, на основе белорусской цимбалы с деревянными и соломенными пластинками. Он восхищал своей игрой: «Паганини на инструменте из дерева и соломы» – так его прозвали его

современники. Он родился в семье флейтиста-клеизмера и поначалу также был флейтистом. Но развивавшийся туберкулез заставил его создать новый инструмент. Гузиков гастролировал по градам и весям Западного края, имея неизменный успех.

На его счастье, в Одессе его услышал великий французский поэт и мыслитель Ламартин, и он, не сомневаясь в триумфе, предложил музыканту выехать за границу. Так оно и произошло. Залы Германии, Австрии, Франции были переполнены. Им восхищались Ференц Лист и Мендельсон. Сохранилось письмо Фанни Гензель, дочери Абрама Мендельсона-Бартольди, внучки знаменитого философа Мендельсона, сестре великого композитора, бывшей также незаурядным композитором. Вот что она писала из Берлина своему другу Клинтеману в Лондон в феврале 1836 года:

«В настоящее время у нас много говорят о польском еврее, вызывавшем удивление своей игрой на инструменте, состоявшем из нескольких соломенных пучков и деревянных палочек и обладающем редкой, баснословной виртуозностью. Я бы сама не поверила, если бы Феликс не писал об этом. Я его видела и могу смело сказать, что он необыкновенно красивый мужчина. Он очень кокетничает своим строгим еврейством, как в одеянии, так и религиозном образе жизни и пользуется громадным успехом при дворе. Можно было бы поэтому привести очень подходящую еврейскую фразу, если бы вы её только поняли. Я также слышала этот феномен и уверяю вас, не будучи так восхищена им, как многие другие, что своё искусство он главным образом держит в голове. Своими деревянными палочками, которыми он ударяет по каким-то деревяшкам, расположенным на пучках соломы, он достигает музыкального совершенства, достижимого только на вполне усовершенствованном инструменте. Для меня ещё вполне загадочно, каким образом можно извлекать из такого материала такие чудные, нежные звуки, во многом напоминающие звуки флейты. Очень политично, с полным сознанием своего достоинства, он на глазах публики перебирает свои деревяшки, и вообще производит впечатление хитрого человека. Обращаю ваше внимание на этого Гузикова, когда он будет в Лондоне. Мы все пришли к заключению, что отец очень заинтересовался бы им, если бы имел возможность слышать его игру».³⁴⁸

Но к сожалению, большой музыкант не доехал до Лондона. После концертирования в Берлине и в Париже он давал концерт в Аахене, во время которого скончался на руках брата и был похоронен на еврейском кладбище города Аахена.

Во всезнающей энциклопедии Вагнера почему-то отсутствует выдающийся «белорусский» философ Соломон Маймон (1753–1800) Ближайший друг и биограф мыслителя называет другую дату – 1754 год рождения. Противоречие устранимо, если следовать иудаистскому календарю. Видимо, мыслитель родился в конце 1753 года, после «Рош ха-шана». Произошло это потому, что в дореволюционных энциклопедиях хотя и указывают место рождения Маймона на территории Российской империи, но называют его немецким философом. Но и белорусы не дремлют. В многочисленных изданиях повторяется, что философ-просветитель родился на белорусской земле и значительную часть своей жизни прожил на родине. Местом рождения сам Маймон указывает деревню Суков Бор, расположенную на берегу Немана, неподалёку от Несвижа. Настоящая его фамилия – Хейман. Первоначальное образование получил в местечке Мир, продолжал обучение в Ивенецкой «талмудической школе» (*вероятно, это талмуд-тора*).

Шлома-Соломон был необыкновенно одаренным мальчиком и к девяти годам он постиг все «премудрости талмудической учености». Изучение философии религии Маймонида произошло тоже чуть ли не в детстве, а далее было знакомство с хасидами. Самостоятельно овладел естественными науками, иностранными языками и даже написал свои комментарии к «Море Набухим» и Каббале. Лишь в 25 лет Соломон покидает Белоруссию и едет в Германию. Чтобы подчеркнуть важность пребывания на родине, одна белорусская статья, написанная в советское время, указывает на «прогрессивные» взгляды ученого, заложенные на родине, в следующих словах: «В Белоруссии зародились и развивались его рационализм, критическое отношение к религиозным догмам и феодальному деспотизму, началась преподавательская и литературная деятельность».³⁴⁹ В Берлине он познакомился с Моисеем Мендельсоном, глубоко изучает философию, физику, математику. Затем в 1782 году посещает Голландию, а оттуда переезжает в Гамбург.

Если же добавить к достижениям белорусской земли «Витебскую школу», созданную замечательным живописцем и педагогом Иегудой Моисеевичем Пэнном (1854–1937), то белорусские евреи достойно представили миру талант своей земли. И вправду, его ученики достигли всемирной и всероссийской славы: Марк Шагал, Осип Цадкин, Эль Лисицкий, С. Б. Юдовин, Меер Аксельрод и многие другие. О создании музыкальных детских школ в Белоруссии я рассказал в биографии Марии Вениаминовны Юдиной.

17.7.06 г.

Ужасно! Террористы обстреливают Хайфу!

А я занимаюсь исторической белибердой. Разбирая свой архив, обнаружил ксерокопию из 22-го номера журнала «Нива» за 1885 год с воспроизведенной картиной «Врач Антон Эренштейн у ложа больного татарского царевича Каракача, любимца Великого Князя Ивана III». Здесь следует немного объяснить, кем был врач со странной фамилией в Москве XV века. Вспомнить роман Лажечникова «Басурман» и повесть Аксакова «Леон-врач».

18.8.06 г.

Владимир Луговской – несостоявшийся большой поэт. Дело не в таланте – он у него был, дело не в образовании – оно было сверхдостаточно. Дело в характере русского интеллигента, которого сломал строй. Но всё же иногда шедевр, вроде «Девочке медведя подарили», и пары поэм из «Середины века». Есть одна вещь, не вошедшая в канон. Я прочитал её и понял: Боже, что сделали с человеком, превратив его в тряпку. Но вот диво-дивное, впервые опубликованное в «Литературном наследстве»³⁵⁰, в основной текст не вошедшее. В издании «Библиотека поэта» эта поэма названа «Ленин». В черновике глубже и трагичнее. Мастерство поэта удивительно – мы почти не замечаем белого стиха. Я бы уподобил эту вещь «Метаморфозам» Овидия.

*«Я видел Бога. Он сидел во тьме,
Старинный, одинокий, непонятный.
Большой, как облако, как рощи, в тёмно-синих
Светящихся одеждах. Он глядел...*

.....
*Я видел Бога. Он сидел во тьме,
Держа в руках модель аэроплана...»*

Вспомнилась аналогия из письма Н. Некрасова к И. Тургеневу:

*«Наконец из Кенигсберга
Я приблизился к стране,
Где не любят Гутенберга,
И находят вкус в говне».*

19.8.06 г.

Мой поклонник Саша Пинскер из США прислал письмо, полученное им от знакомого. Дело в том, что некий журнал – какой, я не знаю, процитировал одно место из «Парадоксов...», не сославшись на источник, которым я воспользовался. Тем не менее я привожу отрывок письма Льва Протаса моему приятелю: «В статье

Дудакова процитирован неизвестного происхождения кусок текста о Неемии Елизаровиче Палкине. В этом отрывке Палкин представлен как потомок жидовствующих (*по-видимому, и сам жидовствующий*), то есть русский человек, выехавший в Палестину по причине принятого им иудейства.

Но это совсем не так. В 1936 году в Ленинграде были арестованы и осуждены по 58-й статье пять молодых людей, в их числе – мой папа и Н. Е. Палкин. Их обвиняли в покушении на жизнь вождя. Папа и Нюра (*так мы звали Палкина*) отбывали сроки заключения в разных местах, но после реабилитации в 1957 году встретились в Ленинграде. Палкин работал в Ухте (республика Коми), где он сидел до реабилитации, но часто приезжал в Ленинград – у него или у его жены была ленинградская квартира.

Вот с 1957 года мы с Викой (*Виктория Протас – родная сестра автора письма*) его и помним. По национальности и внешне Палкин – стопроцентный еврей, по культуре – образованный русский с южно-русским еврейским прошлым. Он не был верующим. В Палестину поехал как сионист, а не как религиозный иудей. Вернулся из-за тоски по России (*так он говорил*), но всегда интересовался Израилем и переживал за него. В Палестине он действительно виделся с жидовствующими. Помню, как рассказывал об одном русобородом главе семейства, который корил отпрыска за какую-то аморалку и говорил тому, что вот, мол, за такие дела они (*то есть – гои*) нас и не любят. Кажется, выйдя на пенсию, он окончательно переехал в Ленинград. Точную дату его смерти не помню – где-то в конце семидесятых или начале восьмидесятых годов...»

Очень интересное письмо. Но все же думаю, что Палкин был жидовствующим, ибо философ Б. М. Филиппов точно назвал его субботником, в отличие от еврея-инженера. Что же касается внешности, то удивительная вещь – субботники или люди, принявшие иудаизм, склонны к «приобретению» еврейских черт. Это, кстати, замечено не мной...

20.8.06 г.

В «Прямом пути» прочитал, что государь лично «привечал» В. М. Пуришкевича. Император обласкал «верного слугу» и подарил свой фотографический портрет с теплой надписью. Умиленный читатель юдофобского журнала с захлёбом пишет об этом, добавляя русскую поговорку: «За Богом молитва, за Царем служба – не пропадает!» А я вспомнил другую русскую поговорку, похлеще и беспощаднее: «Бог любит праведника, а Царь любит ябедника». Остается выбирать, что кому приемлемей...

4.9. 06 г.

Рош ха-шана! Новый год.

Произошло чудо! Несколько месяцев тому назад в Ленинграде вышел А. А. Зимин и его «Слово о полку Игореве»! Александр Александрович Зимин (1920–1980) – великий историк, третируемый и советской властью, и националистами всех мастей: от советских прихлебателей до нациста и безграмотного дурака С. Лесного (*Парамонов*). В чем дело? А дело в том, что, занимаясь достаточно долго «Словом...», Зимин пришел к выводу, что литературный памятник отнюдь не XII-XIII веков, а конца XVIII!

И тут поднялся вой невероятный. Причины понятны. Собственно «Слово о полку Игореве» – единственный памятник домонгольской эпохи, который заменял русскому народу «Песнь о Роланде» – франков, «Кольцо Нибелунгов» – германцев, «Песнь о Гайавате» – индейцев, «Калевалу» – финнов, Исландские саги, Малую и Большую Эдду – скандинавов. Нету у России равного западным памятника. И тут при загадочных обстоятельствах появилась подозрительная рукопись, которая была вознесена на национальный пьедестал. В своё время я читал «дивную» переписку профессора Зимина с писателем Константином Симоновым, который был умным и образованным человеком и, конечно же, сразу понял все аргументы учёного, но...

Но в ответном письме Симонов «просит пощады» у разоблачителя: нечто вроде «ради Бога, оставьте нам эту иллюзию, мы к ней привыкли... нам так удобнее...» Не знаю, что переживал в это время затравленный Зимин, не знаю...

Да и Зимин был не первым, кто считал «Слово» позднейшей мистификацией, подделкой или как Вам будет угодно. Ну, например, о французском слависте А. Мазоне говорили, что свой труд он опубликовал в годы оккупации Франции и что он-де коллаборационист. Доброе имя французского ученого, слава Богу, восстановлено.

Зимин умер в расцвете сил. Не уверен, что ему не сократили жизнь постоянные атаки недоброжелателей. Но великому учёному повезло. Его вдова, Валентина Григорьевна, провела титаническую работу по опубликованию научного наследия мужа. 26 лет (!) она пробивала наиболее ценный труд ученого, и я, наконец, держу его в руках. Скрупулезная титаническая работа! Несколько тысяч (!) ссылок. Сотни имён. *(Я нашёл несколько своих близких знакомых и, смею думать, друзей: профессора Илью Захаровича Сермана – ему только что исполнилось 93 года!)*

Мы с Инной посетили его в последний четверг: да продлит Господь его дни; Сигурд Оттович Шмит, коему 87 год, – да и ему пошлёт Всевышний долгих лет здравия; покойного Никиту Ильича Толстого, да будет благословенна его память, и белорусского учёного Александра Грицкевича – уже тоже немолодого человека. К сожалению, я потерял его след. Думаю, ему сейчас под 80.)

Я преклоняюсь перед гением ученого Зимина. Он один из многих, кто в гуманитарных науках поддержал честь русского учёного. И вот я читаю вывод, равный приговору:

«С болью в сердце мы расстаемся с укоренившимися представлениями о «Слове о полку Игореве» как о памятнике древнерусской письменности XII века. Но ни одна, даже самая привлекательная легенда не может быть красивее действительности. Яркий свет «Слова о полку Игореве» как бы затемнял сияние немеркнувших звезд древнерусской литературы, внося необъяснимый диссонанс в представление о путях ее развития».³⁵¹

Как я относился к «Слову...». Я не специалист по древним рукописям, но как историк я недоумевал: почему «Слово...» – единственный литературный памятник домонгольского прошлого. Обычный аргумент: татары сожгли Русь, уничтожив церкви, книгохранилища, иконы и прочее. Я принимаю это во внимание, но продолжаю задавать вопрос: «Но ведь Новгород и Псков не были оккупированы татарами. Эти торговые города входили младшими партнерами в союз балтийский городов «Ганзу». Где же местные книгохранилища, где иностранные свидетельства? Их просто нет.

При этом следует добавить, что, в отличие от других земель Руси, жители Новгорода и Пскова были образованными людьми. Найдены многочисленные берестяные грамоты, испещрённые школярами: дешёвый и удобный материал по сравнению с пергаментом, а уж о бумаге я не говорю. Грамотность была – но литературы, даже подражательной западной, не было. И на этот вопрос ответа я не получал.

А влияние Запада было, как скажем, появление стригольников в XIV веке и жиждовствующих в XV веке. Я очень люблю Новгородскую икону. В ней как раз видно могучее влияние западной живописи, но литературных памятников, достойных нашего внимания, попросту нет.

И ещё от себя. Если бы не мой друг Рубашев, я бы не смог заполучить книгу Зимина. Спасибо, Толя!

21.1.07 г.

Просматриваю свой архив. Наткнулся на 90-летней давности статью о хазарах. Автор спокойно, без эмоций определяет место Хазарии в истории российского государства. Он приводит перечень наименований населенных пунктов, свидетельствующих о колонизации хазарами славянских земель. Они многочисленны: даже в Воронежской и Тульской губерниях имеются селения с названием «Каганово», «Хазарское». В начале XX века обширная поляна в пяти верстах от Воронежа носила название «Хазарская». А местность версты на четыре от берега называлась хазарским городищем. В Путиловском уезде Курской губернии есть селение «Каган»; в Черниговской губернии Суражского уезда есть селение «Козаричи». Неподалеку от этого пункта имеются селения с родственными названиями «Казаричи», «Козары», «Козар». Последнее село находится в Козельском уезде. Кроме того, в этих губерниях часто встречаются названия «Беловежи», «Беловежский», «Беловежский», «Белые Вежи». В Тульской губернии также встречаются названия «Казар». Часть хазарских названий скрывалась под многочисленными «Поганками» и «Поганцами».³⁵² Белая Вежа – это по-тюркски «саркел». От себя добавлю, что и Беловежская пуца тоже имеет хазарский источник. И обратим внимание на Воронежскую губернию – в ней кроме хазарского корня было сильно и суботничество. Впрочем, и не только в Воронежской, но и в Тульской, и в Астраханской, т. е. там, где были когда-то хазары.

28.1.07 г.

Одним из проявлений «раннего сионизма» была работа де Линя о проблемах европейского еврейства, которую с интересом изучаю.

Принц Шарль-Иосиф де Линь (1735–1814) происходил из старинной бельгийской семьи. Австрийский военный деятель, писатель. Отличился в Семилетней войне, личный друг австрийского императора Иосифа II, сопровождал его на встречу с Фридрихом Великим и Екатериной Великой. Во время войны за баварское наследство командовал авангардом. Затем посетил Париж, где встречался с лучшими умами того времени. Знакомый Вольтера, Дидро, Руссо. Завоевал уважение литературных кругов «Столицы мира». При взятии Белграда командовал корпусом. Дважды побывал в России – в 1780 и 1787–1788 гг. Блестящий и остроумный собеседник, он был любезно принят двором. Во время Русско-турецкой войны находился при российских войсках. Был близок к Г. А. Потёмкину, которому дал глубокую психологическую характеристику. Был очень дружен с А. В. Суворовым, с которым находил-

сы в переписке. Считал русского полководца военным гением и называл его в шутку «Александр Филиппович», иначе Александром Македонским. При оккупации французскими войсками Бельгии имения принца были секвестрованы, но уважение, которое испытывал Наполеон к старому солдату и мыслителю, способствовало отмене секвестра. Но де Линь не вернулся в Бельгию, подарив всё имущество сыну. Собрание его сочинений вышло в 34 (!) томах (*Вена и Дрезден, 1795–1811*). Наиболее известно издание госпожи де Сталь. Одна из глав книги «*Melanges militaires, historiques et litteraires*» посвящена положению евреев – «*Memoire sur Les Juifs*». Он пишет с большим сочувствием к древнему племени, называя их «*en grand seigneure*», одновременно снисходительно и несколько пренебрежительно. Вместе с тем это документ вдумчивый: де Линь считал **необходимым создать в Палестине еврейское государство**, и это дело европейских правительств. Он также призывает создать еврейское войско, что вообще революционно для того времени. Эта идея родилась в окружении князя Потёмкина из разговоров де Линя с философом и филантропом Бентамом и самим Потёмкиным, который считал, что продвижение «Константиновского» проекта требует расчленения Турции и создания еврейского государства в Палестине. Итак, принц Шарль де Линь – первый «сионист»! Описание израильского полка имеется в романе Н. А. Энгельгардта «Екатерининский колосс». Нелишне указать, что Энгельгардт – дальний родственник светлейшего князя и хорошо знал семейные предания. Я приводил описание «военных маневров» израильского полка, теперь хочется воспроизвести этот текст. Письма, мысли и избранные творения принца де Линя были изданы баронессою Стаэль Голстейн и г-ном Пропианом. Перевод с французского был сделан в 1809 году.

Нечто о Жидах.

Евреи с тех пор в презрении, как Бог их оставил. Вот для чего Христиане не занимаются ими. С другой стороны, философы об них не помышляют, потому что фигура, думать надобно, не сделала над ними впечатления. Во Франции и Англии, сих двух областях философии, мало Жидов, и жителям не приходит и в голову заниматься ими: Голландцы охотнее любят собирать с них подати, Итальянцы их мучить, Испанцы и Португальцы жесть. Первый диплом философский дан был тому автору, который, почитая себя отменно умным, прежде всех написал, что Негры люди, а другой диплом тому, который сказал, что лучше надобно умертвить сто

тысяч белых, нежели ударить черного палкою за его злость. Вот заблуждение проклятого духа мудрецов нынешнего времени! Они не удостаиваются взглянуть на бедных Евреев и потому не почитают за худое иногда, когда маленькие дети бросают в них комками снега, но называют жестоким охотника, если он убьёт какое-нибудь вредное или бесполезное животное. Наши дамы столь чувствительны, что не могут видеть без кружения головы раздавленного паука или обжегшуюся бабочку; при всем том находит очень часто случай оскорблять некоторых из своих ближних, потому что он не в таком же находится наряде, как их соседи.

Г. Вольтер мог бы легко обойтись без острого слова на счет Евреев, древнего времени, которых историю повторял так часто. Она показалась бы смешною, если б не была священна, и чрезвычайною, если б все это не возможно было Богу. Он в пользу новых Жидов, к которым столь же мало расположен, как и к Христианам, а особенно к католикам, говорит только то, что их не надобно жечь. Тем он оканчивает свою главу.

Г. Вольтер потому только ожесточен был против Иисуса Христа, что Христос родился между такою нациею, которою он гнушался. Если б духовник Вольтеров был столько умен, что при смерти его вышел бы из комнаты с довольным видом и, не зазрив совесть, сказал, что он покался и с точностью исполнил должности Католика, то тем бы обратил на стезю спасения буйные умы, которых Вольтер привел в заблуждение.

Я опять обращаюсь к нынешним Израильтянинам. Если Христиане не намереваются, не благословлять вывести Жидов из теперешнего их состояния и сделать, что-нибудь из них полезное, то я желал бы для благополучия сего отверженного народа (ибо он мне жалок и смешон), чтоб какой-нибудь Турок склонил Султана возвратить им царство Иудино, где б они стали жить гораздо лучше прежнего.

Жидаы, хорошо воспитанные, банкиры, купцы, иногда Бароны, полублагородные, живущие в столицах православных Христиан, могли бы, отказавшись от Иерусалима, свергнуть с себя иго Европейцев, которые много через сие потеряют, да и поделом. Довольно находится Жидов, известных по честности и праводушию, имеющих друзей и заслуживающих похвалу за свое человеколюбие.

Я предлагаю возвратиться в Иудею только одним мелким Жидам, составляющим середину между богачами и нищими. Хотите

ли видеть их изображение? Они всегда в поту, бегают по рынкам, по корчмам с товарами полубосые, борода у них рыжая или черная, всегда замасленная, цвет багровый, передних зубов нет, нос длинный и кривой, взор боязливый и недоверчивый; голова трясушаяся, волосы дыбом, голени садненные и обнаженные, ноги длинные, глаза впалые, подбородок длинный, остроконечный; чулки черные, запачканные, спустились с ног, желтая шляпа в Авиньоне, желтый колпак в Праге, гренадерские шапки в Польше; в других местах колпаки шерстяные, под истертым пакостным войлоком с дырами, или в маленькой остроугольной шляпке, коей угол поднят вверх... Вот в каком состоянии находятся в Европе десять миллионов Жидов.

Гнусное унижение, в какое приводит бедных Жидов правительство, нищета, из которой они никогда не выпутаются; дурная пища, мерзкий вид их синагог и улиц делают ещё отвратительнее их фигуру и костюм, и можно сказать: *Яков роди Исаака* подобно-го ему (*Jacob genuit Issaak, qui habet similitudinemcom eo*).

Сыны Иудейские сходны более с сынами Иуды Искаримотского: они кажутся осужденными. Я, будучи исполнен веры к пророчествам, не сомневаюсь в этом; однако ж Евреи не столько бы казались проклятыми, если бы, сверх гнева Божия, не проклинали их те народы, у которых они терпимы.

Вот что соделывает их обманчивыми, трусливыми, лживыми и подлыми. Сии четыре свойства, изображенные на их лицах, не служат им прекрасною. Впрочем, они не воры, не убийцы, не злодеи; дайте им правление или надежное пристанище, они переменяются. Жида мошенничают на рынках, потому что они оценивают свои беспокойства и часто заставляют платить за непрерывные унижения, ими претерпеваемые.

Я боюсь рассердить малое число добросовестных людей, но мне не хочется уменьшить и того малого числа Жидов, которые теперь нужно сохранить.

Пусть советуется с Папою, если он ещё существует, и со священными книгами, чтобы определить, до какой степени можно распоряжаться Жидами, не нарушая пророчеств, что однако же и невозможно.

Сколько находится в Европейских государствах Иудейских родов? Пусть перестроят их почище для Жидов; пусть сделают канавы по всем улицам. (*Во Франкфурте и других Немецких и Гол-*

ландских городах проводят сток из канав в так называемые Жидовские улицы. Примечание переводчика.) Пусть дадут им длинное восточное одеяние с такою же шапкою, и чтоб все сие имело хороший цвет. Пусть назначат им работу, сходную с их вкусом; тогда размножение их, подобно плодородию насекомых, ползующих по их бороде, по их ужасному рубищу, усугубится, и они будут здоровы, красивы и полезны.

Они на все способны и удивительно плодущи. В Польше и Богемии всюду видны сии муравейники черные, гнусные и отвратительные.

Выключая фигляров, доказывающих этим ремеслом свое проворство, и сводчиков, которым все религии позволяют плутовать и мошенничать, нет почти между Жидами ни одного художника, кроме резчиков. Надобно Жидам сделать один шаг, чтобы быть золотых дел мастерами, токарями и фабрикантами; они любят лучше делать оружие, нежели носить его, и устроить земледельческие орудия, нежели действовать ими. Безмерная любовь к деньгам могла бы сделать Жидов искусными во всех ремеслах и открыла бы им способ довести их до совершенства. От беспрестанного гонения приметна в них какая-то лень и медлительность; они шатаются по улицам для сыскания какой-нибудь работы или для приобретения шести крейцеров; носят какие-то безделки, продают их, сделав тысячу бесполезных поклонов. Не смотря на это, взгляните на красоту их жен и дочерей, в достатке или в нищете. Нельзя не сказать, что у них прекраснейшие глаза; но вид Жидовский: красота их довольно походит на красоту Гречанок, но несколько грубее и не имеет той привлекательности. Однако все сии Восточные красавицы превосходят красавиц нашего печального Запада, в которых мало пленительного. Эта суровость в глазах и чертах лица сходна с их твердостью и нравами. Они очень благоразумны и стыдливы, даже среди таких народов, которые их презирают. Религия, обыкновенная и скучная жизнь, кою они ведут, удаляет их от разврата; строгие же предрассудки их постановлений, а особливо обыкновение закрываться, не выставляя наружу волос предохраняют их от кокетства. Если спросят, встречали ли их когда-либо в бесчестных домах? Так, скажу я, встречали, с ящичком в руке, с образчиками. Он входит иногда в такие дома, но распутство, даже с помощью золота, не может заставить их забыть свою должность. Когда б милых Израильтянок допустили бы в сообще-

ство и поместили в класс гражданок, тогда без сомнения были бы они столько же прекрасны, сколько полезны, и одеты с опрятностью, как древние Иудейские дочери, которых мы видим в хорах Аффалии (*известная трагедия Расина, которую почитают лучшим его произведением.*), они сделались бы Христианками, чтобы понравиться Христианам, которые бы в них влюбались и улучшили бы все поколения. Жиды имеют некоторые добродетели: всегда трезвы, всегда покорны и услужливы; верны своим Государям во время бунтов; согласно живут между собою; иногда гостеприимны; будучи сами богаты, помогают бедным. Они злы только в Польше, где, мстя за оказываемое им презрение, употребляют во зло свою власть, которую получают от их помещиков весьма нестати.

Если они будут счастливы и уважаемы, то сделаются и добрыми. Как им заслужить почтение, нося такое платье и имея такую наружность? Если переменить это, то переменится и другое.

Если Жиды, прозвенев двадцать раз у ворот в колокольчик, получают дозволение войти в переднюю, где слуги над ними всячески ругаются, и потом с великими кривляниями выпросят, чтоб о них доложили, то как их принимают? Маленькая собачка их кусает; ребята прячутся от них в угол; большие их дразнят; девки кричат: какой мерзкий запах! А хозяин выгоняет их.

Скажу ещё раз: надобно у Жидов отнять гнусную наружность: восточное платье придаст ловкость и благородство. Порядочная лавка привлечет покупателей; и они вместо того, чтобы бегать по грязи, продавая безделки, стоящие не более какого-нибудь крейцера, могут ожидать купцов, спокойно сидя на своем месте. Получая сперва малый барыш, наживут после и большой, будучи трудолюбивы и расчетливы, сделаются поверенными и правителями.

Они способны на все и смышлены во всем. Из Жидов я видал прекрасных почтмейстеров и очень услужливых, из награды и страха, почталыонов. Князь Потёмкин в 1787 году сделал из них казаков. Ничего не было для меня смешнее, как видеть военный отряд из Жидов, который назывался Израильский. У нас было два такие эскадрона; ужас, который они оказывали сидя на лошадях, удвоился бы при виде неприятеля; Конные Жиды более всего похожи на обезьян.

Некоторые думают, что Жидов презирают по причине религии: однако ж это происходит от их обращения. Они очень жалки

и если достойны осуждения, то верно не больше, как и другие. Если бы они больше сближались с христианами, то красота их дочерей могла бы пленить молодых людей из правоверных, а это заставило бы многих Жидов сделаться христианами: вот на что надо обратить внимание набожного Государя. Владетелям, которые не столько набожны, сколько корыстолюбивы, надо представлять, что Жиды в теперешнем их состоянии могут овладеть торговыми маленькими городами, станут обманывать поселян и разорять господ непомерными процентами.

Надобно сказать Государю человеколюбивому: сии люди почти не имеют человеческого подобия: столько-то они бедны и презренны; однако Жиды такие же люди, как и другие ваши подданные; они веруют, может статься, в Иисуса Христа, а не в Викария его на земле; а это-то составляет сущность веры. Очень странно, что Жиды крайне привязаны к самой грубой и самой смешной басне: если Мессия не пришел на землю, то, вероятно, он никогда не придет. Вот это особенно показывает отличительную черту их характера.

Каким образом Жиды при величайшем своем корыстолюбии не могут отстать от сих глупых мнений? Это упрямство им дорого будет стоить на том свете: зато приносит честь в здешнем. Однако они не столько подлые, как об них думают. Посмотрим ещё, что можно из них сделать; в таком случае я похож на человека, который, смотря на двух игроков, дает совет обоим в одно и то же время.

Взгляните на прелестных Израильтянок в кругу большого света, посмотрите на их красоту и неловкость, соединенную с приятностию, которая обращает на них глаза; теперь очень много везде Израильтянок, воспитанных лучше всякой светской барышни, и, благодаря нынешнему просвещению, они уже стыдятся своей породы.

Есть очень большое сходство между Жидами и Турками, которые заимствовали у них часть обыкновений и имен.

Если бы Бог позволил Моисею быть завоевателем, как Магомету, то две трети вселенной учинились бы жидами, Жидами вместо того чтобы быть Магометанами. Имя Магомед происходит от Моисея, как Салиман от Соломона, Ибрагим от Авраама, Юсуф от Иосифа, Ахмет от Исаака, Салим от Саломия, Заира от Сары. Турки не столь жестоки к Жидам, как мы. Они, не считая Иудеев собаками, как нас по милости своей называют, презирают их и обирают, не стыдясь нисколько. Они, исключая чалмы и ещё некоторого различия, точно так же одеты.

Какая разница между настоящим Турком, одетым по своему обычаю, и каким-нибудь Евреем, прежде описанным мною. Все, по-видимому, возвышает первого и унижает последнего.

Исследуйте благородство и свободу движения первого и униженность и скупость поступков второго.

Политика Турок состоит в том, чтобы не иметь общего смысла, не умеют ни читать, ни писать и не исправляться ни в чем. Это необходимо нужно для продолжения их существования; и если бы они вверили себя некоторым искусным Жидам – то сии последние показали бы им многое, чего они не знали; или ещё больше – ввели бы их в другой круг познания нечувствительно, ибо должно всегда почитать религию и законы. Сии Жиды сделали бы Магометанами, в случае нужды и это очень легко. Одно обрезание уже довольно сближает сии две забавные секты. Они займут место в диване: для этого нужен только умный Султан или знающий великий Визирь. Жиды, которые сверх сего найдут свое отечество, приведут там в цветущее состояние искусства, трудолюбие, земледелие и усилят торговлю с Европою. Иерусалим соделается знаменитою столицей. Восстановят храм Соломонов на его развалинах – Жиды отыщут место его по описаниям и чертежам, которые у нас есть. Они остановят воды потока Кедронского, от чего произойдет канал, способствующий торговле и отпуску товаров. Они найдут Эдемский сад и четыре источника рек, соделавшие его прекраснейшим во всем свете Англинском (*ангельском* – ?; *английским* – ? С. Д.) садом. Пустыни населятся и процветут. Более не встретит орд Арабских, опустошающих святые места.

Я очень хорошо знаю причину ужаса, вселяемого Жидами; но думаю, что это со временем окончится. Ненависть продолжается 1800 лет; кажется, время бы ей кончиться.

Мы часто делаем людей такими, какими захочем. Жидам всегда твердили: вы мерзавцы и пауты. Они действительно казались такими. Пусть их поправят, как я говорил. Пусть удостоят доверенности: они не будут ни тем, ни другим; и вот что я сперва скажу Туркам, дабы научить их сопротивляться своим неприятелям:

«Если вы приманите к себе Жидов, то раболепствуйте им, как Римляне раболепствовали Грекам, которые были их врачами. Жиды могут поддержать ваше правление. Они довольно знают выгоды Христианских и недостатки ваших.

Они не станут советовать вам подражать Христианам (как говорят теперь некоторые глупые отступники); но присоветуют лучше употреблять резервы и многие строи, один позади другого для поддержания первой вашей атаки, коей, впрочем, не должно переменять.

Жи́ды вам скажут, не надобно по ночам кричать в лагерях молитвы из всей силы, ибо вы от этого не слышите никогда шума, бывающего при открытии траншеи, которая решит взятие вашей крепости.

Они научат вас приводить их в оборонительное состояние и будут доставлять вам припасы за дешёвую цену.

Сии добрые люди могут учинить наши Архипелагские острова торговыми и многолюдными; станут наблюдать над Греками, коим вы не можете совершенно верить, они лучше поймут все относящееся к Левантской торговле.

Выгоды, которые получают от вас Жи́ды, будут вам порукою за их верность. Сделайте самого умного Папу Пашою Иудейским, и он выберет вам из Жидовской нации таких людей, которые могут быть полезны в Константинополе и в других Турецких провинциях».

Для сего-то теперь я обращаюсь к Христианам – советую им не выпускать из виду Жи́дов, но сделать то, что я упомянул.

Предполагая, что нельзя учинить Жи́дов земледельцами, поелику они очень ленивы для сего рода занятий, можно дать им для удобрения пустоши Бордоские и Венгерские, степи Русской Татарии. Тогда они същут работников и колонистов. Богатейшие Жи́ды, помогая бедным, сделают столь хорошее употребление из своей промышленности, что в десять лет они будут в состоянии платить довольноную подать короне.

Монахи, некогда наилучшие земледельцы, сделались Жи́дами; Жи́ды же сделаются монахами и не оставят государства во время всеобщих бедствий. Они сделают расчёт, которого никто и нигде не хотел сделать, по безмерному корыстолюбию, во время революций; этот расчёт состоит в том, что надобно отдать одну половину своего имущества для сохранения другой.

Чем более станут доставлять случаев Жи́дам обогащаться, тем более можно их обременять налогами в случае расстройки государственных доходов. Но этого нельзя будет сделать, если Жи́ды станут получать только малые выгоды от простого народа. Надобно деятельности их дать круг гораздо обширнейший.

Надобно сказать Жидам, что они не загладят никогда худого о себе мнения, если будут слишком дорожиться. Пусть они возьмут противную сторону; пусть сказывают в торгу одно слово: сим способом они нас обманут нечувствительно. Они сделают подрыв торгу добродушных Христиан, продолжающих запрашивать слишком много. С таким-то видом искренности, не торгуясь, часто обманывают Гернгутеры или братья Моравские, очень некстати так названные. Сколько разницы между крайней неопрятностью Жидов и беспримерною чистотою этой секты, занимающей торговлю; но сия чистота и должна быть предметом подражания Евреям!

Секта братьев Моравских очень малочисленна во всех землях; но имеет великие доходы. Надобно Жидам употребить те же способы, чтобы привести в упадок все Английские товары и не выпускать из государства наличных денег. Кожы у Гернгутеров составляют одну из отраслей торговли.

Все эти бедные Жиды, которые находятся в маленьких городах и селениях Богемских, взяли бы в управлении мануфактуры богатых, и сами бы сделались богатыми. Может быть, скажут, что причинить убыток другим гражданам совсем нет. Напротив того, большая часть граждан много выиграет; Жиды станут закупать нужные материалы в деревнях и продавать дешевле капиталистов, уже довольно набогатившихся.

Первое государство, которое последует моему совету, много приобретет; а то, которое утесняет и сей многочисленный народ, много потеряет. Если другие постепенно примут сие, то сделают больше оборотов в торговле, Жид Голландский и Португальский не Голландец и не Португалец, а просто Жид. Благоразумным раввинам должно иметь большое влияние, в каждой стране надзирать, прекращать злоупотребление второначальников или обманы честных людей. Сие главные Раввины будут порукою за поведение своих единоверцев во всяком правлении и станут бдеть вместе над чистотою бород и опрятностью жилищ. Нет такой малости в глазах законодателя, в которую бы он не должен входить до самой подробности, узнать отношение малого к великому.

Если рачительность средственных Жидов доставит им преимущество над бедными Христианскими работниками, то пусть потребуют у евреев в каждом городе небольшой суммы для замещения убытка или принудят их дать силы последним какие-нибудь

должности при своих академиях. Но я думаю, что они, взяв на себя всю большую и малую торговлю, всегда оставят обыкновенные деревенские изделия солдату или земледельцу. Вы никогда не увидите ни каменщика, ни плотника из Жидов.

Мелочный купец вместо того, чтобы поставить на ярмарке шалаш, где он более проживает, нежели выигрывает, верно, сделается, подобно отцу своему, земледельцем. Никто уже больше не увидит сих подлых штопальниц чулок, сих гнусных торговков с наморщенным лицом, которые только портят улицу и скрывают своим мерзким дощатым шалашом нижнюю часть прекрасного здания. Не станут более чувствовать на публичном гулянье дурного запаха от рубищ, и все это будет находиться в жилищах Израильтян, среди коих они воздвигнут прекрасный храм вместо смрадной Синагоги, находящейся обыкновенно у них на самом перекрестке близ стока нечистот.

Жи́ды делаются тиранами, когда помещики дают им в управление свои земли. Там употребляют они жестокости и мучат крестьян до крайности, сии презрительные и низкие до приобретения власти люди перестанут быть мучителями или мучимыми, как скоро правительство, обратив на них внимание, будет само вверять им над кем-нибудь начальство.

Они хорошо отправляют должность при почтах, где бывают то кучерами, то почтальонами. Если наборщикам рекрут удастся обмануть Жидов в трактире, что, однако, редко бывает, то сии последние вскоре сделаются унтер-офицерами.

Император Иосиф не окончил своего плана в Голландии. Маркиз Лангаллерн посажен был в Вене в тюрьму за предприятия свои соединить Жидов. Светлейший Князь Потёмкин не смел продолжать набора из сей нации, опасаясь поссориться со святым писанием.

Пусть исследуют, можно ли все это сделать или нет; но если поколение Жидов умножится, то надобно записывать их на военную службу. Палка, которую они больше боятся, нежели неприятельские пушки, заставит их маршировать. Впрочем, для чего им не быть теперь столь же храбрыми, как и под начальством Гедеона и Абнера? Но я опять возвращаюсь к низким Жидам, население городов часто соединено бывает с ущербом деревень, в которых люди нужнее. Если предоставить Жидам художества, к коим я их назначил, то через сие уменьшится число Христанского племени мещан и останется более Христанских земледельцев.

Вот ещё хорошее занятие для Евреев: оно доставит им новую отрасль промышленности. Вместо Лейпцигских и Франкфуртских ярмарок, привлекающих иностранцев и выманивающих деньги, Жиды могут в столице каждой провинции содержать непрерывные торги, где деньги проезжающих станут оставаться и обращаться в пользу государства, которое сверх этого сбережет свои доходы; а Евреи, наконец, ожидая свершения непроницаемых судеб Провидения, при всей их привязанности к ложным мнениям своих предков, будут по крайней мере в сем мире счастливы, полезны и сделаются не последним народом в свете».

На умонастроения Екатерины II, столь много сделавшей для евреев на первом этапе своего царствования, но до Французской революции (*т. е. до определения ею «черты оседлости»*), возможно, оказывал влияние ее фаворит, светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791), выдающийся политический и военный деятель, отличавшийся к тому же редкой по тем временам веротерпимостью (*он дружил с семействами Габлицев и Штиглицев, а в его свите было немало крещёных и некрещёных евреев, большей частью – поставщики армии и осведомители*). Внимательно следя за развитием событий в Османской империи и ожидая ее конца, он решил в 1786 году создать... израильский полк. Этот малоизвестный исторический факт заслуживает особого внимания, тем более что в литературной версии он известен по произведению историка и романиста Н. А. Энгельгардта (1867–1942), сотрудника реакционного суворинского «Нового времени»:

– Теперь, господа, прошу вас на смотр нового сформированного мною Израилевского Эскадрона, – сказал светлейший и пошел к стоявшей в конце сада декорации, изображавшей ипподром византийских царей. За нею был широкий плац, усыпанный песком, достаточный, дабы произвести эволюцию хотя бы целому полку.

– Что за Израилевский батальон? – шепотом вопрошали в свите светлейшего.

Никто не знал. Но когда батальон внезапно выехал на арену, без объяснений все поняли, что это было за войско.

Потёмкину пришла в голову единственная в своем роде идея – сформировать полк из евреев, который и наименовать Израилевским конным его высочества герцога Фердинанда Брауншвейгского, конечно, в том случае, если бы герцог согласился быть шефом столь необычной войсковой части.

Покамест представлялся светлейшему один эскадрон будущего полка. В лапсердаках, со столь же длинными бородами и пейсами, сколь коротки были их стремяна, скорченные от страха на седле, иудеи представляли разительную картину. В их маслиноподобных глазах читалась мучительная тревога, а длинные казацкие пики, которые они держали в тощих руках, колебались и бестолково качались, кивая желтыми значками в разные стороны. Однако батальонный командир, серьезнейший немец, употребивший немало трудов, чтобы обучить сколько-нибудь сынов Израиля искусству верховой езды и военным эволюциям, командовал, и все шло по уставу порядком.

Особенно хорош был батальон, когда поскакал в атаку. Комические фигуры, с развевавшимися пейсами и полами лапсердаков, терявшие стремя и пантофли и скакавшие с копьями наперевес, заставили гречанку разразиться неудержимым смехом, к которому присоединился сдержанный смех прочих дам и улыбки кавалеров.

Кажется, этого только и добивался светлейший. Он прекратил эволюции, поблагодарив батальонного командира.

– Ничего, они уже недурно держатся в седле и, если ещё подучатся, из них выйдет отличное войско, – пресерьёзно говорил Потемкин.

И он стал развивать ту мысль, что когда империя Османов будет, наконец, разрушена, Константинополь и проливы в русских руках, то и Иерусалим более не во власти неверных. А тогда должно в Палестину выселить всех евреев, так как от них в Европе происходят одни плутни. На родине же своей они возродятся. И вот, в предвидении сего и готовится будущее палестинское войско.

Мистер Захария Клейшботам пришел в совершенный восторг от сего проекта и стал одушевленно развивать прекрасную и человеколюбивую, как он выражался, мысль светлейшего».

Несмотря на «прекрасную» идею светлейшего, думается, что комизм ситуации и «артистов» – тенденциозен, тем более что спустя короткое время после описанных Н. А. Энгельгардтом событий «на стогнах бунтующей Варшавы» волонтеры еврейского полка Берко Иоселевича доказали свою стойкость в схватке с суворовскими солдатами – все еврей-волонтеры погибли при штурме предместья польской столицы Праги 4 ноября 1794 г.

Об Израильском полке также сообщает и принц Шарль Жозеф де Линь. Однако преждевременная смерть Г. А. Потёмкина и революция во Франции помешали формированию в русской армии воинской части из евреев.

Парадоксален сам факт, что столь чутко чувствовавшая право всех российских подданных на равнозначное гражданство именно Екатерина II установила в России «черту оседлости», принесшую столько бед и горя евреям.

М. Палеолог, посол Франции в Петрограде во время Первой мировой войны, отмечая, что «еврейский вопрос существует в России только со времени раздела Польши», утверждал: «До того времени русское правительство не вело никакой другой политики по отношению к евреям, кроме изгнания и притеснения... Но... императрица Екатерина внезапно установила... суровый и притеснительный режим, от которого они ещё и поныне не освободились. Указом 23 декабря 1791 г. она сузила зону оседлости, запретила евреям заниматься земледелием и загнала их в города; наконец, она ввела принцип, действующий поныне, что все, что прямо не дозволено евреям, им запрещается. Проявление деспотизма и несправедливости, исходя от императрицы-философа, друга Вольтера, д'Аламбера, Дидро... несколько удивительно. Ненависть Екатерины II к евреям объясняется косвенной, но веской причиной. Государыня ненавидела Французскую революцию, видела в ней страшную угрозу для всех тронов и преступное и дьявольское предприятие. Когда в 1791 году французское учредительное собрание провозгласило эмансипацию евреев и признание их равноправия, то Екатерина II ответила на это указом 23 декабря... Таким образом, по иронии судьбы, благородная инициатива Французской революции вызвала на противоположном конце Европы эру преследования, которая явилась, быть может, одной из самых длительных и жестоких из всех, которые народу Израиля пришлось испытать на протяжении веков».

5.2. 07 г.

Иван Тихонович Посошков (1652–1726) – один из умнейших людей России с широтой взгляда и практичностью – таких людей в истории России наперечёт. Вот что писал он о русской армии конца XVII века в донесении боярину Головину в 1701 году, под названием «О ратном деле»: «Людей на службу нагонят множество, а если посмотреть на них внимательным оком, то кроме зазору ничего не узишь. У пехоты ружьё было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и меняли своих голов на неприятельскую голову по три и по четыре и гораздо больше. А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно:

клячи худые, сабли тупые, сами скудны и безодежны, ружьем владеть никаким не умелые...» И комментарий В. О. Ключевского: «Крестьянин Посошков... горько плачется о трусости и малодушии, неумелости, полной негодности этого сословного воинства».³⁵³

Увы, вся русская история до последнего времени «засорная»: воюют числом, а не умением. И пока в этой стране Георгий Жуков будет национальным героем – не быть «нормальной» европейской армии. Да и что времена Посошкова: сколько голов положено было за одну немецкую голову? Сколько? Точного расчета нет, но кажется, больше десяти. Да и что меняет дело: пусть 5 или 15 – суть не на бумаге, а в жизни – 28 миллионов!!!

Великим полководцем считается и Александр Суворов. Я о нём писал как о военном гении и о человеке, сносно относящемся к евреям. Князь Потёмкин покровительствовал Суворову, но у Таврического было много здравого смысла и жалости к человеческой жизни он упрекал за большие и неоправданные потери: «Солдаты не так дешёвы, что бы ими жертвовать по пустякам. К тому же мне странно, что Вы в присутствии моём делаете движения без моего приказа пехотой и конницей. Ни за что потеряно бесценных людей столько, что их бы довольно было и для всего Очакова...»³⁵⁴ И нечего добавит к этому.

3.5.07 г.

К двадцатилетию дня Великой Победы над нацистами в Центральном доме актера в Москве открылась мемориальная доска с именами работников театра, отдавших свою жизнь за Родину в суровые годы Великой Отечественной войны. Среди этих имен выбиты и имена двух евреев: Р. Г. Корфа и Я. М. Рудина.

Когда началась война, мобилизовали и артистов. Были образованы бригады, которые выезжали на фронт. Об одной из бригад я расскажу. Это трагическая история. Бригаде присвоили № 13. Рокочное число! Все они были люди не суеверные, но... потом они вспоминали, что им положили суточные в размере 13 рублей. Да ещё в ней числилось 13 человек. Их путь пролегал на Западный фронт. Время было не самое благоприятное для концертов – начало сентября 1941 года. Бригада сформировалась из артистов Центрального дома искусств, который возглавлял преемник Б. М. Филиппова – Лев Исаевич Лебедев. Красивый, сильный, энергичный человек. Основное ядро группы составляли актеры Московского театра эстрады. Первым из театра на фронт уехал великий актер Владимир Хенкин, которому повезло. Он попал на в зону военных действий ещё до прорыва Западного фронта. В его

группе были знаменитая певица Л. Русланова, М. Гаркави – знаменитый конферансье, первый «советский» Дед Мороз, которым он был в 1937 году, человек любопытный судьбы, И. Гедройц, иллюзионист Е. Шукевич со своей женой и другие. Обстановка на фронте менялась с каждым днем.

Что же произошло со злополучной группой № 13? В группе были артисты Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Надежда Политикина и Виктор Мирсков, артистка театра Ленинского комсомола Руфина Бригиневич. Также с ними было цирковое трио Макеевых с В. Трипутиной – по профессии акробаты и эксцентрики. Прекрасные внешние данные выдвинули их в ряды лучших артистов советского цирка. Они обогатили свои номера музыкой, игрой на саксофоне и гитаре. Кроме того, смастерив новые музыкальные инструменты собственной конструкции, артисты исполняли так называемый «музыкальный водопад». Ещё в группе были Александр Бугров – «рыжий клоун», аккомпаниатор Розенберг, из театра сатиры – Р. Корф, отнюдь не барон Корф и не потомок однокашника Пушкина, и Я. Рудин, опять-таки не герой романа Тургенева. Как видим, большинство в группе было евреями. Как сложилась их судьба? Бригада попала в окружении ночью 4 октября – в самый тревожный момент борьбы за Москву. Вероятно, во время обстрела или бомбежки Владимир Макеев получил психический шок. Товарищи не бросили его, а установили постоянное дежурство за ним, но во время очередной сумятицы он исчез навсегда...

Это было 7 октября, когда группа брела западнее Вязьмы. Они примкнули к части, выбирающейся из окружения. Эту часть возглавлял человек, назвавшийся Героем Советского Союза Старостиним. Во время прорыва из окружения Лебедев был ранен, а чуть позже добит миной. В момент взрыва актер Холодов увидел, как тот встал во весь свой гигантский рост, взмахнул, как крыльями, руками и упал лицом в вязкую, осеннюю грязь. Виктор Мирсков был ранен в голову и с трудом передвигался. Из погибших отметим пару – Рафаила Корфа, который родился в Вятке в 1894 году, по национальности караима, и Якова Михайловича Рудина, родившегося в Петербурге в 1900 году, по внешности абсолютно го русака, но по национальности – стопроцентного еврея.

На эстраде они выступали вместе. Их коронный номер назывался «Кривой Джимми». Кроме того, Рудин увлекался конным спортом и даже парашютным. В 1932 году прыгнул с высоты 1200 метров. Правда, после окончания прыжка признался, что «о вто-

ром прыжке не может быть и речи». Существует легенда, что их повесили вместе в городе Ельце. Кстати, Корф был заслуженным артистом РСФСР, учился в Одесской консерватории на вокальном отделении.

Артист А. С. Бугров попал к немцам – что с ним произошло далее, дело тёмное.

Фантастическая история произошла с Руфиной Бригиневич – она осталась в живых, попала к немцам и работала в артистической группе, разъезжавшей в фургоне, сопровождаемом автоматчиками. Возможно, в этой группе «коллораборационистов», работающей среди «власовцев» и оккупированного населения, находилась Бригиневич, несмотря на подозрения, что она еврейка. Смерть её была страшна. Её вместе с немцами расстреляли партизаны во время атаки неподалеку от Смоленска. Таким образом, убита как пособница нацистов.

Со всей группы в живых осталось, полагаю, лишь двое: Р. Холодов и В. Токарская – артисты Театра эстрады. Большинство сведений я почерпнул из старой книги Б. М. Филиппова.³⁵⁵

5.6.07 г.

Из доклада, прочитанного в июне 2006 года.

Золотой и Серебряный века человечества.

Золото и серебро человеческих веков весьма условное. О чём мы можем говорить? О первобытном рае, якобы потерянном навсегда? Это почтенная мифология. Обычно говорят о золотом веке Европы – речь идет о XIX веке Европы. Ибо какой же золотой век Азии и Африки, Латинской Америки? Все настолько условно и хрупко. Начиная с даты. Начало благословенного века было кровавым продолжением предыдущего: французская революция и войны, сопутствующие ей. Великое состязание двух народов: французов и англичан. Как не процитировать стихотворение Фридриха Шиллера «Новый век»:

*«Два народа, молнии бросая
И трезубцем двигая, шумят,
И дележ всемирный совершая,
Над свободой страшный суд творят.
Пред тобою мир необозримый:
Мореходу не объехать свет,
Но на всей земле необозримой
Десяти счастливым места нет.*

*Нет на карте той страны счастливой,
Где цветет золотой свободы век,
Зим не зная зеленеют нивы,
Вечно свеж и молод человек».*

К 1815 году с Францией воевали все народы – от Швеции с севера и до Балкан и Египта на юге, с запада на восток – от Испании до России. А в Америке шла кровопролитная война между САСШ и Англией, с трудом смирявшейся с отделением этих колоний. Для Европы XIX век начался с 1789 года и продержался до 1914 года.

Кровавые войны оставили след в еврейской истории: заслуга революции, даровавшей евреям равноправие де-юре (*для де-факто не хватило и двух столетий*) во Франции и Германии. Все эти преобразования не коснулись Востока Европы, где евреи находились в черте оседлости. Но для поэтического пера Мандельштама золотой век продолжился от Венского конгресса до убийства Франца-Фердинанда в 1914 году.

*«Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, –
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!»*

Действительно, «Европа цезарей». Единственная республика Швейцария в окружении монархий, а затем, в 1871 году, присоединившаяся к кучке республик Франция с прибавлением САСШ. Банановые республики Латинской Америки не в счёт. Аристократические республики Италии Генуя и Венеция уже сошли с арены. Но падение корон началось с 1909 года, с возникновением Португальской республики – весьма слабого приобретения для свободы. Зато в 1918 году Европа потеряла своих «цезарей» – русского, германского и австрийского императоров. А Вторая Мировая лишила корон югославского царя, румынского короля и болгарского царя, попутно исчезла албанская монархия во главе с королем Ахметом Зогу. Кто его помнит? Так что теперь легче сосчитать королевские династии Европы, чем республиканские: шведская, норвежская, датская, нидерландская, английская, бельгийская, испанская – и «мелкоскопические»: люксембургская, лихтенштейнская, монакская – и это, кажется, всё.

Главное дело Великой Французской революции для евреев – это провозглашение их равноправия, по крайней мере, юридического. Де-факто мир ещё сопротивляется до сих пор, и вряд ли в обозримом будущем это достижимо. Антисемитизм – отбрасывае-

мая тень еврейства – вечен, как и еврейский народ. Наполеон дал равноправие евреям Германии. Права их после реставрации вновь стали ущемляться, но после революции 1848 года они стали повсеместны на Западе.

Что же касается Восточной Европы и Балкан, то российская черта оседлости и румынский антисемитизм были неизбывны. На Балканах шла своя кровавая драма, и евреям приходилось туго от противоборствующих сторон.

Исключение – Болгария. Страна удивительная. Редкое единение показала эта страна: церковь, царь и народ были едины в спасении своих граждан-евреев во время II Мировой войны. Это истинное понимание христианства, а не двуличная политика папского престола, предавшего народ Иисуса Христа. Рим и Берлин до мировой войны и во время ее: основная ошибка римской курии – недооценка сил Англии, США и, конечно, России. Возможно, и религиозные шоры.

В конце концов, «англо-саксы» в основном протестанты, а русские – схизматики, и к тому же безбожники. Обратный пример здравого смысла – Швейцария. В ней были сильны пронацистские силы, готовые на союз с Германией. Но... 22 июня 1941 года на совещании Совета министров был приглашён начальник секретной службы республики полковник Р. Масон (?). Его прогноз был категоричен: в конечном итоге Россия выиграет войну.

В приложении к миру духовному и интеллектуальному имеются различные вариации на тему «Золотого века». Может быть, этим прекрасным миражом было Возрождение, эпоха Ренессанса? Да, но только в узко культурологическом смысле.

Золотой век русской литературы – это обычно пушкинская плеяда. Вещь настолько условная, что и говорить об этом приходится скороговоркой. Безусловными гениями были Пушкин и Тютчев и во вторую очередь Баратынский и ещё меньше Языков. Если же мы расширим «пушкинское время», то в него попадет и Лермонтов, и Гоголь. Если же условно «золотым веком» русской литературы мы примем весь XIX век, то с этим несложно согласиться: Гоголь и Тургенев, Гончаров и Писемский, Достоевский и Толстой, Островский и Чехов, а из поэтов – Фет. И ещё десятка два сопутствующих светилам звезды второй величины.

Это был и расцвет музыкальный: Глинка, «Могучая кучка» и Чайковский, Антон Рубинштейн и другие. В живописи от классицизма Брюллова к гению Александра Иванова и вплоть до Репина и Серова. Но, в общем, это был расцвет передвижничества.

А теперь, ради Бога, немного пропорции. Этот золотой век России происходил в стране, обремененной 25 миллионами рабов, всеевропейской войной начала века, 1812 годом, войнами на Балканах и в Азии против Турции и Персии, и все это на фоне 50-летней кавказской войны. В середине века ужасная Крымская война с коалицией европейских государств и Турцией, а спустя ещё двадцатилетие вновь кровавая схватка с Турцией. И при этом внутренняя непрекращающаяся междоусобица.

И ещё. Ради Бога – это восхищение русской литературой не должно изменить пропорций. Разве французская литература беднее? Да нет! Она неизмеримо богаче: Бальзак и Стендаль, Жорж Занд и Мюссо, Альфред де Виньи и Мериме, Флобер и Мопассан, бр. Гонкуры и Альфонс Доде и пр., и пр. А французская поэзия? Леконт де Лиль и Бодлер, Верлен и Рембо и многие другие создатели различных школ. И их влияние благодатно падало на почву России. Так, русский символизм вырос целиком из французского. А великая французская живопись? Сравните французских импрессионистов с их современниками – русскими передвижниками. Будьте справедливы. Волшебство кисти монпарнасцев и серая скучная живопись уходящего времени. Больно это сознавать, но это так.

Это же относится к музыке. Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шуман, Брамс, Вагнер, Дворжак и другие – все в сфере германской культуры. А великий Россини, Мейербер, Верди, Пуччини и прочие, наверно, не беднее «Могучей кучки».

А где мы, евреи, на этом празднестве жизни?

Мы здесь, мы живём на одной земле и дышим одним воздухом. Мы только что вышли из гетто западных городов и мы живем одной жизнью вместе со всеми.

8.6.07 г.

Интересно, в чём кроется интеллектуальное превосходство евреев?! Корни этого, вероятно, в родовых традициях и гонениях со стороны врагов. Так считает ряд исследователей. Действительно, с этим можно согласиться.

Никакая этническая группа не дала столько чрезвычайно оригинальных мыслителей-теоретиков, таких как Фрейд, Гуссерль, Кельзен, Витгенштейн, Малер, не говоря уже о таких авторах, как Шницлер, Краус, Брех и Рот. Кроме этих гениальных евреев фактически в каждой области интеллектуальной жизни также было непропорционально большое число плодovitых мыслителей еврейской национальности.

Гуссерль Эдмунд (1859–1938), основатель феноменологии. Стремился превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологии. Впоследствии обратился к идее «жизненного мира» как изначальном социально-культурном опыте, сближаясь с философией жизни. Оказал влияние на экзистенциализм, философию, антропологию. *Феноменология – философское понятие, означающее явление, данное нам в опыте, в чувственном познании, в противоположность ноумену, т.е. постижению разумом, и составляющее сущность феноменологии. Антропология – наука о происхождении и эволюции человека. Экзистенциализм – философия существования, родилась в России (!) начала XX века).*

Кельзен Ханс (1881–1973) – австрийский юрист, с 1917 по 1940 годы занимал должность профессора Венского, Кельнского, Женевского университетов.

С 1942 года – в США в Калифорнийском университете. Основатель нормативизма в праве. Выдвинул идею «чистого учения о праве». Нормативизм – формальное изучение действующего норматива права в экономических, исторических и социальных условиях развития.

Витгенштейн Людвиг (1889–1951) – австрийский философ, педагог и логик, представитель аналитической философии. С 1929 года живет в Англии. Выдвинул программу построения искусственного «идеального языка», прообраз которого язык математической логики. Разработал доктрину логического атомизма.

Малер Густав (1860–1911) – композитор, дирижер, мыслитель. Известна формула «от Баха до Малера». Глубочайший философ: его музыка – это сублимация мощи интеллекта. Автор и симфонии для солистов и оркестра «Песнь о Земле», вокальных циклов, в том числе для голоса с оркестром – «Песни об умерших детях». На минуту остановимся... Речь идет о нашей планете Земля и о её детях. «Мне снились печи Освенцима» (Е. Винокуров). Страшное предвиденье будущего?

Шницлер Артур (1862–1931) – австрийский драматург и прозаик. Пьеса «Анатоль» (1893 г.), повесть «Фрау Беата и ее сын» (1913 г.) импрессионистского характера. Социальные мотивы в повести «Лейтенант Густль» (1901 г.), в пьесе «Проф. Бернгарди» (1912 г.).

Краус Карл (1874–1936) – австрийский писатель, драматург, публицист, филолог. Выступал с сатирическими памфлетами против венских декадентов. Опубликовал афоризмы. Неумолимый эссеист. Автор антивоенной драмы «Последние дни человечества» (1918/1919 г.). Он же автор книги о Гёте и сборника памфлетов «Австрия – сумасшедший дом» (1907 г.). Издал девять сборников стихов с 1916 по 1930 годы. Стиль насыщен метафорами, контрастными сопоставлениями.

Брох Герман (1886–1951) – австрийский писатель. Автор романа «Лунатики» (1931/32 г.), «Смерть Вергилия» (1945 г.), написал антифашистский роман «Искуситель» (1953 г.) показал девальвацию традиционных ценностей в современном мире.

Рот Йозеф (1894–1939) – австрийский писатель. С 1933 г. в эмиграции, антифашист. В сатирических романах «Отель Савой», «Бунт» (1924 г.), «Циппер» (1932 г.) описывается жизнь в послевоенной Европе; «Марш Радецкого» (1932 г.) – моя любимая книга. Если в романе «Могила Капуцина» (1938 г.) описывается гибель империи, то книга «Иов» – это гимн неуязвимому еврейству.

Великовский Иммануил (1895–1979, Витебск – Принстон) – историк, культуролог, психоаналитик, медик по образованию, учился в Москве. После эмиграции в Берлине издавал международный научный журнал «Скрипта», к участию привлек Нильса Бора, Альберта Эйнштейна, Льва Ландау (1922–1923 г.). С 1923 в Палестине, практиковал как психиатр в Хайфе, Тель-Авиве, Иерусалиме.

Опубликовал работы, высоко оцененные Фрейдом. С 1939 г. живёт в США. Писал просионистские статьи. Наличие гения объясняет наследственными чертами; уже в самом еврейском письме есть криптограмма. Каждый знающий еврейский алфавейт занимается расшифровкой кроссвордов даже при чтении, ибо без огласовки труден для понимания текст. Эта постоянная тренировка стимулирует природный ум евреев, помогая создать ассоциации, невысказанные для неевреев.

Запрет изображения Бога заставляет Его воспринимать с помощью абстракций. Раннее обучение тонкостям права и теологии развивает в евреях искусство диалектики до такой степени, что с ними могут с большим трудом тягаться киты католического богословия. *(Отсюда ясно, как оканчивались средневековые диспуты: евреев как оппонентов просто убивали.)*

Причудливые фамилии, которыми наградили евреев австрийские власти, отточили их умение играть словами.

Герман Брох выделяет ещё один аспект еврейского религиозного образования, на мой взгляд, важнейший у евреев: **ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ – ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.**

Эта предпосылка лежит в основе всего еврейского закона, особенно правил кошрута. Это уважение к жизни и подстраховка от антисемитского презрения к ней. **ДЛЯ ЕВРЕЯ ВСЁ, ЧТО ПРОДЛЕВАЕТ ЖИЗНЬ, СПРАВЕДЛИВО, А ВСЁ, ЧТО СОКРАЩАЕТ ЕЁ, НЕСПРАВЕДЛИВО. N.B.!**

Казуистика Талмуда учит детей анализировать, какие действия идут на пользу, а какие угрожают Сущему.

Для многих в основе мотивации еврейской мысли лежит чувство незащищенности. Отличная учёба евреев в университете для евреев обыденное дело, поскольку в процессе обучения родители им внушали, что надо хорошо учиться, чтобы преодолеть предубеждение окружающих чужаков. *(Незаметная ошибка в полемике: и предмет зависти – одну из главных причин антисемитизма, на мой взгляд, если откинуть мистическую сторону юдофобии.)*

Я писал о «вундеркиндстве», когда вся семья «работает» на одного человека с целью, что он выбьется в жизнь.

В этом отношении характерна еврейская мать, мать-героиня, готовая нести все бремя для сына. Мать Зигмунда Фрейда мечтала о том, что её «золотой Зиги» станет знаменитостью, она делала всё возможное, чтобы создать сыну условия для получения образования, даже убрала пианино сестры, чтобы оно ему не мешало. Однажды юный Зиги увидел, как кто-то толкнул отца с тротуара и отец ничего не сказал, стерпев обиду подобно миллионам других униженных евреев, и это запомнил мальчик.

Здесь, правда, кроется опасность самоненависти – несчастный гениальный юноша Отто Вейнингер возненавидел свой род. **N.B.!**

10.6.07 г.

Ещё в XVII веке начал карьеру юристом еврей Самсон Вертгеймер (1658–1724) и достиг в качестве придворного банкира высоких должностей. Во время бесконечных войн он ссужал императора щедрой рукой. Высшие круги уважали его за необыкновенную для еврея, как им казалось, честность. Он был защитником евреев и занимался раввинской деятельностью. Другие ев-

реи спустя столетие стали ведущими банкирами континента. А такие области, как медицина, право, журналистика, публицистика, преподавательская деятельность в университете! Всё это становилось доступно только тогда, когда еврей получал высшее образование.

Незащищенность и мегаломания – постоянные спутники еврейства. Страстно желавшие, они свободнее на рискованный эксперимент.

САМОЕ ВЕЛИКОЕ ДЕЯНИЕ ЕВРЕЕВ В ИСТОРИИ – ЭТО СОЗДАНИЕ МОНОТЕИЗМА. Как образно выразился М. Горький, евреи – первый народ, который гигантским усилием мысли и воображения перешел от языческого многобожия к идее единого Бога, от политеизма к монотеизму.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ И РАЦИОНАЛИЗМ – ВОТ ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЕВРЕЙСКОГО ТВОРЧЕСТВА.

НАРЯДУ С ЭТИМ ИНТЕНСИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ – это странное сочетание, по Л. Я. Штернбергу, в порядке вещей: «**ЭТО ЗАКОН ПАРАЛЛЕЛИЗМА ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ, МЫСЛЬ И ЭМОЦИЯ – ТОЛЬКО ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ФЕНОМЕНА**».

На мой взгляд, это свойство заложено в нас «социальными» пророками, и в первую очередь пророком АМОСОМ.

РАННЕЕ созревание таланта. Так, Яков Эйхенбаум (1796–1861), дедушка известного литературоведа Бориса Михайловича Эйхенбаума. Яков начал читать с двух лет по-еврейски, в четыре года знал Пятикнижие, восьми лет был сосватан и отправлен на воспитание к будущему тестю. Там какой-то каббалист познакомил его с первыми элементами математики. Яков уходит из семьи и в 18–19 лет переводит на иврит Эвклида. Становится математиком, шахматистом, поэтом. И это не единственная подобная биография еврея.

Автор статей о жизни евреев в России Лев Биншток в своих расчётах анализирует жизнь 2851 знаменитого еврея, в основном XIX и начала XX вв. Он заранее оговаривает, что это число не соответствует истине и уменьшено, по-видимому, намного. Например, не учтен композитор Александр Серов и его сын, художник Валентин Серов. Все «учтенные» распределены по странам и по роду деятельности: от естественников до шахматистов. Последние, в связи с постоянной переменой мест жительства, даны вместе. По странам на первом месте по числу талантливых евреев

тогда стояла Германия – 28,4%, Австро-Венгрия – 20,2%, Россия – 17,8%, Франция – 10,4%, Англия – 6%, Америка – 5,4%, Италия – 5% и так далее вплоть до Китая, где имелся в 1912 году еврей – министр финансов!

Среди профессий на первом месте стоят публицисты. Но в Германии на первом месте – медики. В общем зачёте они тоже занимают одно из первых мест. Совсем не представлены военные, а среди них, несмотря на ограничения, были уже выдающиеся генералы вроде военного министра Италии 1902–1903 гг. генерала Джузеппе Оттоленги (1838– после 1912 г.) и генерал-полковника австро-венгерской армии Самуэля Хазаи (1851–1942), иначе именуемого Саму Кон. Чрезвычайно влиятельный в Военном министерстве, он командовал во время I Мировой войны мобилизацией и отправкой на фронт пополнений. В 1917 году, поняв, что с вступлением в войну США дело клонится к физическому уничтожению цвета венгерского народа, по возможности саботировал отправку гонведа на фронт.

15.6.07 г.

Вот дивная биография главнокомандующего всеми австралийскими и новозеландскими войсками на западном фронте, генерала Джона Монаша (1865–1931). Родился в Мельбурне в еврейской семье. Родители, родом из Познани, приехали в Австралию из Германии. Дедушка Джона был еврейским печатником по имени Дов Бер Монаш. Джон получил высшее инженерное образование, в 1883 году – степень бакалавра, в 1893 – степень доктора.

Параллельно учился и получил юридическое образование в 1895 году. Затем, после Мировой войны, в 1921 году защитил докторскую диссертацию по гражданскому строительству. Как такового военного образования он не получил, ибо в Австралии не было воинской повинности в европейском понимании слова. Он был рядовым в милиции и, несмотря на два диплома, остался в милиции, перейдя из пехоты в артиллерию. К 1913 году он стал полковником и командиром пехотной бригады – милиция комплектовалась на основе частичной занятости. По сообщению историков, Монаш был думающим и образованным солдатом. Можно добавить, что он служил ещё в разведке и написал брошюру «Сто советов ротному командиру». Брошюра стала стандартным учебником австралийской армии. Полковник Монаш командовал пехотной бригадой в Галлиполи и за удачные операции был произведен в бригадные генералы уже в июле 1915 года. Его брига-

ду эвакуировали во Францию, где он во главе дивизии принял участие в боях на Сомме. Полтора года спустя, уже в чине генерал-лейтенанта, Монаш стал командиром Австралийского корпуса. Австралийские историки утверждали, что «высшее британское командование презирало его за еврейское происхождение» и постоянно напоминало, что генерал не имеет опыта. Существуют и другие точки зрения, высказанные в дневнике главнокомандующего британскими войсками фельдмаршала Хейга. Запись от 1 июля 1918 года: «Я провел час с Монашем и вник во все детали его действий, которые он вскоре должен выполнить с Австралийским корпусом... Монаш – наиболее основательный и способный командующий, который обдумывает каждую деталь любого нападения и не оставляет ничего случаю. Я был увлечен его планами».³⁵⁶ За блестящие операции Монаш был возведен королем Георгом V в рыцарское достоинство – в 1918 году стал рыцарем-командором ордена Бани, а в 1919 году был награжден Большим Крестом ордена Св. Михаила и Св. Георгия! Имеется некоторый комизм в получении христианских наград правоверным евреем. Чрезвычайно высокого мнения о генерале Монаше были премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж и великий историк Лиддел Гарт (*еврей по происхождению*).

Можно упомянуть и ещё несколько имён русских генералов – выкрестов и потомков выкрестов: генерал-адъютант Николай Иудович Иванов (1852–1918), генерал-лейтенант М. В. Грулев (1857–1941) и множество других.

18.6.07 г.

Два слова о Венгрии.

По большому счету, ассимилированные евреи превратили Будапешт из торгового города в индустриальный и финансовый метрополис. К 1910 году из 800 тысяч четверть населения города составляли евреи. Две пятых из 6700 юристов – евреи, три пятых из 2000 врачей – евреи, две пятых из 1200 журналистов – евреи. Банкирские дома, финансовые магнаты, индустриальные тузы – процент евреев сногшибателен.

Но не всё было так гладко. Конечно, Австро-Венгрия не Россия и не Румыния. И Венгрия прошла искус ритуального убийства в 1882 году. Состоявшийся суд признал вину евреев, но спустя год незаконно заключенные были реабилитированы. Благодаря огласке дело из местечка Тиса-Эцлар стало «знаменитым в Европе вплоть до «дела Дрейфуса», которое состоялось в демократической Франции и по страстям перекрыло предыдущие «гзейрос».

Венгры жили фантазиями и «снами», и это помогало им выстоять. Любопытно, что усиленная импровизация ставит дело выше всего помогала таким изгнанникам-евреям, как философ Дьёрдь Лукач (1885–1971), Карл Манхейм (1893–1947) – социолог, с 1933 года жил в Англии; Артур Хаузер, братья Полани (один из них Майкл (1891–1976) в 1933 году в Англии стал основателем постпозитивизма, Франц Александер (1891–1964), врач-психолог, основатель чикагской школы психосоматики, и Давид Рапопорт.

В естественных науках блистали евреи Теодор фон Карман, Джон фон Нейман, Лео Жирарда, Эуген Вигнер, Петер Гольдмарк, Эдуард Теллер.

Венгерскую шахматную школу, точнее, венскую или австро-венгерскую, прославили шахматисты Якоб Левенталь, барон Игнаций Колиш, Вильгельм Стейниц, Макс Вейсс, Карл Шлехтер, Рудольф Шпильман, Савелий Тартаковер, Рудольф Харузек, Геза Мароци и многие другие.

Были также известные путешественники: Арминий Вамбери (1832–1913), ориенталист, человек, искавший прародину венгров в Средней Азии; Лукас (Лукач) Луи-Артур (1851–1876), исследователь в Африке, принявший решение пересечь континент с востока на запад и умерший в пути.

25.6.07 г.

Немного о русском флоте и евреях, служивших во флоте.

Просмотр свода законов о евреях в Российской империи обнаружил интересные вещи. На первом листе имелась запись: «Высочайше повелено не назначать более евреев в Морское ведомство и снести с Военным Министром о передаче в сухопутные войска всех имеющих ныне во флоте евреев. 19 марта 1856. Константин» (Великий князь). В то время он отвечал за Морское ведомство. А вот сам текст: «Назначение рекрутов из евреев во флот воспретить».

Одно из старейших архивных учреждений страны – Российский государственный архив Военно-морского флота – хранит довольно большой комплекс документов о службе евреев. Это, например, статистические сведения о количестве нижних чинов из евреев, проходящих службу в командах морского ведомства, и о переводе в сухопутное ведомство всех евреев, проходивших службу во флоте; отчеты о проведении Высочайших смотров рекрутов из евреев; организация службы для них, в том числе о порядке произ-

водства нижних чинов в унтер-офицеры; об организации богослужения – открытии и закрытии синагог, о назначении раввинов и их вознаграждении. Особой группой представлены материалы об оформлении браков и разводов нижних чинов из евреев, состоящих на службе во флоте.

Вниманию читателей предлагается справка по истории службы евреев во флоте, подготовленная Морским министерством в марте 1856 года. В публикации сохранены особенности орфографии и синтаксиса документа.

В морское ведомство рекруты из евреев начали поступать с 1827 года, на основании Высочайшего Манифеста того года, ком установлен набор рекрутов из евреев.

До 1835 года поступало их в морское ведомство от 600 до 2500 человек в год, и в Черноморское ведомство давалось их несколько более против Балтийского.

С 1835 по 1844 годы, в продолжении девяти лет, рекрут евреев вовсе не было назначаемо в морское ведомство.

С 1844 по 1853 годы евреи были вновь назначаемы (хотя и не каждого) от 100 до 400 человек в год, и в Балтийское ведомство давалось несколько более против Черноморского.

В 1853 году при отделении особых губерний для комплектования обоих флотов, последовало Высочайшее повеление о назначении в морское ведомство по прежнему рекрут из евреев с каждого набора 100 человек и более, смотря по числу собираемых рекрут.

Во исполнение сего и было дано в оба флота: в 1853 г. – 100 человек; в 1854 году – 150 человек; в 1855 году – 200 человек, из них в оба флота поровну.

В настоящее время их в Балтийском ведомстве 1440 человек, в Черноморском 900 человек, всего 2340 человек.

На основании Высочайшего повеления изъясненного в циркуляре 16 июня 1845 г. № 703-й, рекруты из евреев распределяются:

В Рабочие и Ластовые экипажи.

В Военно-рабочие роты Морской Строительной части.

В число мастеровых при Флотских Экипажах.

В Арсенальные роты Морской Артиллерии.

В Морскую типографию.

Из числа кантонистов ведомства Департамента Военных Поселений имеющие не свыше 18-ти летнего возраста, поступают в

Учебные Морские Экипажи, откуда, по достижении 18-ти лет распределяются тоже в помянутые выше команды.

Евреи, по малосильности и не привычке к грубым мастерствам, не могут быть назначаемы в портовые и другие тяжелые работы, и потому те из них, которые не знают никакого мастерства, решительно бесполезны для адмиралтейских занятий и увеличивают собою только число мастеровых, те же, которые знают какое-либо мастерство, редко употребляют знание свое с добросовестностью, но большая часть из них, по врожденной хитрости, разными манерами стараются уклониться от дела; весьма многие из рекрут евреев оказываются женатыми и семейными, при распределении на службу жены их, с детьми, идут вслед за партиями в коих следуют мужья, и, прибывая на место распределения, где по общим законам проживать евреям воспрещается, затрудняют начальство в отводе для них помещения и без того недостаточного в морском ведомстве для нижних чинов, а, находясь при мужьях, не занимаются обыкновенными работами как русские женщины, но ведут торговлю, сопряженную почти всегда с обманом; некоторые даже, под предлогом свидания с родными, переезжая из Кронштадта в Петербург и наоборот, занимаются контрабандою, чему видны примеры по делам, восходившим до Инспекторского Департамента. В военное же время и особенно в приморских городах, ещё более можно ожидать от них вреда, ибо, не имея патриотических чувств, при стремлении нажить деньги легким способом, они легко делаются переметчиками чему, как видно из уведомления Командующего войсками в Финляндии, был пример на Аландских островах, где несколько евреев бежали к неприятелю и по свойственной им сметливости передали весьма важные сведения.

Приняв в уважение вышеизложенные обстоятельства, не будет ли повелено, применяясь к существовавшему до 1844 г. порядку, назначение впредь рекрутов из евреев во флот воспретить.

РГАВМФ. Ф.283. Оп. 5. Д. 63. Л. 1-3. Подлинник. Писарская рукопись. ³⁵⁷

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Константин Николаевич – великий князь, род. 09.09.1827 г. 22.08.1831 г. назначен генерал-адмиралом и шефом гвардейского экипажа. 30.08.1848 г. произведен в контр-адмиралы и назначен шефом Морского кадетского корпуса. 03.09.1850 г. назначен председателем Комитета для пересмотра и дополнения общего свода Морских Уставов. 25.06.1852 г. назначен товарищем начальника главного морского штаба. 19.04.1853 г. произведён в вице-адмиралы.*

С 23.02.1856 г. управляет флотом и Морским министерством. 09.09.1855 г. произведен в адмиралы. 27.01.1860 г. назначен председателем Адмиралтейского совета. В 1862 г. назначен наместником в Царстве Польском, уволен от должности наместника 19.10.1863 г. 01.01.1865 г. назначен председателем Государственного совета. 28.01.1877 г. назначен Почетным президентом Николаевской Морской академии. 13.07.1881 г. уволен от управления флотом и морским ведомством и от должности председателя Государственного совета с оставлением звания генерал-адмирала. Умер 13.01.1892 г.

21.7.07 г.

Теперь вношу время от времени в свой дневник совсем ничтожные сведения. Устал от безнадежности опубликовать что-то.

Итальянский фашизм был долгое время тенью нацизма. Муссолини воображал, что он важнее Гитлера; Дуче – ведущий, фюрер – ведомый. Но уже после «аншлюса» стало ясно, кто есть кто. Муссолини вынужден был признать старшинство «тадеско», германского брата. До 1938 года антисемитизм носил в Италии весьма слабый характер. И сам дуче неоднократно заявлял, что в стране нет «настоящего антисемитизма», ибо даже в «Большом фашистском совете» находились и евреи. Причин для этого было немало. Во-первых, «эбрео» в Италии было мало. Они составляли одну тысячную населения, постоянно уменьшающуюся из-за ассимиляции. Правда, были профессии, где евреев вытесняли. Так, великий математик Т. Леви-Чивитта, мировая величина, «обогадивший математический арсенал» А. Эйнштейна при создании общей теории относительности, несмотря на то, что его неоднократно выставляли кандидатом, так никогда не был выбран в королевскую Академию. Математик нашел пристанище в США, в Принстоне, где впервые и встретился с Эйнштейном. Подверглись исключению из рядов армии и флота офицеры-евреи. Но это были отдельные случаи.

Все круто изменилось летом 1938 года, когда безо всяких причин началась антисемитская компания, принявшая поначалу комичную форму. Можно было слышать разговоры простых людей на улице, которые спрашивали друг друга: «Кто такие евреи и почему их выселяют?» Евреев не было ни в южной Италии, ни в Сицилии. Муссолини получил от подесты-мэра захолустной деревни в Сицилии телеграмму следующего содержания: «Касательно антисемитской компании». Текст: Вышлите образцы, чтобы мы могли начать кампанию».

14 июля 1938 года был опубликован «Manifesto della Razza» («Расовый манифест»).

Среди idiotских глупостей, заимствованных от «старшего брата», в него был введен местный колорит, заключающийся в том, что итальянцы – арийцы и давно ассимилировали семитов древности, населявших полуостров, и даже арабов на юге. Евреи же, единственные из семитов, не подверглись ассимиляции, а потому они, евреи, чуждые великой арийской цивилизации, должны быть изгнаны. К чести итальянских ученых под этим бредом дуче с трудом собрал ученую братию, да и к тому же ни один антрополог не поставил своей подписи. В сентябре были приняты антиеврейские законы, как близнецы схожие с законами нацистской Германии.

Началось бегство евреев из страны, где они проживали задолго до появления ариев на полуострове. Ну а кто не смог спастись – тех ожидали газовые камеры наци... Я читал много по поводу фашизма в Италии. Должен сказать, что были времена, когда евреи Палестины (бейтаровцы) обучались мореходству в Чевитта-веккьи под руководством офицеров итальянского флота. В Италии были созданы сельскохозяйственные фермы, где эмигранты из Германии проходили практику для подготовки к переезду в Палестину.

Да и сам опереточный фашизм многим казался здравым. Почему Италия устремилась в лагерь «оси», понять трудно. У Черчилль лично писал Муссолини «увещательные» письма, стараясь удержать его от вступления в войну. Дуче был ослеплен успехами «брата». Как шакал, он напал на поваленную Францию и отнял Савойю. Да и то разбитые французы дали мощный отпор хищнику, и если бы не немцы, ему бы и не получить лакомый кусок. Стоило призадуматься. Муссолини, солдат 1-й Мировой войны, прекрасно знал природные недостатки «арийской расы» в итальянском варианте. Прямо скажем, итальянцы – никудышные солдаты. А дальнейшее хорошо известно...

Написать об этом меня натолкнуло повторное чтение чудной книги жены великого физика Лауры Ферми, вышедшей ещё в Москве в 1957 году, под названием «Атомы у нас дома». Возникает вопрос: сознавали ли деятели Третьего рейха то, что преследование евреев нанесло непоправимый вред Германии, и в первую очередь её военному потенциалу? Да, безусловно, но силу инерции и болезненного антисемитизма нельзя было остановить, да никто и не пытался остановить машину истребления. Исчерпывающий ответ даёт Д. Ирвингом в книге «Атомная бомба для Гитлера».

Был создан исследовательский совет, в который вошли 21 министр, высокопоставленные военные и руководители партии, включая палача Генриха Гиммлера, но **не было ни одного учёного**. Запоздалая попытка привести германскую науку в порядок. Однако никакими внутренними перетасовками нельзя было исправить ущерб, причиненный политическими преследованиями учёных. К 1937 году от работы в университетах было отстранено почти 40% профессоров. Разгул антисемитизма вынудил многих учёных, включая несколько лучших физиков, бежать из Германии. **Теперь, по крайней мере, рейх понял свою ошибку. (?! С. Д.)**

На конференции в Берлине, посвященной задачам нового Имперского исследовательского совета, на которой присутствовали члены президентского совета, **Геринг в своей замечательной речи описал огорчение, которое вызвало у него самого и фюрера преследование еврейских учёных: (?! – С. Д.)**

«Фюрер испытывает глубочайшее отвращение к любому виду строгой регламентации в науке, приводящему к такому вот рассуждению: «Это изобретение действительно важно, жизненно важно для нас и открыло бы перед нами большие возможности, но мы не можем им воспользоваться, потому что у человека, который сделал это изобретение, жена еврейка или потому, что он сам наполовину еврей».

Сегодня я говорил по этому поводу с фюрером. Нам уже удалось использовать в течение двух лет одного еврея в Вене, а другого – для исследования в области фотографии: они знали кое-что, в чём мы нуждались и что в настоящее время мы используем с огромной выгодой для себя. Было бы величайшим безумием говорить сегодня: «Он должен уйти. Он блестящий ученый, фантастический ум, но у него жена еврейка и ему нельзя оставаться в университете», – и так далее и тому подобное. Фюрер уже делал исключение такого рода в искусстве, причём на всех уровнях, включая даже оперетту, и уже тем более он склонен сделать подобные исключения, когда речь идёт о действительно величайших научных проектах и исследованиях».

Для полноты картины укажем, что совещание происходило 6 июня 1942 года в разгар будто бы победоносной войны. Вывод, сделанный Давидом Ирвингом: **«Неудача Германии в деле создания атомной бомбы произошла не от слабой промышленности, а от слабости её учёных».**

Н.В. Другой вывод также ясен: верхушка Германии осознала, что уже к середине 1942 года война была проиграна.

Ещё одна деталь. После закрытия совещания в Доме Харнака для участников – учёных и политиков – был дан ужин. За столом великий физик Гейзенберг сидел рядом с фельдмаршалом Мильхом. Улучшив минуту, он прямо спросил Мильха, что сулит немцам исход войны. Мильх не стал изворачиваться и ответил посолдатски прямо: если немцы проиграют войну, им лучше всего принять стрихнин. Гейзенберг поблагодарил за совет... Впрочем, фельдмаршал без употребления яда прожил в почёте ещё до 1972 года, а лауреат Нобелевской премии скончался в своей постели в 1971 году. Гейзенберг не удовлетворился одной «справкой» фельдмаршала и обратился с тем же вопросом к министру вооружений Шпееру: министр повернулся лицом к физику и, не сказав ни слова, посмотрел на него долгим, как будто ничего не выражающим взглядом. Этот взгляд и молчание были красноречивее всех слов... Шансов у Германии не было. Сам же Гейзенберг «исключительно в силу логики был убежден, что Германия проиграет войну». Позже он писал: «Для Германии война была подобна окончанию шахматной партии, в которой она имеет на одну ладью меньше, чем её противник. Проигрыш войны так же ясен, как и проигрыш партии при таких условиях».³⁵⁸ Главнокомандующий союзными войсками в Европе Дуайт Эйзенхауэр вспоминает в книге «Крестовый поход» о зверствах нацистов. (*Отрицателям Холокоста рекомендую читать внимательно!*) «В тот же день я впервые увидел лагерь смерти, находившийся неподалеку от города Гота. Я никогда не был в состоянии описать свое эмоциональное напряжение в момент, когда я лицом к лицу встретился с неоспоримыми доказательствами жестокости нацистов и полного пренебрежения нормами человеческой морали. До сего момента я знал об этом только в общих чертах и из второстепенных источников. Но я уверен, что никогда в любое другое время я не испытывал такого шока, как в этом случае. Я осматривал каждый закоулочек и каждую щель в лагере, так как считал своим долгом давать свидетельские показания об этих вещах в случае, если на родине появятся мнения или утверждения, что **«рассказы о зверствах нацистов были просто пропагандой»**. Некоторые из нашей группы, посетившие лагерь, были не в состоянии выдержать до конца осмотр. Я же не только все осмотрел, но и, как только вечером вернулся в штаб Паттона, сразу же сообщил в Вашингтон и Лондон обо всех ужасах, настаивая перед обоими правительствами не-

медленно направить сюда группу редакторов газет и представителей национальных законодательных органов. Я считал, что эти доказательства должны быть немедленно доведены до американской и английской общественности, чтобы не оставалось никаких оснований для циничных сомнений».³⁵⁹

Запись генерала Брэдли: «Всего лишь два дня тому назад 3-я армия захватила Ордруф, первый из нацистских лагерей смерти на нашем пути, и Джордж обязательно хотел показать его нам. «Вы не можете себе представить, что за ублюдки эти гансы, пока своими глазами не увидите эту чумную яму», – сказал он. Тяжелый трупный запах буквально ошеломил нас ещё до того, как мы прошли через ворота лагеря. В неглубокие могилы было свалено более 32 обнаженных иссохших трупов. Трупы валялись также прямо на улицах, между бараками. Вши ползали по трупам, острые выступающие кости которых были обтянуты желтой кожей. Часовой показал нам место, где умиравшие от голода заключенные вырывали из трупов внутренности и ели их. Земля здесь была покрыта пятнами запекшейся крови. Лицо Эйзенхауэра превратилось в белую гипсовую маску, Паттон отошел в угол, где его стошнило. У меня от негодования отнялся язык. Зрелище было настолько ужасное, что мы были одновременно потрясены и оглушены. В ближайшую неделю нам предстояло захватить другие подобные лагеря, и кошмары Бухенвальда, Эрла, Бельзена и Дахау вскоре должны были потрясти мир, который считал себя уже освоившимся с ужасами войны».

19.1.09 г.

Когда читаю лекции, то всегда «клянчу» что-то у своих слушателей, типа: «У кого есть дневники и письма Пришвина?» К сожалению, их ни у кого не было. (*Моя жена Инна, видя, что я заболел «пришвиноманией», иронически спрашивала: «Кто еврей – дед Мазай или зайцы?»*) И провозглашал я свой вопрос многократно, пока кто-то не спросил: «А зачем Вам, Савва, Пришвин? Ваша тема так далека от его интересов». Я заткнулся, ибо не буду же я вправду объяснять, что я видел фотографии Михаила Михайловича Пришвина, на коих он похож на «среднестатистического жида в натуре».

Но мир не без добрых людей, и одна из моих корреспонденток, которую зову не иначе как «Елена Прекрасная», прислала несколько томов Пришвина, предполагаю, заплатив немалую сумму. Так я обрёл искомое.

В 1912 году Михаил Михайлович опубликовал рассказ «Жид», впоследствии опубликованный под названием «Крыса». Суть рассказа такова. «В городе не очень большом, в черносотенной слободке на Соборной улице поселился я в год, когда кричали: «Бей жидов!» Не успел я хорошенько устроиться, мальчишки уличные стали кричать на меня: «Жид!», – за мальчишками и взрослые, и все за мои чёрные волосы. Прислуга Маша пришла наниматься к нам и спрашивает: «А вы не жиды? Нет? Честное слово, вы не жиды? Я боюсь...» Как видите, зачин рассказа прост, как «Русская правда»: черноволосый человек – он жид. Бессмысленно брюнетам сопротивляться в очевидном. Ну а почему прислуга Маша боится идти в услужение жидам? А дело в том, что её подруга жила в доме жидов, где ей жилось хорошо, как никогда в жизни. Кормили ее как на убой. Но оказывается, когда Даша стала толста, как бочка, несчастную заперли в шкаф и начали сок выжимать, давят и выжимают, давят и выжимают. Соком же этим жиды причащаются. Короче с трудом она вырвалась, иначе бы они её прикончили, но она выскочила через окно... Рассказав сию повесть, новая прислуга чуть ли не в десятый раз осведомилась: «Так вы не из жидов?» Это маленькая завязка рассказа. Суть же в ином.

Пришвин, как известно, всю жизнь собирал старину: книги, рукописи, старинные иконы. В этом богоспасаемом городке у одной старьевщицы он приобрел задешево чудную икону византийского письма. Икону Николая Угодника. Икона торжественно была водружена в угол, и зажжена лампада. Прошел угар детской радости и светлого настроения, как вдруг в комнате появился странный запах не то гиацинтов, не то покойника, и все из-за того угла, где висит икона Николая Угодника. Трупный запах был неистребим. Пришвин испугался. В эту ночь ему снилось, что он «жид» и его обвиняют в ритуальном убийстве. Напомним, что шел год процесса в Киеве, так называемое дело Бейлиса.

Наутро, когда открыли форточку, стало ясно – в доме трупный запах. Все домашние уверены в этом, а прислуга Маша вновь и вновь повторяет страшную историю своей подруги. Нужно добавить, что в русском суеверии есть и такая примета: икона открывает запряганный труп.

Пригласили хозяйку, у которой сняли квартиру. Она побелела и была в ужасе от трёх страхов: религиозного, полицейского и хозяйственного. Вероятно, страшнее всего страх полицейский: придут и будут ломать полы.

И хозяйка лжёт: «Мой нос не чувствует». Комнату на ночь запирают, и несчастный Пришвин в первый раз в жизни задумался о легенде распятого еврейским народом Христа. Задумался впервые, ибо в детстве всё было просто: «Христос любил всех, а толстые фарисеи за это его ненавидели и с непонимающими людьми распяли его».

Но переносить библейских евреев на евреев-современников ему и не приходило в голову. А кого он знал? Часовых дел мастера, портного, зубного врача. «Теперь же, когда он сам попал в «жиды», вдруг открылся весь ужас этого и вся бездна этого страшного преступления «пользоваться святым Писанием для погрома...».

Наутро хозяйка решается собственными силами ломать пол, ибо у неё непреодолимый страх перед полицией. А слух несется по Соборной улице из домика в домик: «Жиды в стену младенца замуровали». Прислуге Маше раздолье: она бегаёт по всей улице и разносит тёмные уличные слухи.

Наконец Пришвину пришел вопрос в голову: «Кто здесь раньше жил?» – «Женщина одинокая». Возможно! «А я жид... я жид, потому время такое, правосудие далеко, расправа короткая, и унижительно для меня погромщикам показывать мои бумаги...»

Стук, стук наверху. И крик: «Нашли!» – «Что нашли?» – «Слава Богу, крыса, крыса удавилась!» Скоро все успокоилось на Соборной улице, разве только укрепилась легенда о том, что икона открывает трупы.

Конец рассказа ещё более страшен. Во времена дела Бейлиса Пришвин рассказал эту историю своему соседу, как можно предположить, человеку образованному. Рассказал Михаил Михайлович эту притчу для того, чтобы показать, как из ничего собирается иногда чёрная туча, как бессилён бывает человек оставаться её.

Ответ знакомого: «А все-таки Бейлис виновен».

«Как? Факты?»

Он верит, и больше ничего, верит в существование ритуально-го убийства, как тёмное русское простонародье, и факты процесса располагаются у него по линии веры. Я это высказываю ему, он упрекает меня в таком же обращении с фактами, уверяет, что сам обладает объективной истиной: ритуальные убийства несомненно существуют, и Бейлис, скорее всего, виновен».

«И не один раз, я слышал сам, высказывались так: «В этом деле меня волнует положение невинного человека, что существуют или не существуют ритуальные убийства, я не знаю, может быть, и существуют...»

Этим открывается лазейка, и снова прячется от света дневно-го кровавая легенда, настанет час, и она опять оживёт. Так, думаю, осталась лазейка и в ответе присяжных.

Пусть Бейлис оправдан, мое положение «жида» на Сборной улице остается по-прежнему. Необходимо во что бы то ни стало сломать половицы и крысу найти», – пишет Пришвин в упомянутом рассказе в книге «Крест и цвет», изданной в 2004 году.

Когда читаешь дневники Пришвина, диву даёшься – куда делся объективизм писателя. Иногда он «выдаёт» антисемитские и даже а ля нацистские «шедевры». Вроде записи: «19 января 1939 года (Крещение). Грубо говоря, сейчас происходит борьба двух народов, евреев и немцев (капитал и род)».

Учитывая общую тональность дневников Пришвина и наблюдая, как нейтральный человек подвергается метаморфозе, можно полагать, что в данном контексте он на стороне «рода», хотя это сугубо неверно.

Именно евреи и есть хранители рода, а не нацисты, склонные к язычеству, грубой силе и презрению к иным расам...

15.03.09 г.

Получил рукопись моего старого друга Якова Леонтьевича Менакера с просьбой написать предисловие к его книге. Потрясённый биографической книгой, за полчаса написал предисловие, которое озаглавил «Анабасис», что означает «возвышение».

«Анабасис»

Это было в IV веке до новой эры. 10 тысяч эллинов участвовало в гражданской войне в Персии на стороне одного из претендентов на престол. Претендент был убит. Предательски были убиты персами приглашенные на переговоры стратеги. Так называли в древней Греции генералов. 10 тысяч человек оказались окруженными сотнями тысяч варваров, им угрожала смерть. Но древние греки были героями: они выбрали новых военачальников и начали свое знаменитое отступление к берегам Понта Эвксинского, для того чтобы сесть на корабли и отплыть в Элладу. Казалось, что это было невозможно. Но это им удалось: они прорвались через все

препоны и, когда увидели полоску моря, с восторгом кричали: «Таласа! Таласа! Таласа!» Они вернулись на родину.

Спустя два с лишним тысячелетия началась война Германии против СССР. «Доблестная» Красная армия была обескровлена безумными репрессиями, когда Сталин предательски убил великих **стратегов** Тухачевского, Егорова, Блюхера, Якира, Гамарника – им несть числа. Восточный сатрап истребил 80% командиров полков. В приграничных боях в плен попали сотни тысяч красноармейцев, которым была уготовлена мучительная смерть в немецких лагерях. А какая судьба была уготована евреям, говорить нечего.

В этой громадной трагедии затерялась судьба индивидуума. Но ведь каждый человек, по еврейскому миропониманию, – это целый мир.

«Анабасис» – по-гречески это возвышение. Думаю, что Ксенофонт назвал так свою эпопею, имея в виду «возвышение человеческого духа», а не сам путь в глубинах чужой и враждебной страны. Это на 100% применимо к судьбе Менакера.

Красноармеец Яков Леонтьевич Менакер попал в окружение в первые дни войны. Он был ранен и с группой бойцов двигался в сторону предполагаемого фронта. Он прятался, избегая встреч с немцами и полициями. Но неизбежное должно было произойти...

Спустя 70 лет после пережитого, Яков Леонтьевич написал воспоминания. Свою книгу он назвал «Бездна», это неслучайно. Он попал в бездну ада, из которого, казалось, невозможно было выбраться. Но происходит первое чудо: его жизнь спасает едва знакомый политрук, представившийся «Сашей», который сумел во время осмотра военнопленных на предмет изъятия евреев вытолкнуть его из строя и подменить собой. **Никто из стоявших рядом солдат не выдал ни еврея, ни его приятеля.** Впоследствии Яков думал: «Почему никто не посмел их выдать?» Ответа он не находил и не находит до сих пор. Я же предполагаю, что люди лучше, чем мы о них думаем. Или ответ в том, что это были первые дни войны и советская пропаганда, как бы мы к ней ни относились, о «равенстве и братстве» ещё не выветрилась из голов красноармейцев. А этот безымянный спаситель уходит со страниц книги, и мы никогда не узнаем его настоящее благородное имя. Это жаль. Страна должна знать своих героев: больших и малых. Из таких повседневных подвигов складывалась будущая победа.

Первый побег, из вагона поезда, Яков осуществил с группой товарищей по несчастью. В вагоне было 70-80 человек – как сельди в бочке, поясняет повествователь. Действуя дружно, военнопленным удалось выломать окно вагона, и Яков выпрыгнул в неизвестность. Спустя годы он составил карту своего первого побега. Вообще, карты, приводимые Менакером, многократно обогащают текст. Мы можем внимательно следить за его «Анабасисом». По его подсчетам, он прошел по тылам врага 2000 км! И можно удивляться его предприимчивости, сметке, ну и, конечно, удаче.

Не имеет смысл пересказывать захватывающую книгу. Но это воспоминания о тяжелом голодном детстве, о «голодоморе», о жизни села Котюжаны, которое, как мать родная, приняло еврейского сына. И самое главное о выживании человека в годы оккупации. Шёл Яков из Северной части Белоруссии до Винницкой области. «Анабасис» завершился приходом Якова в свое родное село... Он встречался с сотнями людей разной национальности: литовцами, белорусами, поляками, украинцами – люди были разные, и отношение к беглому советскому солдату разное, но, в общем, – вполне сочувственное. Конечно, почти никто не знал его национальности... Это был его бонус. Заключает же Яков Леонтьевич призывом поставить памятник безымянным женщинам, спасителям тысяч таких же, как он, неприкаянных. Стоит ли говорить, что перечисляет он национальности людей в женском роде: не литовцы, а литовки, не украинцы, а украинки и т. д. Это понятно: сердце женщин добрее, они носители жизни...

Я уже писал о языке Менакера: его язык – это почти чистый русский с вкраплениями украинской мовы. Но все понятно, ясно и красиво. Спустя десятилетия Яков Леонтьевич прошел вновь свой путь, проехав на мотоцикле по местам своих скитаний, – само по себе это повествование многое дополняет к пережитому. Ведь ему, например, удалось установить имена убиенных евреев в соседнем селе. И эти имена были переданы в музей «Яд-Вашем».

Книга Менакера не затеряется среди тысяч других воспоминаний, ибо не каждому удалось выжить после расстрела. Изданная книга найдет своего читателя и займет достойное место в различных библиотеках, и в первую очередь в библиотеке «Яд-Вашема». К этой книге исследователи будут прибегать, как к документальному источнику. И душа моего друга приобретет земное бессмертие... Это справедливо, и да будет так!

26.6.09 г.

У Льва Гумилёва прочитал следующее, что повергло меня в уныние: «Китайцы долгое время не ели молочных продуктов, чтоб не походить на ненавистных им степняков. Не произошло даже частичной ассимиляции, ибо монголо-китайские метисы чаще всего извергались из того и другого этноса, вследствие чего гибли. А ведь с мусульманами и русскими монголы охотно вступали в браки. Только лиц иудейского вероисповедания монголы чуждались больше, чем китайцев: освободив от податей духовенство всех религий, они сделали исключение для раввинов, с которых налог взимали». Все это со ссылкой на С. Соловьева.³⁶⁰

1.7. 09 г.

Симон бен-Лакиш (иначе Реш Лакиш) – аморей (родился около 200 г. н. э. а умер около 275) сказал: «Израиль дорог Богу, но «дороже Богу прозелит, потому что Израиль не признал бы Торы без тех чудес, которые проявил Бог на горе Синае, прозелит же не видел ни одного такого чуда и все же посвящает себя Богу».³⁶¹

1.9.09 г.

70 лет с начала Второй Мировой войны. До сих пор не могут успокоиться страсти. Поляки требуют российского раскаянья за договор Риббентропа-Молотова, извинения за Катынь и так далее. Ну а почему Англия и Франция не просят прощения у Чехословакии за Мюнхен? Видимо, из-за физического отсутствия чехословацкой республики в настоящее время?! А ведь Польша, как шакал, накинулась на чехословаков, оттяпав от них кусок – Тешин. А затем венгры вгрызлись в Словакию тоже за добычей. Адольф долго считал поляков своими младшими партнерами по грабежу. Он просил у поляков совсем немного – вернуть Данциг и дать коридор в Восточную Пруссию. В создавшихся обстоятельствах это было «скромное» требование. Поляки заупрямились и, к своему удивлению, Гитлер узнал о польском гоноре, преувеличенном представлении о своей военной силе. Цена иллюзий была огромна. Что удивительного в договоре Советов и Наци? Да ничего. Государства живут сиюминутными моментами и выгодами, которые, увы, далеко не просчитываются. Усатый, у которого был договор с Францией и Чехословакией о защите последней, даже не был приглашён в Мюнхен. Но он был более заинтересованной стороной, чем, скажем, Италия. Советы находились в изоляции. Это признавал и Уинстон Черчилль. Прочтите его мемуары. Он политик. Это понимал и военный историк Лидл Гарт: не марксист, не империа-

лист, а просто великий военный историк. Не чета современным гениям: Суворову со товарищи...

И вспомнил с горечью Первую Мировую войну – точку отсчёта несчастий Европы. И писал накануне своей смерти и гибели Европы великий Илья Мечников: «...безумная война, которая, как снег на голову, упала вследствие неумения или нежелания людей, поставленных для охранения мира, повлечет за собой продолжительный период спокойствия... Беспрецедентная бойня надолго отобьёт охоту воевать и драться».

Илья Ильич рекомендует направить воинственный пыл «не на войну против людей, а против врагов в виде большого количества видимых и невидимых микробов». Наивный-наивный гуманист и, кажется, один из последних идеалистов прошлого. Разгневанная природа ответила неслыханной инфлюэнцией (*испанкой, гриппом в жуткой форме*) в 1918–1919 гг., унося миллионы человеческих жизней... Люди, «поставленные для охранения мира», создали чудовище, имя которого «Версальский мир».

И прав был великий князь Александр Михайлович, клявшийся перед американской делегацией в 1919 году, что через двадцать лет от него ничего не останется... Кто ему верил?

5.9.09 г.

«Каисса и Вотан» пользуется успехом. Жаль, что многого не смог вставить в книгу. Например, не назвал главу о Ласкере: «Эммануил Львиное Сердце», как говорил о нём Тартаковер. Или – не ввел главу о переписочниках. Она очень интересна (*среди них много было евреев*), но не на сегодняшний день, когда соперничают по переписке не люди, а электронные машины. Был в переписке коренной недостаток: медлительность. Скажем, на уровне XIX века он был не так заметен. Жизнь шла неторопливо. Но и тогда можно было прочитать в письме Ф. И. Тютчева к П. Я. Чаадаеву от 13 апреля 1847 года о желательности не эпистолярного общения, а живого: «...но увы! Трудно беседовать на расстоянии шестисот верст, и что бы там не говорили, а письменная беседа утомляет почти так же, как партия в шахматы по переписке».³⁶²

1.10. 09 г.

Прошёл Йом-Кипур – Судный день...

Получил несколько книг из России. Среди них воспоминания советских генералов: А. С. Жадова, П. И. Батова, А. В. Горбатова и М. Н. Герасимова. Все они жутко интересны, и хотя написаны в советское время, им удалось многое сказать и рассказать...

Два слова о Мартине Хайдеггере. Вот уж где двуличие, доведенное до абсурда. Вроде следующего рассуждения о европейской философии. Впрочем, до поры до времени наци закрывали глаза на выходки Хайдеггера. Мало кто из интеллектуалов ржал в конюшнях Адольфа Алоизовича. Совсем немного. Но есть много фактов, противоречащих представлению, что Хайдеггер был банальным юдофобом. Один из них выглядит достаточно экзотически. В середине тридцатых годов философ выступил в защиту Спинозы, публично заявив, что если философия великого голландца еврейская, то еврейской является вообще вся философия от Лейбница до Гегеля.

25.1.11 г.

Вчера по российскому телевидению смотрел очень хорошую ретроспективу. Речь шла о банкирской семье Штиглиц. (*Прошу не путать с «великим» Штирлицем, созданным фантазией двух евреев: Юлиана Семёнова, он же в девичестве Ландрес, и Татьяны Михайловны Лиозновой. Создательница немеркнувшего фильма ныне живет в Германии: грустная история для евреев и России.*) Так вот, много тёплых слов было сказано в адрес банкирского дома. Здесь и абсолютная честность, вклад в промышленность, строительство первых российских железных дорог, широчайшая благотворительность, перекрывавшая деятельность Третьяковых, Морозовых, Мамонтовых вместе взятых и во много раз. Величайшую благодарность за создание Художественного училища в Петербурге, впоследствии названного именем Веры Мухиной, которая ни разу там не побывала. Передача шла довольно долго, около часа, но вот о еврейском происхождении главного героя фильма создатели странно «забыли». А ведь подняв громадный фактический материал, включая документацию и старые фотографии, сложно было не заметить еврейские корни рода Штиглицев. И не надо думать, что они были скрыты в тайниках недоступных архивов. Отнюдь нет! Стоило посмотреть 16-й том старой Еврейской энциклопедии и найти искомое. Чёрным по белому в ней написано, что Штиглицы – фамилия, принадлежащая русским баронам. Николай и Людвиг Штиглицы родились в Германии. Они были сыновьями еврея-врача. Братья поселились в России в конце XVIII века. Николай Штиглиц, будучи херсонским купцом, имел контору в Одессе. Общее предпринимательство по добыче соли в Крыму вел с Абрамом Перетцем. Николай Штиглиц приобрел огромное имение у княгини Вяземской, состоящее из 9640 десятин и более двух тысяч крепостных душ.

Барон Людвиг (Любим) Иванович Штиглиц, «шеф» знаменитого торгового дома «Штиглиц» в Петербурге, родился в Германии, в городе Арользене, в княжестве Вальдек, в 1778 году. Был приписан к Гамбургскому купечеству, молодым человеком прибыл в Петербург в качестве биржевого маклера. Версия, что он приехал в Россию без средств, не соответствует действительности. Штиглиц начал денежные операции с основным капиталом в 100000 рублей. Эти деньги ему ссудил его родной дядя, еврей, немецкий банкир. Поначалу племянник потерпел фиаско и вновь обратился за помощью к дяде. И тот не отказал ему. Штиглиц своим коммерческим талантом и энергичной деятельностью сумел приобрести всеобщее доверие и уважение и стать крупнейшим российским банкиром, оказав большое влияние на развитие промышленности в империи. Россия обязана ему организацией пароходства между Петербургом и Любеком. Он внёс многочисленные нововведения, имевшие влияние на развитие промышленности и «цивилизации». Без совета и содействия Штиглица ни один крупный промышленный торговый дом или коммерческое предприятие не могли получить развития. Через его руки проходили важнейшие кредитные и финансовые операции России. Он занимал самое почётное место в истории русской коммерции и предпринимательства...

Забыл ли своё еврейское происхождение Александр Людвигович? По-видимому, нет. Во всяком случае, после его смерти было оглашено завещание, и он вспомнил свои корни.

«Барон Штиглиц, как сообщают петербургские газеты, происходил от еврейских родителей, и в его завещании оговорена известная сумма его еврейским родственникам».³⁶⁴

Не все было столь гладко в карьере братьев в России. В «Русской старине» опубликован за подписью императора Александра I «Указ Комитету гг. министров» № 93 от 25-го мая 1816 года, следующего содержания:

Возвращая поднесенный мне от Комитета о пожертвовании коллежского асессора Штиглица журнал, на коем означена резолюция моя, нужным нахожу дать знать Комитету, что я не обещал генерал-лейтенанту дюку Ришелье испрашиваемого Штиглицом дворянства братьям его, а, напротив, при докладе дюка Ришелье в Париже объявил ему, что предмет сей требует соображения с законами нашими, и что, быв обязан хранить законы сии, не могу я удовлетворить желания сего, находясь в то время за границею, дабы не поступить вопреки оных; но по возвращению в С-Петербург, намерен был предоставить рассмотреть предложение

Штиглица по обыкновенному порядку. Комитет, объявляя решение моё по просьбе Штиглица, не оставить объявить ему и сего отзыва, на счет помещенного в просьбе ему обещания дюка Ришелье».³⁶⁵

О еврейском происхождении Штиглица написано в книге Н. Н. Голицына.³⁶⁶ Там же можно прочитать следующее: «Вблизи Государыни давно уже состояло приближённое лицо, бывшее с 1778 года «у принятия челобитен», а позднее статс-секретарь, по отзывам современников – крещённый еврей, впоследствии генерал-лейтенант и Анненский кавалер, Петр Иванович Турчанинов, женатый на фрейлине Императрицы, графине Эльмит».

7.2.11 г.

Сегодня ко мне заглянул мой друг Женя Минин в несколько возбуждённом состоянии. «Савва, вы знаете композитора по фамилии Секунда?» Услышав столь необычную фамилию, я из своей памяти наскрёб военный чин екатерининских времён «секунд-майора», впоследствии упраздненный, но, увы, композитора не знал. Пришлось расписаться в своём «*Testimonium paupartatis*» («*Свидетельстве о бедности*»). Что привело Женю в неопишное изумление? Самое главное: беззастенчивое воровство мелодий еврейского композитора Шаломы Секунды, автора самой популярной мелодии XX века «Ба мир бист ду шейн».

Неиссякаемым источником еврейских музыкальных талантов была Российская империя, которая до сих пор поставляет миру талантов и гениев: композиторов, исполнителей, дирижёров. Не исключением был и Саломон Абрамович Секунда, родившийся в 1894 году в городе Александровск (Кировоградская область Украины). Отец – Абрам Секунда, мать – Ривка, урожденная Недобейка. Семья была ортодоксальная. Если поискать в интернете, то обнаружим «новое» имя матери – Анна. Я далёк от мысли, что интернет безбожно врёт, тут основной принцип – замалчивание.

Довольно часто мы не можем, например, найти национальность того или иного персонажа. Вероятно, и в данном случае у Ривки Недобейки, как полагается у евреев, было несколько имён и предпочли наиболее «русский вариант». Хотя у христиан почти нет библейских имён, а имя Анна такого же еврейского происхождения, как и Иван и многие другие. Тут энциклопедиям «подфартило»: фамилия Недобейка вроде бы как украинская. Но если вникнуть в этимологию этой фамилии, то нам просто станет грустно. В этой фамилии история еврейского народа, которого не

«добили» во времена хмельниччины, коливещины и других народных движений. «Народных движений» без кавычек. Семья нашего героя переехала сначала в г. Николаев, а затем в Америку – не то в 1907, не то в 1908 г. До этого мальчик пел в синагоге. Его считали начинающим кантором. Шалом был очень музыкален, но после голосовой мутации уже не смог петь. В Нью-Йорке родители мечтали дать сыну образование, или медицинское, или юридическое, но, увы, их бедность не позволяла содержать юношу. Проработав некоторое время в инженерной компании и убедившись, что не в этом призвание, Шалом в 1912 году поступил в первый свой театр на идиш.

С тех пор и до конца своей жизни он соединил свою судьбу с еврейским мюзик-холлом и театром. Поняв, что без образования ему не сделать значительной карьеры, Секунда поступает в 1919 году в Институт музыкального искусства. (*Ныне это знаменитая Джульярдская музыкальная школа в Нью-Йорке.*) После окончания начал брать частные уроки у знаменитого композитора Эрнста Блоха, который за талант Шломы обучал его бесплатно, выплачивая годичную стипендию.

Популярность Шломо Секунды как еврейского композитора не давала покоя конкурентам, которые «предложили» таланту убраться из города. Некоторое время он работал в Филадельфии в Еврейском театре (*три сезона*). Театром руководил Борис Томошевский. Успех был исключительный, и он пользовался славой талантливого композитора, чьи шлягеры вошли в репертуар на Бродвее и на 2-й авеню.

Мировая слава к Шломо пришла неожиданно. В 1932 году, находясь в кафе «Ройяль», он сел за уединённый столик, уже носивший имя «столика Секунды», на обратной стороне меню набросал ноты гениальной мелодии. Теперь следовало подобрать текст, что сделал его друг (*понятно, что еврей*) Джейкоб Джейкобс (Якобсон). Так родилась великая песня «Ба мир бисту Шейн». При первом же исполнении этого чуда музыкального мира вся театральная труппа, весь зал стоя аплодировали Шломо. Шлягер исполнял очень знаменитый еврейский певец Авраам Лебедефф. (*Пусть вас не пугает правописание с двумя «фёклами», так на Западе писали русские фамилии типа водка Smirnoff; мои дядья подписывались Dudakoff.*)

Ну а дальше в дело вмешался «капитализм». Песня была продана Сами Кану за «целых» 50 долларов! Кто-то подсчитал, что

это на «нынешние деньги» порядка 500 долларов. Честный Секунда половину «гонорара» *отвалил* автору слов Джекобсу. А Сами Канн и Сол Чаплин, поставив свои имена, пустили в продажу текст и ноты музыкального чуда. Сперва – «только» 10 тысяч экземпляров – по тому времени невиданный тираж, а дальше миллионными тиражами. Деньги потекли рекой, но не в карман Шломы Секунды.

Песня шагала по всей Америке, от Нью-Йорка до Нью-Орлеана, от Филадельфии до Калифорнии. Перешагнула границы и пользовалась большим успехом в Европе, а особенно в нацистской Германии. Говорят, эту мелодию любил сам Адольф до... Увы, с «разоблачением» источника – пришлось прекратить выпускать пластинки и передачи на радио. Ну а где до этого были глаза «экспертов» д-ра Геббельса? Что же вы проморгали? Песня была переведена на 80 языков нашей маленькой планеты и написаны сотни различных текстов. И, слава Богу, в 1961 году кончался копирайт на проданную мелодию и слова. Настоящие авторы Секунда и Джекобс тотчас заключили весьма выгодный контракт, копирайт которого простирался на 75 лет. Мать Секунды огорчалась за своего сына-«лемешке», «шлимазла»-неудачника: пусть уж внуки радуются запоздалой предусмотрительности деда. Песня шагала по всему миру и даже приняла участие в антинацистской пропаганде. Это, конечно бы, обрадовало Шолома, если бы он знал об этом. Речь идёт о песенке, исполняемой Леонидом Утёсовым: «Барон фон дер Пшик покушать русский шпиг...» А Шломо сочинил музыку более чем к 1000 песен, к части из них сам сочинял слова. Он писал синагогальную музыку, получившую мировое признание при исполнении великих канторов: Розенблита, Кусевицкого, оперного певца и кантора Ричарда Такера. Секунда написал 60 мюзиклов. Писал он музыку для кинофильмов, в том числе и на «Тевье-молочника», где в заглавной роли снялся корифей еврейской сцены Морис Шварц. Похоронен Шолом Секунда в Нью-Йорке. Кадиш на его могиле исполнял его друг Ричард Такер. Американцы любят объявлять героев года, десятилетия, века. Так и сейчас – **Лучшей мелодией XX века была провозглашена «Ба мир бисту Шейн» – запоздалое признание величия российского уроженца.**

Но кто сказал, что родина забыла своего сына? Конечно, нет! Она его ограбила в «социалистическом и постсоциалистическом варианте». История такова. В 1922 году Шолом Секунда написал музыку на слова Аншеля Схора «А идише мейделе». И это песня перешла границы, заменив слова и превратившись в «народную».

Как её только не называли: белоэмигрантская, цыганская, «русская народная». «А идише мейделе» – еврейская девочка превратилась... в «Москву Златоглавую», где ностальгия по империи – колокола, царь-пушка, бараночки-саночки, гимназистки и прочее...

Исполнителей «патриотической песни» не счесть. Звёзды первой величины Киркоров, Кобзон, Газманов, Камбурова, Голубкина, Бабкина и... несть им числа. Уважающий себя певец считает своим долгом сообщить фамилию еврейского композитора. Какая уж тут «народная» – песня стала **«национальная»**: зал поёт стоя! Филипп Киркоров превратил идишскую песню в русский лубок, действительно красивый. И ещё пикантность – сам Филипп принадлежит «минимум» наполовину богоизбранному народу. **Но написано: «Музыка народная, слова народные». У них на лбу должно быть вырезано: «БОРЫ».** Ещё мировую известность получила песня Шолома Секунды «Дона-Дона». Но её поют в английском оригинале...

Есть и трагические обстоятельства присваивания текста, отказа от признания факта. Такова история советской песни «Бухенвальдский набат». Ваню Мурадели написал музыку на слова поэта-ветерана войны Александра (Исаака) Соболева, который, к сожалению партийных бонз, оказался евреем. Увы для России это тенденция. Примером может служить затыкание ртов эстрадным певцам, вынужденных эмигрировать из родной страны и во многих случаях уйти из профессии.

Почему же – к сожалению? Да потому что, если композитор-грузин был осыпан почестями и наградами, то автора слов старались нигде не вспоминать. Инвалид 2-й группы умирал с голоду. Его жена, по национальности – русская, продала жильё, чтобы издать посмертно книгу мужа – ветерана войны.

«Есть женщины в русских селеньях...»

Все правительства СССР и России отказались увековечить память автора слов великой песни о войне, которая актуальна до сих пор. А некоторым бездарям и стукачам воздвигли величественные монументы по всей России, что никого не удивляло и не удивляет.

15.3.11 г.

Немного о знаменитых...

Если Вы помните, в середине 90-х годов российское телевидение показывало рекламные ролики банка «Империал». Это было незабываемое представление. Особенно выделялся одноминут-

ный ролик «Суворов», или «Звезду Александровичу Васильевичу!». Одна минута – это, оказывается, очень много. Режиссёр сумел передать дух эпохи, показать въезд в условный Петергоф и дворцовые покои.

Главное же, обрисовать характеры действующих лиц: набожность и презрение к царедворцам фельдмаршала, необыкновенный ум Екатерины Великой, нашедшей выход из пикового положения без потери престижа, глупость условного Мамонова, «дипломатическое» молчание условного Воронцова, маразм условной старухи-фрейлины и т. д. Всё это на фоне загородного дворца императрицы, передающего дух галантного XVIII века. Долгие годы я искал этот ролик и, наконец, нашёл. Меня интересовало, кто этот талантливый, если не более, режиссёр. Им оказался Тимур Нураихович Бекмамбетов. Казах, родом из Гурьева.

Я всегда был чрезвычайно высокого мнения о двух среднеазиатских народах – казахам и киргизам. И действительно – киргизы создали великий эпос «Манас Великодушный» – ни в чём не уступающий «Илиаде» Гомера, дали удивительного писателя Чингиза Айтматова и президента Аскара Акаева, физика с мировым именем. А у казахов есть Чокан Валиханов – географ и путешественник XIX века, писатель Олжас Сулейманов и вот теперь Тимур Бекмамбетов. Но ставить точку не следует. Отец Тимура – казах, работник «Гурьевэнерго», а мать... еврейка Мирра Богуславская, литератор, заместитель редактора областной газеты «Прикаспийская коммуна».

Более того, мальчик Тимур из-за занятости родителей воспитывался своей бабушкой-еврейкой из Украины, где всю её семью уничтожили наци. Талант сразу же был оценен. Бекмамбетова приглашают в Голливуд, где он снимает фильмы со средним бюджетом в 40-50 миллионов долларов. Фильмы Бекмамбетова получали международные премии. Своё «еврейство» он подчёркивает – ибо в Голливуде еврейское происхождение добавочный бонус...

Он молод, родился в 1961 году, и мы ещё о нём услышим. А банк «Империал» уже стал классикой российской рекламы.

Другой фигурой, заинтересовавшей меня, был писатель Борис Акунин. Не своими художественными псевдоисторическими романами, а именно тем, что Григорий Чхарташвили, такова настоящая фамилия писателя, – крупнейший японист, блестящий переводчик, за научную деятельность награжденный орденом Восходящего солнца четвёртой степени. Он был главным редактором двадцати томов «Антологии японской литературы». Деятельность его многогранна.

Ну что ж – отец грузин, а кто мать? А мать – «простая еврейская женщина», Берта Исааковна Бразинская (*может, всё-таки Бразинская?*), учительница русского языка и литературы...

10.4.11 г.

В 1986 году вышел в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» «Киноэнциклопедический словарь». Уже шла перестройка, но выдающегося кинорежиссера Михаила Калика мы не найдем в словаре: не было знаковых фильмов «До свиданья, мальчики», «Человек идет за солнцем» и других шедевров. Но Бог с ним, с Михаилом Наумовичем Каликом – ведь он же сионист... А вот кто был создатель первого игрового фильма в России, мы тоже не найдём. Отдельной статьи для гениального (без кавычек) режиссера Александра Осиповича Дранкова (1886–1949), создателя первого игрового фильма «Стенька Разин», или «Понизовая вольница» (1908 год). Это был и первый фильм в русской истории, который сопровождался оригинальным звуком – шла граммофонная запись музыки, написанной специально композитором Н. М. Ипполитовым-Ивановым. И в этом же 1908 году Дранков снял документальный фильм о жизни Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Заставить участвовать в съёмках великого Льва было большой проблемой, что видно из его дневников, но Дранков с задачей справился. Остались незабываемые единственные кадры, вроде распиливания стариком дерева, а среди них и шедевр: по широкой зимней аллее, заваленной глубоким девственным снегом, меж высоченных деревьев, идёт к нам лицом маленький человек с большой бородой: первый писатель России. Михаил Калик не находил слов для восхищения съёмкой этого места. И, конечно, Сергей Герасимов для своего фильма о Толстом использовал эти кадры.

Если бы Дранков больше ничего и не создал, то этого одного достаточно для того, чтобы уважительно упомянуть его в кинословарях. В чём же причина замалчивания? Увы, носитель вульгарной русской фамилии Дранков по рождению был еврей из Одессы и носил имя Абрам Иосифович. Понимаете, не хочется лишний раз выпячивать еврея, к тому же эмигрировавшего во время революции в США. А начинал Дранков карьеру профессиональным фотографом, и очень удачливым. Он первый в России создал сеть «электрофотографий», числом не менее 50. Снимки делались при высоком электрическом освещении – это приводило не только к большой экономии, но и повышало качество работ.

После принятия «Святого крещения» (1913), судя по всему, лютеранского, получил за качество своих фоторабот о царской семье звание «Поставщик Двора Его Величества»! Одновременно он становится фотокорреспондентом лондонской газеты «Times», парижской «L'Illustration» и получает журналистскую аккредитацию при Государственной Думе. А кроме того, в 1907 году Дранков решил заняться кинопромышленностью. Он открывает ателье, впоследствии акционерное общество «А. Дранков и К^о». Следующие годы прошли в конкурентной борьбе с А. А. Ханжонковым, которому повезло больше в словарях, чем Дранкову, хотя тот был создателем первого русского детектива «Сонька – Золотая Ручка» (1914–1915), имевшего невиданный успех у публики и принесшего Дранкову громадный доход. Но «жид» не мог наживать копейку: деньги у него текли между пальцев и всё в песок. Женщины, рестораны, карты, бега, друзья, знакомые и незнакомые – все пользовались щедростью одессита. Между Февралем и Октябрем он пытался создавать фильмы на революционные темы, но он опаздывал – революция стремительно раздвигалась: «Георгий Гапон», «Бабушка русской революции» были уже не нужны большевикам, а «бабушку» – Е. К. Брешко-Брешковскую большевики преследовали как противницу Советской власти. Ударился «в бега» и сам Дранков. Судьба забросила его в Константинополь, оккупированный войсками Антанты. Надо было существовать, и Александр Осипович вновь оказался на коне. Дорогой читатель, вспомните, пожалуйста, советского графа Алексея Толстого, написавшего о том времени замечательную повесть «Ибикус». Ибикус (Алексей Иванович Невзоров, он же Невзераки и владелец ещё нескольких имен и титулов) – был изобретателем единственного в своём роде азартного притона под названием «Тараканьи бега». Создателем этого тотализатора был А. О. Дранков. Не исключаю личного знакомства молодого Толстого с киномагом. Но недолго процветала азартная игра, запрещенная оккупантами, и, в конце концов, русский предприниматель был выброшен на американский берег. Попытка получить место под голливудским солнцем закончилась бесславно – никто не хотел помочь «тёмной лошадке» в его грандиозных планах – создания фильма о любви наследника русского престола Николая Александровича и балерины Матильды Кшесинской...

В конце жизни он переселяется в Сан-Франциско и открывает собственную компанию, громко нарекая её «Фото-тон сервис». Это был небольшой магазин для проявления фотоснимков и для продажи всевозможных фотопринадлежностей.

Смерть пришла к Абраму Иосифовичу в возрасте почти 63 лет. К этому времени он вернулся в лоно иудаизма и за счёт еврейской общины был похоронен на еврейском кладбище.

И уж коли зашёл разговор о кино, следует вспомнить гениального режиссёра, сценариста и актёра Эриха фон Штрогейма (1885–1957). Он родился в Вене и дезертировал из австрийской армии. С 1909 года проживал в США. Его коронные роли – игра немецких офицеров: ограниченных, жестоких и не уживающихся со своим временем. Советские зрители его помнят по двум фильмам: «Великая иллюзия» (1937 г., режиссёр Жан Ренуар) и «Сети шпионажа» (в оригинале «Гибралтар», 1938 г.) режиссёра Фёдора Оцепа. Все считали Штрогейма аристократом. Увы, настал смертный час, и выяснилось, что мнимый аристократ – еврей. Он тоже нашёл упокоение на еврейском кладбище.

23.4.11 г.

Лауреаты Нобелевской премии – россияне. Как известно, каждый пятый лауреат Нобеля – еврей или человек еврейского происхождения. С литературными премиями всё понятно: Борис Пастернак и Иосиф Бродский. Остальные – Иван Бунин, маловероятный Шолохов и сомнительный (в значении происхождения) Солженицын. С точными дисциплинами многое тоже понятно, но есть и «закавыки».

Вот Василий Васильевич Леонтьев (1905–1999). Лауреат Нобеля 1973 года по экономике, с 1931 года жил в США.

Его отец, тоже Василий Васильевич, тоже экономист, из почётной староверческой семьи. Как его угораздило жениться на еврейке – дело тёмное, но мать лауреата – Злата Бенционовна Беккер, дочь одесского купца. Еврейскую традицию продолжил и сам лауреат, женившись на Эстел Маркс (1908–2005), поэтессе, авторе наиболее полной биографии семьи Леонтьевых. Ну а их дочка тоже вышла замуж за еврея Альперса. Дочь Светлана профессор-искусствовед университета в Беркли. Семья совсем «ожидовилась»...

Алексей Алексеевич Абрикосов (1928) – физик, лауреат Нобелевской премии по физике (2003 г.). Отец – Алексей Иванович Абрикосов, патологоанатом, мать – прозектор Кремлевской больницы Фаня Давидовна Вульф.

Илья Романович Пригожин (1917), отец – фабрикант Рувим Абрамович Пригожин, мать пианистка Юлия Вихман.

22.5.11 г.

Георгий Иванович Шавельский (1871–1951), протопресвитер Русской армии и флота. Фигура сверхинтересная. Сын дьячка из местечка под Витебском Дубокрай. Окончил Витебскую духовную семинарию, в 1902 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословских наук. Участник Русско-японской войны. В конце войны он был произведен из полковых священников в дивизионные благочинные, затем стал главным священником Манчжурской армии. За свои выдающиеся организаторские способности и исключительную храбрость – он неоднократно посещал передовые позиции, где был контужен, – был произведен в протоиереи и получил орден св. Георгия (по другим сведениям, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте) и св. Владимира с мечами. После ряда перемещений, в 1911 году назначен протопресвитером Русской армии и флота. Во время войны находился в ставке главнокомандующего: вначале – у великого князя Николая Николаевича, а затем у государя. В ставке скрестились пути капитана Лемке, известного историка, который нелюбезно описал отца Георгия Шавельского. Среди прочего он говорит о его еврейском происхождении, интриганстве и прочем. Отметим, что в воспоминаниях «советского графа» генерал-лейтенанта А. А. Игнатъева есть не совсем добрые воспоминания о Шавельском в годы Японской войны. Он отзывался о нем как о весьма хитром человеке. Но весь сыр-бор воспоминаний относится к тому, что священник Манчжурской армии, наплевав на запрещения, обвенчал одну пару на театре военных действий. Что же касается Михаила Константиновича Лемке, то следует сказать, что он, будучи эсером, презирал вообще «жеребьячье сословие», а тем более сына выкреста. Вместе с тем у отца Георгия вообще были плохие отношения с царедворцами. Он мужественно и безуспешно боролся против влияния Распутина. Монархист, он хорошо знал цену императору и особенно недолюбливал императрицу, которая платила ему взаимностью. Естественно, он прекрасно понимал причину влияния старца, но бороться против обезумевшей матери, боявшейся потерять больного сына, было бесполезно. Дружил же он с племянником «великого» Кауфмана – Петром Михайловичем Кауфманом, бывшем министром народного просвещения, а во время войны председателем русского Красного Креста. Придворная знать и даже Синод постоянно интриговали против прямого и честного священника. Зато солдаты обожали своего пастыря.

В 1917 году он был «провозглашен» пожизненным протопресвитером Русской армии и флота. Интересно, что в 1915 году ставку посетил знаменитый московский раввин Мазе. Он приехал на фронт просить заступничества против погромов у Николая Николаевича и рассчитывал на помощь Шавельского. Священник сообщил раввину о массовом дезертирстве евреев, об их шпионской деятельности и тому подобных фактах. Мазе, защищаясь, говорил о предвзятости и лживости фактов, не отрицая отдельных случаев преступлений. Разговор был долгий и вежливый: каждый остался при своём. Расстались они вполне дружески. На каком языке шёл разговор? Смею думать – на идиш. Отец Георгий был неправ. Русские войска сдавались в плен батальонами и полками.

Даже знаменитые Сибирские полки. И было это задолго до революции, ещё в 1914 и 1915 годах. Многие русские военнопленные охотно и без принуждения служили в обслуживающих частях германских войск. Всё как в Великой Отечественной войне. Количество русских военнопленных в «Империалистическую» войну составляло от 3,5 до 4 миллионов. Немного меньше, чем во Вторую Мировую войну. И это-то без самолётов и танков!

После революции отец Георгий Шавельский в рубище бежал на Юг, в армию Деникина, и вновь занял своё место протопресвитера. И здесь он рассчитался с раввином Мазе. Нет более ругательных слов в адрес белогвардейцев, чем те, которые произносил неподкупный священник: Мамонтов, Шкуро, другие генералы и офицеры – бандиты, грабители, воры, погромщики. Белое движение обречено. Всё это говорилось в лицо Антону Ивановичу Деникину. Всё было правдой. И его опять ненавидели, называя жидовским выкормышем, масоном, большевиком. Но он был непоколебим. Бежал отец Георгий в Болгарию, где его приняли с распростертыми объятиями – он был выдающимся лектором и преподавал в Софийском университете. Одновременно он был законоучителем и директором русской гимназии. Понятно, как человек честный, он не хотел перейти в юрисдикцию Русской Зарубежной церкви и перешёл в юрисдикцию Болгарской церкви. Во время войны он вместе с болгарским царём Борисом, патриархом, клиром и болгарским народом отстоял евреев от нацистов. Есть сведения, что он помогал болгарским партизанам. Советская власть это отметила и хотела его пригласить на Родину, занять один из высоких постов в русской церковной иерархии. Но выяснилось, что Родина для него одно, а большевики – другое.

Идею использовать слово и перо талантливого богослова и публициста пришлось оставить. Отец Георгий Шавельский тихо угас 2-го октября 1951 года в Софии. Похороны собрали огромное количество народа, пожелавшего проститься со своим пастырем. Добавим, что в газетах и по радио Болгарии о его смерти по понятным причинам не упоминалось...

15.6.11 г.

В одном из мест своего дневника я писал, что угодил под горячую руку «знаменитого» протодиакона Кураева. Он ругал меня последними словами за анализ картины «Крестный ход в Курской губернии» Ильи Репина, которого Кураев ненавидит и вместе со мной считает евреем. Видит Бог, что великий русский художник не утрировал пьяные и непотребные лица шествия: «Тут ни прибавить ни убить – так это было на земле».

Я бы мог указать образованному протодиакону, что русский художник Василий Григорьевич Перов также нарисовал близкую по смыслу картину «Сельский крестный ход на Пасху» (1861 год). Это эскиз к одноименной картине, исполненной годом раньше и названной им несколько иначе – «Светлый праздник в деревне». Эскиз был исполнен в качестве дипломной работы. Но начальство возмутилось: ещё бы – это ж оскорбление духовенства, пьяные отвратные физиономии во главе с попом и неким персонажем, в доску упившимся и валяющимся под крыльцом, так что зрителю видны лишь ноги «страдальца за веру»...

Это было исполнено за двадцать лет до работы Ильи Ефимовича. Немного помогу блюстителю нравственности Кураеву: Василий Григорьевич был добрачным сыном губернского прокурора барона Григория Карловича фон Криденера... Титул и фамилия у «папы» художника подозрительные...

Бдите, тов. Кураев!

В свою защиту ещё сошлюсь на маленький рассказ Александра Солженицына «Пасхальный крестный ход», написанный в 60-е годы прошлого века. Рассказ печальный: ничтожное количество верующих, среди которых одно-два «мягких» еврейских лица. «Может, крещёные, может сторонние.

Осторожно посматривая, ждут крестного хода тоже. Евреев мы все ругаем, евреи нам бесперечь мешают, а оглянуться б добро: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься – остолбенеешь».³⁶⁷

И видит Александр Исаевич картину, мало чем отличающуюся от полотна столетней давности... Товарищ Кураев, переведите стрелки, лягните, пожалуйста, покойного «классика»...

5.8.11 г.

Мой друг Евгений Минин просил подготовить предисловие к труду под названием «Книга Коронелло», написанному одной героической женщиной – Джулией Коронелли, живущей в Москве. Прочитав книгу, я был удивлён силой духа наследницы великого рода Коронелло, насчитывающего пять с половиной веков. Отрадно, что представительница этой талантливой фамилии с энтузиазмом изучила извилистый путь предков из Испании на далёкий Север, в Россию. Но любопытно то, что история еврейского народа насчитывает четыре тысячи лет. Как же попали наши предки на Пиренейский полуостров?

Существуют несколько версий их появления ещё в те далёкие времена, когда семитский Карфаген владел Испанией. Во второй половине XIX века утвердилось мнение, что семиты Старого и Нового Карфагена приняли ортодоксальный иудаизм в I веке новой эры. Сведения о количестве евреев среди испанцев разнятся. Но если считать, что инквизиция сожгла около 20 тысяч человек, то понятно, что число избежавших лап инквизиции приближалось к полумиллиону. Во всяком случае, и по сей день трудно найти испанца, включая и королевскую семью, в котором не текла бы еврейская кровь.

Исследование, произведённое госпожой Коронелли, в известном смысле парадоксально. Семья, имевшая громадные капиталы, субсидировала экспедицию Колумба, который, сам того не зная, открыл Новый Свет. Она эмигрировала в Португалию, затем в Бразилию, в Нидерланды, в Италию, в Турцию, а следовательно, попала в Грецию и Палестину...

С денежной помощью Коронелло были обустроены Цфат и Тверия. Началось медленное возвращение евреев в Святую Землю. События происходили в XVI веке, и читатель будет с неслабевающим интересом следить за путешествием во времени и в пространстве этой очень талантливой семьи.

Обычно после добрых слов, сказанных автору уникальной эпопеи, следует добавить несколько критических, но я воздержусь, ибо преклоняюсь перед трудолюбием достойной представительницы рода.

Она шла со своими предками, изгнанными инквизицией, преследуемыми мусульманами, революциями, террором – яacobинским, красным, сталинскими палачами, нацистскими извергами, из страны в страну, чтобы, в конце концов, сказать всем: «Мы выжили, несмотря ни на что»!

25.10.11.

Наступают те числа октября, о которых многие хотели бы не вспоминать. Речь идёт об исключении Бориса Пастернака из Союза писателей СССР.

Тогда, в 1958 году, обстановка мало благоприятствовала великому поэту, живущему в «Скотском хуторе». Прав был Василий Гроссман, обозвавший загонщиков зверьми и в ужасе восклицавший: «Господи, почему так огромен твой зверинец!»

На «дворе» всё же был не 37-й год. Но «поротой задницей» его помнили. Крепко сидело в памяти многих литераторов постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года, когда травили Анну Ахматову и Михаила Зощенко.

Впереди была кампания «космополитизма» (1947 г.), с ярко выраженной антисемитской нотой. «Разоблачение» псевдонимов – понятно, «выдавались» еврейские фамилии. А тут подоспело и «Дело врачей». Если что-то пропущено мной, то не из желания замолчать какой-то непотребный факт, а от усталости: от бесконечного, перманентного гонения на интеллигенцию. Как раз к 1947 году подоспело «нужное» творение А. Суркова в газете «Культура и жизнь» от 22 марта 1947 года. Статья называлась «О поэзии Б. Пастернака», где уже притаились будущие обвинения 1958 года: тут и позиция отшельника, отрешенность от современности, нескрываемый восторг перед буржуазным Временным правительством и даже злоба к советской революции. И практический вывод из сказанного: «Советская литература не может мириться с его поэзией».

Сей словесный набор грозил Пастернаку арестом и даже расстрельной статьей. Можно было быть полностью уверенным, что Сурков не сам взошёл на позорную голгофу, даже если он не любил творчество Б. Л. Всё-таки Сурков был поэт и знал цену Пастернаку. Не он был инициатором жуткого доноса. Нетрудно догадаться, что печальная статья – прямое указание Хозяина, и, по видимому, по её строкам прошёлся Громовержец...

Время шло...

Уже прошёл XX съезд партии, шла реабилитация погибших и еле выживших, но по-прежнему страной управлял страх. Партия из боязни потерять власть действовала достаточно жестоко.

Начну издалека. На Нобелевскую премию выдвигали Пастернака **неоднократно**. И это было задолго до «Доктора Живаго», и **никакой политической подоплёки не было**. Просто поэта-гения выдвигали за выдающиеся стихи. Конечно, русской литературной Нобелевской премии «не везло».

Так, Иван Алексеевич Бунин получил премию благодаря мощному давлению президента Чехословакии Томаша (Фомы Иосифовича) Масарика, масона высокого посвящения, стремившегося поднять авторитет русской голодной эмиграции. Нет слов, гениальный прозаик Бунин достоин был этого высокого награждения. Но замечу, это шло за счёт Максима Горького, которого Запад знал в разы больше, чем Бунина, и тот же Запад фактически отдал его в руки Сталина.

Смею утверждать, что Максим Горький был и остаётся классиком русской литературы, его проза самой высокой пробы. А «Жизнь Клима Самгина» – один из самых великих романов первой половины XX века.

Секретарь Нобелевского комитета господин Ларс Гилленсон подтвердил, что Пастернака выдвигали на премию **ежегодно с 1946 года по 1950, а затем в 1953 и в 1957 гг.!** Французский писатель Альберт Камю в своей нобелевской речи (1957 г.) вновь выдвигал Пастернака, и это было в **восьмой раз!** Запад хорошо знал Пастернака. **Ещё в 1935 году в Париже на Международном конгрессе защиты культуры, в котором приняла участие вся интеллектуальная элита Запада (Генрих Манн, Анри Барбюс, Бертольд Брехт, Андре Жид, Андре Мальро), была просьба европейцев прислать на конгресс Исаака Бабеля и Бориса Пастернака. Именно за высокое качество прозы и поэзии.**

Нобелевская премия была присуждена Пастернаку 23 октября 1958 года с формулировкой: «За выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и на традиционном поприще великой русской прозы». Далее русской литературе «повезло» ещё трижды: в 1965 году премию присудили Шолохову, видимо, в компенсацию за Пастернака.

Запад в своём подхалимаже перед СССР даже не прислушался к «псевдоавторству» «Тихого Дона». Политическая компенсация. А далее шёл Солженицын – 1970 год. Ещё менее мотивированное решение. Наконец, русской литературе и вправду «подфартило»: в 1987 году Нобелевским лауреатом стал бесспорный гений, выброшенный из страны, Иосиф Бродский. Как видим, все российские премии носили ярко выраженный политический оттенок.

Но вернёмся к судилищу над Поэтом. Всего в Москве было проведено три писательских сборища по травле гения.

Первое заседание называлось «Собрание партийной группы Правления СП СССР «О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя». Слишком много тавтологии в этом абсурдном тексте. Собрание состоялось 25 октября 1958 года: присутствовало 45 коммунистов, из коих 30 сочли своим долгом запятнать своё имя клеветой. Увы, известно всего 15 человек из общего числа:

Николай Грибачев, Лев Ошанин, Мариэтта Шагинян, Сергей Михалков, Александр Яшин, Сергей Сартаков, Иван Анисимов, Сергей Герасимов, Вадим Кожевников, Анатолий Софронов, Всеволод Кочетов, Анна Караваева, Владимир Ермилов, Николай Лесючевский, Мирзо Турсун-заде.

Через два дня, 27 октября, состоялось второе совместное заседание Президиума правления Союза писателей СССР, бюро оргкомитета Союза писателей РСФСР и Президиума правления Московского отделения Союза писателей. Всего **собрали 61 человек, но всё-таки 26 храбрецов отсутствовало.**

Известны имена 18 присутствующих:

Николай Тихонов, Георгий Марков, Леонид Соболев, Галина Николаева, Василий Ажаев, Вера Панова, Николай Чуковский, Сергей Антонов, Наири Зарьян, Юрий Смолич, Валентин Катаев, Александр Прокофьев, Ираклий Абашидзе, Александр Твардовский, Константин Ваншенкин, Николай Рыленков, Сергей Смирнов, Семен Кирсанов.

Отчёт указывает, что Кирсанов, Твардовский, Ваншенкин, Рыленков и Сергей Смирнов не хотели оставаться в зале судилища и проводили время в буфете или коридоре.

Не явились: Александр Корнейчук, Михаил Шолохов, Борис Лавренёв, Фёдор Гладков, Самуил Маршак, Павло Тычина;

За границей находились: Микола Бажан, Александр Чаковский, Илья Эренбург.

В санатории пребывали: Михаил Исаковский и Алексей Сурков. Вилис Лацис, латышский писатель и по совместительству Председатель Совета министров своей республики, сослался на занятость.

Просто не явились без объяснения причин Леонид Леонов и Радий Погодин.

Демонстративно заболел и отказался прибыть в Москву Всеволод Иванов.

Имена остальных 11, не участвовавших в судилище, мне неизвестны.

К третьему (!) судилищу 31 октября на Общественное собрание писателей заломили руки Сергею Смирнову, и он вынужден был председательствовать на нём.

На этом собрании появились новые действующие «лица». Это чемпион доносов Корнелий Зелинский, Валерия Герасимова, Виктор Перцов, Александр Безыменский, предварительно обработанный Борис Слуцкий, палач-доброволец Владимир Солоухин, Леонид Мартынов. Сергей Баруздин, Борис Полевой.

Также записались для выступления следующие «товарищи»: Евгений Долматовский, Сергей Васильев, Павел Богданов, Павел Арский, Павел Лукницкий, Семен Сорин, Вера Инбер, Нина Амегова, Владимир Дудинцев, Раиса Азарх, Давид Кугультинов.

На собрание не пришли Константин Паустовский и Вениамин Каверин.

Илья Эренбург и Евгений Евтушенко во время голосования ушли из зала.

Итого всего нам известны имена 53 участников трёх собраний. За вычетом «саботажников» Твардовского, Кирсанова, Ваншенкина, Рыленкова это число можно уменьшить на четыре персоны. К сожалению, пятому – Сергею Смирнову – была уготована участь «тамады» этого шабаша, и он исполнил «правительственный заказ» без сучка и задоринки.

Теургом всей трагедии был Дмитрий Алексеевич Поликарпов, который «увещевал» колеблющихся.

Да, читатель, наверно, захочет знать, кто такой Дмитрий Алексеевич Поликарпов? Вот что я писал в одной из своих книг о нём, простите за самоцитату: «Личность выше позиций. Член ЦК Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905–1965). Мой покойный друг, профессор Соломон Абрамович Могилевский, говорил, что по слухам, Поликарпов – полукровка. Необычен – это точно.

Поликарпов помог организовать журнал «Советиш Геймланд», идишистский ежемесячный журнал. Есть рассказ о том, как морозной ночью три часа без перерыва читал наизусть случайному спутнику «Орлеанскую девственницу» Вольтера на языке оригинала! Неправедный суд над Жанной д'Арк. Выкопал я сии воспоминания у писателя Виктора Сытина в его книге с удивительно подходящим для данного случая наименованием «Люди среди людей». Почему-то хочется сказать, что чтение невинно осужденной «Орлеанской девственницы» Вольтера происходило после гнусного заседания по исключению Бориса Леонидовича, и Дмитрий Алексеевич пытался очиститься от скверны... Вы со мной не согласны?

Вот и получается, что знаменитые строки Галича «Мы именно вспомним всех, кто поднял руку...» неосуществимы.

Большинству удалось уйти в тень, и вытащить их оттуда весьма сложно. Ещё живы дети и внуки «поднявших руку», а они никак не заинтересованы в гласности.

И страна после страшного террора не прошла, подобна Германии, денацификации, или, если хотите, процесса раскаянья. Это что – Сергей Михалков мог выйти на Сенную площадь, и бить себя в перси, и стонать: виновен? Ни он, ни его дети никогда не извинялись. Жизнь идёт своим чередом. Муза «мести и печали» по большому счёту коснулась лишь двоих, не самых плохих и самых талантливых: Бориса Слуцкого и Леонида Мартынова. Бог лишил их огня творчества и укоротил дни одному из них...

Впрочем, было покаяние. Сельвинский, который ранее написал статью в «Литературную газету» на обратившегося к нему за советом Пастернака, оперативно заклеил своего учителя.

А в воспоминаниях Кириллы Ковальджи упоминалось о том, что к Пастернаку во время болезни пришла Берта, жена Сельвинского (по просьбе мужа), справиться о его здоровье. Но Пастернак определил: «Как себя чувствует Илья Львович?» (*он только что перенёс инфаркт*). Сельвинский пришёл к Б. Л. и упал на колени перед кроватью, где лежал Пастернак, прося у того прощения. Умирающий Пастернак нашёл в себе силы и мужество ответить ему достойно: «Встаньте, прошу. Я давно вас простил»...

Обратим внимание также на то, что часть писателей помнила Гулаг, и у них была особая память и особый страх. Ажаев, Мартынов прошли лагеря, калмык Давид Кугультинов был выслан вместе со своим народом и провёл 15 лет в нечеловеческих ус-

ловиях Норильска; у Анатолия Сафронова в 1926 году расстреляли отца; первого мужа Галины Николаевой расстреляли, а отца посадили; у Твардовского раскулачили родителей и т. д.

У каждого стукача и предателя должна быть точка опоры. Какова она? В одном из журналов «Звенья»,³⁶⁸ где были воспоминания А. Л. Войтоловской «Суд над следователем», отрывки из книги «По следам судьбы моего поколения», я нашёл искомый материал.

Репрессированная женщина, отсидевшая 22 года, после реабилитации встретилась со своим доносчиком. Инициатором встречи был Он. Известный литератор «Р-в» пригласил свою жертву к себе на квартиру. («...Мне нужно было узнать, как преступники того периода реагируют на события сейчас, к чему готовы? Я твёрдо знала, что иду к преступнику») И он объяснил несчастной, что если бы он не настучал на неё, то её всё равно посадили бы. Она была обречена, она была в очерченном круге, а он не хотел попасть в этот круг. Ценой выдачи X, Y, Z и прочих он сделал видную научную карьеру.

Войтоловская называет его удачливым фальшивомонетчиком, только не в банке или на бирже, а в науке. Под конец расхрабрившийся «учёный» выдаёт важнейшее: **«Нет смысла в разоблачениях. Нас слишком много... Никто на эти издержки не пойдёт, это бессмысленно. Я за это спокоен...»**

Прошло много лет...

Стукач был прав. Патина времени и инертность интеллигенции не дали совершиться суду-возмездию. В 2005 году поэт Александр Кушнер рассматривал фотографию советских писателей, побывавших в Италии. Снимок сделан в Равенне, что вызывает ассоциации с «Божественной комедией» Данте.

Кушнер перечисляет попавших на плёнку: Смирнов, Инбер, Твардовский, Прокофьев, Мартынов, Слуцкий, Заболоцкий.

Фотография. 1957

*Группа советских поэтов: Смирнов,
Инбер, Твардовский, Прокофьев, Мартынов,
Слуцкий – я всех перечислить готов,
В группу попавших, седьмой, самый чинный,
Важно стоит Заболоцкий, ему
После всего, что с ним было, Равенна
Кажется, может быть, сном: одному
Из семерых ему ад по колено.*

*Дантовский, четко расчерченный ад,
Строго расчисленный, с дымом и пеплом.
Пышный, парадный венок жестковат
На фотографии, накрепко слеппен,
Я присмотрелся: да сколько ж кустов
Лавра пошло на него или роцца?
Инбер, Прокофьев, Мартынов... Смирнов
Пишет всех лучше, а главное, проще.*

*Льется на группу полуденный свет.
Слава, и честь, и завидное благо.
А Пастернака с Ахматовой нет,
Не нашумел ещё «Доктор Живаго»,
Гром впереди и великий разнос,
Выступят Инбер, Смирнов и Мартынов,
Слуцкий-бедняга, под общий психоз
Сдуру попавший, со скорбною миной.*

*Вот он – в избранников тесной толпе.
Может быть, если б не эта поездка,
Не возомнил бы он так о себе,
Мнение не высказал сжато и веско.
Лет через десять, надломлен и хмур,
Скажет он мне в коктейбельской столовой:
«Не осуждайте меня чересчур.
Я виноват». Испугаюсь: «Ну что вы!»*

Почитайте воспоминания советских маршалов и генералов – они сводят счёты друг с другом, но, слава Богу, уже в поствариантах. Да, травила Бориса Леонидовича партийная власть – это абстракция, но ведь много было привнесено личного.

Я привёл лишь три случае человеческого самообмана: какой из Галины Николаевой кандидат на Нобелевскую премию? Скучная, серая проза. И никогда Леонид Мартынов не мог подняться до высот первых поэтов России (Мандельштам, Пастернак, Ахматова, Заболоцкий). Да и Илья Сельвинский, называвший Пастернака своим учителем, не мог подняться даже до первых ступеней королевского трона...

Мне всё же кажется, что любая творческая среда достаточно ревниво относится к успехам ближнего. Тут и советская власть ни при чём. Голливудская подковёрная борьба достаточно жестока. Как и в литературе, например, в театре, в кино идёт постоянная борьба за место под солнцем, с интригами и подсиживаниями друг друга.

Клевета и зависть идут бок о бок.

Вместо послесловия.

Книга носит несколько мистическое название «Книга Веры и безНадежности». Как каждый человек, рожденный в довоенную эпоху и выживший в условиях ленинградской блокады, я должен был верить в Предопределение.

Книга начинается моим ответом замечательному писателю, ушедшему из жизни – Фридриху Наумовичу Горенштейну, на письмо, которое вызвало резкую реакцию. Наша переписка длилась недолго – порядка одного года. Нет смысла приводить все письма, но после последнего письма, которое меня не переубедило ни в чём, я прекратил бессмысленную дискуссию. Каждый остался при своих... О взглядах Горенштейна можно судить по его многочисленным статьям об Израиле и евреях, что вряд ли делает ему честь. Но Еврейство неколебимо, несмотря на многочисленных врагов, в том числе отступников. Мы выживем, как выжили четыре тысячелетия. И в этом я убеждён.

Героями этой книги является множество одиозных фигур, без которых история бы обеднела и мне хотелось показать их иную общечеловеческую сущность.

Собственно этот дневник – мои рабочие записи, которые я вёл многие годы, к сожалению, не регулярно, ибо мне не хватало усердия Михаила Михайловича Пришвина. О своей жизни пишу вскользь – она малоинтересна. Отталкиваясь от повседневности, я бросался в омут чтения архивов и книг. Причём глубоко убеждён, что актуальность написанного не тускнеет от времени, хотя время вносит коррективы в моё мировоззрения, но вряд ли затрагивает суть. Историк, мыслит, собирая лучи, подобно линзе в единый световой поток... Вспомним вечные слова Экклезиаста: «Что было, то будет...».

И в заключение я хочу поблагодарить всех моих многочисленных друзей за помощь и поддержку: Арона Черняка, Евгения Мина, Анатолия Рубашова, Камиллу Колчинскую, Алексея Сперанского, Александра Клейнмана, Александра Годовича, Эдуарда Шифрина, Майю Улановскую, и многих других, которых знаю лишь по наслышке, вроде работника Публичной библиотеки Алексея, который ни разу не отказал в просьбе о помощи.

Всем названным и неназванным низко кланяюсь в ноги. Спасибо: Спаси Вас Бог...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Князь У[русов] «Русские портреты», Лондон, 1909, с.176-177)
- ² В. Сухомлинов «Воспоминания», Берлин, 1924, с.94. Драгомиров М.И.
- ³ М.К. Лемке «250 дней в царской ставке. [25 сентября 1915 – 2 июля 1916]», СПб ПЕТРОГРАД), Гос. Издательство, 1920, с.256. Лемке Михаил Константинович (1872-1923) историк русской цензуры, журналистики, текстолог, редактор, издатель. По своим политическим взглядам эсэр.)
- ⁴ М. К. Лемке ...с.94-95
- ⁵ М. К. Лемке ...с.84
- ⁶ Дм. Фурманов. Собрание соч. т.4. Дневники. Литературные записи. Письма, М., 1961, с.329-331.
- ⁷ Дм. Фурманов... с.210.
- ⁸ М.Зенкевич «Сказочная пора», М., 1994, с.163 «Чапаевские поминки».
- ⁹ Дм. Фурманов... С.179-180.
- ¹⁰ Дм. Фурманов... с.341-342.
- ¹¹ О Полонском и Бабеле: См: С.Дудаков «Этюды Любви и ненависти», М., МГГУ, с.289-290.
- ¹² Дм. Фурманов... с.342, 379.
- ¹³ В. Финк «Литературные воспоминания», М., Советский писатель, 1963, с.74.
- ¹⁴ Гершон Свет «Евреи в русской музыке», – «Книга о русском еврействе», Нью-Йорк, с.465.
- ¹⁵ Гершон Свет... с. 452-453.
- ¹⁶ Александр Бенуа «Мои воспоминания», М.,1980, т.2, с.105.
- ¹⁷ Бучкин П.Д. «О том, что в памяти. Записки художника», Л., 1962, с.50-52.
- ¹⁸ А. Рылов «Воспоминания», М., 1977, с.151.
- ¹⁹ Наталья Кончаловская. Избранное, М., 1987, т.2, с.314,318.
- ²⁰ В.М.Богданов-Березовский «Дороги искусства», Л., 1971, с.154.
- ²¹ Ю.Ф.Файер «О себе, о музыке, о балете», М., 1970, с.248.
- ²² М.С.Нароков «Биография моего поколения», М, 1956.
- ²³ М.С. Нароков...с.100.
- ²⁴ М.С. Нароков... с.202-203.
- ²⁵ Н.Гоголь «Ревизор», 5 действие, явление 8.
- ²⁶ А.Чехов «Иванов», 1 действие, явление 4.
- ²⁷ Из главы: «Journalist and publicity», книга: Epstein, Jacob: Epstein:an autobiography. New York: E.P. Dutton and Co., 1955, p.195-198. Перевод Майи Улановской.
- ²⁸ Сигизмунд Либрович «Не русская кровь в русских писателях» (СПб, 1907?), с.89.
- ²⁹ А.Бурнакин «Обетованная литература» – «Прямой путь», СПб, 1913, №XI.
- ³⁰ «Мартов и его близкие», сборник, Нью-Йорк, 1959, с.30.
- ³¹ М. Светлов Собрание соч., т.1, М., 1974, с.744.
- ³² М. Светлов... «Стихи ребё»... с.68.
- ³³ В.В.Стасов Избранные произведения в 3-х томах. Т.1., М., 1952, примечание на с. 274.
- ³⁴ В.В.Стасов «Заметки о передвижной выставке» – Собр. соч. т.2., М, с.153-154.
- ³⁵ В.В. Стасов «Двадцать пять лет русского искусства. Наша скульптура» – Собр. соч. ...Т.2.М.1952, с.497.
- ³⁶ М.М.Ипполитов-Иванов. Письма. Статьи. Воспоминания, М., Сов. комп, 1986, с.48.
- ³⁷ М.М.Ипполитов-Иванов... с.32-33.

- ³⁸ Е.Н. Алексеева «Встречи с М.М. Ипполитовым-Ивановым», опубликовано в книге Ипполитов-Иванов...с.289-290.
- ³⁹ Геннадий Гор «Пять углов», с.81-83.
- ⁴⁰ Геннадий Гор ... с.106.
- ⁴¹ Беренштам В.В. «Из пережитого», Пг, 1915, с.179.
- ⁴² Ф.А.Кони «Петербургские квартиры» (1840), вөдевьль.
- ⁴³ Н.А. Некрасов «Утро в редакции» (1841) - цит. по Н.А.Некрасов Собрание соч., М., 1966, т.4, с.30)
- ⁴⁴ В.И.Смолярчук «А.Ф.Кони и его окружение», М.1990, с.36.
- ⁴⁵ Е.А.Шабельская «Красные и черные», СПб, 1912, с.31-32.
- ⁴⁶ Письмо Кони к Гольдовской от 20(8) июля 1890 г.– А.Ф.Кони. Собрание соч., М., 1969, т.8, с.118-119)
- ⁴⁷ А.Ф. Кони, т.8., с.275, 277.
- ⁴⁸ А.Ф. Кони ..., т.8, с.144-145. Письмо к Б.Н.Чичерину от 15 ноября 1898 года.
- ⁴⁹ А.Ф. Кони, ... т.8, с.154. Из письма Толстому от 17 сентября 1899 года.
- ⁵⁰ Письмо А.А.Чичериной от 29. VIII. 1913г. – А.Ф. Кони Собрание соч... Т.8, с.280.
- ⁵¹ А.Ф. Кони «Моя Гефсиманская ночь» – А.Ф.Кони, Собр. соч., т.8..., с.367-368.
- ⁵² А.Ф. Кони «Гефсиманская ночь»... с.372.
- ⁵³ А.Ф. Кони Собр. соч., т.8, М., 1969, с.336.
- ⁵⁴ А.Ф. Кони... «Гефсиманская ночь»... с.375.
- ⁵⁵ А.Ф. Кони «Князь Владимир Федорович Одоевский» – А.Ф.Кони Собр. соч., т.6, М., 1968, с.93.
- ⁵⁶ Б.Полевой. «В большом наступлении», М., 1970, с.229-232.
- ⁵⁷ Б.Полевой «В большом наступлении», М., 1970, с.266.
- ⁵⁸ «Мемуары графа С.Д.Шереметева», Москва, 2001, с.336-337.
- ⁵⁹ «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР». Указатель, М., 1963, т.II, с.315.
- ⁶⁰ «Петр Шафиров», Иерусалим, 1989 г. Генеалогическое древо Шафиновых и Копьевых.
- ⁶¹ А.К.Толстой, Собр. соч., М.1963, т.1., с.654.
- ⁶² Андрей Буровский «Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории», СПб - Красноярск, 2004г, т.II, 149.
- ⁶³ Андрей Смирнов, кандидат исторических наук «Большие маневры» – «Родина», 2000, №4, с.93.
- ⁶⁴ В.Н.Воейков «С царем и без царя. Воспоминания последнего Дворцового Команданта ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II», Гельсингфорс, 1936, с.287, 417-419.
- ⁶⁵ И.Д. Сытин. «Страницы прошлого», М., «Книга», 1985, с.295.
- ⁶⁶ «Дневник А.С.Суворина», М., 2000г., с.266, 377.
- ⁶⁷ «Дневник А.С. Суворина», М., 2000, с. 379.
- ⁶⁸ «Воспоминания и Думы Н.П. Кондакова», Прага, 1927, с.5.
- ⁶⁹ «Дневник А.С. Суворина» М., 2000, с.361-362.
- ⁷⁰ Н.П.Окунев «Дневник москвича», М., 1990, т.II, с.26.
- ⁷¹ А. Боханов, д-р ист. наук. «Тайный грех К.Р.» – «Родина», М., №4, 2000, с.61-65.
- ⁷² А. Кончаловский «Низкие истины», М., 1998, с.88.
- ⁷³ «Последний Самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II». Берлин,1907, с.33-34.
- ⁷⁴ Коран, сура5 Трапеза 23(20), 24(21)
- ⁷⁵ Коран, сура 5, стих.79.

- ⁷⁶ Коран, сура 72, стих.3.
⁷⁷ Коран, сура 4, стих 156.
⁷⁸ Журнал «Будущность», СПб, 1900, № 50.
⁷⁹ Гелий Рябов «Конь бледный еврея Бейлиса» – «Родина», 2000, №4, с.71.
⁸⁰ Иосиф Прут «Неподдающийся», М., 2000, с.95.
⁸¹ И.Прут,... с.97.
⁸² И. Прут... С.104.
⁸³ И.Прут ... с.300-303.
⁸⁴ М. Светлов Собр. соч.т.3, М., 1975, с.15.
⁸⁵ Марк Поповский «Жизнь и житие Войно-Ясеницкого архиепископа и хирурга», Hermitage Publishers, 1996, с.391.
⁸⁶ там же, с.33, 39-40.
⁸⁷ Я.Л. Менакер. Воспоминания. Из моего архива – С.Д.
⁸⁸ «Известия», 11 апреля 1945г., Журнал Московской Патриархии, № 5, 1945, с.25 и №7, 1945, с.9.
⁸⁹ Митр. Евлогий. «Путь моей жизни», послесловие Т.Манухиной, Париж, 1947, с.667.
⁹⁰ В.И.Бовыкин «Черки истории внешней политки России. Конец XIX века –1917 год», М., 1960, с.185.
⁹¹ Лорд Берти «За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1913-1919», М-Л, 1927, с.217.
⁹² В.О. Ключевский. Сочинения в 9-ти томах, т.II, М., «Мысль», 1988, «Курс Русской истории», с.251-252.
⁹³ И.М.Дьяконов «Книга воспоминаний», СПб, 1995, с.616.
⁹⁴ Н.М.Кулагин из книги «Воспоминания о Казакевиче», Сборник, М., 1984, с.100.
⁹⁵ Ольга Чехова «Мои часы идут иначе», М., 1998,с.159.
⁹⁶ Вл. Гиляровский, «Мои скитания» в кн.: Вл. Гиляровский Собр. соч. в 4-х томах, т.1, М., 1968, с.82 -83, 87, 99, 104.
⁹⁷ Там же, с.95-96.
⁹⁸ Цитата по совсем неупотребленной книге о петербургских педерастах: К.К.Ротиков (псевдоним) «Другой Петербург», СПб, 1998, 372-373. Девиз этой подленькой книги: «Нас много, мы не одиноки. Мы элита общества». Ложь, переплетённая грязными намёками. Читать неприятно.
⁹⁹ И. Н. Перестиани «75 лет жизни в искусстве», М., 1962, с.132.
¹⁰⁰ П.А. Примаченко «Русский торгово-промышленный мир», М., 1993, Составитель и автор текста П.А. Примаченко.
¹⁰¹ Н.А. Некрасов «Современники»(1875). Собр. соч., М., 1965, с.107.
¹⁰² Там же... с.140-141.
¹⁰³ Н.А. Некрасов «Современники» (1875) – Собр. соч., М., 1965,т.3, с.144)
¹⁰⁴ Н.А. Некрасов «Балет» (1866) – Некрасов Н.А. Собр. соч., М., 1965, т.2.с.175, 177)
¹⁰⁵ граф П.А. Валуев Дневник 1877-1884, Пг, 1919, с.207-208.
¹⁰⁶ граф П.А. Валуев Дневник 1877-1884, Пг, 1919, с.207.
¹⁰⁷ М. Волошин. Стихотворения, Б.П. Малая серия, Л., 1977, с. 317)
¹⁰⁸ От Матфея, XXIV, 33.
¹⁰⁹ Л.Т.Толстой «Единое на потребу» О государственной власти. – Л.Толстой ПСС, М-Л, 1936, т.36, с.168, 169 -170.
¹¹⁰ От Матфея. XXIV, 33.
¹¹¹ И.Бунин «Жизнь Арсеньева. Юность» – Собр. соч. М.,1966, т.6, с.41, 185-186.
¹¹² М., БСЭ, 1992г. автор Б.Ф.Егоров.
¹¹³ П.Д. Боборыкин Воспоминания, М., 1965, т.I., с.395.

- ¹¹⁴ Амброс Бирс «Словарь Сатаны». Пер. с англ. С.Б.Барсова", М., 2003, с.349-350.
- ¹¹⁵ Амброс Бирс. «Словарь Сатаны». с.79.
- ¹¹⁶ А.Ф. Кони «Из лет юности и старости» – Кони А.Ф. Собр. соч., М., 1969, т.7, с.123.
- ¹¹⁷ А.Н. Некрасов «Железная дорога» (1964г.) – собр. соч. А.Н.Некрасова, М., 1965, т.2, с.118-122.
- ¹¹⁸ Вардван Варджапетян «Исповедь антисемита или к истории одной статьи», Повесть в документах, М., 1989 (?), с.33.
- ¹¹⁹ Ф. Сологуб. Стихотворения, Б.Б.П., Л., 1975, с.375-377.
- ¹²⁰ Старый журналист. «Литературный путь дореволюционного журналиста», М-Л, 1930, с.121-122. «Старый журналист», один из псевдонимов Иосифа Лейбовича Ошера (1879- 1942), чаще пользовавшегося псевдонимом О.Л. Д'ОРЪ.
- ¹²¹ А.П.Чехов. П.С.С., М., 1979, т.16, с.86-87, примеч. на с.452.
- ¹²² Ю.Ф. Файер «О себе, о музыке, о балете», М., 1970, с.30-32.
- ¹²³ Ю.Ф. Файер «О себе, о музыке, о балете», М., 1970, с.325.
- ¹²⁴ Ю.Ф.Файер «О себе, о музыке, о балете», М., 1970, с.419-423.
- ¹²⁵ Н.А.Добролюбов, Собр. соч., М.- Л.,1964, т.8, с.493.
- ¹²⁶ «Именной указ, объявленный Командующему отдельным корпусом внутренней стражи Дежурным Генералом Главного Штаба» – Полный Сборник законов и положений, касающихся Евреев от Уложения Царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649-1873г. Составил и издал В.О.Леванда, СПб, 1874 Н.А. Добролюбов Стихотворения, М-Л., 1962, с.174-175)
- ¹²⁸ Н.А.Добролюбов... с.222-223
- ¹²⁹ П.А. Вяземский. «Старая записная книжка», М., 2003, с.630.
- ¹³⁰ «Новый энциклопедический словарь», из-во Ф.А.Брокгауз и И.Е.Ефрон СПб, 1913(?), т.14., статья «Грамотность», стлб.702, 710.
- ¹³¹ Н.А.Некрасов. Собр. соч., М., 1967,с.84-85 «Воскресные посиделки». Книжка для доброго народа русского. Первый пяток. С-Петербург. 1844 г. редактор В.П.Бурнашев.
- ¹³² ... там же, с.89.
- ¹³³ В.Брюсов. «Аэропланы над Варшавой» – Валерий Брюсов Собрание соч., М., 1973, т.II, с.150.
- ¹³⁴ Н.П.Окунев «Дневник москвича», М., 1990, т.I , с.43, 138.
- ¹³⁵ В.Брюсов. Собр. соч.т. II, с.155-156.
- ¹³⁶ В.Брюсов. Собр. соч. ...Т.II, с.141-142.
- ¹³⁷ П.А.Вяземский, «Старая записная книжка», М., 2003, с.638.
- ¹³⁸ П.А.Вяземский, Старая записная книжка, М., 2003, с.633-634.
- ¹³⁹ П.А.Вяземский, Старая записная книжка, М., 2003, с.636.
- ¹⁴⁰ Адам Мицкевич «Дзяды», отрывки из части III в переводе В. Левика. – Адам Мицкевич Избр. произвед. т.2, М., 1955.
- ¹⁴¹ (цит. по Джон Э.Боулт «Русское театрально-декорационное искусство 1880-1930» по кн. «Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. Художники Русского театра», М., «Искусство», 1990, с.9)
- ¹⁴² А.С.Пушкин. Собр. соч.М., 1962, т.10,с.150. (Письмо Н.Н.Пушкиной от 6 ноября 1833 года. Из Болдина в Петербург.
- ¹⁴³ В.О.Ключевский. Курс русской истории. ч.V, М., 1989, с. 152.
- ¹⁴⁴ П.А. Кузьмин. «Дело петрашевцев», М-Л, 1941, т.II, с.242.
- ¹⁴⁵ там же «Дело петрашевцев» М-Л, 1941, т. II, с.243-244.
- ¹⁴⁶ там же «Дело петрашевцев», М-Л, 1941, т. II,с.245.
- ⁴⁷ В.Г. Белинский. Письмо к Гоголю от 15 июля н.с. 1847 г. Зальцбрунн - Избранное. М., 1959, т.2., с.636.

- ¹⁴⁸ С.Максимов «Сибирь и каторга», т.2., СПб., 1891, с.352).
¹⁴⁹ то же... с.356).
¹⁵⁰ А.С.Пушкин Собр. соч., М., 1962, т.8, с.314.
¹⁵¹ Вл.А. Оболенский «Очерки минувшего», Белград, 1931, с.196-200.
¹⁵² А.А.Петров «Оболенский, князь, Андрей Васильевич» – РБС., т. Обезьянинов-Очкин, с.20-22)
¹⁵³ Б.Левик «Рихард Вагнер», М., 1978, с.310.
¹⁵⁴ Из письма к Н.Ф.фон Мекк от 10 окт. 1880 г. Подробнее в книге А.Будяковский «П.И. Чайковский. Симфоническая музыка», Л., 1935, с.252-255.
¹⁵⁵ Г.Гейне «Романсеро» – В октябре 1849» – Г.Гейне Собр. соч., Л., 1957, с.104.
¹⁵⁶ Бруно Вальтер «Тема с вариациями. Воспоминания и размышления», М., Музыка, 1969, с.17-18.
¹⁵⁷ Там же... с.67.
¹⁵⁸ Там же... с.150.
¹⁵⁹ Там же...с. 266, 267.
¹⁶⁰ Б.Ц.Урланис «История военных потерь», СПб, 1994.
¹⁶¹ Брокгаузе и Ефроне (том XXXIX, с. 72).
¹⁶² П.П. «Шуты и скоморохи» – «Исторический вестник», май, 1888г., т.XXXII, с.472.
¹⁶³ Стихи В.Буренина взяты из антологии Александра Доната «Неопалимая купина», New York University Press, 1973, p.234.
¹⁶⁴ С.М.Житков «Когда Россия победит Японию?», СПб, 1905, с.1.
¹⁶⁵ С.М.Житков вступление.
¹⁶⁶ Лев Кассиль Повести, М., 1955, с.43-44.
¹⁶⁷ Там же..., с.50.
¹⁶⁸ М.М.Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи. Под редакцией В.В.Стасова, СПб-М., 1905, с.394-395.
¹⁶⁹ Л.К. Чуковская. «Памяти Ахматовой». Стихи. Письма. Воспоминания. YMCA-Press, Paris, 1974, с.66.
¹⁷⁰ Илья Эренбург «Люди, годы, жизнь», М., 1990, т.III, с.102.
¹⁷¹ Константин Симонов. «Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине», М., 1990, с.220-221.
¹⁷² А.Сурков. «До последнего дыхания» – «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», М-Л, 1965, с.6.
¹⁷³ А.Сурков. «Страницы жизни» – А.Сурков Собр. соч. М., 1966, т.3, с.126.
¹⁷⁴ А.Сурков. «Три тетради Военная лирика», М., 1943, с.55.
¹⁷⁵ (В.М.Богданов-Березовский. «Дороги искусства», Л, 1971, с.166.
¹⁷⁶ Лев Канторович. Избранное, Л., 1971, с.92)
¹⁷⁷ Мих. Слонимский. «Книга воспоминаний», М-Л, 1966, с.225-226.
¹⁷⁸ Мих. Слонимский... с.226.
¹⁷⁹ Лев Канторович «Полковник Коршунов», Л, 1939,с.114.
¹⁸⁰ Там же, с. 123.
¹⁸¹ В.А.Жуковский. «Певец во стане русских воинов».
¹⁸² Памяти Владыки Сергия Пражского, Нью-Йорк, 1987, с.69.
¹⁸³ Архиепископ Иоанн Шаховской. «Биография юности», YMCA - PRESS PARIS, 1977, с.150.
¹⁸⁴ Николай Асеев. Стихотворения и поэмы, Л., 1967, Б.Б.П., с.146.
¹⁸⁵ М. Светлов. Собр. соч., М., 1975, т.3., с.47, 90.
¹⁸⁶ 17 Исх.6,7.
¹⁸⁷ Андрей Белый. «Жезл Аарона» – Скифы, 1917, №1, с.158.

- ¹⁸⁶ Н. Кончаловская. Избранное, М., 1987, т.2, с23-24. Рассказ написан в 1962 году.
- ¹⁸⁷ А.С.Пушкин. письмо к кн. В.Ф.Одоевскому, писанное в самом конце 1836 года.
- Цит.: А.Пушкин Собр. соч. в 10 т., Т.Х, М., 1962, с.333.
- ¹⁸⁸ Игорь Северянин. Стихотворения. Поэмы, Архангельск, 1988, с.248.
- ¹⁸⁹ Георгий Шенгели «Иноходец» (Собр. стихов, М., 1997, с.222. Соч.19.11.1942 г.
- ¹⁹⁰ Там же с.216. Соч 15.3.1942 г.
- ¹⁹¹ Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы, Архангельск, 1988, с.128. Соч. август 1914 г.
- ¹⁹² Георгий Шенгели. Иноходец... 386.
- ¹⁹³ И.Бунин Собр. соч., М, 1965, т.1, с.455-456, 1887 г.
- ¹⁹⁴ Журнал «Родина», СПб, 1887, №8, 22 февраля.
- ¹⁹⁵ «Памяти Ахматовой». Стихи. Письма. Воспоминания. YMCA-Press, Paris, 1974, с.104, 105.
- ¹⁹⁶ Ф.И.Шаляпин «Маска и душа», Современные записки, Париж, 1932, с.313-314.
- ¹⁹⁷ Георгий Шенгели. «Норд», М., 1927.
- ¹⁹⁸ Георгий Шенгели. «Иноходец», Собрание стихов...Литературные статьи, М., 1997.
- ¹⁹⁹ С.Ю.Витте. Воспоминания, М., 1960 т.3, с.205, 213.
- ²⁰⁰ Там же..., с.140.
- ²⁰¹ Там же...т.1, с.144-145)
- ²⁰² В.П.Комарденков. «Дни минувшие», М., 1962, с.35. Не исключено, что Ноаковский выкrest, может не в первом поколении.
- ²⁰³ Дм. Кедрин. Избранное, М., 1957, с.76-77)
- ²⁰⁴ Там же, с.122)
- ²⁰⁵ Л.Каганович. «Памятные записки», М, 1996, с.91.
- ²⁰⁶ Иван Евдокимов. «Погром», «Прожектор», М., 1926,18(88) с.6. «Миссия» – таково правописание грамотеев из «Союза Русского народа».
- ²⁰⁷ Там же ...с.6.
- ²⁰⁸ Генрих Гейне Собр. соч., Л., 1959, т.10, с. 243.
- ²⁰⁹ Антал Гидаш, предисловие к Шандор Петефи Собр. соч., т.1, Будапешт, 1964, с.87.
- ²¹⁰ Адольф Когоут. «Знаменитые евреи. Мужчины и женщины». (Одесса, 1903, т.2, с.404-406.
- ²¹¹ «Русский еврей», СПб, 1884, № 5, стлб. 16-17.
- ²¹² Там же..., 1884, № 18, стл.21-24)
- ²¹³ Жужанна Зельдхейн. «Венгерский роман о Пушкине и декабристах» – «Прометей», №7, М., 1969, с.449-451
- ²¹⁴ Ицик Фефер Стихи, М., 1966, перевод С. Левмана.1937 г.
- ²¹⁵ Анатолий Франс. Из сборника «Золотые поэмы», 1873г. в переводе В.А. Дынник -Соколовой (1898-?) Год смерти замечательной переводчицы не знаю. Её даже забыл включить Е. Витковский в свой всеобъемлющий том «Строфы века-2»).
- ²¹⁶ Кирилл Андреев. «Три жизни Жюль Верна», М., 1957, с.286-287.
- ²¹⁷ Еврейская энциклопедия, СПб, 1912(?), т.V, стлб. 509-510.
- ²¹⁸ Жюль Верн. Гектор Савардак - Собр. Соч., М., 1956, т.7, с.529.
- ²¹⁹ Там же... Собр. Соч., М., 1956, т.7, с.300.
- ²²⁰ Там же... Собр. Соч., М., 1956, т.7, с.299.
- ²²¹ Там же... Собр. Соч., М., 1956, т.7, с.532-533.
- ²²² Жан Жюль-Верн. «Жюль Верн», М., «Прогресс», 1978, с.367, 369.
- ²²³ И. Лилеева. Краткая летопись жизни и творчества Эмиля Золя – Эмиль Золя Собр. соч., М., 1967, т.26, с.758.
- ²²⁴ Максимилиан Волошин. Стихотворения, Л., 1977, с.330.

- 225 Эрих фон Манштейн. «Утерянные победы», Ростов-на-Дону, 1999, с.,238.
- 226 Генри Лонгфелло. Избранное, М., 1958, с.273-274, перевод Э.Линецкой. Блестящий перевод!
- 227 Анатоль Франс. Собр. соч., М., 1958, т.3., 37-38.
- 228 Анатоль Франс Собр. соч., М., 1958, т.3., с.224-225)
- 229 Надежда Павлович. «Думы и воспоминания», М., 1966, с.26-27.
- 230 Р.И.Грубер. «Всеобщая история музыки», М., 1960, т.1, с.19.
- 231 П.А. Вяземский «Старая записная книжка», М., 2003, с.950.
- 232 Р.И. Сементовский. «Е.Ф.Канкрин», СПб, 1893, с.43.
- 233 П.Я.Чаадаев Статьи и письма, М., 1989, с.248.
- 234 РБС. Т. Суворов-Ткачев, с.80
- 235 Дж. Гордон Байрон. «Дон Жуан», Песнь 7.
- 236 Там же... Песнь 7)
- 237 Б.Наполеон. Избранные произведение, М., 1956, с.355.
- 238 «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», СПб, 1840, ч.2, с.128.
- 239 Диакон Андрей Кураев «Пятый пункт. Как делают антисемитом», – «Русский дом», №3.
- 240 Стендаль. Собр. соч., М., 1959, т.5, с. 403-419.
- 241 Из переписки Свердлова – «Печать и революция», М, 1924, март-апрель, книга вторая, с.64.
- 242 Л.И. Троицкий. «Моя жизнь. Опыт биографии», Берлин, 1930, т. II, с.168.
- 243 А.Толмачев. «Калинин», М., ЖЗЛ, 1963, с.231.
- 244 «Дальний Восток», Хабаровск, 1986, №3, с.155.
- 245 Р.Л. Берг «Суховой», М., 2003, с.35-36.
- 246 С.В.Познер. «Евреи в общей школе» (СПб, 1914 г.)
- 247 Е.В.Тарле «И.В.Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863-1913»– Е.В.Тарле Соч., т.ХI, М., 1961, с.378-379.
- 248 Е.В.Тарле «Англия и Турция» – «Анналы» №3, с.48.
- 249 «Боевая правда», Пг., № 25,25.X.1919 г.
- 250 А.А.Брусилов «Мои воспоминания», Минск, 2002, с.412ю
- 251 Там же...с.349.
- 252 Там же... с.424.
- 253 Там же... с.324.
- 254 А.А.Шихлинский «Мои воспоминания», Баку, 1984, с.16-163.
- 255 Там же... с.158.
- 256 Бодо Циммерман. «Роковые решения». М., Воениздат, 1958, с.221.
- 257 А.В.Брусилов. «Мои воспоминания», Минск, 2003, с.211.
- 258 Лорд Берти... с.58.
- 259 **. «Панисламизм» – «Прямой путь», СПб,1910, с.434-435.
- 260 Исмаил Гаспарский. «Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения» – «Звезда Востока», Ташкент, 1991, № 4, с.108)
- 261 А.Ф.Кони. «Триумвиры» – Собр. соч., М., Юридическая литература, 1966, т.2, с.314)
- 262 Ф.И.Шаляпин, «Маска и душа», Париж, Современные записки, 1932, с.303)
- 263 В. Богданов-Березовский. «Встречи», «Искусство», М., 1967, с.254.
- 264 Там же, с. 268.
- 265 К.Симонов. Стихотворения и поэмы. Повести разных лет. Последняя работа, Москва, ОЛМА-ПРЕСС, 2004, с.30-3.

- ²⁶⁶ И.Эренбург. «Война. Апрель 1942 г.– март 1943 г.» (ОГИЗ Гослитиздат художественной литературы, М., 1943).
- ²⁶⁷ Там же... с.4.
- ²⁶⁸ Там же... с.224.
- ²⁶⁹ А.П.Чехов. «Мужики» – Полное собр. соч., М., 1977, т.9, с.282-284.
- ²⁷⁰ Там же...с.306-307)
- ²⁷¹ Там же... с.311)
- ²⁷² И.Бунин «Деревня» – Собр. соч., М., 1965, т.3, с.20.
- ²⁷³ Там же... с.23-24)
- ²⁷⁴ Там же... с.23-24)
- ²⁷⁵ Там же...с.34, 35)
- ²⁷⁷ Бунин. Собр. соч., М., 1967, т.8, с.8)
- ²⁷⁸ В.М. Богданов-Березовский, Л., Музыка, 1971, с.215.
- ²⁷⁹ П.А. Вяземский «Старая записная книжка», М., 2003, с. 600-601.
- ²⁸⁰ А.З.Манфред, Наполеон, М., 1971, с.211.
- ²⁸¹ Василий Князев. «День», 1914, №123.
- ²⁸² А.С.Пушкин. Собрание сочинений. Т.10. Письма, М., 1962, с.309.
- ²⁸³ М.Горький Собр. соч., М., 1963, Т. ????? с.50.
- ²⁸⁴ Eugen Lennhoff and Oskar Posner «Internationales Freimaurerlexikon», Wien-Munchen, 1975, p.p. 374, 1606.
- ²⁸⁵ В.О.Дайнес. «Военная деятельность Мустафы Кемалья Ататюрка» – Военно-исторический журнал, М., 1987, №9, с.89.
- ²⁸⁶ Н.А.Некрасов «Кому на Руси жить хорошо» – Собр. соч., М., 1965, т.3, с.229-230.
- ²⁸⁷ Энци. словарь русской литературы с 1917, Лондон, 1988.
- ²⁸⁸ Виссарион Саянов. «Стихотворения и поэмы», Большая Библиотека Поэта, М.-Л, 1959, с.119.
- ²⁸⁹ Константин Случевский. Впервые опубликованы в 1901 году. К. К. Случевский Стихотворения и поэмы, М-Л., Большая Библиотека поэта, 1962, с.292.
- ²⁹⁰ В.Саянов «Стихотворения и поэмы», Большая БП, М.-Л, 1959,. с.118.
- ²⁹¹ Газета «МИГ» №245, 25 августа 2005.
- ²⁹² Лорд Берти «За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1913-1919», М-Л, 1927, с.138.
- ²⁹³ Там же... с.165.
- ²⁹⁴ Там же ... с.45.
- ²⁹⁵ Лев Толстой. «Анна Каренина» – ПСС., М, 1935, т.19, с.298-300.
- ²⁹⁶ Жорж Нива «Солженицын», Overseas publications interchange LTD, London, 1984, перевод с французского языка Шимона Маркиша, с.236.
- ²⁹⁷ А.И.Солженицын «Август 14», YMCA-PRESS, Paris, 1971, с.25.
- ²⁹⁸ «Кто был кто в Первой Мировой войне», Биографический энциклопедический словарь, М., 2003, с.543.
- ²⁹⁹ В.Н.фон Дрейер «На закате империи», Мадрид, 1965, с.167, 170.
- ³⁰⁰ Лев Толстой ПСС., М, 1937, т.47, с.150.
- ³⁰¹ Лев Толстой, ПСС., М.,1949, т.60, с.222.
- ³⁰² Мария Башкирцева Дневник, М., 2003, с.238.
- ³⁰³ Алексей Владимиров. «Летучие пленники», М., 1973, с.35-37.
- ³⁰⁴ Н.Полетика. «Виденное и пережитое (Из воспоминаний)», Иерусалим, Библиотека - Алия, 1982, с.132.
- ³⁰⁵ В.Крохин. «Начало Русского государства в свете новых данных», Paris, 1930.
- ³⁰⁶ Вейо Мери. «Карл Густав Маннергейм маршал Финляндии», М., 1997, с.114.

- ³⁰⁷ Эрлих Вольф Стихотворения и поэмы, М.-Л., 1963, с.52.
- ³⁰⁸ Арон Копштейн. «Оккупация» «Советские поэты павшие на Великой Отечественной войне», БП.М., 1965, с.с.687. Напомним, что сия немецкая «оккупация» относилась к 1918 году.
- ³⁰⁹ И.М. Дьяконов. «Книга воспоминаний», СПб, 1995, с.497-498.
- ³¹⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941-1945гг., т.И., М., 1957, с.9.
- ³¹¹ Там же... с.21.
- ³¹² Эрих фон Манштейн. «Потерянные победы», Ростов-на-Дону, 1999, с.299.
- ³¹³ И.М.Дьяконов. «Книга воспоминаний», СПб, 1995, с.716.
- ³¹⁴ А.Куприн. «Немножко Финляндии» – Собр. соч. в 9-ти томах, М., 1963, т.9, с.154.
- ³¹⁵ Там же... с.155.
- ³¹⁶ (см. историю Польши от 1772 года) Таково мое впечатление о введении русского языка, сходках и пр.» (Щепкина - Куперник Т.Л. «Дни моей жизни», М.,2005,с.56-57. Имеется в виду, вероятно, граф Владимир Алексеевич Бобринский (1867-1927), требующий русификации на окраинах империи.
- ³¹⁷ А.Евреинов. «Пределы здравого русского национализма», СПб, 1912, с.29.
- ³¹⁸ Словарь Шахматиста, Л., 1929, с.61-62 и с.460.
- ³¹⁹ Анатолий Уткин. «Забытая трагедия. Россия в Первой Мировой войне», М., Смоленск, 2000, с.148.
- ³²⁰ Н.Н.Голицын. «История русского законодательства о евреях» (1649-1825, т.1, СПб, 1886).
- ³²¹ Вольфанг Казак. «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года», перевод с немецкого, Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1988, с.283.
- ³²² С. Есенин. «Прощание с Мариенгофом», 1922.
- ³²³ «Памяти Есенина», М., 1926 г., с.11-16.
- ³²⁴ Книга называется «Соль земли» с подзаголовком: «Записки русского художника, выросшего в Китае, окончившего Парижскую академию искусств, работавшего в Шанхае, Гонконге, Чикаго, Нью-Йорке и Париже, история его творческого пути и философских исканий», М., «Искусство», 1992, с. 32-33.
- ³²⁵ Письма архиепископа Феофана Полтавского и переяславского, Нью-Йорк, 1976, с.30-31.
- ³²⁶ М.В. Симонов. «Из записок русского врача» – «Еврейская старина», СПб., 1909, т.2, с.73.
- ³²⁷ И.М.Дьяконов. «Книга воспоминаний», СПб, 1995, с.613.
- ³²⁸ Генерал А.И.Спиридов. «При царском режиме» – «Архив Русской революции», Берлин, 1924, с.106.
- ³³⁰ «Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века», Витебск, 1901, с.17.
- ³³¹ В.Ф. Марцинковский. «Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России (1917-1923)», с.292.
- ³³² Там же с.28.
- ³³³ Там же с.31.
- ³³⁴ Там же с.13.
- ³³⁵ Там же с.38.
- ³³⁶ Там же с.39.
- ³³⁷ Там же с.40-41.
- ³³⁸ Там же с.42.

- ³³⁹ Там же с.59-61.
- ³⁴⁰ «Календарь шахматиста на 1926г.» Справочная и записная книжка». Составил С.О.Вайнштейн. Под редакцией Г.Я.Левенфиша, Физкультиздат (Издательство Высшего Совета Физической культуры), Л., 1926. Гублит №2776 – то есть - проверено цензурой.
- ³⁴¹ Газета «Будущность», 1903, № 31, с.611.
- ³⁴² Л.Л.Киселев, Е.С.Левина. «Лев Александрович Зильбер (1894-1966). Жизнь в науке», М., 2004, с.92-93.
- ³⁴³ Там же... с.96-97)
- ³⁴⁴ Н.И. Костомаров «Руина. Мазепа. Мазепинцы», М., 1995, с.755)
- ³⁴⁵ Там же... с.12-13.
См. также: Гессен «Жизнь пленных ...».
- ³⁴⁶ А.В.Амфитеатров. «Курганы», СПб, 1905, с.156.
- ³⁴⁷ Газета «Новый восход», Пг., №1, 1915, стлб.36.
- ³⁴⁸ «К биографии М.И.Гузикова». – «Пережитое», №3, СПб, 1911,с.397-398, публикация С.М. Станиславского.
- ³⁴⁹ «Очерки истории философской и социологической мысли в Белоруссии до 1917 г.», Минск, 1973, с. 208.
- ³⁵⁰ Литературном наследстве. т.74, с.695.
- ³⁵¹ А.А.Зимин «Слово о полку Игореве», Спб, 2006, с.430.
- ³⁵² С.М. Середонин. «Историческая география», Пг, 1916, с.100.
- ³⁵³ В.О.Ключевский, «Курс Русской истории», т.IV, М., 1989, с.66.
- ³⁵⁴ А.В.Суворов. «Письма», М., 1986, Примечания на с.582.
- ³⁵⁵ Б.М.Филиппов. «Записки «домового», М., 1978, с.425-434, 487-490)
- ³⁵⁶ Р. Нилланс. «Генералы Великой войны. Западный фронт. 1914-1918», М., 2005, с. 839.
- ³⁵⁷ Публикация Марины Малевинской. г. С.-Петербург, «Источник», №1, 1998 г.
- ³⁵⁸ Роберт Юнг. «Ярче тысячи солнц».
- ³⁵⁹ Д. Эйзенхауэр. «Крестовый поход в Европу».
- ³⁶⁰ С. Соловьев. «История России с древнейших времен», Т.II, М., 1960, с.159. Лев Гумилев «Люди и природа Великой степи. Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников» – «Вопросы истории», 1987, №11, с.68.
- ³⁶¹ Старая еврейская энциклопедия. Т.14, стлб.241.
- ³⁶² Ф. Тютчев Сочинения в двух томах», М.,1980, т.2, с.93.
- ³⁶³ «Пантеон знаменитостей Еврейского происхождения с последней половины XVIII [века] до второй половины настоящего столетия. Перевели и обработали по источникам Ал. Волкович и М. Дорнер, Киев, в типографии И. А. Давиденко, 1862, с.180-181.
- ³⁶⁴ «Русский Еврей», 1884, № 39, стлб.5.
- ³⁶⁵ «Русская старина», 1903, июнь, с.136)
- ³⁶⁶ «История русского законодательства о евреях». СПб, 1886, т.1, 1649-1825, с.175)
- ³⁶⁷ А.Солженицын. Собрание сочинений, Франкфурт-на-Майне,1971, т.5, 234-235.
- ³⁶⁸ «Звенья» М., 1991, с.426-429.

Библиография Савелия Дудакова

1. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989, 117 с.
Серия «Евреи в мировой культуре».
2. История одного мифа.
Очерки русской литературы XIX-XX вв. – М., Наука, 1993, 282 с.
3. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2000, 640 с.
4. Этюды любви и ненависти.
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2003, 542 с.
5. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2007, 164 с.
6. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2008, 164 с. 2-е изд.
7. Каисса и Вотан. Иерусалим-Москва, 2009, 420 с.
8. Петр Шафиров и другие. Иерусалим-Москва, 2011, 432 с.
9. КНИГА ВЕРЫ И безНАДЕЖНОСТИ, Иерусалим-Москва, 2012, 408 с.

В 2004 году был выпущен Festschrift Dr. Saveliy Dudakov
The Hebrew University of Jerusalem
Center for Slavic languages and Literatures
Edited by W. Moskovich and S. Schwazband
Посвящён 65-летию автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Дневниковые записи	3
Вместо послесловия	395
Примечания	396
Библиография С. Дудакова	406

Савелий Дудаков

**КНИГА ВЕРЫ
И безНАДЕЖНОСТИ**

ISBN 978-5-905016-19-6

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 70x100/32.

11 усл. печ. л. Сдано в набор 5.01.2012.

Подписано в печать 13.01.2012

Свидетельство о государственной регистрации

№ 304770000035725 от 13. 02. 2004,

г. Москва, ул. Бахрушина 28.

В ряде случаев сохранена авторская редакция

Отпечатано в типографии «Теза», г. Шуя ул. Касаткиной д.3

Заказ № 383.

Тираж 500 экз.